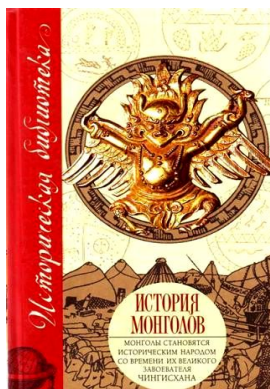

ИСТОРИЯ МОНГОЛОВ

Никита Бичурин, Джiovанни дель Плано Карпини

От издателя

История Монгольской империи представляет собой отдельную эпоху всемирной истории. «Безумные орды монголов», по выражению русского писателя В. Г. Яна, взяли словно неизвестно откуда, смерчем пронесли по Китаю и Евразии, дошли до Будапешта – и внезапно повернули обратно, чтобы некоторое время спустя вновь кануть в безвестность. Но сохранились имена – прежде всего имена великих ханов: Чингисхана, Угэдэя, Куюка, Мункэ, Джучи, Хубилая, Бату, Кипчака, Тохтамыша, Мамай...

Особый интерес в этом ряду вызывает фигура Чингисхана – полулегендарного вождя монголов, положившего начало волне монгольских завоеваний. Многие подробности жизни Чингисхана реконструируются лишь на основании косвенных данных и намеков в хрониках той поры; достоверно о нем известно крайне мало [1 - К примеру, как писал Л. Н. Гумилев, «в истории возвышения Чингисхана сомнительно все, начиная с даты его рождения»]. Немногим больше достоверных сведений сохранилось и о прямых потомках Чингиса; лишь с вторжением монголов на Русь и дальнейшим их продвижением на запад рассказы о монгольских военачальниках, об обычаях и нравах монголов в хрониках и летописях перестают напоминать древнегреческие представления о «баснословной Индии» и народах, ее населяющих.

Сочинение знаменитого русского китаиста Н. Я. Бичурин (о. Иакинфа) посвящено истории первых четырех ханов дома Чингиса. Как подчеркивал сам Бичурин в предисловии к своей работе, «четыре первых хана, имея пребывание в Хорини, царствовали над монголами совокупно с покоренными землями, на престол возводимы были по монгольским установлениям, общим выбором князей и вельмож, и считались ханами монгольскими. Хубилай, вступивший на китайский престол без выбора и без согласия прочих князей, вместо наименования Татань принял своему дому название Юань и через то как бы отделил себя от общего состава Монгольской империи». В своем изложении истории монголов Бичурин опирался на китайские источники – «Историю рода Чингиса» и «Всеобщую историю»; эти источники, как ни удивительно, до сих пор не переведены на русский язык – при том, что исследование Бичурин датируется серединой XIX столетия! Хочется надеяться, что современная публикация «Истории первых четырех ханов» восполнит этот пробел [2 - Следует отметить, что на труды Н. Я. Бичурин исследователи постоянно ссылаются, но сами эти сочинения долгое время не переиздавались. Лишь в 2002 г. было опубликовано репринтное издание работы «Китай в гражданском и нравственном состоянии», а наша публикация «Истории первых четырех ханов» является первой на русском языке после единственного прижизненного издания.]

При подготовке издания редакция столкнулась с определенными трудностями, в первую очередь связанными с вариантами транскрибирования монгольских имен. Как справедливо отмечал выдающийся отечественный ориенталист В. В. Бартольд в предисловии к книге С. Лэн-Пула «Мусульманские династии», «транскрипция, одинаково точно передающая восточное правописание и произношение, немыслима, так как одни и те же буквы азбуки, принятой всеми восточными народами, у различных народов произносятся различно». Именно поэтому монгольские имена, упоминаемые на страницах этой книги, невозможно свести к единому написанию; мы приложили известные усилия к

тому, чтобы унифицировать транскрипцию имен в пределах конкретных текстов.

В приложении к сочинению Н. Я. Бичурина приводятся отрывки из самых, пожалуй, известных европейских сочинений, посвященных монголам: это «Книга Марко Поло», «История монголов» Джованни дель Плано Карпини и «Путешествие в Восточные страны» Гильома де Рубрука. Эти сочинения в значительной мере сформировали европейские представления о монголах в частности и Азии в целом; более того, они по сей день остаются ценнейшими свидетельствами об истории взаимоотношений Запада и Востока.

Н. Бичурин (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова

Предисловие

Издавая историю первых четырех ханов из дома Чингисова, почитаю нужным поместить здесь некоторые пояснения, без которых она по новости своих предметов и по образу ее составления может показаться для читателя не совсем вразумительной.

История эта не есть перевод какой-либо особой книги, но извлечена из двух китайских сочинений, именно, из собственной истории Чингисова дома, царствовавшего в Китае под названием Юань, и из Китайской всеобщей истории, называемой «Тхун-цзянь-ган-му» [3 - Сокращенно называется Ган-му. (Все имена собственные сохранены в авторской транскрипции. – Ред.)]. Первая из них служит основанием издаваемой мною книги, а из второй заимствованы некоторые подробности, относящиеся к пояснению того, что сказано уже в первой.

История династии Юань, будучи по качеству своему не чем иным, как биографией государей, содержит нагие происшествия, без соприкосновенных к ним обстоятельств. Ган-му, напротив, поясняет свои тексты кратким описанием, входя несколько в подробности событий. Это и побудило меня, для пояснения первой, сделать соответственное каждому году извлечение из последней.

Китайцы ввели в свою историю особливые выражения, от которых самый слог из исторического переходит некоторым образом в дипломатический. Например, история династии Юань, писанная от имени самого дома, называет ханов императорами, смерть их – преставлением, но Ган-му, писанная от лица китайской нации, ни об одном иностранном государе не говорит помянутых слов. Это обстоятельство является главной причиной той неровности, которая видна в китайском историческом слоге при точном переложении на другие языки.

Китайское письмо состоит не из букв, выражающих тоны голоса, но из символических знаков, образующих понятия о вещах, по этой причине язык их сам по себе недостаточен к удержанию правильного выговора в тоническом переложении собственных иностранных имен. Кроме того, национальная гордость и презрение китайцев к иностранцам внушили им способ – тонический выговор иностранных собственных имен, входящих в историю, изображать более знаками, имеющими смысл какой-либо язвительной насмешки. От этого многие таковые слова переложены слишком далеко от подлинного выговора, несмотря на то что в иероглифических тонах находятся выговоры созвучные и даже одинаковые со звуками иностранных собственных имен.

Царствующий ныне в Китае дом Цин нашел этот прием сколько недостойным великой нации, столько же вредным для истории, почему издал исторический словарь, под названием «Гинь-ляо-юань сань-шы юй-цзе», т. е. изъяснение слов в трех историях династий Гинь, Ляо и Юань. В сем словаре все иностранные собственные имена исправлены и снова переложены на китайский язык иероглифами, ближайшими к подлинному их выговору.

Почти все исторические труды подвержены тому недостатку, что историки, приспособляясь к свойству своего языка, или переименовывали произношение географических имен, или употребляли названия, принятые в их отечестве, но вовсе отличные от подлинных; и не делали на это замечаний [4 - Что и ныне в обыкновении потому, что в настоящее время все кажется нам известным и не требует объяснений. Например, китаец по-маньчжурски называется никан, по-монгольски китат, по-тибетски

гянак, по-французски шинца, по-немецки хинезер. Все эти слова самим китайцам неизвестны. Прочие народы, без сомнения, также различно называют их. Но кто может ручаться, чтоб по прошествии многих столетий не потерялось значение некоторых из помянутых названий? Тогда начнутся новые этимологические исследования и новые споры. (Здесь и далее примечания автора. – Ред.)]. Сверх этого, самое положение древних мест многими историками не ясно было означено или с изменением некоторых мест, и древние их названия изменились.

В повествованиях о Чингисхане и его преемниках нередко встречается сбивчивость в происшествиях и несходство в обстоятельствах, чему причиною то, что современные историки предварительно не подали понятия о тогдашнем географическом положении и политическом состоянии юго-восточных владений Азии. Надобно знать, что в то время, когда в Северной Монголии начал усиливаться Чингисхан, Китай разделялся на три царства, Гинь, Сун и Ся, которые получили названия от владычествовавших у них тогда домов.

Дом Гинь был из племени нынешних маньчжуров, которые в то время назывались Нючжи и Нючжень. Основатель рода князь Агуда объявил себя императором в 1115 г., чем положил конец дому Киданьскому (иначе Ляо), царствовавшему в Монголии. Преемник его покорил почти всю Монголию и Северный Китай до рек Хуай и Ханьцзян. Этот дом имел пять столиц. Первая называлась Восточной (по-китайски Дун-цзин), и была городом Ляо-ян, лежащий под 130° долготы и 41° северной широты; вторая называлась Западной (по-китайски Си-цзин), и была городом Дашхун-фу в провинции Шаньси; третья считалась Средней (по-китайски Чжун-син), и была нынешним Пекином; четвертая называлась Южной (по-китайски Нан-цзин), и была городом Кайфын-фу [5 - В примечаниях на историю Абулгазиеву вместо этого города описан город Цзяннин-фу, который сделан Южной столицей (Нанкином) уже в XV веке.]; пятая называлась Северной (по-китайски Бэй-цзин [6 - По южному выговору Бэ-гин, а отсюда произошло слово Пекин.]), и была городом Дадин-фу, который лежал в Карциньском аймаке. Монголы положили конец сему царству в 1234 г.

Дом Сун царствовал с 960 года над всем Китаем, кроме северной половины провинции Шаньси, уступленной Киданьскому дому. Нючженьцы, по ниспровержении Киданьского дома, отняли у дома Сун весь Северный Китай до рек Хуай и Хань-цзян. Монголы, по ниспровержении нючженьцев, перенесли орудие в Южный Китай и, овладев им, положили конец дому Сун в 1279 г. Столица дома Сун прежде находилась в Кайфын-фу, а потом в Ханчжоу, ныне главном городе в провинции Чжэцзян.

Царство Ся, иначе Ся Го и Си Ся, было так называемо по-китайски, а у народов Северо-Западной Азии известно под названием Тангута. Оно находилось не в Тибете, как некоторые полагают, а на северо-западных пределах Китая. В древности тангуты обитали около Хухунора. В начале IV в., когда страну покорили восточные монголы, основавшие здесь королевство Тоган, побежденные тангуты удалились на южный берег Желтой реки (Хатунь-гола), за хребет Аме-малцзинь-мусунь-ола, и жили здесь под китайским названием Дансян до половины VII в. В это время усилившийся Тибет начал теснить дансянов, почему они просили китайский двор перевести их во внутренние области Китая, и в 650-х гг. поселены были частью на северных пределах провинции Шэньси, частью в Ордосе. Здесь они спокойно жили более 500 лет. Наконец, князья их поссорились между собою, и китайский двор потребовал их к себе в 914 г. Один из сих князей, Тоба-цзи-цзянь, успел убежать в Ордос и десять лет сражался с китайскими генералами при переменном счастье. Наконец, в 990 г. Киданьский дом признал его королем в Ся и через то положил начало королевству. При третьем короле, своем Тобе-юаньхао, оно заключало в своих пределах северную половину двух китайских провинций Шэньси и Ганьсу, Ордос, часть Хухунора и степи, лежащие от Ордоса к западу до Хами. Столиц было две, одна город Лин-чжоу, другая город Синчжоу, что ныне Нинся-фу. Царствовавший в Тангуте дом имел два прозвания: монгольское Тоба и китайское Ли. Чингисхан положил конец тому королевству в 1227 году.

Нынешняя Халха до времен чингисхановых называлась Татань, словом маньчжурским, означающим шалаш, становище. Она разделялась на множество аймаков и состояла под зависимостью Нючжиского дома. Сильнейшие из татаньских аймаков были Монгол, Кэрэ, Тайчут и Татар. Монгол занимал нынешние земли Тушету-ханова аймака, Кэрэ – земли Саинь-ноинева аймака, Тайчут – земли Чжасакту-ханова аймака, Татар – земли Цицин-ханова аймака с небольшою разностью тогдашних пределов от нынешних.

Абулгази-ханова история народов турецкого племени, неправильно названная родословной татар, по большей части содержит историю разных отраслей дома Чингисова. Описанные сим ханом события относительно первых четырех ханов монгольских хотя имеют историческое основание, но вообще изложены не со всею полнотою и ясностью. Самый перевод, судя по способам, употребленным к составлению его, не мог быть точен. Французский переводчик сильно потемнил и запутал труд нелепыми своими примечаниями. В связи с этим я присовокупил на Абулгазиеву историю ссылки, по которым любопытные сами могут поверять описываемые в ней происшествия.

Наконец, может быть, некоторые пожелают знать, для чего историю первых четырех ханов из дома Чингисова окончил я открытием войны с Южным Китаем и таким образом оставил ее как бы неоконченной? Четыре первых хана, имея пребывание в Хорини, царствовали над монголами совокупно с покоренными землями, на престол возводимы были по монгольским установлениям, общим выбором князей и вельмож, и считались ханами монгольскими. Хубилай, вступивший на китайский престол без выбора и без согласия прочих князей, вместо наименования Татань принял своему дому название Юань и через то как бы отделил себя от общего состава Монгольской империи. С этого времени отдаленные ханы на западе один за другим объявили себя независимыми. Хубилай, наконец, остался только повелителем Китая и Монголии, которая вначале даже имела войну с ним за похищение престола. Война, начавшаяся с Южным Китаем, входит сюда только по хронологической связи.

Часть I. Тхай-Цзу Чингисхан

Тхай-цзу Шен-ву-хуан-ди [7 - Тхай-цзу суть китайские слова, в переводе – прародитель; Шен-ву-цун-ди – китайские же слова; значат – премудрый и воинственный император. По китайским обрядам, Тхай-цзу есть наименование, данное ему в храме предков, т. е. по роду; Шенву есть имя, данное ему по смерти. В сем переводе китайские слова все оставлены несклоняемыми, потому что они ни в разговорах, ни в письме не имеют никаких изменений.], по имени Темуджин, по прозванию Кият, родом был из колена монголов. Предок его в десятом колене назывался Бодонь-чар. Арунь-гова, мать Бодонь-чара, была выдана за Тобунь-мэргыня, родила двух сыновей, из которых старший назывался Бугу-хашаги, а младший – Богдо-салцзиху. Тобунь-мэргынь умер вскоре после рождения их. Арунь-гова, будучи вдовой, однажды ночью видела во сне, будто через верхнее отверстие юрты вошло к ней белое сияние и превратилось в златообразного, необыкновенного человека, который и лег на постель к ней. Арунь-гова от ужаса пробудилась, и после этого зачала и родила Бодонь-чара [8 - В истории Абулгази-хана Тобунь-мэргынь назван Деюнбаки; Бугу-хашаги назван Бокум-катагун; Богдо-салцзиху назван Бочкин-чалчи; Бодонь-чар назван Бундечжир-могоч]. Он имел не обыкновенный вид, был важен, скромн и говорил мало. Домашние называли его дурачком; но Арунь-гова в беседах с людьми говаривала, что этот сын не дурачок, а будет основателем знаменитого колена. По смерти Арунь-говы старшие братья разделили между собою наследственное имение, из которого Бодонь-чару ничего не досталось. Бедность и смирение, сказал он самому себе, богатство и знатность зависят от судьбы; много ли поможет имущество? И так, оседлав белую лошадь, уехал в урочище Барту-ола и там остался жить. Он терпел крайнюю нужду в пропитании. К счастью его, однажды сокол схватил пред его глазами зверька и начал терзать. Бодонь-чар, поймав этого сокола силками, скоро приучил его бить зайцев и птиц и стал питаться дичиною. Одна заканчивалась, как излавливал другую, как будто само небо пеклось о нем. По прошествии нескольких месяцев прикочевали к нему несколько десятков кибиток из степи Тэнгэрихураской. Бодонь-чар поставил шалаш и остался жить с ними. Они стали помогать друг другу, и Бодонь-чар уже нисколько не терпел нужды в содержании себя. Однажды средний брат, вспомнив о нем, сказал: «Бодонь-чар отъехал один и без имущества; думаю, что он терпит и холод и голод». Он тотчас поехал разведать о нем и, нашедши его, взял с собой. На возвратном пути Бодонь-чар сказал брату, что жители тэнгэрихураские ни к какому колону не принадлежат и если поскорее прийти сюда с войском, то можно покорить их. Брат поверил ему и, по возвращении в дом, набрав дюжих солдат, препоручил Бодонь-чару, который и покорил их. По смерти

Бодонь-чара наследовал сын его Багаритайхабици, который родил Маха-доданя [9 - Багаритай-хабици у Абулгази назван Тоха; Маха-додань назван Дутумин; колено Ялайр названо Чжалагир.]. Махадоданева жена, Моналунь, родила ему семь сыновей и овдовела. Моналунь имела характер твердый и вспыльчивый. Однажды ребятишки из колена Ялайр [10 - Колено есть побочная линия из владетельного дома, получившая во владение участок земли купно с народом. У нас таковые отделы в древности назывались уделами. У монголов нередко прозвание владетельного дома купно служит названием всему его владению; равным образом нередко под названием колена разумеется и самый владетель. Например, Ялайр и колено, Ялайр и владетель этого колена; между тем он имел и свое собственное имя, которое здесь не показано. Подобные случаи ниже часто будут встречаться.] выкапывали коренья для пищи [11 - Выкапывание кореньев в степи вредно для табунов, ибо лошади, бегая вместе, ломают себе ноги, когда оступаются в ямы; почему и ныне из-за выкапывания кореньев случаются убийственные драки у монголов с китайцами.]. Моналунь, едуци в телеге, увидала их и, рассердившись, закричала: «Сии земли – пастбища моих сыновей, как смеете вы портить их?» Она поскакала в телеге на мальчишек и некоторых изувечила, а других передавила до смерти. Ялайрцы с досады угнали весь табун Моналуни. Сыновья ее, услышав о сем, не успели надеть лат и поскакали в погоню. Моналунь, чувствуя беспокойство, сказала: «Дети мои без лат поехали; едва ли одолеют неприятелей». Она тотчас велела снохам взять латы и скакать вслед, но они не могли догнать их. Сыновья ее в самом деле были побеждены и все убиты. Ялайрцы, пользуясь победой, убили Моналунь и истребили весь дом ее. Спасся только один старший внук Хайду [12 - Хайду у Абулгази назван Кайду.], с которым кормилица его спряталась в куче дров. Нацинь, седьмой сын Моналуни, задолго до этого времени принят был в зятя одним жителем из урочища Бараху, по этой причине он уцелел. Услышав о несчастье, постигшем его дом, пошел навеститься и нашел только несколько десятков больных старух, между которыми находился выживший Хайду. Он не знал, что делать. К счастью его, при угоне табуна братняя рыжая лошадь, вырвавшись, с укрюком на шее, прибежала домой. Итак, Нацинь, сев на нее, притворился пастухом и выехал на ялайрскую дорогу, где встретились ему отец с сыном (ялайрские князьки), которые, держа соколов на руке, не в дальнем друг от друга расстоянии ехали верхом на охоту. Нацинь, узнав соколов, сказал: «Эти соколы у моих братьев взяты». Он тотчас подъехал к младшему и обманом спросил у него: «Один гнедой жеребец увел табун на восток; не видал ли ты его?» – «Нет, – отвечал младший. – А в тех местах, которыми ты ехал, нет ли диких уток и гусей?» – «Довольно», – отвечал Нацинь. «Не можешь ли проводить меня туда?» – спросил охотник. «Можно», – отвечал Нацинь и поехал вместе с ним. При обходе речной излучины приметив, что задний охотник далеко отстал, он заколол ехавшего с ним и, привязав лошадь с соколом, поехал к заднему конному и спросил его, с прежним же обманом. Этот, напротив, спросил его: «Передний охотник есть сын мой; почему он так долго не встает с земли?» Нацинь отвечал, что у него кровь пошла из носу. Конный начал сердиться, а Нацинь, пользуясь сими минутами, заколол его и поехал далее. Подъехав к одной горе, увидел здесь несколько сот лошадей и при них несколько ребятишек, которые играли, метая камешки. Нацинь долго всматривался и наконец приметил, что сии лошади принадлежали братьям его. Он употребил тот же обман и пред ребятишками. После этого, поднявшись на гору, посмотрел во все стороны, и как не видно было ни единого человека в окрестности, то убил всех мальчиков и, посадив соколов на руку, погнал лошадей домой. Здесь, взяв Хайду и больных старух, возвратился в Бараху. Как скоро Хайду подрос, то Нацинь с жителями урочищ Бараху и Цигэ объявил его владетелем. Хайду, вступив в правление, пошел с войском и на колено Ялайр и покорил его. Мало-помалу он усилился; поставил ставки свои в Бараху при Черной речке [13 - На монгольском языке Хара-гол.], а для свободной переправы во всякое время навел через нее мост. После этого начали приходиться к нему жители из разных колен. По смерти Хайду вступил во владение сын его Бай-шенхур; после Бай-шенхура, наследовал сын его Думбагай. По смерти Думбагай вступил во владение сын его Хабул-хан [14 - Бай-шенхур у Абулгази назван Басси-кир, Думбагай назван Тумене; Хабул-хан назван Кабулк-ханом, Бардам назван Бартан-ханом.]. По смерти Хабул-хана преемствовал сын его Бардам. По смерти Бардама вступил во владение сын его Есугей [15 - Есугей у Абулгази назван Иессуги-баядур.], который наипаче усилился через покорение других колен. Есугей по кончине своей, в 3-е лето правления Чжи-юань (1266), наименован Ле-цзу Шень-юань-хуан-ди. Он, воюя с коленом Татар,

положил самого владетеля по имени Темуджин. В это время ханьша его Улын родила Чингисхана [16 - Отселе и далее везде, где только встречается имя Чингисхан, на китайском языке употреблено в истории слово «ди», что значит император, а в Ган-му в текстах – слово «монгу», т. е. монгол; в объяснениях же – монгольский государь.], который держал в руке кусок крови, ссохшейся наподобие красного камешка. Есугей изумился и по этой причине назвал его именем пленника – Темуджин, в память своих военных подвигов. Родственники Есугеевы из колена Тайчут прежде жили в дружбе с ним, но после, за определение Тарбагтая к управлению делами, начали злобиться на него и прервали связь с ним. По кончине Есугея Чингисхан остался малолетен, и многие из его колен перешли в подданство к Тайчуту [17 - Темуджин у Абулгази назван Тамучин, Тайчут назван Тайчеут.]. Один из родственников по имени Тодо-хурча также вознамерился отложиться. Чингисхан со слезами удерживал его, но Тодо-хурча сказал на это: «Глубокое озеро уже пересохло; крепкие камни уже раздробились, для чего же еще удерживаешь меня?» И так отъехал и он с своим народом. Ханьша Улын прогневалась, что он обессиливал ее, почему, собрав войска, сама погналась за отложившимися и, захватив большую половину их, возвратилась. В это время один из подданных Чингисхана по имени Чохи жил при Сали-гол. Тотай-хир из колена Чжамхак, кочевавший при Иругыле, вздумал напасть на него и силой отбил лошадей, пасущихся при Сали-гол. Чохи, собрав своих людей, скрылся в табуне и застрелил Тотай-хира. Чжамхак начал враждовать и, соединившись с Тайчутовым коленом, пришел с 30 тысячами войска дать сражение. Чингисхан кочевал тогда в степи Дурбэнь-чжосу. Получив известие о таком перевороте, он собрал войска из всех своих колен и, разделив на тринадцать частей, ожидал неприятеля. Чжамхак вскоре показался, и Чингисхан, вступив в главное сражение, обратил его в бегство. В это время из всех колен Тайчутовы владения считались наиболее обширными, народ многочисленным, и дом его почитался наисильнейшим в их роде. Колено Чжориат [18 - Чжориат у Абулгази назван Чжойгерет.] кочевало неподалеку от Чингисхана. Некогда Чингисхан, выехав на охоту, встретился с Чжориатом. Конные охотники познакомились между собой. Чингисхан сказал ему: «Нельзя ли вместе переночевать?» – «Мне очень хотелось бы этого, – отвечал Чжориат. – Но для четырехсот охотников недостаточно съестных запасов, и половина людей уже отправлена домой. Что же делать теперь?» Чингисхан настоятельно просил его переночевать и всех оставшихся и напоил и накормил. На другой день вторично составили облаву. Чингисхан приказал своим людям гнать зверя со всех сторон прямо на Чжориата, и тот поехал домой с богатой добычей. Охотники его, тронутые таким гостеприимством, говорили между собою: «Тайчут хотя в родстве с нами, но часто отбивает у нас телеги с лошадьми и отнимает съестные запасы, он не имеет качеств, свойственных владетелю. Темуджин, напротив, подлинно обладает качествами, свойственными владетелю». В это время чжориатский старейшина Юл терпел великие притеснения от Тайчуга, почему с Тахай-далу и своим коленом поддался Чингисхану, и, чтобы выслужиться перед ним, вызвались они убить Тайчуга. Чингисхан сказал им: «Я спал крепким сном; к счастью, вы пробудили меня. Отселе впредь пойду по следам других людей и обязанностью поставлю все отнятое у него отдать вам». Но помянутые два человека не могли исполнить обещанного и опять отложились. Тахай-далу был в дороге убит людьми из Тайчутова колена, и с ним погибло колено чжориатов. В это время слава подвигов и добродетелей Чингисхановых день ото дня возрастала, между тем, как колено Тайчут страдало от несправедливости своего владетеля. Оно восхищалось, видя, что Чингисхан был милостив, человеколюбив и временами дарил своих людей шубами и лошадьми. Посему Цилагунь, Чжэбэ, Сирэгэ, колена Эбгын, Долонгис, Чжалар и Манго по одной приверженности к справедливости [19 - По определению китайцев, справедливость состоит в воздаянии каждому должного и означает более усердие и приверженность к государю.] покорились Чингисхану. Чингисхан позвал к себе родственников Сочень-дайчеу и Сэчень-боция с домашними, и они приехали к Онони с кумысом. Пред Сэчень-боциевой матерью Холичей со всеми ее родственниками Чингисхан велел поставить один тузлук с кобыльим кумысом, а пред мачехой его (т. е. Сэчень-боциевой) Ибогыл – пред одною тузлук. Холича рассердилась и сказала: «Ныне он не почитает меня, а уважает Ибогыл». Сэчень-боци подумал, что распорядителем Чингисханова пиршества был Сихир, почему и высек его розгами. От этого обстоятельства началась вражда. Чингисханов младший брат Бельгутей заведовал при нем хоринь-суруками; Буринь заведовал Сэчень-боциевыми хоринь-суруками. Буриневы люди украли лошадей, а Бельгутей поймал их. Буринь в гневе

поранил Бельгутея, изувечил бывших с ним людей и хотел драться, но Бельгутей, удерживая его, сказал: «Ужели вы намереваетесь мстить? Я хотя ранен, но не опасно, несколько повремените». Но никто не слушал; схватив кумыс, затеяли драку, силой взяли двух помянутых хатуней (княгинь) и увезли с собою. Но Сэчень-боци прислал нарочного с предложением о примирении и велел двум княгиням возвратиться. В это время Могуцзинь-сориту, глава колена Татар, нарушил договор с Нючженьским [20 - Нючженьский, иначе Нючжиский.] царством. Нючженьский государь (Мадагэ) отправил министра Ваньяня-сян с войском; и Могуцзинь-сориту, преследуемый им, бежал на север. Чингисхан, получив известие о том, собрал ближайшие войска и с Онони пошел навстречу ему, а между тем известил Сэчень-боция, чтобы и он присоединился к нему с людьми своего колена. Минуло шесть дней, а Сэчень-боци еще не приходил. Чингисхан один вступил в сражение, убил Могуцзинь-сориту и получил в добычу весь его обоз. Некоторые из подчиненных Чингисхановых были ограблены людьми из колена Наймань. Чингисхан, желая усмирить Наймань оружием, отправил шестьдесят человек требовать у Сэченьбоция войск. Сэчень-боци по прежней вражде убил из них десять человек, а остальных, сняв с них платье, обратно отпустил. Чингисхан с гневом на это сказал: «Сэчень-боци еще прежде розгами высек моего Сихира, ранил моего Бельгутея, а ныне, пользуясь нашествием неприятеля, осмелился и меня оскорблять». И так перешел с войсками через песчаную степь и полонил его колена; спасся только Сэчень-дайчеу со своим семейством. Спустя несколько месяцев Чингисхан вторично пошел с оружием на Сэчень-дайчеу, догнал его у тесного прохода в Тулету и истребил. Чжаси-гамбу из колена Хэрэ поддался Чингисхану. Этот Чжаси-гамбу был меньшей брат Ван-хану, главе колена Хэрэ. Подлинное Ван-ханово имя Толи; но как он пожалован был от нючженей королем (по-китайски Ван), по этой причине и назывался Ван-хан. Когда Ван-ханов отец Хурча-хош-билу умер, то Ван-хан, наследовав по нем правление, убил многих из своих родственников. Ванханов дядя Чжур [21 - Колена Хэрэ, иначе Кэрэ, у Абулгази названо Караито, Ванхан назван Аунек-хан, Чжур назван Кавер, Эркэ-хара назван Якакаре.], собрав войска, вступил с ним в сражение, загнал его в ущелье Халагунь и разбил. Ван-хан спасся только с сотней конных и прибежал к Есугею, который, лично выступив с войском против Чжура, прогнал его в Си Ся [22 - Тангут.] обратно, отнял у него колена и возвратил Ван-хану. Ван-хан, тронутый таковым благодеянием, заключил клятву с ним и назвал его своим Аньдою. По смерти Есугея Ван-ханов младший брат Эркэ-хара, негодуя на кровожадность Ван-ханову, опять отложился и поддался колону Наймань. Найманьский глава Инакци послал войска на Ван-хана, отнял у него все колена и отдал Эркэ-харе. Ван-хан ушел (к хойхорцам) в Хэ-Си и вместе с владетелями хойхорским и магометанским [23 - На китайском хой-хой. Сим словом китайцы называют вообще всех магометан, но здесь разумеется какое-нибудь владение в Восточном Туркестане.] бежал в Кидань, но вскоре, отложившись от киданей, обратно ушел. В дороге вышел у него весь съестной запас; для утоления жажды доили овец; питались кровью, выпускаемою из верблюдов. Таким образом, был он в крайнем бедствии. Как Ванхан был в дружбе с Есугеем, то Чингисхан прислал приближенного человека пригласить его к себе; сам вышел навстречу ему, обласкал, поместил его в главном стойбище и снабдил съестными припасами. После этого сделал пир на берегу Туры и признал Ван-хана своим отцом. В непродолжительном времени он пошел войной на колена Моркис, вступил в сражение с его главою Тохто при Манача-оле, отнял у него имущество и земли и отдал Ванхану, который, видя, что число народа его несколько умножилось, начал кочевать при Ман-хэ. Ван-хан, как скоро увидел, что он в состоянии действовать сам собою, то, не относясь к Чингисхану, один пошел войною на колена Моркис. Тохто, глава этого колена, не мог устоять и бежал в ущелье Боро-хуча. Ван-хан забрал здесь множество имущества и по возвращении ничего не уделил Чингисхану, но тот не счел случившееся за презрение. В это время найманьский владетель Боро-хан начал выказывать неприязненные намерения, и Чингисхан с Ван-ханом, снова выступив в поход, пришел в Кэшик-бакши. Здесь встретился с передовым Боро-хановым предводителем Отту-боро, который с сотнею конных хотя начал сражение, но, видя слабость своих сил, побежал в горы; под ним свернулось седло, и он был взят в плен. Вскоро после этого Чингисхан еще встретился с храбрыми найманьскими генералами Дису и Шибаром; но, как солнце было на закат, то каждый возвратился в свой окоп, условившись [24 - В это время в Монголии еще существовало древнейшее обыкновение Китая – начинать сражение по предварительному условию с обеих воюющих сторон.] вступить в сражение в следующий день. В эту

ночь Ван-хан зажег в своем лагере множество огней, чтобы отдалить подозрение, а между тем войско свое скрытно перевел в другое место. Уже на рассвете Чингисхан узнал об этом, почему начал очень подозревать этого союзника в противных намерениях и отступил к Сали-голу. Вскоре и Ван-хан возвратился к Туре, где надеялись соединиться с ним сын его Илха и Чжаси-гамбу. Цису, узнав о сем, воспользовался их распλοхом, ибо, нечаянно напав в дороге, захватил людей их. Илха побежал известить Ванхана, а этот послал его с Бургутом догонять Цису; между тем отправил к Чингисхану нарочного сказать, что наймани, вопреки народным правам, отбили у него людей, и просил, чтобы Чингисхан отпустил к нему четырех славных своих генералов для отмщения за обиду. Чингисхан, забыв прежние неудовольствия, послал Баорцзи, Мухури, Борохана и Цилагуня с войсками. Илха еще до прибытия сих войск, догнав Цису, вступил с ним в сражение и совершенно разбит был. Бургут застрелен; под Илхою лошадь споткнулась, и он едва не попался в плен. Но четыре генерала вскоре за сим явились на поле сражения и, ударив на найманей, обратили их в бегство, отняли у них всю добычу и возвратили Ван-хану. Вскоре после этого они вместе с младшим Чингисхановым братом Хачжаром [25 - В подлиннике это имя писано: Хасар.] вторично пошли на найманей, вступили в дело у Хороньжасэ и одержали совершенную победу, почти всех оставив на месте сражения. Победители, собрав трупы офицеров убитых и родственников своих, приняли позор. С этого времени Наймань начал ослабевать, но Тайчут еще был силен. Чингисхан, соединившись с Ван-ханом при Сали-голе, вступил с Ханху, главой колена Тайчут, в главное сражение при Онони и обратил его в бегство; убитых и в плен взятых было великое множество. Колена Хатагин, Салчжут, Дурбэт и Хунгири, услышав, что Наймань и Тайчут разбиты, сим приведены были в страх и волнение. Они собрались при Арубалаке и, заколов белую лошадь, поклялись над нею напасть на Чингисхана и Ванхана внезапно, но Дайнь, глава колена Хунхури, сомневаясь в успехе этого предприятия, тайно послал к Чингисхану человека с известием. Чингисхан и Ван-хан выступили от Хугу-нора навстречу им и, сражаясь до Байлигола, одержали и здесь совершенную победу. После этого Ван-хан, отделив свои войска, пошел к Илари-голу. Чжаси-гамбу, советуясь с Адунь-айжи и Ихэ-тором, говорил: «Мой старший брат (Ван-хан) непостоянен в делах. Как скоро он истребил всех родственников, то можем ли мы уцелеть?» Но Адунь-айжи перенес сии слова Ван-хану, который приказал Ихэ-тора с прочими взять под стражу. Когда привели их к ставке, то Ван-хан, развязав их, сказал Ихэ-тору: «Мы на возвратном пути из Си Ся терпели голод и положили клятву между собою [26 - Заключение подобных клятв у монголов, так же как и у китайцев, составляло священный обряд, торжественным образом совершаемый над каким-либо убитым животным.]. Ужели ты забыл тогдашние слова?» После этого плюнул ему в лицо; сидевшие вверху также встали и плевали на него. Сверх этого, Ван-хан часто делал Чжаси-гамбу упреки, даже постыдные. Посему Чжаси-гамбу и Ихэ-тор оба бежали в Наймань. Чингисхан стоял лагерем при Чачар-оле и готовился идти войною на колено Татар. Глава этого колена Олауньдур сам выступил дать сражение, но был совершенно разбит. В это время колено Хунгири хотело поддаться Чингисхану, но Хачжар, не зная о том, напал на это колено и ограбил, почему оно поддалось Чжам-хаку и соединилось с коленами Дурбот, Икирас, Хатагинь Хорлас, Татар и Салчжут, которые при Цзянь-голе, по общему выбору, объявили Чжамхака ханом и на берегу Тула-бири (что ныне Тола) положили следующую клятву: «Кто из нас, клянущихся здесь, откроет о нашем предприятии, тот да свергнется подобно берегу, да посечется подобно лесу». По окончании этой клятвы они начали топтать ногами и отвалили берег; потом обнаженными саблями рубили деревья. Они собрали солдат для нападения на Тахайхана. В это время женился некто Чор, служивший в войске Чингисхановом. Этот Чор, по случаю проезжая здесь, видел все происходившее у Толы и проведал о их намерениях. Он тотчас возвратился и донес Чингисхану о всем, что узнал. Чингисхан немедленно собрал войска, пошел навстречу им и, вступив в сражение в урочище Халяртай-хорога, разбил их. Чжамхак спасся бегством, а колено Хунгири покорилось Чингисхану.

В лето Жинь-суй [27 - Жинь-суй есть название 54-го года в шестидесятилетнем китайском цикле. Принятое в китайской истории летосчисление по правлениям государей необходимо подвержено частому изменению, по краткости таковых эпох, и посему название годов знаками шестидесятилетнего круга много способствует порядку китайского летосчисления.] Чингисхан послал войска к Урхусалчжа-голу, на колена Аньци-Татар и Чагань-Татар. Пред отправлением в этот поход он сказал к войску: «Если победите неприятеля, то, преследуя его, остерегайтесь бросаться на добычу до тех пор, пока совершенно не окончите военного действия». Случилось, что в самом деле одержали победу, но три его родственника, Алтань, Хуцзир и Даритай, преступили условие. Чингисхан, рассердившись на это, отнял у них всю добычу и разделил на войско. В первый раз Тохто, будучи разбит Чингисханом, бежал в ущелье Боро-хуча, но вскоре вышел оттуда и опять начал беспокоить Чингисхана, но вторично был прогнан. После этой неудачи, соединившись с коленами Наймань, Дурбот, Татар, Хатагинь и Салчжуг, снова произвел нападение. Посланные Чингисханом конные отряды по обозрению окрестностей с возвышенных мест донесли ему, что найманьское войско уже приблизилось, почему он и Ванхан перенесли свой лагерь в укрепление, а Илха расположился лагерем на высоте с северной стороны. Найманьские войска ударили на него, но не могли сбить и возвратились. Вскоре и Илха вступил в укрепление. Пред сражением Чингисхан отправил свой обоз в другое место, а сам с Ванханом остался в укреплении Алань-чжой. Главное сражение происходило в урочище Чой-дань. Найманьский владетель велел жрецу принести жертву духу вьюги и думал, при благоприятствии его, произвести нападение. Напротив, ветер поднялся навстречу ему; найманьское войско не могло сражаться и хотело возвратиться, но рытвины и ущелья наполнились снегом. Чингисхан воспользовался сим случаем – и найманьцы были совершенно разбиты. В это время Чжамхак шел на помощь найманям, но, увидев, что они разбиты, пошел обратно и на дороге произвел великие грабительства в союзных с ним коленах. Чингисхан хотел старшего своего сына Джучи [28 - У Абулгази назван Чучи (Джучи).] женить на Ван-хановой дочери Чор-бицзи, а за Ванханова сына Тосхо выдать свою дочь Гацинь-бицзи, но не могли согласиться в том, и после этого часто происходили размолвки. Чингисхан при союзе с Ван-ханом для нападения на Наймань условился, чтобы в следующий день дать сражение с Чжамхаком, и при сем случае сказал ему: «Я в отношении к тебе, как степной жаворонок (по-китайски бай-лин), а прочие – как лебеди. Степной жаворонок и в жару, и в стужу всегда на севере живет, а лебеди при наступлении стужи улетают на юг в теплые места». Тем давал он знать, что и за его мысли нельзя ручаться. Ванхан, выслушав это, предался подозрению и перекочевал со своим народом в другие места. Когда же договор о браках не состоялся, то Чжамхак, пользуясь сим несогласием, сказал Илхе: «Хотя Чингисхановы слова справедливы, но ты всегда имеешь сношения с Найманем, и тебе с отцом предстоит опасность. Если ты предпримешь войну, то я обещаюсь содействовать тебе». Илха поверил ему. В это время Даритай, Хуцзир и Алтань, отложившись (от Чингисхана), передались Илхе и также изъявляли желание помогать ему в войне против сыновей Улыниных. Илха крайне обрадовался и послал к Ван-хану нарочного с известием, Ванхан сказал на это, что Чжамхак хитер на словах и непостоянен в делах и посему не заслуживает доверия. Илха настоятельно предлагал союз, и они очень часто имели между собою сношения. Ванхан сказал ему: «Я обязан Чингисхану спасением моей жизни. У меня уже борода и волосы побелели. Оставь меня спокойно умереть. Ты беспрестанно докучаешь мне своими убеждениями. Если одобряешь происходящее, то действуй сам, а не беспокой меня». После этого Чжамхак пустил палы и выжег Чингисхановы пастбища.

1203

В лето Гуй-Хай Ван-хан с сыном, умыслив погубить Чингисхана, послал нарочного сказать ему, что он теперь соглашается на прежнее предложение о браках и просит приехать пить бухунчар. Чингисхан поверил этому и поехал в сопровождении десяти конных, но на половине пути, остановленный сомнением, послал одного с извинением, а сам возвратился домой. Ван-хан, не имев успеха в хитром умысле, решился учинить нападение войсками, но конюший его Сирикци, узнав о сем, тайно с

младшим своим братом Бадою [29 - Бада у Абулгази назван Баду, а брат его назван Сирикци.] известил Чингисхана. Тот немедленно поскакал к своим войскам, стоявшим в укреплении при Онони, отправил весь обоз в другое место и послал Чжерима с передовым отрядом, чтобы по прибытии Ван-хана можно было дать правильное сражение. Чингисхан сперва встретился с коленом Чжугынъ, потом с коленом Дунга, далее с коленом Хор-ширэмьинъ и над всеми одержал верх. После всех встретился с войсками Ванхана и разбил их. Илха [30 - Илха у Абулгази назван Сунгун.] с досады снова устремился к сражению, но, будучи ранен стрелой в щеку, едва собрал своих солдат и отступил. Колено Кирэй [31 - Кирэй у Абулгази названо Кункурат.], оставив Ван-хана, поддалось Чингисхану. Ван-хан, потеряв сражение, возвратился. Чингисхан со своими войсками также пошел в обратный путь и, расположившись лагерем при Дунгэноре, послал Алиху к Ван-хану с следующим выговором: «Государь мой! Будучи преследуем своим дядею Чжуром, ты в крайности прибегнул к нам. Мой отец, разбив Чжура в Хэ-си, взятые земли и людей той страны все отдал тебе. Вот первая великая услуга, оказанная тебе. Когда напали на тебя наймани, ты бежал на запад в места, где солнце заходит, между тем младший твой брат Чжаси-гамбу находился на пределах Нючженьского царства. Я немедленно отправил людей позвать его, но он на возвратном пути был утеснен людьми из колена Моркис. Я просил старшего моего брата Сэчень-боция и младшего брата Дайчеу, и они истребили тех людей. Вот вторая великая услуга, оказанная тебе. Когда пришел ты ко мне в крайних обстоятельствах, то я, проходя урочище Хай-дала, отнял в тамошних местах овец, лошадей, имущество и все отдал тебе и не более как в продолжение полумесяца сделал тебя из голодного сытым, из тощего тучным. Вот третья великая услуга, оказанная тебе. Ты, не известив меня, поехал грабить Морхисово колено и получил великую добычу, а по возвращении ни волоса не уделил мне, но я не роптал на это. Когда наймани напали на тебя, я же послал четырех генералов, которые вернули взятых в плен. Твоих людей возвратили тебе и опять восстановили твои владения. Вот четвертая великая услуга, оказанная тебе. Когда я воевал с пятью коленами: Дурбош, Татар, Хатагинь, Салчжут и Хунгири, то уподоблялся восточному соколу, который не упускает ни одной птицы, им усмотренной, но всегда, какую только получал добычу, делился с тобою. Вот пятая великая услуга, оказанная тебе. Это пять услуг всем известны, но ты вместо благодарности заплатил мне враждою и пошел войною на меня». Ван-хан, выслушав это, сказал Илхе: «Какие мои прежние слова? Они тебе должны быть известны». Илха сказал на это: «Теперь дела уже в таком состоянии, что невозможно оставить предпринятого; остается только всеми силами противостать. Если победим, то покорим его; если он победит, то покорит нас; что много говорить?» В это время родственники Чингисхановы, Алтань и Хуцзир, еще находились при Ван-хане, почему Чингисхан послал к ним Алиху и приказал в укоризну сказать следующее: «Прежде в нашем владении не было государя. Сэчень-боций (с братом) собственно есть потомок Балгата, двоюродного деда. Желали поставить его владетелем, но он с твердостью отказался, назначали тебя, Хуцзир, как сына дяди Нагуня, но ты с твердостью отклонил это. А как дела этого нельзя было оставить неконченным, то предложили постановить тебя, Алтань, как сына нашего деда Худулы; и ты также с твердостью отказался; почему вы и избрали меня своим государем. Ужели я предварительно сам искал этого? Против чаяния избран я общим мнением, дабы не допустить, чтобы земли, приобретенные нашими предками трех рек [32 - Чингисхановы предки кочевали между вершинами рек Онони, Толы и Кэрулена.], перешли к другим людям. Вы хотите служить Ванхану, но он непостоянного свойства. Вы видели, как он поступил со мною; кольми паче с вами; оставьте его». Алтань ни слова не сказал на это. Чингисхан вслед за посланным и сам выступил с войском и, ограбив Нилгянь, колено, отделенное от Хунгири, пришел к Баньчжур-голу. Тогда вода в реке была мутна. Чингисхан, утолив жажду ею, сделал воззвание к войску. Некто Буту, из колена Ицири, был разбит коленом Хороло, почему он, встретившись с Чингисханом, заключил с ним клятву. Хочжар, отдельно живший при Халагунь-оле, лишившись жены и детей, отнятых Ванханом, бежал с малолетним своим сыном Тоганом. Когда издержал съестные запасы, то доставал яйца из птичьих гнезд и тем питался. Он соединился с Чингисханом при вышеупомянутой реке. В это время Ван-хан был весьма силен и многолюден; Чингисхан, напротив, малосилен, и еще нельзя было предугадать, на чьей стороне останется победа. Народ был в опасности и страхе. Пьющие воду, обращаясь друг к другу, говорили: «Испей мутной воды», означая сим общее участие в опасности. Когда приблизилось Ван-ханово войско, то Чингисхан

вступил с ним в сражение, в урочище Харакцинъ-шату. Ван-хан был совершенно разбит. Вассалы его, Алшань, Хуцзир и Чжамхак, умыслили умертвить Ван-хана, но не в силах были совершить этого и бежали в Наймань, а Даритай и Баринь с униженностью покорились. Чингисхан перенес лагерь к вершине Онони, намереваясь напасть на Ван-хана, почему предварительно отправил к нему двух человек, которые бы ложно от имени Хачжара сказали ему: «Мой старший брат (Чингисхан) неизвестно где теперь находится. Моя жена с семейством живет при тебе; желательно и мне быть вместе с семейством; но не знаю, как примешь меня. Государь! Если забудешь прошедшие мои проступки и вспомнишь прежние услуги, то с покорностью возвращусь к тебе». Ванхан не заметил обмана и отправил с посланными своих людей, чтобы над тузлуком [33 - Тузлук есть мешок из лошадиной брюшины или сшитый из бараньей кожи. В таких тузлуках кочевые квасят молоко, держат воду и другие жидкости.], кровно наполненным, заключили с ним клятву. Как скоро посланные возвратились, то Чингисхан употребил их вожатыми и войскам велел с кляпцами во рту ночью спешить к Чеченьту-оле. Таким образом, напав неожиданно на Ван-хана, разбил его и покорил все колено Хэрэ; только Ван-хан и Илха спаслись бегством. Ван-хан со вздохом сказал: «Сын! Я от тебя дошел до настоящего несчастья; но теперь поздно раскаиваться». Встретившийся с ними на дороге найманьский генерал убил Ван-хана, а Илха бежал в Си Ся и там начал кормиться грабительством. Будучи прогнан тангутами, он ушел во владения Кучаские [34 - Абулгази пишет, что ушел в город Хашин (Хошан).]; но кучаский владетель, выступив с войсками, убил его. Чингисхан, по истреблении Ван-хана, сделал великую облаву при Тэмэгэ-голе, обнаружил законы и с торжеством возвратился. В это время найманьский владетель Диянь-хан с неудовольствием смотрел на Чингисхана, так что отправил нарочного к Ару-хасу, главе колена Ба-далда, сказать: «Я слышал, что некто на востоке намеревается объявить себя императором (ханом). На небе нет двух солнц, может ли народ иметь двух государей? Если ты согласишься усилить мое правое крыло, то я намерен отнять у него и лук и стрелы». Но Ару тотчас известил о сем замысле Чингисхана и вскоре засим поддался ему со всем коленом.

1204

В лето Цзя-цзы Чингисхан назначил великое собрание при Тэмэгэ-голе, для совета о предприятии войны на найманей. Все вельможи представляли, что теперь, в начале весны, лошади тощи и надобно для этого дожидаться глубокой осени. Но Чингисханов младший брат Оцигинь сказал, что всякое дело лучше решить немедленно; не для чего отговариваться худобою лошадей. Бельгутей [35 - Оцигинь и Бельгутей у Абулгази соединены в одного человека под именем Даритлай-олчинган или Даритлай-булай.] также сказал: «Наймань хочет отнять у нас лук и стрелы; это значит, что он унижает нас. Справедливость предписывает нам единодушно умереть. Он тщеславится, полагаясь на обширность своих владений; но если напасть на него врасплох, то наверно можно ручаться за успех дела». И Чингисхан, будучи доволен сим, сказал, что с такими людьми, идучи на войну, нельзя усомниться в успехе. И так он пошел войною на Наймань, и остановился с войском при Циньдахань-оле. Сначала отправил Хубири и Чжебэ с передовым корпусом. Диянь-хан пришел от Алтая, расположился лагерем при подошве Хангая. К нему присоединились: Тохто, глава колена Морхис; Алинь, глава колена Хэрэ; Хутук-беци, глава колена Тайши-ойрат [36 - Морхис, иначе Моркис, назван Марктатт, Тайши-ойрат назван Уират.]; еще колена: Дурбот, Татар, Хатагинь и Салчжуг. Таким образом Диянь-хан сделался довольно сильным. В это время одна хилая лошадь из Чингисханова войска от испуга забежала в найманьский лагерь. Диянь-хан, увидя ее, сказал своим чиновникам, что монгольские лошади тощи и слабосильны; надобно бы заманить неприятелей подальше вглубь, а после того, вступив в сражение, побрать их в плен. Но генерал Хулусу-бэци сказал на это: «При покойных государях на сражениях мужественно шли вперед, не обращаясь назад, дабы не показать неприятелю ни хвоста лошадиного, ни спины солдатской. Предполагаемое теперь отступление не означает ли внутреннего страха? А если страшишься, то для чего не велишь ханьше предводительствовать войском?» Диянь-хан, огорченный тем, тотчас вскочил на лошадь и приказал начать сражение. Чингисхан препоручил Хачжару управлять центром армии. В это время Чжамхак, находившийся при Диянь-хане, подъехал осмотреть войско Чингисханово и, видя его в совершенной исправности, сказал своим приближенным: «Найманьцы,

начиная войну, почитали монгольское войско за стадо козлят и ягнят и думали совершенно перетоптать их и не оставить ни кожи, ни ног. По моему замечанию, оно теперь уже далеко от того состояния, в каком прежде было». После этого он отделился со своим войском и ушел. В этот день Чингисхан вступил в главное сражение с найманьским войском, после полудня взял в плен Диянь-хана и убил его. Войска прочих колен все вдруг рассеялись, одни ночью бежали в горы, где их погибло великое множество, падая с утесов; остальные же в следующий день все покорились. Вслед за тем и колена Дурбот, Татар, Хотагинь и Салчжуг также покорились. Вскоре Чингисхан пошел на колена Морхис, глава которого Тохто [37 - Тохто у Абулгази назван Тохтабеги (бек), хан Маркатский; Боро-хан назван Байроко, ханом Найманьским.] бежал к Диянь-ханову старшему брату Боро-хану, а подданный его Дайр-носунь, представив Чингисхану дочь свою, покорился; впрочем, опять отложился и ушел. Чингисхан, прибыв к укреплению Тайха-хота, отрядил Борохоня и Сибэ с правым корпусом взять это место, и оно было взято.

1205

В лето И-чеу Чингисхан пошел войною на Си Ся и, взяв укрепление Ла-и-ри, прошел Лосо-хото, пограбил множество людей и верблюдов и возвратился.

1206

Первое лето [38 - Первое лето, т. е. от Чингисханова вступления на императорский престол. Китайцы, ведущие летосчисление по правлениям государей, почему при вступлении каждого государя на престол дают названия продолжению будущего его правления и снова начинают считать годы от первого лета царствования его. Последний год покойного государя причисляют к его же царствованию, а правление нового государя считают с начала следующего года. Первые четыре государя из дома Чингисова царствовали в Монголии и потому не имели названия своим правлениям.] Бин-инь. Чингис, собрав всех князей и чиновников при вершинах Онони, выставил девять белых флагов и вступил на императорский (ханский) престол. Князья и чины поднесли ему название Чингисхана. Этот год было шестое лето династии Гинь, правления Тхай-хо. По вступлении на престол он опять пошел войною на Наймань. В это время Боро-хан, занимавшийся облавою при Урту-оле, был им схвачен. Диянь-ханов сын Хучулэй-хан [39 - Хучулэй-хан у Абулгази назван Кутшлук.] и Тохто бежали к Яр-даши-голу. После Чингисхан начал помышлять о войне против нючжисцев. Незадолго пред сим нючженьский государь казнил Чингисханова родственника Хамбухай-хана, за которого Чингисхан и помышлял отмстить. В то же время перебежчики и пленные из нючженьцев единогласно говорили Чингисхану, что государь их бесчеловечно поступает. По сим-то причинам Чингисхан решился объявить ему войну; но не смел приступить к делу без особенного приготовления.

ИЗ ГАН-МУ

Бин-инь. Царства Сун, правления Хай-си второе лето. Царства Гинь, правления Тхай-хо шестое лето. Монгольский Кият Темуджин объявил себя императором при Онони [40 - В Ган-му летосчисление ведено по правлениям государей Южного Китая, известного под названием царства Сун. Слово Гинь по южному выговору, а по северному Цзинь. Я удержал в переводе южный выговор для различения сего дома от династии Дзинь, начавшейся в 265, кончившейся в 449 г. по Р. Х. Впрочем, слово Гинь удерживаемо было только в одних текстах; в описаниях же, для легкости в слоге, оно заменено словом нючжень и нюджи, собственным именем народа. Царство Сун в описаниях также называемо было Южным Китаем. В Китае, когда по ниспровержении одного царствующего дома получает престол другая фамилия, то последняя принимает новое наименование, которое служит названием и царствующему дому, и царству его. Посему царство, династия, дамб, двор, суть в китайской истории однозначные слова. Царство Гинь по-маньчжурски называлось Айжинь-гурунь, т. е. Золотое царство; золото по-китайски «гин», по-монгольски «алтан». Потому-то историк Абулгази называл

нючженьского государя Алтань-ханом, что значит: золотой царь. У китайцев прозвание важнее имени и поставляется прежде оно, почему в сем тексте Чингисхан назван Кият Темуджин.].

Из предков Темуджиня был некто Бодонь-чар. Мать его Арунь-гова, родив двух сыновей, овдовела. После того ей неоднократно виделось во сне, будто сияние разливалось над ее чревом, и она от этого родила третьего сына. Это был Бодонь-чар. Потомство сыновей ее размножилось, и от каждого произошло особое колено. Сии родственники жили от колена Ухуань на севере (на северо-западе) и смежны были с коленами Ойрат, Наймань и с древним городом Хоринь, который принадлежал хойхорцам девяти колен. Из колена в колено они считались вассалами домов Ляо и Гинь, вообще же принадлежали к татаньскому племени. Уже Есугей покорил прочие колена под свою власть и учинился сильнейшим. Воюя с коленом Татар, он взял в плен старейшину его Темуджиня. На возвратном пути при горе Тели-вынь-пань-то, где он расположился лагерем, родился сын, которого в память победы назвал Темуджином. По смерти Есугея Темуджин остался малолетен. Многие из его колен поддались родственному с ним дому Тайчут. Этот Тайчут, соединив семь колен, пришел с тридцатью тысячами учинить на него нападение. Темуджин с матерью Улын повел своих родовичей тринадцатью колоннами и, вступив в главное сражение, разбил Тайчута. Эта победа несколько успокоила Темуджиня. Тайчут, владея обширными землями и многочисленным народом, не имел хорошего управления; почему низшие, советуясь между собою, говорили: «Темуджин одевает людей собственным платьем, сажает их на собственных коней; он истинный наш государь». Почему многие поддались Темуджиню, а от этого колена Тайчутово умалилось. В скором времени колено Татар отложилось от Нючженьского царства. Темуджин повел войска с берегов Онони и, соединившись с войсками нючженьцев, уничтожил это колено. За такую услугу он получил название Ча-у шу-лу [41 - Должно быть, монгольское слово, испорченное китайцами.], т. е. главнокомандующего против мятежников. Как колено Наймань было одно из сильнейших, то Темуджин с подобострастием служил ему. Но когда Наймань начал производить притеснения и грабежи, то Темуджин собрал все подвластные ему колена при Тэмэгэ-голе, где с согласия всех объявил войну найманям. Найманьский Диянь-хан расположился с войсками под Хангаем и соединился с коленами Морхис и пр. Войско его было довольно многочисленно. Темуджин вступил с ним в главное сражение, на котором взял в плен и убил самого Диянь-хана. Прочие колена все рассеялись. Темуджин наиболее усилился, почему в следующем году учинил нападение на Си Ся, разбил крепостцу Ла-и-ри, прошел город Ло-со-хото и, обогатившись награбленными добычами, возвратился. Остановившись при вершине Онони, он собрал старшин из всех колен, выставил девять белых флагов и сам себя провозгласил Чингисханом. Пред сим нючженьский государь отправил князя Юнь-цзи в Цзин-чжоу [42 - Что в аймаке Дурбань-хухуш.], для принятия дани от Темуджиня. Юнь-цзи удивился виду его и по возвращении предложил своему государю при каком-нибудь случае погубить его, но последний не согласился. Темуджин, узнав о том, начал питать злобу.

1207

Второе лето Дин-мао. Осенью вторично Чингисхан пошел войною на Си Ся и взял город Уй-ра-ка. В сем году послал двух чиновников, Алтаня и Бору, к колену Кир-цзису. Вскоре за тем Идыр-нэрэ и Алдар [43 - Идыр-нэрэ и Алдар – названия колен.] прислали посланников с лучшими соколами.

1208

Третье лето Сюй-чень. Весной хан возвратился из Си Ся. Летом от жары уехал в Лун-тьхин. Зимой опять пошел войною против Тохто и Хучулэй-хана. В это время Ойрат и другие колена, встретившись с передовым нашим корпусом, без сражения покорились. Используя их проводниками, дошли до Яр-дати-гола и уничтожили колено Морхис. Тохто, будучи ранен стрелой, умер. Хучулэй бежал в Кидань [44 - Здесь под Киданью разумеются земли потомков Киданьского дома, лежавшие в северной части

Восточной Монголии.].

1209

Четвертое лето Сы-и. Весною владение Хойхор [45 - Хойхор, на китайском Бэй-вур, у Абулгази назван Уйгур, туркестанское название владения.] вступило в подданство монгольское. Хан проник в Хо-си. Тангутский государь Ли-ань-цюань поручил армию своему наследнику, который, вступив в сражение с Чингисханом, был разбит, а второй главнокомандующий, Гао, взят в плен. Чингисхан еще завоевал Урянхай [46 - Урянхайцы у Абулгази названы кергизами. Эту погрешность должно отнести к неточности перевода или к ошибке переписчиков. Урянхайцы тогда кочевали на нынешних корциньских землях.] и полонил генерала Сиби. После этого он взял крепость И-мынь; вторично разбил тангутское войско; полонил полководца Вэймина и подступил к городу Чжун-син. Здесь тангуты разрушили плотину и равнины наполнили водою, почему Чингисхан, сняв осаду, возвратился и послал вельможу Эда в Чжун-син с предложениями к тангутскому государю. Тот представил Чингисхану дочь свою и просил о мире.

ИЗ ГАН-МУ

Сы-и. Второе лето правления Цзя-дин. Царства Гинь правления Да-ань первое лето. В шестой месяц монголы вступили в Лин-чжоу [47 - Надобно разуметь, в пределы области, а не в самый город Лин-чжоу.]. Тангутский государь Лиань-цюань покорился.

С этого времени королевство Ся наиболее ослабело.

В 12-й месяц княжество Вэй-вур покорилось монголам.

Это княжество при династии Тхан называлось Гаочан [48 - По-монгольски Хойхор, по-турецки Уйгур.].

1210

Гын-ву, пятое лето. Весною нючженьский двор [49 - Нючженьский государь у Абулгази назван Алтан-ханом.], предполагая начать войну, построил укрепление Ву-ша-пху. Отправленный Чингисханом генерал Чжебэ, нечаянно напав на это укрепление, побил войска и пошел далее на восток. Прежде Чингисхан ежегодно представлял нючженьскому двору дары. Вследствие этого нючженьский государь отправил князя Юнь-цзи в Цзин-чжоу для принятия дани от него. Чингисхан при входе этого князя не сделал ему должной чести. Юнь-цзи по возвращении предложил объявить Чингисхану войну. В это время нючженьский государь скончался, и князь Юнь-цзи, вступив на престол, послал к Чингисхану указ, при вручении коего ему сказано, чтоб учинил поклонение. Чингисхан спросил у посланника, кто такой новый государь? Князь Юньцзи, отвечал посланник. Чингисхан тотчас обратился лицом к югу и, плюнув, сказал: «Я думал, что какой-либо необыкновенный человек сел на престол в Чжун-юань; а этот слабоумный может ли царствовать? Он не заслуживает поклонения». После того тотчас сел на лошадь и уехал. Посланник по возвращении донес о сем государю Юнь-цзи, который чрезвычайно разгневался, но решился дожидаться времени, когда Чингисхан приедет ко двору с данью, дабы при случае погубить его.

Чингисхан узнал об этом и совершенно прервал связь с нючженьским двором; а для предосторожности усилил войска свои.

ИЗ ГАН-МУ

Гын-ву, третье лето. Царства Гинь правления Даань второе лето. В 12-й месяц монголы напали на царство Гинь.

Нючженьский государь Юнь-цзи по восшествии на престол послал к монголам указ, при вручении

которого церемониймейстер сказал, что надлежит принять его с поклоном. Монгольский государь спросил нючженьского посланника, кто такой новый государь? Князь Юньцзи, отвечал посланник. Монгольский государь, тотчас обратившись к югу, плюнул и сказал: «Я думал, что какойлибо необыкновенный человек взошел на престол в Чжунюань; а этот слабоумный может ли царствовать? Он не заслуживает поклона». После сих слов сел на верховую лошадь и уехал. Посланник по возвращении донес о сем государю Юнь-цзи, который, будучи разгневан сим, решил погубить его, как скоро пойдет с данью. Монгольский государь, узнав это, прервал связь с нючженьским двором, умножил военные предосторожности и неоднократно нападал на северо-западные его пределы. Он нечувствительно начал усиливаться, и нючженьский двор, озабоченный сим, запретил народу переносить вести о пограничных делах.

Объяснение. О ссоре между иностранцами обычно не пишется. Для чего же этот случай записан? Для обозначения, что монголы начали усиливаться, а нючжени ослабевать. Напасть – значит вступить в чьи-то пределы без предварительного объявления войны. С этого времени началась та бедственная война, которая после распространилась и на Южный Китай. По этой причине нарочно и тщательно записано настоящее происшествие.

1211

Синь-вэй, шестое лето. Весной Чингисхан находился при Гилур-голе. Из западного края Арслан-хан, глава хоралутского народа, поддался ему. Идуху [50 - Идуху у Абулгази назван Идикут-ханом.], владетель хойхорский, приехал ко двору его. Во второй месяц Чингисхан сам повел армию [51 - Абулгази не имел точных сведений об этой войне; и потому далее о всех почти происшествиях писал темно и неопределенно.] на юг, разбил Даши, полководца нючженьского, при горе Е-ху-лин и завоевал уезды Дашуй-ло и Фын-ли; но нючженьцы возобновили укрепление Ву-ша-пху. Осенью в седьмой месяц Чингисханов генерал Чжебэ приступом взял Ву-ша-пху и Ву-ю-ин. В восьмой месяц Чингисхан дал сражение с нючженьским войском в Сюань-пхин при реке Хой-хэ-чуань и одержал победу. В девятый месяц приступом взял Дэ-син-фу. Командующий в Цзюй-юн ушел, почему Чжебэ вступил в сию крепость и доходил до Средней столицы. Зимой в десятый месяц (хан) напал на главное правление нючженьских пастбищ, отбил табуны и возвратился. Елюй-аха покорился Чингисхану и на пути явился к нему. Царевичи Джучи, Джагатай и Угэдэй завоевали округа: Юнь-нэй, Дун-шен-чжоу и Ву-шо. Той зимой стоявшие на северных пределах царства Гинь генералы Лю-бо-линь, Гуалгя и Чангэ также покорились Чингисхану.

ИЗ ГАН-МУ

Синь-вэй, четвертое лето. Царства Гинь правления Да-ань третье лето. Весною в третий месяц двор Гинь отправил нарочного для испрошения мира у монголов. Монголы не согласились.

Нючженьский генерал Нахата-майчжу, охранявший северные пределы, как скоро узнал, что монголы готовятся напасть на границы, поспешил донести о том своему государю. Государь сказал: «Мы не имеем вражды с ними; с чего ты взял это?» Майчжу сказал ему: «Си Ся представили ему царевну, беспрерывно куют стрелы и делают щиты. При окопах велят мужчинам возить телеги, а лошадей берегут. Что же имеют в виду, как не нападение на нас?» Нючженьский государь, почитая Нахата-майчжу затейщиком пограничных несогласий, приказал посадить его в заточение. Монголы, учинив нападение на Юньчжун и Цзю-юань, во весь год продолжали войну. После этого, разорив Да-шуй-ло, пошли далее. Нючженьский государь сам, усмотрев опасность, освободил Майчжу и отправил северо-западного главнокомандующего Нюхуру к монголам с мирными предложениями. Монгольский государь не согласился. Тогда нючженьский государь, для отражения монголов, назначил трех полководцев: Тунгицяньгяну, Ваньяня-хошо и главноуправляющего в Западной столице Хэшерихушаху. Замечание. Сколько разума и мужества имел Агуда, основатель царства Гинь, и сколь,

напротив, несмышлен и слаб был потомок его, государь Юньци? Так угодно небу. Нючжени просят у монголов мира и монголы не соглашаются? Так некогда дом Сун просил мира у нючженей, и они не соглашались. Кто скажет теперь, что небо не вершит возмездия?

В восьмой месяц монголы осадили Западную столицу царства Гинь. Главноуправляющий в ней Хэшерихушаху, оставив города, ушел. Северо-западные области царства Гинь все покорились монголам.

Нючженьские генералы Тунги-цянъяну и Ваньяньхошо пришли в Ву-ша-пху; но еще не успели закончить военных распоряжений, как монгольские войска неожиданно подошли и штурмом взяли Ву-ша-пху и Ву-ю-ин. Монгольский государь, пользуясь победой, разорил Байдын-чен и потом осадил Западную столицу. По прошествии семи дней Хушаху пришел в страх; оставив город, пробился со своим гарнизоном сквозь толпы осаждающих и ушел. Монгольский государь погнался за ним с тремя тысячами отборной конницы. Войско нючженьское было совершенно разбито. Он преследовал его до Цуй-бин-кхэу и после этого взял Западную столицу, Сюань-дэ и Фу-чжоу. Кроме этого, отправленные монгольским государем сыновья: Джучи, Джагатай и Угэдэй, разделившись в три стороны, завоевали округи: Юнь-нэй, Дун-шен-чжоу, Ву-чжоу, Шочжоу, Фын-чжоу, Цзинь-чжоу [52 - В Монголии за Ордосом.], а потом Дэ-син, Хун-чжоу, Чан-пъхин, Хуай-лай, Цинь-шань, Фын-жунь, Ми-юнь, Фу-нин, Цзи-нин, на восток до Пъхин-чжоу и Луань-чжоу, на юг до Цин-чжоу [53 - Город Цинн-сян с Тъхян-цин-фу.] и Цан-чжоу, от Линь-хуан за Ляо-хэ, на юго-запад до Синь-чжоу и Дай-чжоу, все округи покорились монголам.

Объяснение. Хушаху, будучи поставлен главнокомандующим в столице, имел под начальством сильное войско. Во время нашествия монголов были те минуты, в которые можно бы с честью пожертвовать собою для отечества и через то не постыдить доверия государя своего, но он не смог отличиться в этих обстоятельствах, а, подражая поступкам обыкновенных людей, искал спасения в бегстве. Какой стыд! По этой причине все области на северо-западе сдались монголам. Вина, подлинно достойная жесточайшей казни! С намерением написано, оставив город, ушел, – дабы через это ясно выказать его вину в неведении важности препоручения. Этот случай решил погибель дома Гинь.

В високосный девятый месяц войска царства Гинь, отражая монголов, совершенно разбиты на берегах Хой-хэ. После этого монголы вступили в Цзюй-юнгуань, произвели великие грабежи и ушли.

Монгольский государь, взяв Фу-чжоу, дал отдых войскам и выкармливал лошадей, в намерении предпринять поход на юг. Государь нючженьский снова предписал генералам Ваньяню-гюянью и Ваньяню-вань-ну для предосторожности расположиться со многочисленным войском при Е-ху-лин, а Ваньяню-хошо следовать за ними с главной армией. Некоторые представляли Гюянью, что монголы, недавно разорив Фу-чжоу, всю добычу разделили между собою, а лошадей распустили по лугам, надлежит, пользуясь расплохом, нечаянно ударить на них. Гюянь сказал на это: «Такое покушение опасно, напротив, самое надежное средство – подаваться вместе с пехотой и конницей». Монгольский государь, узнав о том, пошел с войском в Хо-эльль-цзуй. Гюянь отправил генерала Минганя спросить монголов о причине войны. Мингань, напротив, передался монголам и объявил им о подлинности состояния нючженьской армии. Вследствие этого, монгольский государь вступил с Гюяннем в сражение. Войско нючженьское было совершенно расстроено; конница мяла и топтала пеших; и великое множество побито в сражении. Монголы, пользуясь первым жаром, устремились вперед. Ваньянь-хошо, страшась их напора, не смел противостоят им и с войском своим отступил на юг, монгольские войска поражали его тыл. При Хой-хэ-пху нючженьские войска еще разбиты были так, что Ваньянь-хошо один только спасся бегством в Сюань-дэ. Монгольские войска, пользуясь победами, приблизились к сему городу и на пути взяли Гинь-аньсянь. Объездные отряды подошли к Цзюй-юнгуань. Комендант Ваньянь-фу-чжоу, бросив сию крепость, бежал, и монгольские войска заняли оную. В нючженьской Средней столице приняты строгие меры предосторожности, и запрещено мужчинам

выходить из города. Монгольские конные отряды подъезжали к самым стенам столицы. Нючженьский государь хотел удалиться на юг в Бянь, но гвардия поклялась отчаянно сражаться, и действительно монгольские войска несколько раз отражены были с уроном. Но монголы нечаянно напали на нючженьское конское правление и угнали казенные табуны. И посему нючженьский государь остановился и приказал Чжугэ-гао-ци, правителю округа Цзинь-чжоу, расположиться с войсками за воротами Тхун-сюньмынь. Ваньянь-хошо был наказан понижением чина. Офицеры и солдаты сочли это наказание легким и от этого наипаче начали выходить из подчиненности.

Объяснение. По исторической формуле весны и осени [54 - Весна и осень по-китайски – Чун-цю, как в названии летописи, сочиненной философом Конфуцием.] сказать «разбиты», не сказав «сражались», означает равенство неприятеля. Написано: «Войска царства Гинь, отражая монголов, совершенно разбиты на берегах Хой-хэ». Нючженьский государь отступил от истинных правил управления; и потому, в осуждение, принят такой выразительный оборот, будто бы войска его сами навлекли на себя поражение. По правилам военной науки надлежало избрать старого и опытного полководца. Но выставить четырехсоттысячную армию без единства в управлении и препоручить оную людям слабого духа – не могло ли быть это путем к проигрышу? С 400 000 пехоты и конницы в один день и без причин быть совершенно разбиты! После этого можно ли было ожидать, чтобы царство Нючженьское не погибло? Произвели великие грабежи и ушли, за это Ган-му представляет монголов мятежниками. Нючженьский двор имел лучшие войска, но предводители не действовали по предписаниям. Армия разбита, и царству предстоит гибель. Достойно жалости! Впрочем, нючженьские варвары оскорбили Срединное царство, разбойнически похитив земли его. Духи и человеки купно негодовали. И что ныне бедствуют они от монголов, это небесный промысл предызбрал руку их к отмщению за оскорбления, нанесенные Китаю. Могло ли это произойти от слепого случая?

1212

Жинь-шень, седьмое лето. В первый месяц Елюй-люгэ, собрав войска в Лунь-ань, объявил себя главнокомандующим и прислал к Чингисхану нарочного с предложением своего желанья вступить в подданство. Чингисхан взял города: Чан-чжоу, Хуань-чжоу и Фу-чжоу. Генералы Хэшери и Гюгань пришли сюда на помощь с тремя тысячами войска. Чингисхан вступил в сражение с ними при местечке Цюан-элль-цзуй и совершенно разбил их. Осенью осадил Западную столицу. Нючженьский главнокомандующий Ошун пришел на помощь; но Чингисхан, заманив его к крепости Ми-гу-кхэу, вступил в сражение и истребил весь корпус его. После этого опять сделал приступ к Западной столице, но здесь был ранен стрелой, почему и снял осаду. В девятый месяц Чагань завоевал Фын-шенчжоу. Зимой в 12-й месяц, в день Цзя-шень, Чжебэ осадил Восточную столицу и принужден был отступить без успеха, но, возвратившись ночью, снова напал неожиданно и таким образом взял город [55 - У Абулгази военные действия сего и следующего года приняты за одно с действиями прошедшего года.]

<

> ИЗ ГАН-МУ

Жинь-шень, пятое лето. Царства Гинь правления Чун-нин первое лето. Весною в третий месяц монголы взяли царства Гинь город Сюань-дэ-фу.

Монгольский государь по взятии Сюань-дэ-фу тотчас приказал осаждать Дэ-син-фу и взбираться на городские валы. Нючженьцы отразили нападение, и монгольские войска не имели успеха. Тулуй, четвертый сын монгольского государя, и с ним зять ханский Чики снова взойшли на стены под своими щитами и начали стрелять из луков. Нючженьские войска отступили. После этого монголы овладели всеми городами и крепостями в пределах области Дэ-син; но, когда удалились, то нючженьцы опять заняли их.

1213

Гуй-ю, восьмое лето. Елюй-люгэ объявил себя королем в Ляо и правление назвал Юань-шхун. Осенью, в седьмой месяц, хан взял Сюань-дэ-фу, а потом осадил Дэ-син-фу.

Царевич Тулуй и ханский зять Чики первые взойшли на стену и взяли город, Чингисхан пошел к Хуайлай, разбил нючженьских генералов Ваньяня-гин и Гао-ци и преследовал их до Гу-бэй-кхэу. Нючженьские войска укрепились в Цзюй-юн. Чингисхан предписал генералу Хэтэбци наблюдать за ними, а сам пошел в Чжо-лу. Хушаху, главнокомандующий в Западной нючженьской столице, оставил город. Чингисхан пошел на Цзы-цин-гуань, разбил войска нючженьские при горе Ву-хой-лин и взял города Чжо-чжоу и И-чжоу. Киданьский генерал Улань-бар сдал крепость Гу-бэй-кхэу. После этого Чжебэ, зашедши с южной стороны, взял крепость Цзюй-юн и соединился с Хэшебци. В восьмой месяц нючженьский Хушаху убил своего государя Юн-ци и возвел на престол князя Сюнь [56 - Сей государь по-маньчжурски назывался Удабу.]. Осенью, разделив армию на три части, приказал царевичам Джучи, Джагатаю и Угэдэю с западной армией следовать на юг, по направлению хребта Тхай-хан. Они взяли города: Бао-суй, Ань-су, Ань-дин, Син-чжоу, Вэй-хой, Хуай-чжоу и Мын-чжоу; разорили округа: Цзэ-чжоу, Лучжоу, Ляо-чжоу, Цинь-чжоу, Пьхин-ян, Тхай-юань, Цзичжоу, Си-чжоу; приступом взяли города: Фын-чжоу, Шичжоу, Лань-чжоу, Сунь-чжоу, Синь-чжоу, Дай-чжоу, Вучжоу и возвратились. Чингисханов младший брат Хасар, Ванцин, Ноинь и Джучи с восточной армией пошли по морскому берегу на восток и завоевали Цзи-чжоу, Пхинлуань, Ляо-си и возвратились. Чингисхан и царевич Тулуй со средним корпусом завоевали Сюн-чжоу, Ба-чжоу, Мо-чжоу, Ань-чжоу, Хэ-цзянь, Цан-чжоу, Цзин-чжоу, Сянчжоу, Шен-чжоу, Ци-чжоу, Ли-чжоу, И-чжоу, Энь-чжоу, Пху-чжоу, Кхай-чжоу, Хуа-чжоу, Бо-чжоу [57 - Дун-чан-фу, в провинции Шань-дун.], Цзи-чжоу, Тхай-ань, Цзи-нань, Бин-чжоу, Дай-чжоу [58 - Ву-дин-фу, там же.], И-ду, Чжичжоу, Вэй-чжоу, Дынь-чжоу, Лай-чжоу, И-чжоу [59 - И-чжеу-фу, там же.]. По его же предписанию генерал Мухури вырубил город Ми-чжоу [60 - Вырубить город означало предать острию меча всех жителей города, не разбирая ни возраста, ни пола, ни состояния.]. Нючженьские генералы Ши-тьхянь-ни и Субут покорились со своими войсками монголам, и Мухури именем Чингисхана определил их темниками. Чингисхан подошел к Средней столице. Все три армии по возвращении соединились и расположились при Да-кхэу. В сем году завоеваны и взяты были почти все города, лежащие по северную сторону Желтой реки, исключая десять: Средняя столица, Тхун-чжоу, Чжен-дин, Шунь-чжоу, Цин-чжоу, Да-лин, Дун-пьхин, Дэ-чжоу, Пьхи-чжоу и Хай-чжоу.

ИЗ ГАН-МУ

Гуй-ю, шестое лето. Царства Гинь с девятой луны правления Чжень-ю первое лето. Прежний подданный династии Ляо Елюй-люгэ овладел областями и провинциями в Ляо-дун и объявил себя правителем в Ляо.

Киданец Елюй-люгэ служил у нючженей тысячником на северной границе. С самого начала монгольской войны нючжени подозревали потомков династии Ляо в измене. Елюй-люгэ начал опасаться и бежал в Лун-ань, где, собрав до ста тысяч войска, объявил себя главнокомандующим и отправил нарочного к монголам с предложением своего подданства. Отряженный нючженьским двором Ваньянь-хошо учинил нападение на него, но Елюйлюгэ одержал над ним полную победу. После этого объявил себя королем в Ляо и назвал свое правление Юаньтхун. Он овладел всеми областями и округами в Ляо-дун и утвердил свое пребывание в городе Сянь-пьхин.

Объяснение. Словами «прежний подданный династии Ляо» Ган-му приписывает ему справедливость. Дом Ляо истреблен нючженями, с которыми по этой причине невозможно ему было жить под одним небом. Если бы, одушевляясь справедливостью, мог он обратно завоевать все прежние владения своего государя, то Ган-му также бы приписала ему справедливость. Люгэ был потомок дома Ляо. Обратив получив прежние земли, он объявил себя королем и некоторое время совершал жертвоприношения предкам своего дома, не может ли это служить примером, достойным подражания? И посему это отнесено к его чести. Ган-му более всего внушает отмщение.

В восьмой месяц Хушаху умертвил Юн-цзи и возвел на престол князя Сюнь. Сам себя объявил визирем, председателем совета и главнокомандующим над всеми войсками.

В третий месяц прошлого года нючженьский государь отрешил Хэшери-хушаху от должности и сослал в деревню; в нынешнем же году опять его призвал и препоручил ему корпус войск, расположенных по северную сторону Пекина [61 - Ниже, для ясности, вместо Средней столицы я употреблял нынешнее название города – Пекин.]. Туктань-и усиленно отговаривал, но государь не послушал его. Хушаху со своими сообщниками Ваньянь-чеу, Фуча-люгинь и Ухури-дола умыслил произвести возмущение. В это время монгольские войска находились в Цзюй-юн-гуань, между тем Хушаху ежедневно занимался охотой, нимало не помышляя о военных делах. Нючженьский государь послал к нему нарочного с выговором. Хушаху рассердился на то и, ложно разгласив, что пекинский правитель Туктань-и умышляет взбунтоваться, именем государева повеления повел войска в столицу тремя колоннами. Опасаясь же, чтобы войска, находящиеся в столице, не воспротивились ему, он отправил вперед одного конного, который, подъехав к восточным воротам Дун-хуамынь, во весь голос закричал, что татаньцы пришли к северному предместью и уже вступили в сражение. Вслед за тем прискакал другой конный и то же самое повторял. После этого послал своего сообщника Туктань-инь-шеу позвать к себе Туктань-нань-пхин, который, не зная об умысле, действительно поехал и на дороге самим Хушаху убит был. После этого Хушаху вступил во дворец, сменил всех дежурных, а места их занял своими сообщниками; себя объявил временным правителем и главнокомандующим над всеми войсками и, расположившись в провинциальном правлении, окружил себя войсками. На другой день принудил государя перейти из своего дворца в княжеский и потребовал от императрицы государственную печать. Но императрица, несмотря на угрозы, отказала в выдаче печати. Хушаху хотел похитить престол, но еще колебался в нерешимости. Туктань-и, вельможа, всеми уважаемый, предложил ему двух князей, достойных престола. Хушаху промолчал и препоручил одному евноху умертвить государя. В это время Ваньянь-ган стоял со стотысячною армиею при горе Цзин-шань. Хушаху вызвал его обманом и убил; после этого потребовал пограничные войска в Пекин и предложил стоявшему в Чжан-дэ князю Ваньяню-сюн престол. В девятый месяц этот князь прибыл в Пекин и вступил на престол, а сына своего Шеучжун объявил наследником.

В одиннадцатый месяц монголы совершенно разбили царства Гинь генерала Чжугэ-гао-ци под городом

Хуай-лай и осадили Среднюю столицу; Гао-ци по возвращении убил Хушаху. Нючженьский государь определил Гао-ци главнокомандующим.

Когда монгольские войска приблизились к Хуай-лай, нючженьский генерал Чжугэ-гао-ци выступил против них и был наголову разбит. Пространство земли на сорок ли устлано было трупами. Монголы, пользуясь победою, простерлись до Гу-бэй-кхэу, но войска нючженьские защитили крепость Цзюй-юн и воспрепятствовали им проникнуть на юг. Итак, монгольский государь, оставив генерала Хэтэбци с дивизией наблюдать за помянутой крепостью, сам с большой армией пошел на Цзы-цин-гуань, разбил нючженьское войско при Ву-хой-лин и приступом взял два города, Чжо-чжоу и И-чжоу. Отряженный им генерал Чжебэ подступил к крепости Цзюй-юн с южной стороны и, взяв оную, вышел в северные ворота и соединился с корпусом генерала Хэтэбци. После этого избрали они изо всех колен пять тысяч отборной конницы, которая, соединившись с войсками генералов Котая и Хотая, обложила Пекин. В это время большая монгольская армия пришла к речке Хойхэ и хотела переходить через мост Гао-цяо. Хушаху, у которого болела нога, распорядился сражением, сидя в колясочке. Монгольская армия была совершенно разбита. На другой день снова начали сражение. Хушаху по причине усилившейся боли в ране не мог выехать. Он приказал генералу Гао-ци выступить против монголов с пятью тысячами. Гао-ци просрочил, за что Хушаху хотел казнить его, но нючженьский государь приказал простить, в уважение оказанных им услуг. Итак, Хушаху, усилив корпус генерала Гао-ци и приказывая ему вступить в сражение, присовокупил: «Ежели победишь, то будешь прощен, ежели не победишь, то

отсеку тебе голову». Гао-ци вступил в сражение, которое продолжалось с вечера до рассвета. В это время поднялся с севера сильный ветер, который вздымал камень с песком, так что не можно было открыть глаз. Войска нючженьские приведены были в большое замешательство. Гао-ци, предполагая, что генерал Хушаху не преминет казнить его, вторгся с своими солдатами в Пекин и окружил дом его. Хушаху, видя опасность, хотел убежать через заднюю стену, но, запутавшись в своем одеянии, упал и повредил себе руку. Здесь солдаты отрубили ему голову, с которою Гао-ци, являсь во дворец, просил судить себя [62 - В Китае высшие чины, совершив погрешность или преступление по должности, предварительно просят государя предать их суду.]. Государь простил его, обнародовав преступления генерала Хушаху, лишил его (по смерти) чинов и достоинств, а генерала Гао-ци произвел главнокомандующим. Войскам также учинена награда соразмерно услугам.

Объяснение. Убить убийцу не преступление. Хушаху был злодей, умертвивший своего государя. По законам надлежало усмирить его. Нючженьский двор не смог убить, а Гао-ци убил и справедливо поступил. Для чего же не написано «казнил», а «убил»? Есть причина. Хушаху, без сомнения, виноват, но Гао-ци убил его не с прямым намерением усмирить мятежника. Проиграв сражение, он страшился казни и убил его для личного спасения. И посему написано «убил», а не «казнил». Усмирение преступника не приписано ему.

Ши-тхьянь-ни определен от монголов темником [63 - У монголов темником назывался каждый генерал, управлявший 10-тысячным корпусом войск.] и поставлен в Ба-чжоу.

В это время монгольский главнокомандующий Мухури, производя войну в пределах нючженьских, куда только ни обращался, (все) ниспровергал и разрушал. Ши-бин-чжи, житель города Юн-цин, собрав своих родственников на совет, сказал им: «Теперь царство клонится к гибели; наш дом заключает не более ста человек, можем ли сохранить себя?» И как скоро узнал, что покоряющиеся пользуются безопасностью, то с несколькими тысячами крестьян явился в лагерь в Чжо-чжоу и покорился. Мухури хотел определить его темником, но этот отказался, почему был определен в эту должность сын его Ши-тхьянь-ни и вместе с покорившимися поставлен в Ба-чжоу [64 - В провинции Чжи-ли.].

В 12-й месяц монголы, разделившись на несколько корпусов, взяли областные и окружные города в Хэбэй и Хэ-дун.

Монгольский государь, оставив Котая и Хотая с войском по северную сторону Пекина, разделил сорок шесть китайских дивизий, равно и татанские войска, на три армии. Трех сыновей своих, Джучи, Джагатая и Угэдэя, послал с правой, т. е. с западной, армией следовать по направлению хребта Тхай-хан на юг. Они взяли города: Баочжоу, Чжун-шань, Син-чжоу, Мин-чжоу, Цы-чжоу, Сянчжоу, Вэн-хой, Хуай-чжоу и Мынь-чжоу. Прошли до Желтой реки и произвели великое опустошение между городами Пьхин-ян и Тхай-юань. Генерал Бот с прочими шел подле моря на восток; взял Луань-чжоу, Цзи-чжоу и произвел великие грабежи в Ляо-си. Монгольский государь с сыном Тулуем пошел средней дорогой; взял города: Сюнчжоу, Мо-чжоу, Цин-чжоу, Цан-чжоу, Цзин-чжоу, Сяньчжоу, Хе-цзянь, Бин-чжоу, Дай-чжоу [65 - Ву-дин-фу.], Цзи-нань; потом от Да-кхэу снова повернул с армией к Пекину. В это время нючженьские войска со всех дорог [66 - При династии Юань провинции назывались дорогами, почитайски – лу.] отозваны были в Чжунюань для охранения мест, лежащих позади гор, в провинции Шаньси; а крестьяне все взяты были в ополчение и поставлены на стенах городских для отражения неприятеля. Монголы всех оставшихся в домах согнали для взятия тех же городов. Так, с противных сторон отцы узнавали сыновей, старшие братья зывали к младшим. По этой-то причине никто не имел твердости защищаться, и города при первом прибытии войск сдавались. Таким образом разорено было около девяноста областных городов. В провинциях Хэ-бай, Хэ-нэй и Шань-дун на нескольких тысячах ли пространства почти все жители были побиты. Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони – все, подобно циновке, свернуто и увезено. Дома и хижины преданы огню; городские стены

превращены в развалины. Только Дай-мин, Чжен-дин, Цин-чжоу, Юньчжоу, Пьхи-чжоу, Хай-чжоу, Во-чжоу, Шунь-чжоу и Тхунчжоу [67 - В Шунь-тьхьянь-фу.], мужественно защищаемые войсками, спаслись от разорения.

1214

Цзя-суй, девятое лето. Весною в третий месяц (Чингисхан) остановился с армией по северную сторону (от Пекина). Генералы просили его, чтобы торжество побед довершить взятием этой столицы. Но Чингисхан не согласился на это, а отправил посланника к государю нючженьскому со следующим предложением: «Теперь все твои города в Шань-дун и Хэ-бэй завоеваны мною. У тебя осталась одна только Средняя столица. Небо привело тебя в бессилие, и я подвергну бы тебя большим опасностям, если бы не страшился небесного гнева. Теперь иду я с армией в обратный путь, хочешь ли угостить мои войска, дабы сим утишить гнев моих полководцев?» Нючженьский государь отправил посланника с предложением о мире и, усыновив дочь покойного государя, выдал ее в качестве царевны за Чингисхана; послал ему в подарок множество вещей, по 500 мальчиков и девиц и 3000 лошадей. Сверх этого отправил министра Ваньяня-фу-син проводить Чингисхана через крепость Цзюй-юн. В пятый месяц нючженьский государь перенес свой двор в Бянь, а наследника своего Шеу-чжун с министром Ваньянем-фусин и помощником Муньянем-цзинь-чжун оставил управлять Средней столицей. В шестой месяц нючженьский генерал Чжода, убив своего начальствующего генерала, передался со всей дивизией Чингисхану, который тотчас предписал генералам Самхе, Шумуру, Минганю и Чжоду обложить Среднюю столицу, а сам поехал от жары к Юйэлль-ло. Осенью, в седьмой месяц, нючженьский наследник Шеу-чжун уехал в Бянь. Зимой, в десятый месяц, Мухури пошел в Ляо-дун против Лу-цзун и Цзинь-гуа в Гвао-чжоу и взял город Цзинь-чжоу. Чжан-цин, убив своего инспектора, объявил себя королем и отправил нарочного к Чингисхану, с предложением своего подданства.

ИЗ ГАН-МУ

Цзя-суй, седьмое лето. Царства Гинь, правления Чен-ю второе лето. В третий месяц дом Гинь выдал за монгольского государя царевну, дочь покойного государя Юн-цзи. Летом, в четвертый месяц, заключил мир со монголами.

Монгольский государь по возвращении из провинции Шань-дун расположился по северную сторону Пекина. Генералы предложили ему, чтобы, пользуясь победами, взять сию столицу. Монгольский государь не послушался их. Он отправил к нючженьскому государю посланника со следующим предложением: «Твои провинции и уезды в Шань-дун и Хэ-бэй все в моей власти; у тебя остался только Пекин. Небо уже привело тебя в бессилие, и если еще буду теснить тебя, то и сам должен я опасаться небесного гнева. Теперь иду я в обратный путь, хочешь ли угостить войска, чтоб укротить гнев моих генералов?» Гао-ци, министр нючженьский, говорил своему государю, что татанские солдаты и лошади изнурены, и предлагал дать решительное сражение. «Невозможно, – возразил на это Ваньянь-чен-хой [68 - Ваньянь-чен-хой у Абулгази назван Чжинг-Чжанг.]. – Наши войска находятся в столице, но их семейства живут по разным провинциям, трудно полагаться на их твердость. Если проиграем сражение, то не преминут разбежаться; даже и по одержании победы, также помышляя о своих семействах, могут разойтись. Спокойствие и безопасность престола зависят от этого единого предприятия. Всего лучше отправить посланника для заключения мира, и когда войска их обратно уйдут, то придумать новые меры». Нючженьский государь одобрил последнее мнение. И отправил министра Чен-хой просить о мире. Монгольский государь пожелал иметь царевну. Нючженьский государь выдал меньшую дочь покойного государя Юн-цзи и с нею послал множество золота и дорогих материй, пятьсот мальчиков, пятьсот девиц и три тысячи лошадей. Монгольский государь пошел в обратный путь. По выступлении за Цзюй-юн-гуань собрал до нескольких сот тысяч молодых мужчин и женщин, взятых в провинциях Шань-дун, Фэ-нэй и Хэ-бэй, и всех предал смерти. Нючженьский государь, по заключении мира с монголами, обнаружил в своем царстве великое прощение.

Замечание. Нючженьский двор отправил Чен-хой просить о мире; сверх этого, обещал выдать царевну и в приданое за нею золото, серебро и по 500 мальчиков и девиц. Ах, дом Нючженьский не переставал требовать от дома Сун золота и серебра [69 - Южный Китай только в этом году отказался платить дань нючженям.] и вскоре засим сам обещает то же монголам! Справедливо говорится: иволга гонится за стрекозою, а самострел за нею. Страшны таинства небесных судеб!

В пятый месяц царства Гинь государь Ваньянь-сюн перенес двор в Бянь. Гвардия взбунтовалась и предалась монголам. Осенью, в седьмой месяц, монголы снова обложили Среднюю столицу.

Изнуренное состояние государства, слабость войск и истощение государственной казны не подавали никакой надежды к удержанию Пекина, почему нючженьский государь решил перенести двор в Бянь-цзин и ни от кого не принимал представлений против этого. В пятый месяц он препоручил министру, главнокомандующему Ваньяньчен-хой, старшему помощнику министра Муянь-цзиньчжун, вместе с наследником престола управлять в Средней столице, а сам со всем двором отправился в путь. Монгольский государь, услышав это, с гневом сказал: «По заключении мира тотчас переселяться, это значит, что он не доверяет мне и еще питает злобу. Он заключил мир в том намерении, чтобы, усыпив меня, снова помышлять о завоеваниях на юге?» Нючженьский государь по прибытии в Лян-сян приказал отобрать у провожающей гвардии выданные ей прежде доспехи и лошадей и все возвратить во дворец. Гвардия от такой досады произвела возмущение, убила своего главноначальствующего Су-вынь и, избрав трех начальников, Чжо-ду, Бэйшера и Чжалара, пошла обратно на север (к столице). Ваньянь-чен-хой, услышав о сем перевороте, занял с войсками переход при Лу-гэу, но Чжода разбил его и, как скоро усилился, то отправил нарочного к монголам, с предложением своего подданства.

Монгольский государь послал Минганя для подкрепления Чжоды [70 - Вместо Чжоды и Минганя у Абулгази выставлены генералы: Чамука-баядур и Мескан-баядур. Баядур есть то же, что и монгольское слово «батур», собственно батур (богатырь), означающее в переводе: рыцарь.], и сии генералы по соединении войск их облегли Пекин. Нючженьский государь, услышав о сем, потребовал наследника к себе. Принц Ваньянь-сурэ находил это несообразным. Министр Чжугэ-гао-ци сказал на это: «Где государь находится, там и наследник должен быть. Сверх этого ручаешься ли, что спасешь столицу?» – «За спасение столицы совершенно ручаться не могу, – отвечал Сурэ, – но если наследник будет здесь находиться, то все будет производимо с большею деятельностью. Если пограничные места будут защищаемы, то и для столицы мало опасности. В прошедшие времена, когда Мин-ди, государь династии Тхан, уехал в Сы-чуань, наследник оставался в Лин-ву, и присутствие его могло привязывать подданных целой империи». Его не послушали, и как скоро наследник выехал из Пекина, то вся столица пришла в большое смятение [71 - Это происшествие у Абулгази описано иначе.].

Монгольский генерал Мухури покорил области и провинции царства Гинь в Ляо-си.

Мухури со своими войсками осадил Северную нючженьскую столицу. Главнокомандующий Ин-цин противостал ему при Хо-то с 200 000 войска, но, будучи разбит, обратно ушел и заперся в городе. Генералы Ваньянь-силинь и Гаодэ-юй убили Ин-цин и объявили генерала Илдуху главноуправляющим. Мухури отрядил генерала Ши-тянь-сян с войсками для осады города, и Илдуху сдался. Мухури, раздраженный промедлением в сдаче, хотел разорить город, но Сяо-эсэн сказал: «Северная столица есть важнейшая крепость в Ляо-си. Если она покорилась и разорить ее, то после этого кто пожелает покоряться?» Мухури принял совет его и предложил, чтобы Илдуху на время оставили главноуправляющим в Северной столице, а генерала Уера временным главнокомандующим. После этого нючженьские города: Шунь-чжоу, Чен-чжоу, И-чжоу и Тхун-чжоу, один за другим покорились монголам.

Царства Гинь Чжан-цин, занявший Гинь-чжоу, объявил себя королем и покорился монголам.

В это же время Ши-тянь-ин в Син-чжун-фу также покорился монголам.

1215

И-хай, десятое лето. Весною в первый месяц Фуча-цил покорился с городом Тхун-чжоу [72 - В Шунь-тхьянь-фу.] и сделан начальствующим генералом. Во второй месяц Мухури осадил Северную столицу. Нючженьский главнокомандующий Ухуриилдуху покорился с городом и оставлен главноуправляющим, а генерал Уер главнокомандующим. Ши-тянь-ин, начальствующий в городе Син-чжун также покорился и оставлен правителем этого города. В третий месяц нючженьский генерал-прокурор Ли-ин, шедший к Средней столице со вспомогательным войском, вступил в сражение под Ба-чжоу и был разбит. Летом в четвертый месяц взяли Цин-чжоу и Шунь-чжоу. Генералу Чжан-цин предписано с десятью полками Северной столицы следовать в южный поход, но он умыслил отложиться и предан казни. Младший брат его Чжан-чжи овладел городом Цзиньчжоу и, присвоив себе титул императора, назвал свое правление Син-лун. В пятый месяц, в день Гын-шен, главноуправляющий в Средней столице Ваньянь-фу-син умертвил себя ядом. Муянь-цзинь-чжун выехал из города, а Мингань занял их место в столице. В сем месяце (Чингисхан) уехал от жары в Хуань-чжоу [73 - Ныне Хуртун-балгасу.], откуда послал Хутука описать казенное имущество в Пекине. Осенью, в седьмой месяц Ду-сю, начальник укрепления Хун-ло-шаньчжай покорился и определен инспектором в Цзинь-чжоу. Чингисхан послал Ицири к нючженьскому государю с предложением, чтобы он сдал остальные города в Хэ-бэй и Шань-дун, чтобы сложил с себя титул императора и остался бы королем в Хэ-нань, чем и война должна прекратиться; но это предложение было отвергнуто. (Чингисхан) послал Ши-тянь-ин в южный поход младшим помощником главнокомандующего и дал ему печать золотого тигра. В восьмой месяц Ши-тянь-ин взял Пьхин-чжоу, и нючженьский генерал Цичжу покорился. Ши-цзин-дао, отряженный генералом Мухури, взял Гуан-нин-фу. Сею осенью завоевано городов и местечек сложным числом 862. Зимой, в десятый месяц, нючженьский генерал Фусэнь-онол, овладев страной Ляо-дун, объявил себя королем; царство назвал Да-чжень, а правление Тхьянь-тхай. В одиннадцатый месяц Елюй-люгэ приехал ко двору (Чингисханову), и сын его Елюй-шиша принят в придворную службу. Ши-тянь-сян пошел для усмирения города Синчжоу и взял в плен тамошнего инспектора Чжао-шеу-юй.

ИЗ ГАН-МУ

И-хай, восьмое лето. Царства Гинь правления Чжен-ю третье лето. Войско, посланное государем царства Гинь для избавления Средней столицы, встретившись с монголами под Ба-чжоу, пришло в великое замешательство. Летом, в пятый месяц, главноуправляющий в этой столице младший министр Ваньянь-чен-хой сам предал себя смерти. После монголы вступили в Среднюю столицу.

Средняя столица нючженьская уже давно находилась в осадном состоянии. Как Муянь-цзинь-чжун долго служил на войне, то Ваньянь-чен-хой препоручил ему военную часть, а себе предоставил главный над всем надзор и в представлении, квасцами писанном, донес двору о крайности своего положения. Нючженьский государь отправил для спасения столицы генерала Юн-си с корпусами областей Чжун-шань и Чжен-дин; генерала Ухури-циншеу с 18-тысячным корпусом из Да-мин, присоединив из юго-западных дорог 11 тысяч пехоты и конницы, а из Хэбэй 10-тысячный корпус. Генерал-прокурору Ли-ин предписал вести съестные припасы из Да-мин, а сенатору Фучжури следовать за ним. Ли-ин по прибытии в Да-мин получил несколько десятков тысяч войска; но в распоряжении ими не соблюдал никакого порядка. В третий месяц, будучи пьяным, встретился с монгольским войском по северную сторону города Ба-чжоу и, будучи разбит, потерял весь транспорт со съестными припасами и, наконец, убит в сражении. Корпусы генералов Ухури и Юн-си, получив об этом известие, оба обратились в бегство. После такого происшествия сообщение со Среднею столицей пресеклось, и она не могла уже ожидать вспоможений с внешних сторон. Чен-хой, советуясь с Цзинь-чжун, хотел вместе с ним умереть за отечество, но Цзинь-чжун не соглашался с ним. Чен-хой в досаде тотчас возвратился в свой дом. Впрочем, войска воспротивились ему, и все приняли сторону генерала

Цзинь-чжун. Для Чен-хой ничего более не оставалось, как умереть. И так он, простившись в храме с предками, призвал секретаря Чжао-сы-вынь и сказал ему: «Когда состояние дел дошло до такой степени, то осталось только из усердия к отечеству умереть». В пятый месяц, в некоторый день, Чен-хой написал завещание государю и перепоручил президенту сената Шиань-ши переписать. В сем завещании он рассуждал только о великих мерах в пользу отечества и о злонамеренных видах сенатора Гао-ци; сверх этого извинялся, что не мог сохранить столицы. Он был спокоен, как в обыкновенное время. Собрав все свое имущество, он позвал домашних людей и наделил каждого из них по заслугам. Весь дом рыдал. Чен-хой, с величественным видом разговаривая с Ши-ань-ши, сказал: «Все, что преподали мне учителя в пяти священных книгах, я тщательно соблюдал и по мере сил исполнял не для одной пустой учености». Как скоро он опьянел, то, взяв кисть, простился с Шиань-ши и на самом конце написал две буквы превратно (низом вверх), бросил кисть и сказал: «От вас я впал в погрешности и мог ли не расстроиться в наилучших намерениях?» Потом сказал Ши-ань-ши: «Прощай!» Ши-аньши лишь вышел из ворот, как услышал вопль и опять возвратился. На вопрос его сказали, что Чен-хой, приняв яд, уже умер. Домашние люди в замешательстве похоронили его в зале. В вечеру этого дня царицы, остававшиеся в Средней столице, услышали, что Цзинь-чжун намерен уехать на юг; почему, увязав платье, собрались у дворцовых ворот Тхун-сюань-мынь. Цзинь-чжун, в намерении обмануть их, сказал, что ему должно прежде выехать и открыть для них дорогу. Царицы поверили ему. И так Цзинь-чжун с любимой наложницей и приближенными своими выехал из города и более об этом не думал. После этого монгольские войска вступили в Среднюю столицу. Чиновников и жителей погибло при сем случае великое множество. Своевольствующие солдаты зажгли дворец, и пожар продолжался более месяца. В это время монгольский государь находился в Хуань-чжоу [74 - Хуртун-балгасу.]. Получив известие о взятии Пекина, он отправил нарочного, чтобы объявить благодарность Минганю с прочими и отвезти сокровища государственного казначейства на север. Таким образом погибли таблицы предков царствующего рода нючженей вместе с оставшимися в Пекине царицами. Цзиньчжун по прибытии в Чжун-шань сказал своим приближенным: «Если бы ехали вместе с царицами, то можно ли было нам достигнуть этого места?» Ши-ань-ши прибыл в Бянь с завещательным докладом министра Чен-хой, который по смерти пожалован княжеским достоинством и назван Чжун-су. Цзинь-чжун также приехал в Бянь. Государь освободил его от суда и произвел в сенаторы, но в скором времени за умысел против престола изменник был предан казни.

Зимой, в десятый месяц, монголы, осадив Тхун-гуань, крепость царства Гинь, не могли взять; почему через Сун-шань пошли на Бянь; но, будучи отражены жителями царства Гинь, обратно ушли.

Монгольский государь, имея пребывание при озере Юй-эль-ло, предписал Самха-батуру идти с десятью тысячами конницы из Си Ся на Цзин-чжао и осадить Тхун-гуань. Самха-батур не мог взять этой крепости, почему узкой дорогой через Сун-шань пошел на Жуйчжоу. Если встречал горные ущелья, то из связанных железных копий делал мосты для перехода. Преодолев столько трудностей, пошел на Бянь-цзин. Нючженьский государь наискорейше вызвал пестрошапочный корпус из провинции Шань-дун. Уже монгольское войско подходило к Син-хуа-ин, в 20 ли от Бянь-цзин, как пестрошапочный корпус отразил его. На обратном пути оно пришло к Шень-чжоу [75 - В Хэ-нань.]. В это время Желтая река покрылась льдом, почему монголы и перешли на северный берег. Нючжени решились защищать одни крепости. Монгольские войска, куда ни обращались, все покоряли. Нючженьский государь отправил посланника просить о мире. Монгольский государь, соглашаясь, сказал генералу Самхе: «Если серны и олени внутри облавной площади уже нами пойманы, а остался один заяц, для чего бы не пустить его?» Самха, стыдясь, что он еще ничем не отличился, не соглашался на заключение мира и отправил нарочного сказать государю нючженьскому, чтобы он, если желает договариваться о мире, сложил с себя достоинство императора и назвался вассалом, в замену же того признан будет королем.

Таким образом, не могли приступить к мирным переговорам.

В 12-й месяц монгольский Мухури убил генерала Чжан-цин. Чжан-чжи, младший брат последнего,

снова овладел городом Цзинь-чжоу и объявил себя королем.

Монгольский государь приказал генералу Чжан-цин с десятью полками Северной столицы следовать за Доголаном на южную войну; но Чжан-цин замыслил противное. Мухури, заметив это, предписал генералу Сяо-ужиню надзирать над вверенным тому корпусом. По прибытии в Пьхин-чжоу Чжан-цин сказался больным и медлил с походом. Ужинь взял его под стражу и предал казни. Младший его брат Чжан-чжи, досадуя, что погубили старшего брата его, казнил правителя канцелярии, занял Цзинь-чжоу и, объявив себя королем, назвал свое правление Син-лун. Он подчинил своей власти: Пьхин-чжоу Луань-чжоу, Жуй-чжоу, Ли-чжоу, И-чжоу и Гуан-нин. Мухури пошел на него с передовым корпусом генерала Мунгу-бухи и с корпусом генерала Уера. Вышеупомянутые города опять покорились монголам.

1216

Одиннадцатое лето Бинь-цзы. Весной Чингисхан возвратился в походный дворец на берегу Лу-цзюй-хэ. Чжанчжи взял город Син-чжун, но Мухури отнял. Осенью Сэрци-от и Самха-батур отправились со своими войсками из Си Ся в Гуань-чжун; в пути миновали Тхун-гуань, полонили нючженьского генерала Нимаха-Фулху, приступом взяли Жуй-чжоу и другие города, дошли до Бянь-цзин и возвратились. Зимой, в десятый месяц, Фусэнь-онол покорился, и сын его Тэргэ определен в придворную службу; но вскоре отложился и объявил себя королем Восточного Ся.

ИЗ ГАН-МУ

Бинь-цзи, девятое лето. Царства Гинь правления Чжен-ю четвертое лето. Летом, в четвертый месяц, Елюй-люгэ, правитель в Ляо, покорился монголам.

Монгольский государь определил Елюй-люгэ главнокомандующим и предписал иметь пребывание в Гуан-нин-фу.

Зимой, в 10-й месяц, монголы взяли нючженьскую крепость Тхун-гуань.

Монгольские войска расположились между горою Суншань и городом Жуй-чжоу. Нючженьский прокурорский приказ представлял своему государю происшедшее так: «Неприятельские войска, миновав Тхун-гуань, Жао-гуань и Мян-чжоу, далеко прошли вглубь и приближаются к западному предместью столицы. Им уже известно, что в столице находится многочисленное войско, почему, не делая приступа к городу, избегают сражения, но только конные отряды пресекают сообщение по дорогам, а другие войска их нападают на окрестные города. Это также неприметное окружение столицы. Если только иметь в виду одно защищение городов, то бедствия, постигшие Среднюю столицу, скоро увидим и в настоящее время. Сверх этого общественные и частные запасы здесь, в сравнении с запасами Средней столицы, и в сотую долю не сравнятся. Вот от чего леденеет сердце наше. Желательно, чтобы Вы приказали войскам области Шень-чжоу [76 - В Хэ-нань-фу.] прикрыть Тхун-гуань и занять позицию в противоположности с генералом Алибасом; выбрать в столице несколько десятков храбрейших офицеров, и каждому дать лучших солдат, чтобы они, смотря по обстоятельствам, производили поиски, где сражались бы, а где охраняли [77 - Мысль о партизанской войне.]; еще предписать, чтобы и в Хэ-бэй таким же образом поступили». Нючженьский государь отдал это представление сенату. Сенатор Чжугэ-гао-ци сказал на это, что члены прокурорского приказа несведущи в военном искусстве и что оборонительная система им неизвестна. Итак, представление остановлено. Когда монгольские войска день ото дня сближались около столицы, Гао-ци только о безопасности своей заботился и хотел, чтобы находилось в столице многочисленное войско. Таким образом, области и провинции, оставленные без всякой обороны, были разорены и разграблены. Нючженьский государь был обманываем, и положение царства его час от часу становилось опаснее.

В 11 месяц монгольский Мухури обложил Цзинь-чжоу и убил Чжан-чжи.

Как генерал Чжан-чжи имел лучшие войска, и притом полагался на крепость местоположения, то Мухури предпринял хитростью взять его. Итак, отрядив Уера осадить горную крепостцу Лю-ши-пху, при сем сказал ему: «Обложи это местечко теснее, и мятежники не преминут отправить войска на помощь. Тогда я выступлю сверх их чаяния и отрежу им возвратный путь. Таким образом в одно сражение можно захватить его». Еще предписал Мунгубухе занять позицию за 40 ли в Юн-дэ-сянь и примечать за движениями. Чжань-чжи, услышав, что Лю-ши-пху обложена, в самом деле пошел с войском для спасения этого места. Мунгу-буха отрядил часть конницы, чтоб пресечь ему обратный путь, и наискорейше послал известить Мухури, который в полночь с поспешностью повел войска и к рассвету пришел к реке Шэнь-шуй, встретился с Чжан-чжи. Мунгу-буха подоспел с своими войсками, и учинили нападение с лица и с тыла. Чжан-чжи, будучи совершенно разбит, бежал, и монголы обложили его в Цзинь-чжоу. Чжан-чжи в каждом сражении проигрывал, почему, затворив ворота, принял оборонительное положение. Через месяц генерал Гао-и, связав Чжан-чжи, вышел из города и сдался. Мухури казнил его (Чжан-чжи).

Царства Гинь генерал Суй-дин разбил монголов под Пьхин-ян.

Суй-дин, предполагая запереть монгольским войскам дорогу через Желтую реку, призвал войска из пяти округов, Цзян-чжоу, Сю-чжоу, Ши-чжоу, Ци-чжоу и Мыньчжоу, и поставил их в таком положении, чтобы могли напасть с лица и с тыла. Когда монголы переправились из Си-Гинь, что в Сянь-минь, на север и приблизились к городу Пьхин-ян, то Суй-дин вступил в сражение с ними. Монгольские войска были биты и ушли.

1217

Двенадцатое лето Дин-чеу. Летом мятежник Ци-хо-шан овладел городом Ву-пхин, но генерал Шитьянь-сян покорил его; вскоре за тем полонил нючженского генерала Чжао и препроводил его к Чингисхану. Чагань разбил нючженского генерала Гуалгя в Ба-чжоу в Чжи-ли. Дом Гинь предложил о мире, и Чагань возвратился. Осенью, в восьмой месяц, Мухури, будучи произведен визирем и пожалован королем, послан с монгольскими и китайскими войсками на юг, где он приступом взял Суй-чен и Ли-чжоу (Ли-сянь). Зимой, в десятый месяц, покорил Да-мин-фу, а потом утвердил на востоке города: И-ду, Чичжоу, Дын-чжоу, Лай-чжоу, Вэй-чжоу и Ми-чжоу. В том году колено Тумынь [78 - Колено Тумынь у Абулгази названо Тумат.] отложилось; но генерал Буринь-дурбэ усмирил их.

ИЗ ГАН-МУ

Дин-чеу, девятое лето. Царства Гинь правления Синдин первое лето. В 12-й месяц монголы постановили Мухури визирем и отправили его для завоевания земель по южную сторону гор [79 - То есть по южную сторону хребта Тхай-хан.].

Как Мухури оказал великие услуги, то монгольский государь, пожаловав его визирем и королем и уполномочив своим именем решать дела, дал ему клятвенную грамоту и золотую печать. Отделив десять корпусов генерала Хунгири и также заграничные и китайские войска, все подчинил его начальству; учредил военные сенаты в Янь и Юнь [80 - То есть в Шун-тьхян-фу и Да-тхун-фу.], и при сем сказал ему: «Земли по северную сторону хребта Тхай-хан я сам завоевал; о землях же по южную сторону того хребта тебе должно позаботиться». И так Мухури на юг от Пекина осадил города Суй-чен и Ли-чжоу и оба взял. Вначале город Ли-чжоу упорно защищался и покорился уже по совершенном истощении сил; Мухури, рассердившись, хотел вырубить город. В это время Чжаоцин, житель этот округи, служивший при Мухури в должности сотника, явился к нему в слезах и говорил: «Мать моя со

старшим братом находятся в городе. Я предлагаю собственную жизнь для искупления целого города». Этот просил столь жалостно и усердно, что Мухури, из уважения к его справедливости, склонился на просьбу, почему, поворачив на восток, ударил на Ци, утвердил за собою города: Лин-цзы, Дын-чжоу и Лай-чжоу; после этого возвратился.

Монголы облегли в Ся город Син-чжоу. Тангутский государь Цзунь-сян бежал в Си-лян.

Замечание. Цзунь-сян царствовал над народом и владел престолом. Когда же монголы вторглись в его земли, то не мог решительно защищаться; препоручил это другим и убежал. Не знак ли это слабости? С этого времени царствующий дом Ли-ши наипаче ослабел и не мог уже ободриться. Прямо написавши «бежал», Ган-му крайне обвиняет его.

В том же году возник бунт на южных пределах нючженьских, но вскоре укрощен. В сем же году нючжени объявили войну Южному Китаю и Тангуту, а в следующем году взяли у Южного Китая несколько городов.

1218

Тринадцатое лето Сюй-инь. Осенью, в восьмой месяц, войска, выступив из Цзы-цзин-кхэу, взяли в плен нючженьского генерала Чжан-жеу, которого хан оставил при прежней должности. Мухури из Западной столицы, вступив в Хэ-дун, взял Тхай-юань, Пьхин-ян, Син-чжоу, Дайчжоу, Цзэ-чжоу, Лу-чжоу, Фын-чжоу и Хо-чжоу (в Шэньси). Нючженьский генерал Вушань осадил Мань-чен, но Чжан-жеу отразил его. В том же году, воюя с Си Ся, обложили столицу королевскую; но тангутский государь Лицзунь-сян ушел в Си-лян. Киданьский Лухэ овладел некоторыми корейскими городами, но генерал Хао-цитчжала покорил его. После этого корейский король Дунь покорился и обязался ежегодно представлять дань, состоящую из местных произведений.

ИЗ ГАН-МУ

Сюй-дин, одиннадцатое лето. Царства Гинь правление Син-дин второе лето. В пятый месяц царства Гинь генерал Цзя-юй убил главноуправляющего в Средней столице Миао-дао-жунь [81 - Нючженьский государь, по отъезде своем на юг, оставил Миао-дао-жунь главноуправляющим в столичном пекинском округе, а Цзя-юй был помощником его.]. Генерал Чжан-жеу предпринял оружием усмирить его. Достигши крепости Цзы-цзин-гуань, он встретился с монголами и вступил в сражение; но взят в плен, а потому и покорился монголам.

Миао-дао-жунь был в ссоре с Цзя-юй. Однажды он выехал в сопровождении нескольких конных. Цзя-юй застрелил его, употребив для этого солдат, поставленных в засаде. Дао-жунь упал по левую сторону дороги. Сопровождавшие от ужаса разбежались. Некто Хо-бо-сян только сошел с лошади, поднял под руки генерала Дао-жунь; но этот уже ослабел в силах и не мог сесть на лошадь. Толпа вдруг выскочила из засады и бросилась к ним, но Бо-сян, потрясши копьё, громко закричал и убил несколько человек, прочие злодеи убежали. Бо-сян взял печать золотого тигра, висевшую на поясе у Дао-жунь, и немедленно отправил оную при донесении ко двору. Войска генерала Дао-жунь совершенно остались без предводителя, и генерал Цзин-ань-минь принял начальство над ними. Цзя-юй начал беспокоиться и отправил к Чжан-жеу нарочного сказать, что Миао-дао-жунь лишен жизни за то, что не делал ему пособия войсками. Чжан-жеу рассердился и, закричав на посланного, сказал: «Цзя-юй убил такого человека, которому я служил. Если я съем тело его, то еще недовольно буду удовлетворен». Потом призвал офицеров генерала Дао-жунь и предложил им отмщение. Все сделали пред Чжан-жеу поклонение и объявили его своим начальником. В то самое время как Чжан-жеу, собрав войска, пошел в Чжун-шань, монгольские войска выступили из Цзы-цзин-гуань. Чжан-жеу, встретившись с ними, вступил в сражение при Лан-я-лин; но под ним лошадь споткнулась, и он взят был монгольскими солдатами в плен. По прибытии в лагерь представлен генералу Мингань, пред которым Чжан-жеу, стоя

на ногах, не хотел преклонить колен. Окружающие начали принуждать его к тому; но Чжан-жеу, закричав на них, сказал: «Он предводитель, и я предводитель. Великий человек умирает, если должно умереть, но отнюдь для спасения жизни не унижится пред другими». Мингань удивился благородству его и освободил. Рассеявшиеся его солдаты малопомалу собрались. Мингань, опасаясь, чтобы Чжан-жеу не сделал переворота, взял в заложники родителей его, находившихся в Пекине. Чжан-жеу, вздохнувши, сказал: «Я получал от двора великие милости; но, сверх чаяния, по неосторожности дошел до настоящего положения». Видя, что усердие к престолу и сыновнее почтение не могут быть совместны, на время решился унизиться для родителей; он покорился монголам и определен главнокомандующим в Хэ-бэй.

<

> Объяснение. Цзя-юй по долговременной вражде убил Миао-дао-жунь, а Чжан-жеу пошел войною на него. Здесь еще видна справедливость, посему и приписано ему усмирение; но что он покорился монголам, на это не можно спокойно смотреть. Чжан-жеу, проиграв сражение, взят в плен и мужественно отказался от покорности, но после того как взяли его родителей в заложники, необходимость принудила его покориться. Любовь к родителям надлежит предпочитать обязанности к отечеству. Замечание. Генерал Чжан-жеу благородно поступил, будучи в плену у неприятелей. Впоследствии, сделавшись подданным монголов, служил указателем к гибели своего отечества. Здесь он совершенно пограл справедливость.

Осенью, в восьмой месяц, монгольский Мухури опять завоевал области и провинции царства Гинь в Хэдун. Царства Гинь главнокомандующий Ухури-дэшен с прочими погиб.

Мухури, обложив Тхай-юань, окружил его в несколько рядов. Нючженьский главнокомандующий Ухури-дэ-шен упорно защищался, и когда обрушился северо-западный угол города, Дэ-шен заставил его телегами. Трикратно монголы всходили на стены, и трикратно отражены были. Стрелы и камни падали как дождь. Но защищавшие паразит не могли устоять, и город взят. Дэ-шен, достигнув присутственного места, увидел тетку и жену свою и сказал им: «Я защищался здесь несколько лет, к несчастью, силы истощились». После этого он повесился. Советник Ли-гэ защищал Пьхин-ян. Войск стало мало, вспоможение пресечено, и город взят. Некоторые предлагали ему сесть на лошадь и пробиться сквозь неприятеля, но Лигэ, вздохнувши, сказал: «Я не мог защитить этого места, с каким видом явлюсь пред Сыном Неба? Вы можете ехать». После этого сам себя предал смерти [82 - В Китае при взятии в плен или при взятии городов нет условной сдачи. Остается только покориться; покориться в этом случае значит вступить в подданство неприятельской державы и обратить оружие против отечества, по сей причине смерть в таком случае почитается соблюдением долга, а покорность изменой государю. Полководцы или родоначальники при неудачных обстоятельствах скорее избирают смерть, нежели покорность, будучи предварительно уверены, что история передает подвиги их отдаленному потомству, а признательное отечество запечатлит имя их в храме славных мужей и почитит прах их жертвоприношениями.]. Ваньянь-эньчу-хын охранял Фу-чжоу. Генерал Нахата-фулату охранял Лучжоу; при взятии городов их они оба пали на упорном сражении.

Объяснение. Ухури-дэ-шен и прочие, будучи не что иное, как отродье иностранцев, умели защищать вверенные им от государя места, всеми силами отражая неприятеля, но когда уже невозможно было сопротивляться, то иные сами предали себя смерти, другие пали, упорно сражаясь; ни один не думал о спасении жизни, подобно бессмысленным животным. Ах! И левополые [83 - Кочевые народы, смежные с Китаем, все носят левую полу наверху, отчего китайцы называют их левополыми, т. е. варварами. Но ныне и сами китайцы, употребляя маньчжурское одеяние, носят левую полу наверху.], соблюдая справедливость, умели умирать за государя, а чиновники Среднего государства, изменив государю, служат неприятелю, достойны ли они имени человека? Посему Ган-му приписала им соблюдение долга и через то разительнейшим образом убеждает подданных служить государю с усердием.

Четвертое-на-десять лето И-мао. Чжан-жеу разбил генерала Вушань и взял города: Ци-янь, Цюй-янь, Чжуншань. Летом, в шестой месяц, в Западном краю убили посланников, и Чингисхан сам повел армию туда. Он взял Оторар и полонил его владетеля Хацзир-цзираньту. Осенью Мухури взял Кхэ-лань-чжоу, Цзи-чжоу и Си-чжоу [84 - Цзи-чжоу и Си-чжоу в провинции Шаньси.]; осадил Цзян-чжоу и, взяв этот город приступом, вырубил жителей.

ИЗ ГАН-МУ

И-мао, второе-на-десять лето. Царства Гинь правление Син-дин третье лето. Монгольский Чжан-жеу напал на царство Гинь, взял во плен Цзя-юй и убил. Царства Гинь генерал Вушань вступил в сражение с ним под городом Мань-чен и был совершенно разбит. Многие провинции и уезды в Хэ-бэй покорились монголам.

Чжан-жеу, с войсками посланный монголами на юг, покориł Сюн-чжоу, И-чжоу в Чжи-ли, Бао-ань. Он непременно хотел казнить Цзя-юй, но тот занимал местечко Кхуншань-тхай, в котором Чжан-жеу хотя осадил его, но не мог взять. Это местечко не имело ни колодцев, ни ключей, а воду брали при подошве горы. Чжан-жеу пресек дорогу к воде, и Цзя-юй в крайности принужден был покориться. Чжан-жеу, связав его, вырезал сердце и принес в жертву тени генерала Миао-дао-жунь. После этого повел войска далее и расположился в городе Мань-чен. Вушань, собрав несколько десятков тысяч войска из окрестных городов, осадил Чжан-жеу. Тот выступил со всем корпусом, оставив только несколько сот человек. Старым, слабым, женщинам и девицам велел стоять на стенах, а сам с сильными солдатами пробился в тыл войскам генерала Вушань, повредил осадные орудия и в сопровождении нескольких конных, приударив лошадей, с копьями в руках и с ужасным криком устремился на ряды осаждающих. Войска генерала Вушань все смешалось. Чжан-жеу еще приказал выставить вдоль гор множество знамен; разглашать, что пришло вспоможение; волоча хворост, поднимать пыль и подступать с барабанным боем. Войска генерала Вушань совершенно рассеялись, и Чжан-жеу, преследуя тылы, несколько десятков ли устлал трупами. Пользуясь победой, он взял город Вань-чжоу. Следствием этого было то, что начальники городов Ци-янь и Цюй-янь покорились ему. После этого Чжан-жеу обложил Чжун-шань-фу. Отряженный генералом Вушань предводитель Гэ-тьхе-цян вступил с ним в сражение в Син-лэ. Одна стрела попала в челюсть генерала и вышибла два зуба, но он, выдернув стрелу, еще продолжал сражаться; и Гэ-тьхе-цян, будучи разбит, лишился нескольких тысяч человек убитыми в том сражении. Вушань еще отрядил генерала Лю-чен, но Чжан-жеу и этого разбил. Вследствие чего на юге ограбил нючженьские уездные города: Гу-чен, Шень-цзэ и Нин-цзинь. От Шень-чжоу и Цзи-чжоу (в Чжи-ли) на восток около тридцати городов при первом его появлении покорились; и страшное имя генерала Чжан-жеу повсюду пронеслось в Хэ-шо.

Объяснение. Убить убийцу не есть преступление.

Настоящее предприятие генерала Чжан-жеу не может почитаться противным справедливости, но почему не «казнил», а «убил» написано? Причины утверждают виновность: Цзя-юй хотя и виноват в самовольном убиении генерала Миао-дао-жунь, но он был подданный нючженьский. Чжан-жеу с того времени, как поддался монголам, уже отделился от государя и подданных царства Нючженьского, и хотя он убил Цзя-юй в отмщение за Миао-дао-жунь, но здесь только мятежник убил мятежника и, без сомнения, не заслуживает быть примером. Ган-му беспристрастно написала «убил» и через то, обвиняя Чжан-жеу в нарушении долга, не приписала ему справедливости в усмирении мятежника.

Замечание. Чжан-жеу был полководцем царства Нючженьского и в отмщении за Миао-дао-жунь справедливо поступил. Что касается до его подданства монголам, он не имел этого в намерении, необходимость принудила учинить это для своих родителей. Но после подданства монголам надлежало ему изыскивать средства, как бы избавить родителей и возвратиться в отечество, а он, напротив этого, пошел против своего отечества с оружием. По этой причине Ган-му, говоря «монгольский Чжанжеу»,

тем обвиняет его в измене отечеству. Выше написано «усмирить Цзя-юй»; здесь же написано не «усмирить», а «убить». Чжан-жеу восстал на царство Нючженьское, и посему не приписано ему усмирение мятежника. Впоследствии те, которые покусятся изменить или восстать на отечество, уже могут знать, чего должно опасаться в таком случае.

Монгольский Темуджин воюет царства Западного края. Монголы напали на Гао-ли и покорили.

Монгольские войска, преследуя изменников в поколении Кидань, проходили через пределы королевства Гаоли. Кореец Хун-да-сюань покорился и, служа проводником, вместе с ними осадил свою столицу. Король Дунь покорился. С этого времени политические связи с Кореей не прерывались.

1220

Пятое-на-десять лето, Гынь-чен. Весной, в третий месяц, Чингисхан взял город Буха. Летом, в пятый месяц, взял Татикань и расположился лагерем при Ешил-ти-се. Осенью взял Отолор. Мухури при покорении земель пришел к Чжен-дин, и генерал Вушань покорился. Ши-тьхянь-ни определен главнокомандующим в западной части провинции Хэ-бэй, а Вушань помощником его. В провинции Дунпъхин генерал Янь-ши, описав до 300 000 семейств (ниже сказано: душ) в округах: Чжан-дэ, Дамин, Цы-чжоу, Минчжоу, Энь-чжоу, Бо-чжоу, Хуа-чжоу [85 - Бо-чжеу в Шань-дун, Хуа-чжеу в Хэ-нань.] и Сюнь-чжоу, поддался Чингисхану. Почему Мухури, именем Чингисхана, поставил его здесь правителем. Зимой покорился Ву-гуй, нючженьский инспектор в Син-чжоу. Мухури осадил Дунпъхин, но не мог взять и оставил Янь-ши для наблюдения, а сам, сняв осаду, пошел в Мин-чжоу и, разделив войска на части, прошел прочие области в провинции Хэ-бэй. В сем году Дун-цзюн сделан младшим помощником главнокомандующего в корпусе Луи-ху-вэй.

ИЗ ГАН-МУ

Гынь-чен, третье-на-десять лето. Царства Гынь правления Син-дин четвертое лето. Летом, в четвертый месяц, монголы взяли Мин-чжоу. Осенью, в седьмой месяц, двор Гынь послал нарочных в Монголию просить о мире.

Нючженьский двор отправил Уксуня-чжун-дуань в Монголию просить о мире, с признанием монгольского государя за старшего брата. Монгольский государь не согласился.

Царства Гынь генерал Вушань покорился с городом Чжен-дин монголам. Мухури определил Ши-тьхяньни в должность инспектора Западной дороги в Хэбэй, генерала Вушань помощником его.

Мухури по прибытии в Мань-чен послал Мунгу-буху с тремя тысячами легкой конницы на Дао-магуань. В это время Вушань отрядил генерала Гэ-тьхе-цян осаждать Тхай-чжоу. Гэ-тьхе-цян, встретившись с Мунгу-бухою, вступил с ним в сражение и был разбит. Вследствие чего Вушань покорился с своим городом. Ши-тьхянь-ни сказал генералу Мухури: «Ныне Чжун-юань уже несколько утверждена, но армия еще в проходимых ею местах производит своевольтва и грабительства. Это не есть цель самодержца, успокаивающего народ и наказывающего преступления. Сверх этого, государь, ты должен истреблять тиранов, и как можно подражать поступкам других корпусов?» Мухури одобрил это и немедленно предписал воспретить грабительство и отпустить пленных стариков и детей. Строгий порядок восстановил силу армии. Замечание. В отношении к сердцу человеческому и порядку небесному нет ни малейшего различия между иноземцами и китайцами. Если Срединное государство потеряет этот порядок, то погибнет; если иноземцы приобретут его, то возвысятся. Возвышение и гибель не породю племен определяются, но смотря по тому, где и в каком содержании небесный порядок. Ах! Монголы при самом начале дела показывают столь похвальные примеры. Возможно ли против воли не признать владычества их над собой?

Монголы отправили посланника в царство Гинь.

Монгольский государь отправил Даху с ответом ко двору нючженьскому, а Уксуню-чжун-дуань сказал: «Я прежде хотел, чтобы твой государь отдал мне земли по северную сторону Желтой реки, и на сем условии прекратить войну; но он не согласился. Ныне из уважения к твоему дальнему пути скажу: “Хэ-шо под моею державою. Уступите мне несколько городов от Гуань-си к западу, еще не сдавшихся. Пусть государь твой останется королем страны Хэ-нань. Не противьтесь более”».

В 11-й месяц монгольский Мухури вступил в Цзинань, Янь-ши с провинциями Вэй-чжоу [86 - Вэй-сянь в Гуан-пъхин-фу.] и Бо-чжоу [87 - Дун-чан-фу в Шань-дун.] опять покорился монголам.

Как скоро Мухури ввел порядок в войсках, то области и провинции с радостью покорялись. Вследствие этого Мухури с легкой конницей вошел в Цзи-нань. Ань-ши, описав в подведомственных ему трех областях и шести округах 500 000 душ, явился в лагерь и покорился. Мухури именем хана определил его правителем. Генерал Лисинь, пользуясь отсутствием Янь-ши, убил все его семейство и покорился дому Сун; но Янь-ши, напав на Ли-синь, убил его самого и обратно взял Цин-йя-гу.

Жители царства Гинь внезапно напали на монгольского Мухури в Цзи-нань и были наголову разбиты. Мухури пошел далее и обложил Дун-пъхин.

В это время 200 000 нючженьских войск стояли при Хуан-лин-ган. Двадцать тысяч из них отряжено было учинить поиск против Мухури в Цзи-нань. Мухури дал сражение и разбил их. Потом подвинулся с войсками к Хуанлин-ган. Нючженьские войска выстроились на южном берегу реки. Мухури приказал конным спешиться и сделать схватку коротким оружием. Нючженьские войска были совершенно разбиты, и великое множество потонуло в реке. После этого Мухури взял Чу-цю, пошел через Шань-чжоу на Дун-пъхин и обложил этот город.

Монгольский Елюй-чуцай представил календарь Гынь-ву-юань-ли.

Елюй-чуцай был внук князя Тууй из дома Ляо в восьмом колене, сын Елюй-ли, министра при дворе нючженьском. В третье лето правления Чжен-ю (1215) произведен в ответ Средней столицы членом экспедиции. Когда этот город был взят, то и он покорился монголам. Однажды монгольский государь, разведывая о потомках дома Ляо, позвал к себе Елюй-чуцай и сказал ему: «Дома Ляо и Гинь всегда были враждебны друг другу. Я буду мстителем за тебя». Елюй-чуцай в ответ сказал: «Еще при деде и родителе моем я служил, обратившись лицом к северу, будучи прежде подданным, могу ли питать двоедушие и враждовать против прежнего государя и отца?» Монгольский государь, тронутый его ответом, повелел определить его при себе на случай вопросов. Елюй-чуцай знал математику; особенно был глубок в метафизическом познании естества (в астрологии). Как календарь династии Гинь, называемый Да-мин-ли, уже не соответствовал настоящему течению времени, то Елюй-чуцай, следуя в то время за Чингисханом в западной войне, поднес ему новый календарь, называемый Гынь-ву-юань-ли. Монгольский государь пред каждым походом непременно заставлял Елюй-чуцай предварительно ворожить, удачно ли будет предприятие; также и сам поверял его ворожбу сжиганием бараньего легкого, и потом уже приступал к действию.

Объяснение. Елюй-чуцай в восьмом колене был из царствующего дома Ляо. Потомки не могли отомстить и покорились дому Нючженьскому; не двоедушие ли показали они, забыв величайшего врага государю и отцу? Как скоро они покорились нючженьям, то Елюй-чуцай уже стал подданным их, но снова, нарушив верность к дому Нючженьскому, покорился монголам. И так от предка до внуков все питали двоедушие, когда, забыв своего государя, служили его врагам. И как он, не чувствуя ни стыда в лице, ни смущения в совести, мог говорить монголам о своем недвоедушии? Так девица,

лишившаяся невинности, при всей ее красоте и отличном образовании не заслуживает уважения.

1221

Шестнадцатое лето Синь-и. Весной Чингисхан осадил города Бухар и Саймар-кань; а царевич Джучи осадил города Аньцзиянь и Барчан, и все взяты. Летом, в четвертый месяц, хан расположился лагерем у Тъхе-мынь-гуань. Нючженьский государь прислал Уксуня-чжун-дуань, с грамотою, в которой просил о мире на условии остаться ему по-прежнему императором и считаться младшим братом, но Чингисхан, как и прежде, не согласился. Мунгу Нючженьский, начальствующий в городе Дун-пъхин, бросив этот город, удалился, и Янь-ши занял его. От двора Сун прислан генерал Гэу-хун-юй для заключения мира. Летом, в шестой месяц, тамошний генерал Ши-гуй покорился со своим корпусом и сделан главнокомандующим в трех округах: Цзи-чжоу, Янь-чжоу и Дань-чжоу, все в Шань-дун. Осенью Чингисхан взял Баралк и другие города; царевичи Джучи, Джагатай и Угэдэй, воюя в разных местах, взяли Юрун-хаши и другие города. Зимой, в десятый месяц, царевич Тулуй взял города Мальцилик и Малциарас. Мухури пошел в Хэ-си и взял окружные города: Цзя-чжоу, Суй-дэчжоу, Бао-ань, Фу-чжоу, Фан-чжоу и Дань-чжоу [88 - Все в провинции Шэньси.]; потом осадил Янь-ань, но не мог взять. В одиннадцатый месяц царства Сун правитель области Гинь-дун, Чжан-лин, покорился со всеми главными городами этой провинции и сделан главнокомандующим округов Цзин-чжоу, Биньчжоу и Дай-чжоу [89 - Бинь-чжоу и Дай-чжоу в провинции Шань-дун.]. В этом году Чингисхан сделал предложение области Дэ-шунь.

ИЗ ГАН-МУ

Син-и, четвертое-на-десять лето. Царства Гинь правления Син-дин пятое лето. В четвертый месяц царства Гинь генерал Ян-нин сразился с монголами и, будучи разбит, умер. В пятый месяц монголы взяли царства Гинь город Дун-пъхин и оставили генералов Янь-ши и Ши-гуй для охранения. Двор Гинь определил генерала Мунгу-гана правителем в Пъхичжоу, генерала Ван-тъхин-юй правителем канцелярии главнокомандующего при Хуан-лин-ган.

Дун-пъхин долго находился в осаде. Подвоз съестных припасов снова отрезан был. Правитель Мунгу-ган и корпусный надзиратель Ван-тъхин-юй не могли далее оставаться в городе и с войсками своими пошли на юг в Цъхичжоу. Монгольский Сурэ-хушури ударил на них в дороге и оставил на месте 7000 человек убитыми. Вследствие чего Янь-ши вступил в город и поместил сенат в провинциальном правлении. Салитай по распоряжению короля Мухури разделил Дун-пъхин на две части и препоручил генералу Янь-ши округи Энь-чжоу и Бо-чжоу на севере, а Ши-гуй перенес правление в Цао-чжоу.

Зимой, в десятый месяц, монгольский Мухури внезапно напал на Ся. Тангуты присоединились к нему со своим войском. Вследствие чего завоевали города царства Гинь: Цзя-чжоу и Суй-дэ-чжоу. В одиннадцатый месяц обложил Янь-ань-фу.

Мухури, вплавь переправившись через Желтую реку при Дун-шен-чжоу, пошел с войсками на запад. Тангутский государь, услышав о том, пришел в страх и отправил генерала Дахая угостить Мухури в Ордосе; сверх этого предписал генералу Дагэ-ганьпу присоединиться к Мухури с 50 000 войска. В десятый месяц Мухури пошел с армией на восток и вступил в Цзя-чжоу. Нючженьский генерал Ван-гун-цзо уклонился. Мухури на время препоручил управление города генералу Ши-тъянь-ин, а сам осадил Суй-дэ и разбил крепостцы Ма-чжай и Кхэ-жун-чжай. Тангутский государь приказал генералу Мипу со своими войсками присоединиться к Мухури. Мипу спросил у этого полководца о церемониях взаимного свидания. «По тому же образу, – сказал Мухури, – как твой государь видится с моим государем». – «Не имею повеления, – отвечал Мипу, – от моего государя, не смею сделать поклонения». Почему и отошел с своими войсками. Но тогда как Мухури пошел осаждать Янь-ань, Мипу, держа лошадь, учинил поклонение пред ним. Нючженьский главнокомандующий Хада и генерал

Нахата-майчжу выступили против монголов. Хада с 30 000 расположился на восточной стороне города. Монгольский генерал Мунгу-буха пошел вперед с 3000 конницы и условился, чтобы засадные войска поднялись в полночь. И так, Мухури приказал солдатам с кляпцами во рту скрытно идти и засесть на восточной стороне города в двух логах. На другой день Мунгу-буха, усмотрев издали нючженьские войска, притворно бросил знамена и литавры и побежал. Нючженьские войска погнались за ним. Мухури выступил с засадой в тыл им, небо сотряслось от литавренного боя. Войска нючженьские совершенно разорались. Мухури, преследуя их, убил около 7000 человек. Хада ушел в город Янь-ань и, укрепившись в нем, не выходил более. По крепости стен городских и по глубине внешнего рва Мухури вдруг не мог взять этого места, почему, оставив часть войск для обложения, сам с армией пошел на юг и осадил Фу-чжоу и Фанчжоу (оба в Гань-су).

Чжан-лин, генерал царства Сун, отложился и покорился монголам. Мухури определил его главнокомандующим Восточной дороги в провинции Шань дун. Ли-фу из Цзяо-си обратно бежал.

Ли-цюань, как скоро получил начальство еще над патриотами в Лянь-шуй, сделался гораздо надменнее и самонаравнее. Он уже пренебрегал двором, самовольно предпринял путь к горе Гинь-шань и там молился, обещаясь умереть за престол. Цяо-син-цзянь встретил его в Чжен-цзян-фу на судах и сделал великое пиршество. Лицюань по возвращении, разговаривая с своими сообщниками, сказал: «Цзян-нань есть прекрасная, несравненная страна. Надобно нам с вами по прибытии туда построить суда, чтобы воспользоваться выгодами судоходства. Цзяо-си должно быть важным проходом в Нинхай и удобным для привоза всех товаров». Он, назначив это место главным для себя прибежищем, препоручил управлять им старшему своему брату Ли-фу. В это время взаимная торговля только что открылась. Северные жители преимущественно уважали южные товары. Цены возвышались в десять крат. Ли-цюань завлекал купцов на южную сторону гор и, отправляя их товары на судах, пополам делился. Из реки Хуай поворачивали в море и приходили в Цзяо-си. Ли-фу, перевоза далее сухим путем, собирал половинные пошлины и потом позволял производить мену с прочими городами. Извозчиков всех поручил генералу Чжан-линь. Этот не мог сносить того. Он получал доходы от шести солеваренных заводов. Ли-фу, по благоволению брата своего к генералу Чжан-линь, захотел войти в половинную часть. Чжан-линь соглашался, чтобы Ли-фу брал соль сколько ему угодно, но не уделял ему солеварен. Ли-фу, рассердившись, сказал: «Так ты забыл милости? Дождавшись инспектора, я оружием получу твою голову». Чжан-линь пришел в страх. Сообщник его Ли-ма-эльль советовал ему поддаться монголам. Вследствие этого Чжан-линь предложил, что он покоряется им с городами области Цзинь-дун. Мухури определил его главноначальствующим Восточной дороги провинции Шань-дун над округами: И-ду, Цан-чжоу, Цзин-чжоу, Бинь-чжоу и Дай-чжоу. Ли-фу в расстроенном положении возвратился в Чу-чжоу. Чжан-линь в письме к Цзя-шэ писал, что он не сам по себе отложился, но Ли-фу принудил его к тому.

Объяснение. Чжан-линь возвратился из царства Нючженьского в отечество. Отступить от иностранцев и перейти к Китаю дело обыкновенное. Ныне, без всякой причины покорившись монголам, снова отступил от Китая и перешел к иностранцам. Перенести высокое дерево в мрачный лог, не таково ли есть непостоянство генерала Чжан-линь? Почему, чтобы выказать непростительную его вину, прямо написано «отложился». Впрочем, отложение генерала Чжан-линь произошло от притеснений генерала Ли-фу с братом. Чжан-линь, нарушив порядок, не достигнул цели и, завернув голову, как слепой сунулся, – где же усердие к престолу? Бежать есть поступок обыкновенного человека. При достоинстве полководца унизился до подражания обыкновенным людям. Написав «обратно бежал», история порицает крайнее его неблагоразумие. Ли-фу с прочими, раздражив Чжан-линь, потом бежал, – так ли должно служить государю? Потому-то Ган-му и называется Ган-му, и, исключая великих мужей, никто не может сочинять ее.

Замечание. Искони не было, чтобы вельможи, состязавшиеся о личных выгодах, не привели своего государства в худое положение. И Цзя-шэ может ли оправдаться пред светом?

Седьмое-на-десять лето, Жинь-ву. Весною царевич Тулуй взял города Тушени и Чор и на обратном пути, проходя через владение Муруй, причинил великое опустошение. После этого переправился через реку Чучулу, взял Ила-лик и другие города и, соединившись с Чингисханом, приступом взял крепость Тарху. Мухури со своими войсками взял города: Цянь-чжоу, Цзин-чжоу, Бинь-чжоу, Юань-чжоу и осадил Фын-сян [90 - Все в провинции Шэньси.], но не мог взять. Летом Чингисхан от жары уехал в крепость Тарху. Чжаладин, владетель Западного края, бежал к Малик-хану и соединился с ним. Генерал Хутук вступил с ними в сражение, но не имел успеха. Чингисхан сам пошел против них и полонил Малик-хана, а Чжаладин спасся бегством. Отряженный для преследования генерал Бала не мог догнать его. Осенью нючженьский двор еще отправил Уксуня-чжун-дуань с предложением о мире. Он представлен Чингисхану во владении Хойхор. Чингисхан сказал ему: «Я прежде требовал, чтобы твой государь отдал мне земли по северную сторону Желтой реки, а сам остался бы королем в Хэ-нань, и на сем условии прекратили бы войну; но он тогда не соглашался. Ныне, когда Мухури уже покорил эти земли, и вы начали предлагать о мире». Чжун-дуань просил сжалиться над ним. Чингисхан сказал ему: «Из одного уважения к отдаленности пути объявляю, Хэ-шо уже завоевана мною, но в Гуань-си некоторые города еще не сдались нам; пусть государь твой, уступив их мне, останется королем в Хэ-нань; более не противьтесь». Чжун-дуань возвратился. Нючженьский князь Ху-тянь-цзо сдался с Цин-лун-пху. Зимой, в десятый месяц, нючженьская область Хэ-чжун покорилась, и Шитьянь-ин сделан главнокомандующим в ней.

ИЗ ГАН-МУ

Жинь-ву, пятое-на-десять лето. Царства Гинь правления Юань-гуань первое лето. Осенью, в седьмой месяц, царства Гинь генерал Ху-тянь-цзо покорился монголам.

В это время Мухури обратил войска против Цин-лунпху. Вследствие чего Ху-тянь-цзо покорился.

Зимою, в десятый месяц, монгольский Мухури взял царства Гинь город Хэ-чжун, и генералу Ши-тяньин поручил на время управление странами Хэ-дун, Гуань и Шень.

Мухури во всех проходимых им местах покорял окружные и уездные города. В это время нючженьский двор перенес правление области Цзи-чжоу [91 - В Пьхин-ян-фу.] в крепостцу Нью-синчжай. Мухури из Си-чжоу [92 - В провинции Шаньси.] осадил ее. Окружной правитель Ян-чжен велел жене своей с семейством броситься с утеса, а потом и сам за ними последовал, и все умерли. Мухури вступил в крепостцу и оставил в ней гарнизон. Сверх того, предписал Мунгу-бухе ехать с отрядом конницы на Цинь-чжоу и Лун-чжоу, под предлогом вспоможения, а между тем обозреть положение гор и рек; сам с войсками взял Мынь-чжоу и крепостцы Гинь-ян и Хо-и и, призвав генерала Ши-тянь-ин, сказал ему: «Область Хэчжун есть важная для провинции Хэ-дун; кроме тебя, нельзя определить другого начальника в ней». И так, препоручив ему в управление Пьхин-ян, Тхай-юань, Цзичжоу и Си-чжоу, Мухури пошел в Чан-ань, где оставил генерала Хунайтай-буху для охранения, а генерала Анги послал с войском отрезать Тхун-гуань.

Царства Гинь генерал Ван-тьхин-юй взял Цао-чжоу и убил монгольского Ши-гуй. В одиннадцатый месяц монгольский Мухури взял в царстве Гинь город Тхунчжоу [93 - В провинции Шаньси.]. Генерал Ваньянь-эркэ умер.

Объяснение. О смерти по долгу непременно пишется. Сим одобряется сохранение справедливости. Но умирать по долгу есть должное для каждого подданного, для чего же записано? Для поощрения к добру. Кто узнает цель писанного в Ган-му, тот токмо может безошибочно судить о похвале добру и осуждении пороку.

В двенадцатый месяц монгольский Темуджин вступил в Западный край, вырубил жителей города Мели, уничтожил царство Магометанское (Хивинское), произвел великие грабительства в Индии и возвратился.

Прежде этого монгольский государь отправил на запад своих сыновей, Джучи, Джагатай, Угэдэя и Тулуя, каждого с особым корпусом. Они взяли города Ханьтолар, Юрунхаши и прочие, а сам взял города Телими и Балк; после этого приступом взял крепость Тарху и приблизился к Магометанскому царству, владетель коего, оставив столицу, бежал на морской остров и там в непродолжительном времени умер с голоду. После этого монгольский государь расположился в Индии у крепости «Железные ворота» (по-китайски Тех-мынь-гуань). Телохранители увидели одного зверя, который имел подобие оленя, конский хвост, зеленый цвет, один рог и мог говорить по-человечески. Этот зверь сказал телохранителям: «Вашему государю надлежит заблаговременно возвращаться». Монгольский государь изумился и спросил о том у Елюй-чуцай. Мудрец ответил: «Зверь этот называется годуань и разумеет языки всех народов; он знаменует беззаконное кровопролитие. Ныне уже четыре года, как большая армия воюет Запад. Посему Небо, гнушаясь убийствами, послало его для объявления тебе, государь! Пощади, в угождение Небу, жителей сих нескольких царств. Это будет бесконечное счастье для тебя [94 - Кажется, что это была выдумка Елюй-чуцаева, чтобы остановить неистовства Чингисхановы.].». Вследствие этого монгольский государь произвел великие грабежи в Индии и возвратился.

Объяснение. Великий муж наибольшую внимательность должен иметь при различии китайцев от иностранцев. О монгольском Темуджине уже писано было, что он объявил себя императором. Но касательно его двора писано только «монголы»; касательно имени писано только «Темуджин»; касательно же его кончины написано прозвание, написано имя, написано «умер». Во всех отношениях он выставлен иностранцем. В том-то состоит отличительное свойство летописи Ган-му, и, кроме великих мужей, никто не может сочинять ее. Слово «вступить» означает мятежничество и непокорность; слово «истребить» означает лютость и бесчеловечие; слово «уничтожить» означает вышнюю степень бесчеловечия; слово «огрбить» означает злодея. Все это относится к порицанию и отчуждению. Любители учености чем глубже вникнут в цель способов исторического писания, тем основательнее могут судить о Ган-му. В подобном же смысле ниже написано, что Мухури умер в Си-чжоу.

1223

Восемнадцатое лето Гуй-вэй. Весною, в третий месяц, визирь и король Мухури скончался. Летом Чингисхан уехал от жары к реке Пормань. Наследник Джучи, царевичи Джагатай, Угэдэй и Бала возвратились с войсками и присоединились к Чингисхану. После этого утверждены города Западного края и постановлены даругации [95 - При династии Ляо, употреблявшей солонское или даурское наречие, такие чиновники назывались даруга. Последнее слово употребляется и у монголов.] для управления их. Зимою, в десятый месяц, нючженьский государь Сюнь скончался. Сын Шеу-суй возведен на престол [96 - Этот государь по-маньчжурски назывался Ниньясу или Нингясу.]. В сем году двор Сун вторично прислал к Чингисхану генерала Гэу-хун-юй.

ИЗ ГАН-МУ

Гуй-вэй, шестнадцатое лето. Царства Гинь правления Юань-гуан второе лето. Весною, в первый месяц царства Гинь, главнокомандующий Хэу-сяо-шу взял Хэ-чжун и убил монгольского Ши-тянь-ин.

Мухури, осаждая Фын-сян-фу, денно и ночью [97 - В это время Китай еще держался тех правил военной тактики, что при осаде городов войска посменно дрались и днем, и ночью.], с великими усилиями сражался около сорока дней и не мог взять этого города. Наконец он решился возвратиться

через Хэчжун на север. Нючженьский главнокомандующий Сяошу, нечаянно напав на Хэ-чжун, взял город этот, убил генерала Ши-тянь-ин, сжег судовой мост и отступил. Мухури препоручил начальство над войсками генерала Шитьян-ин сыну его Ши-тянь-кхэ. Нючженьский государь предписал было главнокомандующему Арудаю защищать Хэ-чжун, но тот, будучи робок, не мог защищаться оружием, а выжимал из народа тук с кровью, в намерении укрепиться земляными валами и рвами. Когда же был потерян Цзян-чжоу, то Арудай пришел в больший еще страх и поспешно представил двору, что Хэ-чжун остался одинок и невозможно сохранить это место. Указано ему самолично осмотреть город, и если в самом деле невозможно сохранить его, то оставить, в противном случае значило бы дать пособие неприятелю. Вследствие этого Арудай, оставив Хэ-чжун, зажег дома жителей и казенные здания, которые в два дня превратились в пепел. Вскоре за тем представили двору, что Хэ-чжун есть важная крепость, в которой заключается основание престола, и если неприятели овладеют этим городом, то невозможно полагать всей надежды на преграды великой реки. Нючженьский государь указал местному начальству возобновить город, но никак не могли привести начатого к концу. По этой-то причине город то был защищаем, то занимаем неприятелями.

Объяснение. Хэ-чжун есть древнее нючженьское место. Хэу-сяо-шу обратно получил его. Для чего же написано «взял»? Предки Нючженьского дома притеснительными средствами похитили его у Срединного государства. По этой причине, хотя после потери город обратно взяли силою оружия, но с намерением написано «взял», и таким образом не приписывается им обладание китайских земель. В том-то заключается глубокий смысл летописи Ган-му в устранении иностранцев от Китая, и сравнивать ее с обыкновенными историями отнюдь не должно.

В третий месяц монгольский Мухури умер в Сичжоу.

Мухури, возвращаясь с войском из Хэ-чжун-фу, прибыл в уезд Вынь-си, что в области Си-чжоу. Здесь болезнь его сделалась опасной, и Мухури, разговаривая с младшим своим братом Дайсунем, сказал: «Уже сорок лет как я занимаюсь войною, вспоможествуя государю в совершении великих подвигов, и никогда не скучал; теперь досадую только, что Бянь-цзин еще не взят; постарайся о сем». По окончании этих слов скончался на 54-м году от рождения. Мухури был храбр, мужествен, искусен в соображениях. Он, Боорчу, Цилагунь и Борохан служили своему государю верностью и мужеством и прозывались Дурбан-хулук, т. е. четыре рыцаря. Однажды монгольский государь проиграл сражение, и в это время пошел большой снег. Потеряв путь к стойбищу главной ставки, он прилег в травянистом займище. Мухури и Боорчу прикрыли его войлоком и с вечера до рассвета ни на шаг не отходили от него. Боорчу, сопровождая его на войне, оказал весьма много услуг и был из приближеннейших к нему. Он, наконец, сделан младшим темником. Борохан самолично дрался во многих битвах и умер на поле сражения; он, наконец, был первым тысячником. Цилагунь в заслугах равняется с тремя вышеупомянутыми мужами. Потомки сих четырех мужей всегда начальствовали над дворцовой стражей под наименованием Дурбан-хулук; а если выходили к статским делам, то служили министрами.

Летом, в пятый месяц, монголы в первый раз определили даругациев для управления городами.

Монгольский государь, уклонившись от летней жары к Пормань [98 - Река Пормань должна находиться в Западном Туркестане, составляющем владение Кохан.], разослал войска для нападения на ближайšie колена и покорил их. По прибытии к крепости Кэвынь, соединился с прочими генералами; и как Западный край несколько утвердился, то для управления постановил в каждом городе даругациев. Даругаций есть управляющий чиновник.

Царства Гинь государь Сюнь скончался. На престол возведен сын его Шеу-суй.

Монголы напали на Ся. Тангутский государь Цзуньсянь сдал царство сыну своему Дэ-ван.

Цзунь-сянь принял наименование августейшего, но в скором времени скончался.

Монгольский Субут напал на Киньча и уничтожил то владение.

Он произвел великие грабежи в западных пограничных народах и возвратился [99 - Это происшествие относится к первому нашествию монголов на Россию, которое у нас полагается в 1224 г. Удивительно, что в настоящей истории династии Юань это происшествие пройдено молчанием. Киньча есть Кипчак. Надобно полагать, что татари пришли к восточным пределам России в 1223, а в России воевали в 1224 г.].

Объяснение. Монголы, проникши из Шамо, распространили притеснения за моря и через свои убийства и грабительства всюду оставили следы злодейств. Это есть великая измена неба и земли, подвигнувшая и духов и человек к негодованию. Уничтожать царства других и пресекать род их – наивеличайшее злодеяние! В тех местах, где только написано «уничтожил», не нужно уже прибавлять порицание, злодеяние само по себе видимо.

1224

Девятнадцатое лето, Цзя-шень. Летом царства Сун генерал Пхын-и-бинь, главноначальствующий в Да-мин, учинил нападение на Хэ-бэй, но Ши-тянь-ин, вступив в сражение с ним в Эн-чжоу, разбил его. В сем году Чингисхан дошел до восточной Индии, увидел зверя годуань и возвратился с армией.

1225

Двадцатое лето, И-ю. Весной, в первый месяц, Чингисхан возвратился в путевой дворец. Во второй месяц Вушань отложился с городом Чжен-дин и убил генералов Ши-тянь-ин и Дун-цзюнь. Мятежник Ли-цюань также отложился с городом Чжун-шань. В третий месяц Шитянь-кхэ обратил генерала Вушань в бегство и обратно взял Чжен-дин. Летом, в шестой месяц, Пхын-и-бинь принял сторону генерала Вушань, но Ши-тянь-кхэ, выступив против него при местечке Цзань-хуань, взял в плен и предал казни.

ИЗ ГАН-МУ

И-ю, царства Сун правления Бао-цин первое лето. Царства Гинь правления Чжен-да второе лето. В первый месяц монгольский Вушань убил Ши-тянь-ин. Брат последнего Ши-тянь-кхэ пошел для умирения Вушань. Вушань бежал в Западные горы, а Шитянь-кхэ опять вступил в Чжен-дин.

Вушань, услышав, что Пхын-и-бинь обратно завоевал области и уезды провинции Шань-дун, отложился от монголов и убил главнокомандующего Ши-тянь-ин. В это время Ши-тянь-кхэ, младший брат последнего, поехал провожать мать свою в Янь. Чиновник Ван-шеу-дао, догнав его на дороге, объявил о случившемся и присовокупил, что перемена эта произведена внезапно и корпусные офицеры еще живут в окрестностях. Если может возвратиться, то не нужно созывать их, сами явятся. Ши-тянь-кхэ сказал на это: «Он непримиримый враг мне, пойду, хотя бы и смерть предлежала; тем паче, пока я жив еще». И так, оставив экипаж и одевшись в ратные доспехи, поехал обратно на юг. Расположившись в городе Мань-чен, он получил множество конницы и отправил корпусного надзирателя Ли-бо-ю к королю Боро с донесением, сверх того просил вспомогательных войск. Боро определил, чтобы Ши-тянь-кхэ наследовал по старшем брате должность главнокомандующего Западной дороги в провинции Хэ-бэй, и послал для вспоможения ему генерала Санатая с 3000 отборной конницы. Ши-тянь-кхэ, соединившись с ним, пошел для нападения. Ему противостал храбрый предводитель Гэ-тьхецян. Ши-тянь-кхэ ударил на него и, воспользовавшись одержанной победой, пришел к городу Чжун-шань. По разорении этого города приступом взял Чжао-чжоу. Вушань,

будучи побежден, бежал в Западные горы, и Шитьянь-кхэ обратно взял Чжен-дин.

Объяснение. С врагами родителей не должно вместе жить под небом; со врагами братьев не должно жить в том же государстве. Вушань безвинно убил Ши-тьянь-ин, и не прискорбно ли это брату его Шитьянь-кхэ? Когда же этот пошел с оружием для отмщения, то Вушань, будучи разбит, бежал, почему в честь генералу Ши-тьянь-кхэ написано «для усмирения». Ган-му всего более одобряет отмщение.

В шестой месяц Пхын-и-бинь обложил Дун-пъхин. Янь-ши предложил ему мир. Осенью, в седьмой месяц, Пхын-и-бинь устремил войска против города Чжен-дин. Янь-ши внезапно напал на него с монгольскими войсками. Пхын-и-бинь умер. Области и уезды в Цзин-дун все покорились монголам.

Как скоро Пхын-и-бинь покорил Шань-дун и еще принял сдавшиеся войска генерала Ли-цюань, то армия его сделалась сильной. После этого он обложил Дун-пъхин. Янь-ши тайно условился с монгольским генералом Бэлхэ соединенными силами учинить нападение на Пхын-и-бинь, но монгольские войска долго не приходили, а в городе истощились съестные припасы; поэтому Янь-ши заключил с Пхын-и-бинь союзный договор. Пхын-и-бинь также имел в виду при помощи генерала Янь-ши завоевать Хэ-шо, а потом и его погубить, потому уважал Яньши как старшего брата. В это время Янь-ши еще имел несколько тысяч войска. Пхын-и-бинь не взял их, но удержал при себе домашних генерала Янь-ши, взятых в плен при местечке Цин-яй. В седьмой месяц Пхын-и-бинь пошел к городу Чжен-дин; но у Западных гор усмотрел пред собою войска генерала Бэлхэ. Он отделил генералу Яньши своих солдат, чтобы по наружности помогать, а втайне примечать за ним. Янь-ши увидел, что дела идут не по его желанию, тотчас перешел к генералу Бэлхэ и соединился с его корпусом. После пошли на Пхын-и-бинь и вступили в сражение при местечке Нэй-хуан у горы Ву-мишань. Войска генерала Пхын-и-бинь пришли в замешательство, как в то же время генерал Ши-тьянь-кхэ с частью лучших войск захватил его с тыла. Сим образом взяли генерала Пхын-и-бинь в плен и убеждали его покориться. Пхын-и-бинь грозным голосом сказал: «Я подданный великого царства Сун, справедливость не позволяет мне служить другим». После сих слов он умер [100 - То есть принял мучительную смерть.]. После генерал Янь-ши опять овладел областями и уездами в Цзин-дун. Он имел под своим начальством весь древний удел Вэй, 3/10 частей удела Ци, и 9/10 удела Лу, всего пятьдесят четыре города. После отделены от него Да-мин и Чжен-дэ, а вместо них даны четыре округа: Дэ-чжоу, Янь-чжоу, Цзичжоу и Дань-чжоу [101 - Все в провинции Шань-дун.]. В это время повсюду производилось опустошение; только в местах, управляемых Янь-ши, было спокойно, почему народ со всех сторон наперегонки устремился к нему.

Зимой, в десятый месяц, монгольский Темуджин, воюя против Ся, взял Чан-чжоу, Су-чжоу и Си-лянфу. В одиннадцатый месяц взял Лин-чжоу и расположился при реке Ян-чжоу-чуань.

По причине, что королевство Си Ся приняло врага его Шилгаксань-хоня, и государь не прислал сына в заложники.

Монголами отправленные в Корею люди убиты в дороге разбойниками.

С этого случая прекратилась связь между Кореей и монголами.

Вушань снова напал на Чжен-дин. Монгольский Шитьянь-кхэ убежал в Гао-чен.

После поражения генерала Пхын-и-бинь положение генерала Вушань сделалось сложнее. Но он тайно велел шпионам подговорить отчаянных солдат, чтобы, скрывшись в городе Чжен-дин в монастырь Да-ли-сы, во время штурма сделали оборот в его пользу. Вушань в ночи, вырубив ворота,

овладел городом. Ши-тянь-кхэ бежал из города в Гао-чен.

1226

Двадцать первое лето, Бинь-суй. Весною, в первый месяц, Чингисхан сам пошел с армиею на Си Ся, за то, что тамошний государь принял к себе врага его Шилгаксань-хоня и не прислал сына в заложники. Во второй месяц взял Хэ-шуй-чен и другие города. Летом уехал от жары к Хуньчу-оле и взял города Гань-чжоу и Су-чжоу. Осенью взял в Си-лян-фу уезды Чоло и Хола; после этого перешел Шату, пришел к Цзю-ду у Желтой реки, взял Яр и другие уездные города. В девятый месяц Ли-цюань взял под стражу генерала Чжан-линь. Князь Дайсунь со своими войсками обложил Ли-цюань в И-ду. Зимой, в одиннадцатый месяц, в день Гын-шень, Чингисхан осадил Лин-чжоу. Тангутский государь послал туда вельможу Вэй-мина для вспоможения. В день Бин-ин Чингисхан, переправившись через Желтую реку, вступил в сражение с тангутским войском и разбил его. В день Дин-чеу (в 11-й после сражения) пять планет видимы были в соединении на юго-западе. Чингисхан с армией расположился при реке Янь-чжоу-чуань. В 12-м месяце Ли-цюань покорился. Чжан-жеу определен главнокомандующим в Бао-чжоу и других местах. В сем году царевич Угэдэй, соединившись с чаганевым корпусом, обложил южную столицу нючженьскую и отправил генерала Тхан-цин требовать от Нючженьского дома годовую дань.

ИЗ ГАН-МУ

Бинь-суй, второе лето. Царства Гинь правления Чжен-да третье лето. Весной, в первый месяц, монгольский Ши-тянь-кхэ с войсками города Гао-чен вступил в Чжен-дин. Вушань опять бежал в Западные горы.

Дун-цзюнь, комендант города Гао-чен, пришел на помощь генералу Ши-тянь-кхэ с несколькими сотнями храбрейших солдат. Ши-тянь-кхэ ночью пошел на Чжендин и вместе с Санатаем, напав на генерала Вушань, принудил его бежать в Западные горы. Санатай, рассердившись на непостоянство жителей города Чжен-дин, согнал их до десяти тысяч человек, чтобы казнить в страх прочим. Ши-тянь-кхэ сказал ему: «Это все мои подчиненные. Когда у меня не достало сил, они, будучи оставлены мною, к несчастью были принуждены. Теперь за что же казнить их?» Таким образом все были прощены.

В третий месяц монголы обложили генерала Лицюань в Цин-чжоу [102 - В Шань-дун.].

Ли-цюань на севере грабил провинцию Шань-дун, на юге собирал налоги, сверх этого, угрожая южным двором, поселял опасение и в монголах. Монголы учинили нападение. Ли-цюань имел множество сражений и сшибок с ними, но всегда без успеха, почему, укрепившись в городе, принял оборонительное положение. Монголы обвели город земляным валом, а в ночи выпускали собак. Лицюань, видя, что подвоз хлеба и вспоможение людьми пресечено, советовался со старшим братом Ли-фу. Ли-фу сказал ему: «Обоим нам умереть нет ни малейшей пользы. От тебя зависит перевес между севером и югом. Я должен до смерти защищать одинокий город, а ты прямыми дорогами возвратись на юг и, набрав солдат, обратно приходи на помощь. Таким образом еще можно спастись». Лицюань сказал на это: «Против многочисленных войск сильного неприятеля нелегко удержаться. Может быть, я поутру выйду, а ввечеру город будет взят. Лучше ты возвратись». Посему Ли-цюань остался в Цин-чжоу, а Ли-фу возвратился в Чу-чжоу.

1227

Дин-хай, двадцать второе лето. Весной Чингисхан, оставив корпус для осады столицы царства Ся, сам с армией переправился через Желтую реку и осадил город Цзиши-чжоу. Во второй месяц разбил Линь-тхао-фу. В третий месяц разбил Тхао-хэ и Си-нин. Отряженный им генерал Учжегынь-ноинь

приступом взял Синь-ду-фу. Летом, в четвертый месяц, Чингисхан остановился в Лун-дэ и приступом взял Дэ-шунь-чжоу и другие города. Айжинь, инспектор города Дэ-шунь, и магистр Ма-цзянь-лун умерли. В пятый месяц Тхан-цин отправлен посланником в царство Нючженьское. В високосный месяц Чингисхан уехал от жары к горам Лю-пхань-шань. В шестой месяц нючженьский двор прислал Ваньянь-хачжао и Отунь-агэ с предложением о мире. Чингисхан, обратясь к своим чиновникам, сказал: «После того как в прошлую зиму пять планет были в соединении, однажды я дал клятву более не производить убийств и опустошений, но забывал издать милостивый манифест. Теперь надобно обнародовать о сем, дабы и путешественники знали о моем намерении». В том же месяце государь царства Ся покорился. Чингисхан остановился в уезде Цин-шуй при реке Си-цзян. Осенью, в седьмой месяц, в день Жинь-ву, он почувствовал себя нездоровым; в день Сы-чеу (в восьмой день после болезни) преставился при Салиголе в Харатуском путевом дворце. Пред смертью, обратившись к стоявшим при нем, сказал: «Лучшие нючженьские войска находятся в Тхун-гуань, но к югу примыкают к горам, с северной стороны укрепились великою рекою; в этой позиции трудно разбить их. Нужно испросить позволение пройти через Сун. Эта держава, будучи в вечной вражде с нючженями, легко согласится на предложение наше; тогда идти с войсками на Тхан-чжоу и Дын-чжоу [103 - В провинции Хэ-нань.], и отселе прямо на Далян. В этой крайности нючженьский двор не преминет потребовать войска из Тхун-гуань. Но армия в несколько десятков тысяч человек, из отдаленности идущая на помощь, хотя бы и пришла, но, будучи изнурена походом, не в состоянии будет сражаться и легко будет разбита». После этих слов скончался; жил 66 лет; погребен в долине Ци-нянь-гу. В третье лето правления Чжи-юань (1266), зимой, в десятый месяц, по смерти наименован Шен-вухуань-ди. Во второе лето правления Чжи-да (1309), зимой, в 11-й месяц, в день Гын-чен, еще прибавлено к его наименованию: Фа-тянь-ци-юн. В храме предков назван Тхай-цзу. Царствовал двадцать два года. Он обладал глубоким умом и великим рассудком. На войне был чрезвычайно быстр, по этой причине мог уничтожить сорок владений; а после покорил и Си Ся. Число блистательных его подвигов весьма велико. Жаль, что современные историки не все собрали или много опустили из записок. Царевич Тулуй принял регентство над царством.

ИЗ ГАН-МУ

Дин-хай, третье лето. Царства Гинь правления Чжен-да четвертое лето. Летом, в пятый месяц, Ли-цюань покорился монголам с городом Цин-чжоу.

Ли-цюань целый год находился в осаде. Осажденные войска уже съели волов, лошадей и даже всех граждан. Дошла очередь есть солдат. Ли-цюань хотел покориться, но боялся, что войска будут противного мнения, почему, возжегши благовонные курительные свечи и обратившись лицом к югу, учинил поклонение и хотел зарезаться, а между тем уже научил своих сообщников спасти его, советуя испытать счастья в подданстве северу. Таким образом Ли-цюань покорился монголам.

Монголы отправили посланника требовать от дома Гинь годичных даров. В шестой месяц двор Гинь отправил посланника просить мира. Монгольский Темуджин уничтожил Ся и государя его увез с собою.

Монгольский государь покорил все города в Си Ся. Жители укрывались в горы и вертепы, чтобы спастись от оружия, но спаслось не более одного или двух из ста. Поля покрылись человеческими костями. Монгольский государь уклонился от жары к горе Лю-пхань-шань. По прошествии месяца тангутский государь Ли-сянь, истощившись в силах, покорился и увезен в Монголию пленником. Таким образом погибло царство. В это время предводители наперегонки захватывали детей обою пола и имущество. Один только Елюй-чуцай взял несколько книг и два верблюда с ревенем. Когда в войсках появилась зараза, то только ревенем можно было пользоваться, и Елюй-чуцай употреблением растения весьма многих избавил от смерти.

Объяснение. Уничтожение чужих царств почитается в Чунь-цю великим злодейством, но тангутский

государь сам дал убежище одному неприятелю монголов и не посылал сына в заложники; а посему-то говорится, царство прежде само себя уничтожает, а потом люди его уничтожают; не один уничтожающий виновен в том. Владетель царства, получив повеление [104 - То есть, будучи предызбран небом царствовать, ибо под повелением разумеется воля неба в избрании.], не должен оставлять его. Если при сохранении повеления еще из привязанности к жизни принимает поношение и не умирает у престола, то он не понимает повеления. Написав, увез с собою, сим обвиняет государя Сянь, что не мог умереть на престоле и увезен, почему, в наставление потомству, тангутский государь Сянь назван по имени. Замечание. От начала мира варвары никогда не были столько сильны, как ныне монголы. Уничтожают царства подобно как былинку исторгают! До толикой степени возвысилось могущество их. Для чего небо попустило таким образом?

Осенью, в седьмой месяц, монголы от города Фынсян напали на Цзин-чжао. Чжан-линь с прочими, возвратившись в Хуай-нань, для усмирения Ли-фу казнил его. Монголы определили Ли-цюань правителем провинций Шань-дун и Хуай-нань. Ли-цюань из Цинчжоу опять вступил в Хуай-нань и убил генерала Чжан-линь.

Ли-цюань по получении известия от генерала Ши-цин залился слезами и убедительно просил монгольского военачальника об увольнении его на юг, но не получил дозволения, почему, отрубив у себя палец и показывая ему, клялся, что по прибытии на юг не преминет взбунтоваться. И так, монгольский военачальник именем хана вверил генералу Ли-цюань начальство над провинциями Шаньдун и Хуай-нань, с тем чтобы он, самовластно распорядившись провинцией Шань-дун, ежегодно представлял монголам подати. Вследствие этого Ли-цюань с монгольским Чжень-сюань-чай и несколькими толмачами возвратился в Чу-чжоу. Он носил монгольское одеяние и в письменных делах писал годы по цикловым буквам, не упоминая летонаименования. Го-ань-юн для спасения себя убил генералов Чжан-линь и Нодэ.

В 12-й месяц монгольские войска вступили в горные заставы за страной Гуань. Чжен-сунь, правитель провинции Сы-чуань, бросив Сань-гуань, обратно бежал.

По вступлении монгольских войск в Цзин-чжао страна Гуань-чжун пришла в великий страх. Монголы уже разбили нагорные крепости за страной Гуань и дошли до Вучжоу и Цзе-чжоу. Чжен-сунь, оставя Мян-чжоу, бежал, потому крепость Сань-гуань осталась без защиты. В это время нючженское правительство совершенно оставило Хэ-бэй, Шань-дун, Гуань и Шень и все силы сосредоточило для защиты страны Хэ-нань и для прикрытия крепости Тхун-гуань. От городов Ло-ян, Сань-мынь и Си-цин на восток до крепости Юань-цио-чжень в Пьхи-чжоу, почти на 2000 ли протяжения от востока к западу, поставлено было четыре главнокомандующих, под распоряжением которых считалось 200 000 отборных охранных войск. Политики (Южного Китая) предложили, чтобы для воспрепятствования вторжению монголов на юг принять возможные меры по границам. Император отдал вопрос на рассмотрение совета.

Монгольский Темуджин умер у горы Лю-пхань-шань. Меньшой сын Тулуй принял регентство.

Монгольский государь, по двадцатидвухлетнем царствовании, скончался на 66-м году от рождения. Пред кончиной, обратившись к предстоящим, сказал: «Лучшие нючженские войска находятся в Тхун-гуань; на юге примыкают к горам, с северной стороны укрепились великой рекой; в этой позиции трудно разбить их. Нужно испросить проход через Сун. Эта держава, будучи в вечной вражде с нючженями, легко согласится на предложение наше; тогда идти с войсками на города Тхан-чжоу и Дын-чжоу и отселе прямо ударить на Далян. В этой крайности нючженский двор непременно потребует войска из Тхун-гуань. Но армия из нескольких десятков тысяч человек, пройдя около тысячи ли для вспоможения, должна изнуриться; посему хотя бы и дошла, но не в силах будет сражаться и легко будет разбита». После этих слов скончался. В храме предков назван Тхай-цзу. Он оставил шесть

сыновей, из которых старший был Джучи, человек горячий и искусный воин; его уже не было в живых. Второй, Джагатай, человек осторожный, бдительный; подчиненные боялись его. Третий Угэдэй, четвертый Тулуй. По смерти Темуджиня последний принял регентство.

Объяснение. Если старейшина иностранный скончается, то пишется «умер». Темуджин хотя и объявил себя императором, но здесь так же написано «умер». Так действительно он выставлен иностранцем и даже не может стать в один ряд с удельными князьями Срединного государства. Уже в четвертое лето правления Шао-дин (1231) Угэдэй повышен и назван государем. О кончине его написано «скончался», потому что монголы, похитив Северный Китай, при втором колене мало-помалу переняли китайские обыкновения; и потому уже нельзя поставлять их наравне с царствопритязателями. С толикою строгостью Ган-му уважает Китай и унижает иноземцев. Способ исторического писания одинаков против дома Гинь.

Монгольский Ши-тьянь-кхэ напал на генерала Вушань у Западных гор; Вушань, будучи разбит, ушел в Цзи-сянь.

Ши-тьянь-кхэ, находясь в Чжен-дин, поправил городские стены, учинил военные приготовления, чтобы обезопасить себя от нападения. Так как крепости Бао-гун-чжай и Бао-ду-чжай служили убежищем генералу Вушань, то несложно было оставить их в покое. И он пошел с войсками и отбил укрепления. Вушань ушел в Цзи-сянь. Шитьянь-кхэ еще взял крепости Сянь-нэй, И-цзянь и Ма-ву.

Монголы вступили в Си-хо-чжоу. Правитель областной Чень-инь умер.

Монгольские войска приступили к городу Си-хо. Ченьинь с помощью жителей и войск денно и ночью отчаянно сражался. Но как вспомогательные войска не приходили, то город был взят. Чень-инь, обратившись к жене своей Ду-ши, сказал: «Поспеш сама решиться на что-либо». Души мужественно сказала ему: «Возможно ли в жизни пользоваться жалованьем, а не вместе умереть за престол?» Она немедленно отравила себя ядом. Два сына с невестками умерли подле матери. Чень-инь положил их в гроб и сжег, а потом пронзил себя мечом. С ним умерло двадцать восемь человек гостей.

Объяснение. Чень-инь, охраняя Си-хо, всеми силами старался защищаться. А когда отрезано было вспоможение и город взят, то муж и жена один за другим погибли. Можно сказать, что они исполнили усердие в служении государю и в минуту опасности не искали спасения. С намерением написано «умер», чтобы тем приписать ему сохранение долга.

1228

ИЗ ГАН-МУ

Сюй-цзы, царства Сун правления Шао-дин первое лето. Царства Гинь правления Чжен-да пятое лето. Весной, в третий месяц, царства Гинь генерал Ваньянь-чен-хо-шан совершенно разбил монгольское войско в Да-чан-юань.

Монгольские войска вступили в Да-чан-юань. Нючженьский генерал Ваньянь-хада послал генерала Ваньянь-чен-хо-шан с передовым корпусом. Тот, одевшись в латы и сев на лошадь, с четырьмя конницами совершенно разбил восьмитысячный корпус монголов. Эта победа пробудила мужество в нючженьских войсках, ибо со времени нашествия монгольского, в продолжение двадцати лет, они в первый раз одержали победу. Этот подвиг поставлен выше всех и удостоен отличной награды. Корпус генерала состоял из хойхорцев, маней, тангутов, тоганцев и беглых китайцев, людей хищных, наглых, необузданных, но Чен-хо-шан нашел средство управлять ими и без труда приучил их к дисциплине. В проходимых ими городах они ни малейших наглостей не производили. В каждом сражении они первые

всходили на стену, первые устремлялись на неприятельские ряды. Прочие корпусы имели великую опору в них.

Объяснение. Уже 20 лет как нючжени борются с монголами, но всегда были побеждаемы; теперь в первый еще раз одержали победу в Да-чан-юань. Отселе можно видеть, что Нючженьский дом не имел твердых полководцев и храбрых войск, не умел ими пользоваться. Чен-хо-шан сражался за престол, почему для вящей похвалы ему написано «совершенно разбил».

Часть II. Тхай-Цзун Угэдэй

Тхай-цзун Ин-вынь-хуан-ди по имени Угэдэй был третий сын Чингисханов. Мать его была вдовствующая императрица Гуан-сянь по фамилии Хунгири. В войну Чингисхана с царством Нючженьским и при покорении Западного края Угэдэй [105 - В подлиннике вместо Угэдэй везде писано: император Тхай-цзу.] более всех оказал услуг. По кончине Чингисхановой он приехал из Хобого к погребению.

1229

И-чеу, первое лето. По прибытии в урочище Гурбань-субак он имел свидание с младшим своим братом Тулуем. Осенью, в восьмой месяц, в день И-вэй [106 - Чингисхан умер в сентябре 1227 г. Угэдэй вступил на ханство в сентябре же 1229 г. Тулуй регентствовал ровно два года.], князья и чины съехались к Гилур-голу в урочище Цидал-ола. Угэдэй, по завещанию Чингисханову, вступил на императорский престол, в урочище в Куйтын-арал. Он первый тогда установил придворные церемониалы, по которым ханские родственники и вельможи учинили поклонение; при этом обнародованы были и главные государственные установления. Нючженьский двор прислал Агудая с приношениями к погребению Чингис-хана. Угэдэй сказал ему: «Твой государь долго не покоряется и принудил покойного хана состариться на войне, чего я не могу забыть. К чему присылать приношения к погребению?» Он не принял приношений нючженьского двора и решился продолжать войну с ним. Установил, чтобы монголы ежегодно платили со ста лошадей одну кобылицу, с рогатого скота и овец со ста по одной голове. Завел хлебные магазины и учредил почту для развоза указов. На китайцев, обитающих по северную сторону Желтой реки, наложил подать, считая по домам, что препоручил управлению Елюй-чуцай. В Западном краю положил подушный оброк с совершеннолетних мужчин. Маха-мукта-расми определен главным сборщиком податей. Государи Индустанский и Муруйский приехали ко двору. В Западном краю покорился владетель города Избара. В этом же году нючженьский двор вторично прислал посланника с дарами; но дары его не были приняты.

ИЗ ГАН-МУ

И-чеу, второе лето. Царства Гинь правления Чженьда шестое лето. Монгольского Тхай-цзун Кият Угэдэя первое лето. Осенью, в восьмой месяц, монгольский Угэдэй возведен на престол.

Угэдэй приехал из Хобого к погребению. Елюй-чуцай, по завещанию Чингисхана, пригласил князей в собрание и предложил им о возведении на престол Угэдэя. В это время Тулуй, правитель царства, и прочие князья еще колебались в своем мнении. Елюй-чуцай, обратившись к правителю царства, сказал: «Это есть важное обстоятельство для престола, и если заблаговременно не утвердите, то опасно, чтобы не произошел какой-либо переворот». Итак, правитель и князья возвели Угэдэя на престол на востоке от Хорини, в урочище Куйтын-арал. В то время все учреждения сочинялись без дальнего внимания, и церемониалы были кратки. Елюй-чуцай первый сочинил церемониал для восшествия на престол, по

которому ханские родственники, князья и полководцы учинили поклонение, стоя по своим рядам.

Сверх того, как Чжун-юань недавно еще утверждена и не было издано постановления для этой страны, то местные правители своевластно располагали жизнью и смертью. За оскорбление мстили мечом и оковами, отчего иногда целые семейства подвергались несчастью. Елюй-чуцай представил о том хану, который предписал прекратить зло.

Зимой, в десятый месяц, монголы обложили царства Гинь город Цин-ян. В 12-й месяц установили разложение податей.

В Чжун-юань по домам [107 - То есть по числу семейств.], в Западном краю с души, в Монголии по числу рогатого скота, лошадей и овец.

Монголы определили Ши-тянь-кхэ и прочих темниками и поручили им по частям охранять Чжунюань.

Монгольский государь определил Ши-тянь-кхэ, Люхэ-ма и Сяо-чжа-ла темниками [108 - Каждый монгольский корпус состоял из 10 000 человек, почему управляющий корпусом назывался десятитысячником, по древним российским летописям – темником, от слова «тьма», 10 000.] в китайских войсках. Пять дорог, как-то: Чжен-дин, Хэ-цзянь, Да-мин, Дунпъхин и Цзи-нань поручил генералу Ши-тянь-кхэ; Пхинян и Сюань-дэ генералу Лю-хэ-ма.

1230

Второе лето, Гын-ин. Весною, в первый месяц, хан указал, чтоб отселе впредь собирать по (китайским) дорогам пошлины: с вина положено один с десяти процентов действительных, а с прочих товаров один с тридцати. Этой весною хан с Тулуем занимался облавою при Ургын-голе; после отправил войска обложить город Цзин-чжао. Нючженьский генерал привел вспомогательные войска, но был разбит, и вскоре город взят приступом. Летом хан уехал от жары на берега Тамира. Доголан вступил в сражение с войсками нючженьскими и претерпел совершенное поражение, почему предписано Субуту идти к нему на помощь. Осенью, в седьмой месяц, Угэдэй сам повел армию на юг. Младший брат его Тулуй и племянник (сын Тулуев) Мункэ следовали за ним со своими войсками. Они приступом взяли Тъхянь-чен-пху и другие крепостцы. После чего, переправившись через реку, осадили Фын-сян. Зимой, в одиннадцатый месяц, в первый раз определил сборщиков податей и пошлин в десяти дорогах (китайских). В том месяце войска осаждали крепости Тхун-гуань и Лань-гуань, но не могли взять. В двенадцатый месяц взяли укрепление Тъхянь-шен-чжай и городки Хань-чен и Пху-чен.

ИЗ ГАН-МУ

Гын-инь, третье лето. Царства Гинь правления Чжен-да седьмое лето. Весною, в первый месяц, монголы вступили в царство Гинь в местечке Да-чанюань. Царства Гинь генерал Ира-буха разбил их, и обложение города Цин-ян снято. Монголы учредили в десяти дорогах судебные места для сбора податей.

Вначале, когда монгольский Тхай-цзун воевал Западный край, не было ни одной мерки хлеба в магазинах, ни одного фута ткани в казначействах. Посему все вельможи представляли ему, что хотя и приобрели китайский народ, но никакой пользы от него не видно; что лучше убить до единого человека, а земли, которые могут покрыться лесом и травой, превратить в пастбища. Елюй-чуцай сказал на это: «При обширности Поднебесной, при богатстве четырех морей, неужели возможно остаться без выгод, если обращено будет надлежащее внимание на это? Поистине, если положить умеренную подать с земель в Чжун-юань, пошлину с купцов, обоброчить вино, уксус, соль, железо, горы и воды, то можно ежегодно получать по пятьсот тысяч ланов серебра, по восемьдесят тысяч

кусков шелковых тканей и около четырехсот тысяч мешков хлеба. Как же можно сказать, что нет никакой пользы?» Тхай-цзун отвечал ему: «Если б точно так было, как представляешь, то государственные доходы будут достаточны для издержек. Попробайся произвести это на деле». Таким образом, по представлению Елюй-чуцай, учреждены в десяти дорогах судебные места для сбора податей; в каждом определено по два чиновника, один действительный и один помощник, и все выбраны из ученых людей. Чен-ши-кхэ, Чжао-фан и Лю-чжун находились в числе выбранных. Елюй-чуцай однажды предложил ввести учение Конфуция и при том случае сказал: «Хотя мы империю получили, сидя на лошади, но управлять ею, сидя на лошади, невозможно». Монгольский государь принял это очень благосклонно. И с того времени мало-помалу начали привлекать ученых к должностям.

Замечание. Хотя монголы своим возвышением много обязаны стараниям Елюй-чуцай, но не силам человеческим, а определению неба должно приписывать их счастье.

Осенью, в восьмой месяц, монгольский Ши-тьянькхэ осадил генерала Вушань в Цзи-сянь. Вушань, будучи разбит, убежал в Ху-лин-гуань.

Вушань по возвращении своем в подданство нючженьское опять облечен в прежнее княжеское достоинство и утвердил правление в Вэй-чжоу [109 - Вэй-хой-фу.]. Монгольский Ши-тьянькхэ соединенными силами обложил его. Нючженьский генерал Ваньянь-хада подоспел со своими войсками для подкрепления, и монгольские войска тотчас отступили к северу. Но Ши-тьянь-кхэ с 1000 человек зашел в тыл, а прочие войска в то же время учинили нападение, и Вушань, обратившись к бегству, остановился в Ху-лин-гуань. После чего Ши-тьянь-кхэ взял Вэй-чжоу.

Монгольский Угэдэй вступил с войсками в Шэнь-си. Двор Гинь поставил генералов Ваньянь-хаду и Ирабуху в Вынь-сянь для защиты Тхун-гуань.

Вначале монголы отправили Онлоло в Шэньси для переговоров о мире. Нючженьские генералы Ирабуха и Хэшер-яо-хэдэ, опасаясь, чтобы он не открыл положения их, мешали ему. Когда же Ирабуха принудил монголов снять осаду города Цин-ян, то возгордился сим и, отпуская Онлоло обратно, сказал ему: «Я уже привел войска в порядок, и если вы в состоянии драться, приходите». Онлоло по возвращении лично донес об этом монгольскому государю. Оскорбленный сим монгольский государь вступил с младшим братом Тулуем в Шэньси с армиею; между городами Фын-сян, Цзин-чжао, Тхун-чжоу и Хуа-чжоу он разбил около шестидесяти горных укреплений и окопов. После чего пошел на Фын-сян. Нючженьский двор для предосторожности поставил генералов Ваньянь-хаду и Ирабуху в Вынь-сян.

Объяснение. Нючженьский двор, оставив прочие дороги, обратил все внимание на защиту Тхун-гуань, и это был худой план. В случае потери этого места, чем бы он прикрыл себя? Ган-му крайне осуждает это.

1231

Синь-мао, третье лето. Осенью, во второй месяц, хан взял Фын-сян, Ло-ян и Хэ-чжун. Летом, в пятый месяц, уехал от жары в урочище Цзю-ши-цзю-цюань. Тулуу приказал идти с войском на Бао-цзи, а Чобуганя отправил в Южный Китай испросить пропуск войскам через его земли. Но двор Сун убил этого посланника. Хан вторично отправил Ли-го-чан требовать от двора Сун съестных запасов. Осенью, в восьмой месяц, в первый раз учредил верховное судебное место (сенат) в Чжун-юань. Елюй-чуцай сделан президентом его, Нюхуру и Чжу-шунь старшими, Чжень-хай младшим советниками. Как в том году корейцы убили посланника, то для усмирения их послано войско под предводительством Салитая, который взял около сорока городов. Корейский король Гань прислал младшего брата с

предложением покорности. Салитай именем хана поставил чиновников для управления этой страной и возвратился. Зимой, в десятый месяц, в день И-ю, хан обложил Хэ-чжун, а в двенадцатый месяц, в день Сы-вэй (через 35 дней), взял его приступом.

ИЗ ГАН-МУ

Синь-мао, четвертое лето. Царства Гинь правления Чжен-да восьмое лето. Монголы обложили царства Гинь город Фын-сян. Летом, в четвертый месяц, взяли его.

Монголы обложили Фын-сян-фу. Нючженьские генералы Ваньянь-хада и Ира-буха, стоя на одном месте, медлили отражать. Нючженьский государь отправил мелкого чиновника Бай-хуа для понуждения их, но сии генералы представляли, что северная армия многочисленна и необдуманно двинуться невозможно. Когда Бай-хуа возвратился, то нючженьский государь вторично отправил его сказать: «Фын-сян давно уже в осаде; опасно, что осаждаемые не в состоянии будут удержаться. Надлежит вывести войска из Тхун-гуань в намерении схватиться с войсками на северном берегу реки Вэй-шуй. Надобно предполагать, что северные войска, услышав об этом, не преминут обратиться на вас, тогда опасность города Фын-сян несколько уменьшится». Уже после происшедшего Хада и Буха выступили из крепости и на меже уезда Хуа-инь вступили в сражение с войсками, стоявшими на северном берегу реки Вэй-шуй; а ввечеру, собрав армию, обратно ушли в крепость и более не помышляли о Фын-сян. После чего монголы овладели сим городом. Хада и Буха перевели жителей из Цзин-чжао в Хэ-нань и оставили там Ваньянь-цин-шань с гарнизоном.

Царства Гинь генерал Ваньянь-чен-хо-шань разбил монгольского генерала Субута в долине Дао-хой-гу. Го-ань-юн покорился монголам и определен главнокомандующим дороги Шань-дун.

Го-ань-юн с Ян-миао-чжен, женою генерала Ли-цюань, бежал в Шань-дун, покорился монголам и определен от них главнокомандующим в провинции Шань-дун.

Монголы при нападении на царство Гинь послали (в царство Сун) Чобуганя просить о проходе войск. Осенью, в седьмом месяце, он прибыл в Мян-чжоу и правителем Чжан-сюань убит.

Ли-чан-го, перебежчик нючженьский, говорил монгольскому Тулу: «Уже около 20 лет, как Нючженьский дом переселился в Бянь и спокойствием своим обязан только Желтой реке и крепости Тхун-гуань. Если, выступив из Бао-цзи, напасть на Хань-чжун, то в один месяц можно проникнуть до Тхан-чжоу и Дын-чжоу, и главное дело будет сделано». Тулу поверил этому и немедленно предложил о том монгольскому государю. Посему монгольский государь, собрав генералов, положил, чтобы в первый месяц наступающего года, соединив южные войска с северными, осадить Бянь; Тулу предварительно послал на Баоцзи, а Чобуганя отправил просить двор Сун, чтобы дозволил монгольскими войскам пройти в Хэ-нань восточной стороной реки Хуай и присоединил бы к монголам свои войска. Чобугань приехал в Цин-е-юань, что в области Мян-чжоу, и правителем Чжан-сюань был убит. Тулу, получив известие о смерти Чобуганя, сказал: «Дом Сун сам нарушил слово, преступил клятву и отверг дружбу. Из настоящего дела ясно видно, на чьей стороне справедливость».

Объяснение. Монголы, при своем лукавстве, старались разрушать чужие царства. Они, прося о пропуске войск, очень опасались, что общее мнение будет против них, и на время притворились учтивыми. Со всем тем, следуя притеснительной своей системе, могли подавить как (гора) Тхай-шань яйцо. Чжень-сюань был не в силах защищаться, и при всем том самовольно убил посланника. Что может быть хуже этого поступка? Впоследствии монголы поставили это предлогом войны, и отселе возникла вражда. Итак, несправедливость на стороне царства Сун, а правота на стороне монголов: поистине сами навлекли войну. По этой причине тщательно записано это, дабы означить начало будущих бедствий.

В восьмой месяц монгольский Тулуй вступил в Ву-сю и взял Син-юань; после чего напал на Сянь-жинь-гуань.

Монгольский Тулуй, отделившись с 3 тысячами конницы, вступил в Да-сань-гуань, разбил Фын-чжоу, прошел на южную сторону горы Хуа-шань, вырубил Ян-чжоу [110 - Ян-сянь в Хань-чжун-фу.], осадил Ву-сю, просек низкие горы, прочистил голые утесы и вышел на юго-восточной стороне города Ву-сю. После чего обложил Син-юань. Войска и жители разбежались, и несколько сот тысяч погибло в песках. Корпус, отделенный на запад, пошел другою дорогою, вступил в Мянчжоу, взял Да-ань-цзюнь, проложил проход через гору Юй-бе-шань, разбил дома для плотов и, переправившись через Цзя-лин-цзян, вступил в Гуань-пху; отсюда пошел на Цзя-мын, опустошил земли до уезда Си-шуй-сянь, взял сто сорок городов и укрепленных мест и возвратился. Восточный корпус, стоявший между городами Син-юань и Ян-чжоу, пошел на Жао-фын-гуань.

Монгольский государь определил Елюй-чуця главой совета.

По представлению Елюй-чуця постановлено законом, чтобы народными делами по дорогам, округам и уездам управляли гражданские начальники; темники управляли бы только военной частью, казенные палаты заведовали бы сбором денег и хлеба и одно место не зависело бы от другого. Когда монгольский государь прибыл в Юнь-чжоу, то подали ему ведомости государственных доходов, которые во всем нашлись согласными с первоначальным представлением Елюй-чуця. Государь, улыбнувшись, сказал ему: «Каким образом умел ты произвести такой приток денег и тканей?» В тот же день дал ему сенатскую печать для управления и поручил все дела без исключения.

Монголы осадили и взяли царства Гинь город Хэчжун.

Монгольский государь тесно обложил Хэ-чжун. Нючженьский генерал Ваньянь-цин-шань, бросив Цзин-чжао, возвратился на восток. Правитель канцелярия Цао-хо-агэ и главнокомандующий Бань-цзы-агэ, по малочисленности своих войск, решились защищать только половину старого города. Монголы сбили пирамидальную башню, в двести футов вышиною, и с нее высматривали внутренность города. Земляные насыпи, подземные со всех сторон подкопы – все было сделано для приступа. Денно и ночью продолжали упорное сражение. Отбойные машины все раздроблены были. Около полумесяца сражались врукопашную; и когда истощились силы осажденных, то город был взят. Цао-хо-агэ самолично несколько десятков раз схватывался драться, наконец взят в плен и умер. Бань-цзы-агэ с 3 тысячами разбитых солдат отбил суда и ушел в Вынь-сян, но, будучи евнухами пред государем оклеветан, предан казни. Оба Агэ были родственниками нючженьского двора. Цао-хо-агэ утешался сжиганием пленников на горящей соломе, а Бань-цзы-агэ однажды во дворце назвал Ху-бань дощечкою. От сих двух обстоятельств и имена им даны. Примечание. Цао-хо слово в слово значит: от травы огонь, Бань-цзы – доска. Ху-бань есть дощечка из слоновой кости, с которой в древности китайские вельможи являлись пред своим государем.

В десятый месяц провинции (царства Сун) в Шу покорились монголам.

Гуй-жу-юань, правитель провинции Сы-чуань, бежал в столицу. Указано генералу Ли-ши занять его место в Сычуань и иметь пребывание в Чен-ду-фу, а Чжао-янь-на быть его помощником и иметь пребывание в Син-юаньфу. Прежде Чжао-янь-на пять лет управлял городом Сихо. Цуй-юй-чжи представил, что Янь-на есть человек весьма хвастливый, но на самом деле ничем не выдающийся, что он не преминет замедлить течение государственных дел, а посему не советовал доверять ему пограничное начальство. Двор не принял совета его.

Монголы воюют с Гаоли.

По обнаружившемуся делу, что корейцы убили посланника.

В одиннадцатый месяц монгольский Тулуй вступил в Жао-фын-гуань; в 12-й месяц переправился через Хань-цзян. Царства Гинь генералы Ваньянь-хада и Ира-буха возвратились из Шунь-янь в Дын-чжоу. Монголы, преследуя их, овладели их обозом.

Тулуй осадил, а потом вступил в Жао-фын-гуань; отселе через Гинь-чжоу, поворотив на восток, хотел идти в Бянь-цзин. Жители деревень все ушли в города и укрепленные места. Нючженьский государь позвал министров и чинов прокурорского приказа на совет, в котором все единогласно говорили: «Северная армия, пустившись на опасности отдаленнейшего пути, уже по прошествии двух лет вступила в Ву-ею. Она изнурена до чрезвычайности; что касается до нас, надлежит расставить войска в Суйчжоу, Чжен-чжоу, Чан-ву, Гуй-дэ и в уездах около столицы и поручить генералам защиту городов: Ло-ян, Тхун-гуань и Хуай-мын. В столице запастись большое количество хлеба, а жителям страны Хэ-нань велеть укрепиться в полях, чтобы неприятели, желая нападать, не могли, а желая сражаться, не имели случая. Как скоро армия ослабеет духом и съестные запасы кончатся, то без нападения сами обратно пойдут». Нючженьский государь, глубоко вздохнув, сказал: «Уже 20 лет, как мы переправились на юг. Подданные лишились полей и домов, продали жен и детей, чтобы доставлять содержание войскам. Ныне неприятель пришел, и мы не можем дать сражения. Тщетно принимает оборонительное положение. Столица хотя и существует, но не составляет царства. Что скажет обо мне империя? Я довольно зрело обдумал. Существование и погибель зависят от Небесного повеления. Я только должен не оставлять подданных». И так указал генералам расположиться в Сян-чжоу и Дын-чжоу.

В 12-й месяц генералы Ваньянь-хада и Ира-буха с армиею вступили в Дын-чжоу. К ним присоединились генералы Ян-во-янь, Ваньянь-чен-хо-шан и Вушань со своими войсками. Вследствие чего пошли занять позицию в Шунь-янь. Тулуй с своими войсками стоял при реке Ханьцзян. Ваньянь-хада и Ира-буха позвали генералов на совет и предложили им: отрезать ли Хань-цзян при Хуан-хуа и дать сражение или допустить неприятеля переправиться через реку и потом вступить в сражение с ним? Чжанхой и Ада-мао представляли, что удобнее отрезать Цзян; «а если допустить переправиться, то останемся без опоры и непременно придем в смятение». Ира-буха сказал на это: «Даже если бы они находились в песчаных степях, надлежало бы вызывать их сюда; тем более когда они сами пришли?» Монгольские войска уже закончили переправу, а Ваньянь-хада и Ира-буха только что подошли к Юнь-шань, и заняли разные пункты; пехоту расположили впереди сих гор, а конницу поставили позади них. Монгольские войска, заметив, что они не идут далее, выстроились наподобие крыльев, обошли подгорье, зашли нючженьской коннице в тыл и приблизились тремя колоннами. Ваньяньхада сказал, что, судя по обстоятельствам, сегодня еще не должно сражаться. Но монгольская конница мгновенно устремилась вперед, и войска нючженьские принуждены были вступить в дело. Они схватились коротким орудием. После троекратной сшибки монгольские войска несколько отступили. Стоявшие же на западе, увидев корпус генерала Ира-буха, обошли латную конницу с тыла и опрокинулись на нее. Генерал Фуча-динчжу упорно сражался и принудил их отступить. Ваньянь-хада говорил: «Армия неприятельская, состоя из 30 тысяч, не имеет обоза; простояв пред нами два или три дня, не будет иметь пищи, и, если, пользуясь отступлением, нападать на них, мы без сомнения одержим победу». Но Ира-буха сказал на это: «Дорога через Хань-цзянь уже пресечена; Желтая река еще не встала: они зашли далеко и куда же теперь обратятся? И для чего так спешить?» И так не решились преследовать. На другой день вдруг не видно стало монгольских войск. Уже по возвращении конных объездов узнали, что монголы четыре дня стоят в лесу на противоположном берегу пред Хуан-хуа; днем готовят пищу, а ночью не сходят с лошадей. За лесом ни малейшего шума не слышно было. Ваньянь-хада и Ира-буха положили войти в Дын-чжоу к съестным запасам. Утром подошли к задней стороне леса. Монголы вдруг выступили. Хада и Буха вступили в сражение с ними, но во время этой схватки около ста конных монголов напали на обоз главнокомандующих и отбили его. Войска нючженьские еще не сосредоточились, как во вторую стражу ночи Хада и Буха вступили в Дын-чжоу. Испугавшиеся солдаты сбились с дороги, и уже звоном в колокола собрали их. Хада и Буха, утаив о

своем проигрыше, донесли, что одержали важную победу. Чины приносили поздравление государю. Управляющие учредили пир в совете. Ло-си, старший помощник, от радости проливая слезы, говорил: «Если бы не настоящая победа, то бедствия народа были бы неописаны». Столь искренно верил он одержанной победе. После чего крестьяне, охранявшие города и укрепления, все разошлись и возвратились в свои селения. Через несколько же дней ворвались монгольские конные отряды и многих побрали в плен.

Замечание. Помещенный в изъяснении ответ государя Нючженьского подлинно благоразумен; но как можно, предавая судьбу престола на волю неба, не думать о мерах защиты?

1232

Четвертое лето, Жинь-чень. Весной, в первый месяц, в день Сюй-цзы, хан из Бай-пхо переправился за Желтую реку. В день Гын-инь (на третий день по переправе) Тулуй, переправившись за реку Хань-цзян, прислал нарочного к хану с донесением и немедленно предписал корпусам двинуться в поход. В день Цзя-ву (в четвертый по переправе через Хань-цзян) остановились в округе Чжен-чжоу. Нючженьского города Фань-чен комендант Ма-бо-цзян покорился и оставлен при той же должности. В день Биншень (в третий после остановки) шел большой снег, в день Дин-ю также шел снег. Остановились при городе Синчжен. В этот день Тулуй вступил в сражение с Нючженьским войском в области Цзюнь-чжоу у горы Сань-фын и, совершенно разбив его, взял в плен главнокомандующего Фын-алу. В день Сюй-жун (на другой день сражения) хан приехал к горе Сань-фын. В день Жень-инь (в пятый по прибытии) осадили и взяли город Цзюнь-чжоу и полонили генерала Ха-ду; потом по порядку завоевали четырнадцать других окружных городов, как-то: Шань-чжоу, Гочжоу, Сун-чжоу, Жу-чжоу, Шань-чжоу, Ло-чжоу, Сюйчжоу, Чжень-чжоу, Чень-чжоу, Бо-чжоу, Ин-чжоу, Шеучжоу, Суй-чжоу и Юн-чжоу. В третий месяц хан предписал Субуту обложить Южную столицу. Нючженьский государь прислал младшего своего брата Эхо в заложники. Хан обратно уехал, оставив Субута для охранения страны Хэнань. Летом, в четвертый месяц, хан уехал для избежания жары в Цзюй-юн к горам Гуань-шань. Корейский король, отложившись, убил постановленных там чиновников и перенес двор на остров Цзянь-хуа-дао. Осенью, в седьмой месяц, послан Тхац-цин к нючженьскому двору с предложением, чтобы он покорился, но там убили посла. В восьмой месяц Салитай опять пошел воевать Корею и, будучи ранен стрелой, скончался. Нючженьский советник Ваньянь-силинь и князь Вушань пришли на помощь Южной столице, но были разбиты. В девятый месяц Тулуй скончался. Хан возвратился в Лун-тэхинь. Зимой, в одиннадцатый месяц, производил облаву в урочище Нариньцилагунь. В двенадцатый месяц приехал в походный дворец Чингисханов.

ИЗ ГАН-МУ

Жинь-чень, пятое лето. Царства Гинь правления Тьхянь-син первое лето. В первый месяц монгольский Угэдэй переправился через Желтую реку при Бай-пхо и расположился в Чжен-чжоу, оттуда послал Субута обложить Бянь-цзин, столицу нючженьскую.

Нючженьский государь, получив известие, что монгольские войска идут на Бянь, созвал чинов на совет. Президент сената просил, чтобы ударить на неприятеля немедленно, после его дальнего похода. Правитель Ваньяньбаксань был противного мнения и отправил Маньису, чтобы, набрав 10 тысяч дюжин крестьян, отворил малую плотину и, прорвав Желтую реку, окружил столицу водой. Государь приказал генералу Цзягусахэ с 30 тысячами пехоты и конницы обозреть переправы через Желтую реку; набрать в окрестностях столицы из военного состояния 500 тысяч человек и ввести в столицу. Монгольский государь, использовав тангута Сюй-кхэ-цзи из города Хэчжун, при Бай-пхо в уезде Хэ-цин-сань переправился через Желтую реку и спешно уведомил Тулуя, чтоб он присоединился к нему с своими войсками. Цзягусахэ дошел до Фын-цю, пошел было в обратный путь, но монгольские войска внезапно приблизились, и Маньису погиб с прочими в сражении. Из ополченных крестьян спаслись не более трехсот человек. Монгольский государь, вступив в Чжен-чжоу, послал Субута осаждать город Бянь. Нючженьский государь собрал чины для совещания о оборонительных мерах. Некоторые

представили, что построенный генералом Чжугэ-гао-ци внутренний город надобно совершенно оставить и все силы сосредоточить на защите внешнего города, посему решились защищать внешний город, и предписано изготовить отбойные орудия. В это время число войск, находившихся в столице, простиралось не выше 40 тысяч, а городская стена имела 120 ли окружности, трудно было защищать ее во всех точках, почему из уклонившихся сюда жителей составили ополчение. Пригласили прежде отличавшихся при охране дворца генералов, излишними пополнили праздные места и сим образом при взаимном перемещении нашли для ополчения около ста офицеров. Кроме того, взяли войска, стоявшие по берегам Желтой реки на восток и на запад от столицы, и ополчение из города Вэйчжоу [111 - Вэй-хой-фу.], всего 40 тысяч человек, к которым присоединились 30 тысяч молодых крестьян. Все сии войска расставлены были на четырех сторонах города. На каждой стороне выбрано было по тысяче человек для составления летучих отрядов, которым единственно назначено быть в готовности для подкрепления везде, где потребна будет скорая помощь. Впрочем, не могли распорядить всего по военному порядку. Нючженьский государь указал академику Чжао-вынь-бин сочинить плачевный манифест. Он, выражая раскаяние и изображая сокрушение, представляя обстоятельства и объясняя справедливость, слова употребил и мысли выразил столь совершенно, что, слушая, невозможно было не тронуться: жители города Лоян даже слезно рыдали.

Царства Гинь генералы Ваньянь-хада и Ира-буха повели армию для вспоможения столице, встретившись с монгольским Тулуем, сразились у горы Саньфын и были наголову разбиты. Генерал Ваньянь-ченхо-шан умер.

Монгольские войска после сражения при горе Юйшань распростерлись на север. Из проходимых ими областных и уездных городов не осталось ни одного, который бы не покорился или не был взят. После чего из Тханчжоу пошли на Бянь-цзин. Два нючженьских полководца шли из Дын-чжоу на помощь этой столице. Они вели 150 тысяч пехоты и конницы; монголы в 3 тысячи конницы шли по пятам их. Хада, советуясь с прочими, сказал: «Неприятельский отряд состоит только из 3 тысяч, а мы медлим сразиться. Это знак слабости». Когда нючженьская армия пришла к реке Ша-хэ в области Цзюньчжоу, монгольские войска без сражения отступили. Когда нючженьская армия начинала ставить лагерь, монгольские войска снова тревожили ее. Поэтому нючженьская армия не могла ни на отдых встать, ни подкрепиться пищей; но только шла и сражалась.

По прибытии к селению Хуан-юй-дянь, в 25 ли от Цзюнь-чжоу, не могла идти далее по причине шедшего снега; здесь неожиданно получено предписание, которым велено корпусам обоих главнокомандующих поспешать к столице. Вследствие чего Хада с прочими выступил в поход. Монгольские войска, переправившиеся с севера, уже все собрались и, как впереди, так и позади, завалили дорогу большими деревьями. Нючженьский генерал Ян-воян очистил сию дорогу. После чего армия пошла вперед и расположилась при Сань-фын-шань. Многие солдаты уже около трех дней были без пищи. Монгольские войска, соединившись с войсками из Хэ-бэй, окружили их со всех сторон; разводили огни и пекли мясо, посменно имея роздых. Пользуясь изнурением и расслаблением войск нючженьских, монголы открыли им дорогу в Цзюнь-чжоу и допустили идти, между тем со свежими войсками ударили с двух сторон; отчего нючженьская армия пришла в смятение. Крики уподоблялись обрушившейся горе. Вушань с 30 конными скрылся в бамбуковой роще, а после уехал в Ми-сянь. Генералы Янь-во-ян, Фан-цзэ и Чжанхой, вооруженные длинными копьями, мужественно дрались и наконец убиты. Хада, видя, что главное дело уже потеряно, хотел спешившись сражаться, но Буха уже был сбит со своего места, почему Хада с генералом Чень-хошан и прочими несколькими сотнями конницы ушел в Цзюнь-чжоу. Монгольский государь в Чжен-чжоу, получив известие, что Тулуй сражается с нючженьским войском, послал к нему генералов Хонь-буху и Цилагуня, но когда они прибыли, то армия нючженьская была уже рассеяна, почему соединенными силами осадили Цзюнь-чжоу и провели ров за городом.

Хада скрылся в пустом покое, но по взятии города монгольские солдаты нашли его и убили. По этой причине монголы сказали: «Вы полагались только на Желтую реку и на генерала Ваньянь-хаду. Ныне Хада убит нами; Желтая река за нами; чего же ожидаете и не покоряетесь?» Чен-хо-шан уклонился в

одно тайное место, и когда убийство и грабеж несколько утихли, он вышел и, объявляя о себе, говорил: «Я полководец царства Гинь, желаю видеться с главнокомандующим». Монгольские конные взяли его и представили Тулюю, который спросил его о прозвании и имени. «Я генерал Чен-хо-шан, – отвечал он, – победы в Да-чан-юань, Вэй-чжоу [112 - Вэй-хой-фу.] и Дао-хой-фу мною одержаны. Если бы я умер среди волнующихся войск, то иные могли бы подумать, что я изменил отечеству. Ныне, когда умру торжественным образом, без сомнения некоторые в Поднебесной будут знать меня». Монголы убеждали его покориться, но не могли преклонить к тому. И так отрубили ему ноги, разрезали рот до ушей, но он, изрыгая кровь, еще кричал: «До последнего дыхания не унижусь». Некоторые монгольские генералы, одушевляемые справедливостью, возливали кобылий кумыс и, молясь, ему говорили: «Славный воин! Если некогда ты переродишься, то удостой быть в нашей земле». Буха бежал, но гнавшиеся за ним монгольские солдаты схватили его и в колодке привезли к горе Гуань-шань, Тулуй хотел склонить его к покорности и долго убеждал к тому; но Буха ничего не слушал, а только говорил: «Я вельможа Нючженьской державы; в пределах нючженьских и умереть должен». После чего был убит. Таким образом погибли лучшие полководцы и храбрейшие воины Нючженьского царства, и впоследствии никто не мог заменить их.

Объяснение. Написав: «повели армию для вспоможения столиц», тем приписывают попечение о службе государю. Написав: «сразились у горы Саньфын и были наголову разбиты», говорят о сражении с неприятелями; и хотя разбиты, но не теряют славы. Чен-хо-шан прежде одержал победы в Да-чанюань, Дао-хой-фу; но, претерпев поражение при Сань-фын, сам явился в лагерь, изъяснялся мужественно, свободно и нимало не унижился. Чем истинно доказал свое усердие к государю. Ответ его монголам и донныне производит сильное впечатление на читателей. И мог ли бы он достигнуть всего, если бы не был воспламенен высочайшей справедливостью? Ах! При этом сражении погибли все твердые полководцы и храбрые войска царства Нючженьского, и уже невозможно стало действовать. Не есть ли это воля неба? Написано: «умерли», тем история приписала им сохранение долга.

Во втором месяце царства Гинь провинции Шэньси генералы бросили Тхун-гуань и возвратились на восток. Монголы достигли их у горы Тъхе-лин и всех предали смерти.

Нючженьский двор, получив известие, что монголы вступили в Жао-фын-гуань, послал Туктань-удына в Вынь-сян, дабы учинить распоряжение в Тхун-гуань, а генерала Туктань-бога главнокомандующим в провинции Шэньси с полномочием действовать по обстоятельствам. Бога немедленно приехал в Шань, объявил по уездам и крепостям, чтоб перевести жителей в большие города, а съестные запасы и обозы собрать в Шань-чжоу и чтоб ближайšie к горам уклонились от неприятеля в укрепленные места. В это самое время Алиха объявил Туктаньудыну повеление двора, чтобы следовать для вспоможения столице. Вследствие чего Удын с главнокомандующим в Тхун-гуань генералом Нахата-хэюй и с главнокомандующим в Цин-чжоу и Лань-чжоу генералом Ваньянь-чунси, оставив все приготовления в помянутых городах, пошли со 110 тысячами пехоты и 5 тысячами конницы в Шань. Съестные запасы городов Тхун-чжоу, Хуа-чжоу и Выньсян простирались до нескольких сот тысяч полумешков. Изготовили около двухсот судов и хотели все сплавить по реке на восток, но вдруг получили известие о приближении монгольских войск. Как хлеб еще не успели нагрузить, то суда отпустили на низ пустыми. Снова собрали народ, чтобы перевести хлеб из магазинов, находящихся в Линбао и Цзе-ши. В это самое время пришли монгольские конные отряды, ограбили и побили великое множество жителей. Нючженьский комендант Ли-пъхин покорился с крепостью Тхун-гуань монголам. После того монгольские войска беспрепятственно пришли в Шань. Удын выступил с войсками из Вынь-сян, старые и малолетние шли вслед за ними. Идучи по юго-западной дороге, вступили в большие горы, но тут посреди льдов и снегов многие офицеры отложились. Монголы услышали о том и, выйдя из Лу-ши в нескольких стах конницы, догнали их. По горным дорогам лежащие снега от дневного солнца таяли; следовавшие за войсками женщины и девицы, идучи по колена в грязи, бросали старых и малолетних. Горы наполнились плачем и воплем. Дойдя до горы Тъхе-лин, хотели сражаться, но от голода обессилели. Почему Ваньянь-чунси первый

покорился, но монголы отрубили ему голову, – отчего нючженьские войска пришли в великое смятение. Удын и Хэюй с несколькими десятками конных ушли в ущелья; но, преследуемые конницею, были догнаны и все преданы смерти.

В третий месяц монголы обложили Ло-ян. Царства Гинь объездный генерал Цян-шень, упорно сражаясь, отразил их.

Когда монголы, установив баллисты, начали осаждать Ло-ян, то в городе охранных войск находилось только от трех до четырех тысяч солдат, собравшихся из армии, рассеянной при Сань-фын-шань, и около ста человек из корпуса генерала Чен-хо-шан. Генерал Сахалынь по причине открывшегося на спине чирия не мог командовать, почему бросился в водяной ров и умер. Главнокомандующий Жинь-шеу-чжен сам принял начальство, и когда он пошел для вспоможения столице, то жители страны Хэнань объявили Цян-шень начальствующим и препоручили ему 2500 человек войска. По прошествии трех дней монгольские войска обложили город с трех сторон. Цян-шень сделал знамена из лоскутьев платья, поставил на стене городской и, обнажив себя, начал сражаться. Он с несколькимистами сильных солдат всюду поспешал для подкрепления, для поощрения войск производил сильный крик, как будто было их до 10 тысяч человек. Когда недостало оружия, то употребляли деньги вместо железков к стрелам; каждую монгольскую стрелу разрезывали на четверо и стреляли посредством плетей или трубок. Еще построили отбойные машины, из которых несколько человек могли метать большие камни далее ста шагов и при каждом разе попадали в цель. Цян-шень бегал и всюду помогал и куда ни приходил, везде одерживал верх. Монголы, усиливая войско и упорно осаждая, в три месяца не могли взять города и отступили.

Двор Гинь послал царевича Ваньянь-агэ заложником к монголам и просил о мире. Летом, в четвертый месяц, монголы отступили и расположились лагерем по рекам Ло-шуй и Желтой.

Монгольский государь, намереваясь возвратиться на север, отправил посланника из Чжен-чжоу в Бянь с предложением, чтобы нючженьский государь покорился; сверх чего требовал выдать мудреца Чжао-бин-вынь, Ян-шенгун, Кхун-юань-цо и прочих, всего двадцать семь фамилий, также семейства поддавшихся монголам, жену с детьми генерала Ира-бухи, швей и птичных охотников. И так, вместо всего вышперечисленного, нючженьский государь отправил первого министра Ли-ци представить царевича Ваньянь-шеу-шунь [113 - Собственное имя наследника нючженьского Шеу-шунь. Маньчжурское слово Агэ или Агу есть общее название принцев.] монголам в заложники и просить о мире. Генерал-прокурор Фоймо Эгудэ (Удэ) назначен посланником для заключения мира. Они еще не отправились, как монгольский Субут, услышав об этом, сказал: «Я получил повеление осаждать город, другого ничего не знаю». И так поставил осадные машины; по берегу городского водяного рва построил палисад; согнал пленных китайцев, далее женщин, девиц, стариков и детей и заставил их носить на себе хворост и солому, чтобы завалить ров. В несколько минут заровняли около десяти шагов. Как решились договариваться о мире, то министр Ваньянь-баксань не смел сражаться с монголами. В городе обнаружилось неудовольствие и ропот. Нючженьский государь, услышав об этом, в сопровождении шести или семи конных выехал за ворота Дуань-мынь и прибыл к судовому мосту. В это время от недавнего дождя сделалось грязно. Как государь выехал неожиданно, то жители столицы в изумлении не знали, что делать; только становились на колени подле дороги. Старики и дети теснились пред ним; некоторые по ошибке касались его одеяния. В скором времени прибыли к нему министры и прочие чиновники. Подали ему парaplю, но он не принял и сказал: «В армии все под открытым небом: для чего же мне иметь парaplю?» К нему подступили около 60 солдат из юго-западного корпуса и сказали: «Северные войска уже до половины заровняли городской ров, а министр отдал приказ не пускать ни одной стрелы, опасаясь помешать переговорам о мире; что это за расчет?» Государь сказал им: «Я для спасения подданных решился именоваться вассалом, платить дань и во всем повиноваться. Имею только одного сына, который еще не пришел в возраст, теперь и его посылаю в заложники. Потерпите несколько, пока князь выедет. Если после этого татаньцы не отступят, то и

тогда не поздно будет отчаянно сражаться». В этот день великий князь отправился в путь, но монголы, несмотря на то, начали осаждать соединенными силами. В столице строили баллисты во дворце. Ядра были сделаны совершенно круглые, весом около (китайского) фунта, а камни для них брали из горы Гын-ио [114 - Гын-ио – название искусственной мраморной горы, сделанной китайским домом Сун в городе Кхай-фын, когда этот город был Северной его столицей (Пекином); потом Кхай-фын завоеван нючженями и сделан Южной столицей (Нанкином), которую теперь осадили монголы. Впоследствии гора Гын-ио переведена в Пекин, и ныне составляет прекраснейший Мраморный остров в Западном саду.]. Баллисты, употребляемые монголами, были другого вида. Они разбивали жерновые камни или каменные катки на два и на три куска, и в таком виде употребляли их. Баллисты были строены из бамбука, и на каждом углу стены городской поставлено их было до ста. Стреляли из верхних и нижних попеременно, и ни днем, ни ночью не переставали. В несколько дней груды камней сравнялись со внутренней городской стеной. Отбойные машины на стене городской построены были из огромного строевого леса, взятого из старых дворцов. Как скоро деревья разможжались от ударов, то покрывали их калом лошадиным, смешанным с пшеничной мякиной, и сверх того обвивали сетями, веревками, канатами, тюфьями, Висячие дощатые щиты снаружи обиты были воловьими кожами. Монгольские войска употребили огненные баллисты [115 - Пушки.], и где был нанесен удар, там по горячности не можно было вдруг помогать. Старики сказывали, что династии Чжоу государь Ши-цзун, строя городскую стену, глину брал из Ху-лао. Эта глина крепка и плотна, как железо; и от ударов из баллист приметны были одни впадины. Монгольские войска сделали за городским рвом земляной вал, который в окружности содержал 150 ли. На том валу были амбразуры и башни. Ров и в глубину и в ширину имел около 10 футов. На каждом пространстве от 30 до 40 шагов был построен притин, в котором стояло около 100 человек караульных. Вначале Баксань приказал за городскими воротами построить земляные пристенки, кривые и узкие, чтобы два или три человека могли проходить и стеречь, дабы монголы не могли отбить или осадить ворот. Генералы предлагали делать по ночам вылазки; но войска не могли нечаянно выступать, а если когда и выходили, то монголами тотчас были примечаемы. После того выбрали 1000 человек отважнейших солдат, которые должны были из прокопанного под городской стеной отверстия, переплыв через ров, зажечь подставки под баллистами. На стене городской выставлены были сигнальные фонари из красной бумаги, по зажжении которых надлежало плыть через ров. Монголы и это заметили. Еще спускали бумажных гусей (змеев в виде гусей) с прикрепленными к ним объявлениями для убеждения в плен взятых китайцев. Когда эти змеи оказывались над монгольским лагерем, то нитку отрывали. Политики говорили, что министры хотят бумажными гусями и фонарями отразить неприятеля; это трудно. В это время нючженьцы имели огненные баллисты, которые поражали, подобно грому небесному. Для этого брали чугунные горшки, наполняли порохом и зажигали огнем. Сии горшки назывались чжень-тьхянь-лэй (т. е. потрясающий небо гром). Когда баллиста ударит и огонь вспыхнет, то звук уподоблялся грому и слышен был почти за 100 ли. Сии горшки сжигали на пространстве 120 футов в окружности и огненными искрами пробивали железную броню. Монголы еще делали будочки из воловьих кож и в них, подойдя к стене городской, пробивали в ней углубление, могущее вместить одного человека, которому со стены городской никак нельзя было вредить. Некоторые представили способ, чтоб спускать со стены городской на железной цепи горшки чжень-тьхянь-лэй, которые, достигши выкопанного углубления, испускали огонь, совершенно истреблявший человека и с кожей воловьей. Еще, кроме этого, употребляли летающие огненные копья, которые пускали, воспламеняя порох, сжигали за 10 от себя шагов [116 - Это ракеты.]. Монголы только двух этих вещей боялись. Они осаждали город 16 суток, денно и ночью. Около миллиона с обеих сторон убито при этой осаде. После всего и могила матери нючженьского государя была раскопана. Субут видел, что невозможно взять город, почему, приняв ласковый тон, объявил, что открыты мирные переговоры между государствами и военные действия прекращаются. Нючженьское правительство согласилось на его предложение и отправило Ян-цзюй-жинь, советника палаты финансов, за городом угостить войска монгольские и поднести дорогие дары. После Субут дал слово отступить с войсками и расположился между реками Желтой и Ло-шуй. Вице-министр Чигя-кацик, приписывая себе славу в защите города, хотел в сопровождении всех чинов явиться во дворец с поздравлением. Но вице-министр Нэйцзу-сэлэ сказал: «Клятва, под городскими

стенами учиненная, в Чунь-цю почитается стыдом, так можно ли поздравлять с прекращением осады?» Кацик, рассердившись, сказал: «Престол спасен, государь избавлен от опасности – и вы не считаете это радостью?» Он приказал академику Чжао-вынь-бин сочинить поздравительный доклад. Чжао-вынь-бин сказал на это: «По Чунь-цю, когда новый дворец сгорел, три дня плакали. Нет, после таковой осады столицы, в сообразность обрядам, надлежит утешать, а не поздравлять». Тем дело кончилось. Нючженьский государь, вступив на ворота [117 - Городские и дворцовые ворота в Китае строят в виде палат с проходом внизу, почему над воротами находятся просторные залы.] Дуань-мынь, объявил прощение, обнаружил награду чиновникам и разночинцам, которые могут починить или обратно взять важный какой-либо город; войскам сделал угощение и награду; уменьшил свой стол; отменил ненужных чиновников; отпустил девиц из дворца; запретил в докладах именовать себя премудрым; слова «премудрый указ» заменил словом «предписание». В столице прекращены строгие меры, и пешие солдаты начали выходить за ворота Фын-цю-мынь для сбора зелени и дров. После чего открылась в городе зараза, продолжавшаяся 50 дней. В течение этого времени около 90 тысяч гробов вынесено было из городских ворот, не считая бедных, которых не в состоянии были похоронить.

Объяснение. Положение нючженьского двора час от часу становилось хуже. Тщетно просил он мира у монголов. Олень, попавшийся в яму, может ли убежать? Твердые полководцы и храбрые войска как скоро погибли, то уже невозможно стало помышлять об обратных завоеваниях. Хотя и так, но каждый что делает, то и получает в возмездие. Таково есть взаимное соответствие небесного порядка. Нючженцы притесняли Срединное государство; хищнически овладели землями дома Сун. Точь-в-точь таким же образом и монголы поступили с ними.

Осенью, в седьмой месяц, двор Гинь убил монгольских посланников, всего около 30 человек.

Нючженьский солдат Шен-фу с товарищами убил на подворье монгольского посланника Тхац-цин с прочими, всего до тридцати человек. Нючженьский государь оставил их без суда: вследствие чего переговоры о мире прекращены.

Царства Гинь генерал Вушань, собрав войска, пошел для избавления столицы Бянь. В восьмой месяц сии войска, встретившись с монголами у Цзин-шуй, все разбежались.

После поражения, претерпенного при горе Сань-фын, Вушань ушел в Нань-ян, собрал из рассеявшихся войск 100 тысяч и расположился при Лю-шань. Когда Бяньцин был в осаде, то нючженьский государь предписал генералу Вушань с правителем в Дын-чжоу Ваньянь-сэлэ и с комендантом в Гун-чан Ваньянь-хушаху, совокупив войска, идти на помощь. Вушань, приближаясь к восточной стороне города Ми-сянь, встретился с монголами. Поставив войска в Мэй-шань-дянь, он отправил к Ваньянь-сэлэ сказать, чтобы, расположившись лагерем в крепком месте, подождал его, дабы вместе идти. Ваньянь-сэлэ, крайне поспешая в Бянь, не послушал его. Нючженьский государь приказал Чигя-кацику идти с войсками для подкрепления генерала Вушань. Ваньянь-сэлэ, дойдя до реки Цзин-шуй, встретился с монголами, и войска его без сражения рассеялись. Войска генерала Вушань также разбежались и возвратились к Лю-шань. Чигя-кацик три дня стоял в Чжун-миао. Получив известие, что войска генерала Ваньянь-сэлэ рассеялись, в ночи бросил обоз и поспешно возвратился в столицу.

Корейцы убили всех монгольских чиновников. Монголы пошли воевать Корею.

Корейский король убил всех определенных монголами даругацев и с войском своим ушел на морской остров. Монгольский Салитай пошел войной и скончался в армии.

Зимою, в десятый месяц, монгольский Тулуй умер.

Тулуй оставил по себе шесть сыновей, из которых старший назывался Мункэ, следующий Бэньэргэ, третий Худуту, четвертый Хубилай, пятый Шилмынь, шестой Эрбугэ.

В 12-й месяц монголы отправили в царство Сун посланника для заключения союза против царства инь. Двор Сун согласился.

Монголы два раза посылали Ван-цзе в царство Сун договариваться, чтобы с двух сторон напасть на нючженей. Ши-сун-чжи доложил о том государю. Все министерство одобрило этот поход, дабы воспользоваться случаем к отмщению. Один Чжао-фань с неудовольствием сказал: «В правление Сюань-хо союз на море вначале был очень тверд; но впоследствии сделался источником несчастий [118 - В 1119 г. нючжени прислали к китайскому двору посольство с дарами, и при сем просили Китай вступить с ними в военный союз против киданей. Кидани в это время царствовали под именем дома Ляо и владели в Китае одною только половиною провинции Чжи-ли. Когда же нючжени покорили киданей, то вероломно нарушили договор и завоевали Северный Китай до реки Хуай, и китайцы, кроме Чжи-ли, еще лишились пяти провинций. Как-то: Шань-дун, Шаньси, Шэньси, Гань-су и Хэ-нань.]. Не должно оставлять этого урока без внимания». Император не принял совета и приказал министру Ши-сун-чжи отправить посланника с обещанием согласия. И так Цзэушен послан с ответом. Монголы по успешном окончании похода обещали возвратиться к дому Сун страну Хэ-нань.

Объяснение. Дом Сун был во всегдашней вражде с домом Нючженьским и по порядку должно было отмстить оружием, но для этой войны просить помощи у монголов также было неуместно. Союз, заключенный на море в правление Сюань-хо, долженствовал служить уроком. Иностранцы вероломны; нельзя сблизиться с ними, как же можно было заключить мир, отправить посланника и вступить в военный союз? Сверх того, монголы уже обнаружили свое бесчеловечие в царстве Сун. Ли-цзун (имя китайского государя того времени) единственно помышлял об отмщении и, напротив, верил тому, чему бы не надлежало верить. Почему, как скоро предложили о военном союзе, немедленно согласился на него. По этой причине в Ган-му выше было писано, что отправили посланника к монголам, а здесь написано: «согласился». Из чего явствует, что дом Сун сам желал того союза, а не по просьбе монголов заключил договор; и что впоследствии монголы вступили в Южный Китай с оружием, сами китайцы навлекли войну. Таков есть смысл исторического писания, предосудительного для Китая. Искони много заключали военных союзов, но еще не было, чтобы Китай предварительно искал связи с иностранцами. Если бы государь и чины дома Сун имели человеческое сердце, то устыдились бы умирать в гибельной стране. Да послужит настоящее обстоятельство зеркалом для тех, которые впоследствии пожелают легко верить иностранцам!

Царства Гинь государь Ваньянь Шеу-суй убежал в Хэ-бэй. Монгольский Субут снова обложил Бянь.

В Бянь-цин съестные запасы кончились, вспоможение отовсюду было пресечено. Положение этой столицы сделалось опаснее и затруднительнее. Нингясу приказал вельможам собраться на совет. Некоторые доказывали, что Гуй-дэ со всех сторон укреплен водой и представляется удобным защищаться в нем. Другие советовали пробраться подле Западных гор в Дын-чжоу. Наконец, некоторые говорили, что, предполагая идти в Дын-чжоу, не надобно забыть, что Субут стоит в Жу-чжоу. Почему советовали лучше взять дорогу через города Цай-чжоу и Чень-чжоу, а отселе поворотить в Дын-чжоу. Нючженьский государь не знал на что решиться, а спросил мнения у секретаря Бай-хуа. Тот сказал ему: «Гуй-дэ хотя и крепок, но когда издержан будет хлеб, то останется ожидать смерти. Отнюдь не следует отправляться туда. Но как Субут стоит в Жу-чжоу, то невозможно ехать в Дын-чжоу. Судя по настоящему положению дел, надлежит прямо идти в Жу-чжоу и в один раз решить все. Лучше сразиться на половине пути, нежели в Жу-чжоу, и лучше сразиться за городом, нежели на пути, ибо в нашей армии уже мало и хлеба и силы. Чем далее уклоняться от столицы, тем более будут уменьшаться съестные запасы армии; лошади будут питаться подножным кормом. Дела чем далее, тем будут затруднительнее. Если бы наши войска улучили случай сразиться, то одним сим походом решили

бы судьбу государства. Сим образом можно вне ободрить дух в войсках, внутри подкрепить надежды жителей столицы. Не для чего следовать плану уклонения и переселения. Люди обыкновенно имеют привязанность к дому и едва ли охотно пожелают следовать за нами. Надлежит основательно обдумать это». Нючженьский государь не послушал его и, призвав генералов, предложил им, что по причине недостатка в съестных запасах в столице он решился выехать. Генералы доказывали, что ему не следуешь выезжать, а предписать, что делать полководцам. Нючженьский государь хотел определить Фуча-гуаньну главнокомандующим над конницею, Гао-сянь главнокомандующим над пехотою, Лю-и товарищем их. Он намерен был уполномочить этих трех человек, но вице-министр Нэйцзу Эньчу сказал им: «Вы не знаете, как высоко держать бороздник, и можете ли столь легко принимать на себя важные государственные дела?» Все собрание молчало, один только Гуаньну сказал: «Если генералы и министры хороши, то для чего использовать нас?» И это дело также оставлено. Вследствие чего первый министр Сабу, правитель Баксань, младший товарищ главнокомандующего Эньчу, старший министр Ли-си и главнокомандующий Туктань-бэдя назначены с войсками сопровождать государя. На-шень, товарищ министра, Санябу, правитель столицы, Чжу-кхай, комендант внутреннего города, главнокомандующие внешнего города, восточной стороны Босху, южной стороны Чжугя-иочжу, западной стороны Цуй-ли, северной стороны Фучжури-майну оставлены главнокомандующими в столице. После чего государь, отворив государственное казначейство, также взяв разные вещи из придворного казначейства и одеяние дворцовых женщин, сделал награду офицерам и солдатам. В народе разнеслась молва, что государь уезжает в Гуй-дэ. Семейства военнослужащих оставались в столице и, по причине оказавшегося недостатка в хлебе, должны были ожидать неминуемой смерти, а хотя бы и отправились в Гуй-дэ, но за издержками для армейских лошадей нельзя было долго поддерживать себя. Нючженьский государь приказал министру Сабу пустить слух, что вместо прежнего мнения о государевом путешествии принято предложение советника Бай-хуа, чтобы идти в Жучжоу и требовать сражения. Государь при отъезде из Бяньцин слезно простился со вдовствующею государынею, с государынею супругою и прочими царицами. Доехав до ворот Кхай-ян-мынь, обратился к оставшимся в столице войскам и сказал: «Здесь находится алтарь духов Ше-ци и великий храм предков моих, не думайте, чтобы ваше рвение не было принято за услуги. Ежели возможете защитить город от непредвидимых случаев, то будете награждены не менее войск, сражающихся в поле». Слышавшие это проливали слезы. В этот день пришли вспомогательные войска генерала Хушаху, начальствовавшего в городе Гун-чан. Он донес государю, что от столицы к западу на 300 ли протяжения совершенно нет жилища; невозможно ехать, лучше предпринять путешествие в Циньчжоу или Гун-чан. Вследствие чего нючженьский государь решился ехать на восток. Он остановился при местечке Ху-ан-лин-ган. Баксань ударил на монголов и взял у них два укрепления. Здесь он полонил генералов из Хэ-шо, которых нючженьский государь простил и дал им печати. Вельможи настоятельно предлагали использовать генералов проводниками, так можно торжественно вступить в Кхай-чжоу, взять Да-мин и Дун-пъхин и рыцари [119 - Рыцарями назывались молодые люди из сильных или богатых домов, посвятившие себя воинским упражнениям.] примут нашу сторону. Оньду-часунь сказал на это: «Вдовствующая государыня и государыня супруга находятся в Южной столице. Следуя на север, если сверх чаяния встретим противное нашему предположению, то государь останется одинок, что же он предпримет тогда? Если ехать в Гуй-дэ, то и через полгода едва ли можно возвратиться в столицу. Лучше прежде взять Вэй-чжоу [120 - Вэй-хой-фу.]; удобнее будет возвращение к столице». – «Государь! – сказал на это Баксань, – ты не привык к верховой езде [121 - Этот государь из-за тучности тела не мог садиться на верховую лошадь.]; и сверх того нужно, чтобы монголы не знали о твоём местопребывании. Ныне можно остановиться в Гуй-дэ, а мне дозволь с покорившимися генералами идти на Дун-пъхин и ожидать прибытия войск, чтобы вдруг тронуться в поход; сим образом можно покорить Хэ-шо и отвлечь неприятельские войска из Хэ-нань». – «В Вэй-чжоу, – сказал Гуаньну, – есть хлеб, которым можно воспользоваться». – «Если не можем удержать столицы, – возразил Баксань, – то что будем делать, получив Вэй-чжоу?» Нючженьский государь обманулся здесь и устремил все мысли в Хэ-шо. Монгольский Субут, получив известие, что он оставил Бянь, снова обложил столицу войсками.

Пятое лето, Гуй-сы. Весной, в первый месяц, в день Гыншень, нючженьский государь бежал в Гуй-дэ. В день Суйчен (9-е число) нючженьский главнокомандующий в западной части столицы Цуй-ли, убив главноуправляющих в столице Ваньянь-на*~~censored~~*ня и Ваньянь-санябу, покорился монголам с Южной столицей. Во второй месяц хан поехал в урочище Тэмурту и указал князьям обсудить мнение о предпринятии войны против Онола. Потом предписано царевичу Куюку и князю Ацитаю идти с восточной армией для умирения его. Летом, в четвертый месяц, Субут подступил к Цин-чен. Цуй-ли выехал к нему с нючженьской вдовствующей государыней, урожденною Ванши, царицей супругой Туктань и двумя принцами, Цунко и Шеу-шунь, которых Субут препроводил к хану, и потом вступил в Южную столицу. В шестой месяц нючженьский государь бежал в город Цай-чжоу, где Тацир обложил его войсками. Хан указал, чтобы Кхун-юань-цо, в пятом колене внук философа Конфуция, наследовал княжеское достоинство, под наименованием Янь-шен-гун [122 - Потомок философа Конфуция и доньне носит это достоинство без перемены названия. Дворец его стоит при самом кладбище помянутого философа, ибо единственная должность того князя – приносить знаменитому своему предку жертвы в положенное законами время.]. Осенью, в восьмой месяц, производил облаву в урочище Эбэсу. По счислению, учиненному ревизором Акдунгою с прочими, оказалось в Чжун-чжоу 730 тысяч семейств. В девятый месяц Онол взят в плен. Зимой, в одиннадцатый месяц, двор Сун прислал с генералом Мын-гун съестные припасы в пособие войскам. В двенадцатый месяц монгольские войска, соединившись с войсками царства Сун, осадили город Цай-чжоу и разбили генерала Вушань в области Си-чжоу. Нючженцы покорились с городами: Хай-чжоу, И-чжоу, Лай-чжоу и Вэй-чжоу. Зимой хан приехал в походный дворец Ару-угэгын. Здесь поднялась сильная выюга, продолжавшаяся семь суток. Он предписал поправить храм философа Конфуция и обсерваторию.

ИЗ ГАН-МУ

Гуй-сы, шестое лето. Царства Гинь правления Тъхянь-син второе лето. Весною, в первый месяц, царства Гинь государь Шеу-суй переправился через Желтую реку и приказал генералу Ваньянь-баксаню осадить Вэй-чжоу. Баксань совершенно разбит в сражении с монголами. Государь царства Гинь шел в Гуй-дэ; Баксань предан казни.

Нючженьский государь послал нарочного в Гуй-дэ требовать съестных запасов. Командующий генерал Чигянюлхунь послал 1500 мешков хлеба, который и был препровожден к городу Пху-чен. По раздаче этого хлеба войскам задержали двести судов, на которых поставили палатки. После чего нючженьский государь переехал через Желтую реку. В это время поднялся сильный ветер и задние войска не могли переправиться. Гнавшиеся монголы напали на них на южном берегу. Главнокомандующий Хэдуси в упорном сражении пал на поле. Около тысячи нючженьских солдат потонуло в реке. Государь, стоя на северном берегу, видел это и трепетал от страха. После чего расположился при горе Цуй-ма-ган и отправил генерала Баксаня осадить Вэй-чжоу. Баксань подошел к городу, поднял царское знамя, но из города не соответствовали ему. Монголы, услышав об этом, переправились из Хэ-нань на северный берег. Вследствие чего Баксань отступил со своим войском. Монгольский Ши-тянь-кхэ погнался за ним с конницей и дал сражение у монастыря Бай-гун-миао. Нючженьское войско наголову разбито, и Баксань, бросив лагерь, бежал на восток. Главнокомандующий Лю-и и генерал Чжан-кхай убиты жителями. Нючженьский государь, расположившись при деревне Вэй-лэу-цунь, хотел дожидаться монгольских войск, чтобы дать решительное сражение, но в скором времени приехал Баксань и со смущенным видом донес, что армия уже рассеяна и монгольские войска на этой стороне недалеко от плотины, почему просил его ехать в Гуй-дэ. И так нючженьский государь и Хорхо, помощник главнокомандующего, в числе шести или семи человек сели ночью на суда и, тайно переправившись обратно через Желтую реку, ушли в Гуй-дэ. Уже на другой день узнали в лагере, что государь оставил армию, и все рассеялись. Нючженьский государь по прибытии в Гуй-дэ послал Чжугя-такшибу в Бянь-цзин за вдовствующею государыней и за государыней супругой. Войска начали роптать, и государь, объявив преступления генерала Баксаня,

убил его. Вначале береговые жители, услышав, что нючженьский государь переправился на север, укрепились валами и заперли ворота; скрылись в пещеры и попрятались в овраги, когда же увидели, что корпус генерала Фуча-гуаньну соблюдал строгую дисциплину и в проходимых им местах ничего не касался, старики и дети, женщины и девицы оставили боязнь и перестали бегать. Но Баксань, пойдя в Вэй-чжоу, позволил солдатам всюду производить грабительства. Тогда поля огласились воплями; проходимые места принимали вид развалин. Цены на съестное чрезвычайно возвысились; общественное и частное, все было в опасности. С того времени народ начал помышлять об измене, почему твердо защищал город Вэй-чжоу и при монгольской погоне не дал вспоможения, отчего и поражение последовало.

Объяснение. Нючженьский государь, как скоро узнал, что Баксань без способностей, то отрешил от должности. Ныне снова назначил его полководцем, следовательно, государь не знал подданного. Баксань, приняв поручение от государя, не смог пожертвовать жизнью в сражении, напротив, претерпел поражение, обратно бежал, следовательно, подданный не ревностно служил государю. Бежать есть дело обыкновенного, мало думающего о себе человека. Нючженьский государь хотя иностранец, но он был императором в Чжун-юань. Будучи не в силах решительно сражаться с врагами и погибнуть вместе с престолом, он, напротив, подражая поступкам обыкновенных людей, бежал в Гуй-дэ в надежде спастись, не означает ли это слабость? Баксань, обманывая государя, подверг царство опасности – преступление непростительное! Прежние историки написали «предал казни» и тем объявили его невиновным. Но Ган-му, переменив это выражение, прямо написала: «предан казни»; и тем выказала его вину. После чего мятежные вельможи и цареубийцы уже не могут найти извинения. Замечание. Баксань навлек несчастья на дом нючженей, по этой причине в описании сказано: «убил»; но Ган-му написала: «предан казни», и тем выказала его вину.

Царства Гинь главнокомандующий в западной части столицы генерал Цуй-ли произвел возмущение: объявил князя Ваньянь-цун-ко правителем государства и заточил его; сам себя объявил канцлером, президентом государственного совета, главнокомандующим и со столицей покорился монголам.

Вначале жители в Бянь-цзин, по случаю государева отбытия на войну, ежедневно получали известия о победах. Когда же услышали, что армия разбита, пришли в великий страх. В это время Субут день ото дня теснее осаждал город, почему осажденные не могли иметь ни малейшего сообщения со вне. Горстка риса дошла до двух ланов серебра. Одни в виду других умирали от голода. Чиновники и жены их большей частью просили милостыню по улицам. Некоторые дошли до того, что ели своих жен и детей. Всякие изделия из кожи варили для утоления голода. Дома знаменитых фамилий, лавки и трактиры, все было сломано на дрова. Когда же нючженьский государь прислал нарочных в Бянь за обеими государынями, то чувствования жителей наиболее возмутились. Цуйли, главнокомандующий западной части, человек развратный и лукавый, пользуясь народным волнением, скрытно умыслил произвести возмущение. Старший экспедитор Юань-хао-вынь, явившись к Санябу, сказал: «С того времени как государь оставил столицу, уже прошло около 20 дней; притом прислал он нарочных для принятия обеих государынь. В народе все говорят, что государь помышляет бросить столицу. Что ты предпримешь?» – «Нам обоим останется только умереть», – отвечал Санябу. – «Умереть нетрудно, – сказал Хао-вынь, – если бы можно было утвердить престол и спасти жизнь народа, то бы должно было умереть, но если не предвидишь того, то желать только одним нам собою насытить 50 солдат краснокафтаных – ужели и это значит умереть?» Санябу ничего не отвечал. В это время обе государыни уже выехали и остановились в Чень-лю. Но, приметив за городом в двух или трех местах разведенный огонь, подумали, что там есть неприятель, и наискорейше опять возвратились в Бянь-цзин. В следующий день Цуй-ли, обнажив меч против Ваньянь-насухыня и Ваньянь-санябу, сказал: «Столица находится уже в крайне опасном и стесненном положении. Вы, господа министры, чего смотрите?» – «Если есть какое дело, – отвечали оба министра, – то надлежит спокойно посоветоваться. К чему поступать сим образом?» Цуй-ли подал знак своим сообщникам. Сначала убили Санябу, потом Насухыня и еще около десяти других чиновников. После чего в объявлении к народу написал: «Два

министра, затворив ворота, ничего не предпринимали, почему я убил их, единственно для избавления целого города от смерти». Весь народ пришел в восхищение. Вследствие чего Цуйли вооруженною рукою вошел во дворец и, собрав чины для совета о возведении государя на престол, сказал: «Князь и наследник престола Цун-ко и сестра его царица находятся в северном корпусе. Должно его возвести на престол». И тотчас отправил своего сообщника Вэйдо призвать его именем вдовствующей государыни. Цун-ко явился и именем вдовствующей государыни объявлен правителем государства. Чиновники учинили поклонение пред ним. Цуйли сам себя объявил канцлером, главнокомандующим и главным советником; младших своих братьев определил: Цуй-ци правителем в столице, Цуй-кхан военачальником во дворце. Сообщники его все получили должности. Юаньхао-вынь также был повышен. После послал к Субуту в лагерь переговорщика. Субут подъехал к Цин-чен. Цуй-ли в царском одеянии и с царскою помпою выехал для свидания с ним. Субут в радости сделал пир, при котором Цуйли служил ему, как отцу, рабски, а по возвращении в город сжег все отбойные машины. Субут еще более был доволен и с того времени поверил, что Цуй-ли подлинно покорился. В непродолжительном времени Цуй-ли перевел наследника и других родственников царских во дворец и вверил их охранению преданных ему, а сам обратил дворец одного князя в собственный дом и убрал драгоценностями, взятыми из дворцового казначейства.

Объяснение. «Произвел возмущение» – слова, означающие дерзость против престола. Цуй-ли, будучи оставлен государем для охранения столицы, обязан был всеми силами защищаться, не думая о собственной участи. Но он, прельщаясь минутными выгодами, предпринял намерение восстать против государя. Наследника престола заключил в особый дом, а владения своего государя предложил чужим, такие преступления превышают казнь, ибо справедливость между государем и чинами есть одна из первых обязанностей. Усмирение мятежников есть величайшая казнь в Поднебесной, как же он решился для гнусных монголов презреть обязанность усмирения мятежников? По этой причине прямо написано, и сим выставлено непростительное его преступление.

Монголы обложили царства Гинь город Бо-чжоу. В третий месяц царства Гинь генерал Фуча-гуаньну произвел возмущение, убил старшего министра Ли-си и прочих, всего около 300 высших чиновников при дворе. Государь царства Гинь поручил ему управлять государственными делами. В четвертый месяц царства Гинь генерал Цуй-ли взял своих государынь и князя Цун-ко с прочими под стражу и препроводил их к монголам. Монгольский Субут убил Цунко с прочими, а государынь послал на север.

При жертвоприношении употребляемые царские одежды и одеяние государынь Цуй-ли представил Субуту. Еще собрал в город золото и серебро; делал обыски, так сказать, выкуривая и отливая [123 - Способ ловить зверей, живущих в норах.]; производил грабительства и бесчеловечные лютости. Богатые люди из знаменитых фамилий не могли переносить его утеснений и втайне говорили друг другу: «После осады города в течение семи или восьми дней около одного миллиона мертвых вынесено за городские ворота. Жаль, что мы не поспешили включить себя в это число и дожили до настоящего положения». В это время Цуй-ли со своею женою вошел во дворец, и обе государыни наградили их несказанным множеством вещей. Цуй-ли при этом случае предложил вдовствующей государыне написать письмо с изложением небесных времен и дел человеческих и послать его с кормилицею нючженьского государя в Гуй-дэ, дабы он покорился. После Цуй-ли взял вдовствующую государыню Ван-ши, государыню супругу Туктань, князей: Вань-янь, Цун-ко и Ваньянь-меу-шунь и цариц, всего 37 колясочек, около 500 обоего пола родственников царского племени, Янь-шен-гун, Кхун-юань-цо, славных ученых, монахов трех сект, врачей, художников, швей и препроводил их в Цин-чен. Субут убил обоих князей и всех принцев крови, а государынь и княжеских супругов препроводил в Хоринь. Они в дороге претерпели большие горести, нежели царицы государей Вэй-цзун и Цин-цзун. Субут вступил в Бянь. В это время Цуй-ли был еще за городом. Солдаты монгольские прежде вошли в его дом и забрали его жену, наложниц и все сокровища и ушли. Цуй-ли по возвращении слезно зарыдал и тем кончил. Вначале монголы узаконили: если осаждаемый город не сдастся прежде того, как начнут метать стрелы и камень, то по взятии вырубить его. Как скоро взят был Бянь-цзин, то Субут отправил

к монгольскому государю нарочного со следующим представлением: «Этот город долго сопротивлялся; многие офицеры и солдаты изранены; прошу дозволения вырубить город». Елюй-чуцай, услышав об этом, поспешно явился к монгольскому государю и сказал: «Генералы и солдаты несколько десятков лет подвергались суровостям времен и единственно имели прение о земле и жителях ее». Монгольский государь не соглашался, Елюй-чуцай еще сказал: «Различные художники и мастера, чиновники и народ, знаменитые и богатые фамилии, все собраны в городе. Если умертвить их, то ничего невозможно будет получить, и так мы по-пустому предпринимали труды». После монгольский государь указал, чтобы, исключая фамилию Ваньянь, прочих всех простить. В это время уклонившихся в Бянь от оружия еще было 400 000 семейств, которые все избавились от смерти. Этот случай принят законом на будущее время.

Объяснение. Кто убьет чужого отца, люди убьют и его отца. Кто убьет чужого старшего брата, люди убьют и его старшего брата, ибо закон отмщения, подобно как эхо отвечает звуку, как тень следует за вещью. Исшедшее от тебя к тебе же возвратится, и может ли быть в этом случае хотя малейшее отступление? Наблюдая притеснения, понесенные Китаем от иностранцев в разные времена, открываем, что они никогда не оставались без возмездия. Лю-цун с братьями, похитив земли дома Цзинь, взял в плен Хуайди и Минь-ди, двух государей этого дома, но вскоре и сам подвергся опасности, и царство погибло. Фуцзянь с сыном отнял престол у дома Чжао и притеснял северные берега реки Цзян, но вскоре был убит и царство его погибло. При династии Тхан, Ань-лушань, изменив государю, произвел возмущение, но впоследствии убит рукой своего сына Ань-цин-суй. Нючженьский Агуда, возникший в Шамо, присвоил себе достоинство императора. Наследовавший по нем Ваньянь-шен уничтожил царство Ляо, напал на царство Сун. Нючжени взяли в плен и увезли на север двух китайских государей с их супругами. Здесь написано, что монголы убили наследника с прочими, а государынь и цариц послали на север. В продолжение одного столетия, т. е. в начале и в конце его, одна и та же колея. Не закон ли неба вершит здесь возмездие? Ибо дом Сун хотя и ослабел в середине, но после еще продолжался несколько колен. Нючжени же, как скоро уклонились в Цай-чжоу, то вслед за этим немедленно погибли. Небо, смиряя высокомерие иностранцев, употребило руку монгола для наказания их за оскорбление Китая.

Мын-гун напал на генерала царства Гинь Вушань и обратил его в бегство. Вследствие чего обратно взял город Дын-чжоу. В пятый месяц царства Гинь генерал Фуча-гуаньну нечаянным нападением разбил монгольское войско при Бо-чжоу.

В сражении, проигранном в округе Вэй-чжоу при монастыре Бай-гун-миао, мать генерала Гуаньну взята монголами в плен. Нючженьский государь приказал ему для избавления матери предложить монголам мир. И так Гуаньну вступил с генералом Тэмодаем в тайные переговоры, чтобы принудить нючженьского государя покориться. Тэмодай поверил и отпустил мать его, почему и приступили к мирным договорам. Гуаньну ежедневно ездил для переговоров или, прогуливаясь на судне, пировал с ним. Нючженьский государь еще тайно приказал давать присланным золотые и серебряные медали и удержать их. После чего утвердили план о нападении на лагерь. В пятый день пятой луны в лагере тайно заготовили огненные копья и военные снаряды. Гуаньну с четырьмястами пятидесятью человеками из корпуса Чжун-сяо-цзюнь сел у южных ворот на суда и от востока пустился на север. Ночью побил караульных по плотине солдат и подошел к лагерю Тэмодая у монастыря Ван-цзя-сы. Нючженьский государь сел на суда, привязанные у северных ворот в том предположении, чтобы, если не одержат победы, уйти в Сюй-чжоу. В четвертую стражу вступили в сражение. Корпус Чжун-сяо-цзюнь был отражен, но снова сделал нападение. Гуаньну, отделив около 70 человек на малое судно, зашел за укрепление и ударил с двух сторон. Вооруженные огненными копьями ворвались во внутренность монгольского лагеря. Тэмодай не мог устоять, и корпус его пришел в великое смятение. 3500 человек утонули в воде. Гуаньну сжег укрепление и возвратился. После был сделан главнокомандующим и министром. Си-сянь поставлен комендантом в Бо-чжоу.

Царства Гинь генерал Фуча Гуаньну заключил своего государя Шеу-суй в палате Чжао-би-тхан. В шестой месяц Гуаньну предан казни. Монголы взяли Лоян. Царства Гинь главнокомандующий в Средней столице Цян-шен умер.

Цян-шень в награду за услуги, оказанные в защите страны Чжун-юань, получил должность главнокомандующего в этой стране, а потом командующего в городе Ло-ян. Через месяц съестные запасы все вышли, и солдаты малопомалу разошлись. Монгольские войска снова подступили, и город принужден был сдаться генералу Тациру. Цяншень не хотел покориться пред ним и предан смерти.

Объяснение. Цян-шень долго защищал Ло-ян и тем доказал подлинность своего усердия к престолу. Когда вышел хлеб и вспоможение было пресечено, то он разбит и взят в плен, но со всем тем не захотел перейти к монголам. Если бы же он не пренебрегал жизнью и не дорожил справедливостью, то мог ли бы столь равнодушно смотреть на смерть? Он умер должным образом, следовательно, надлежало заметить это, чтобы приписать ему соблюдение долга.

Царства Гинь государь Шеу-суй ушел в Цай-чжоу.

Нючженьский государь, оставив генерала Ван-би для защищения Гуй-дэ, сам уехал в Цай-чжоу. В это время долго шли дожди. Придворные чиновники, сопровождавшие государя, шли пешие по грязи и питались зелеными жужубами [124 - Жужубы (жожоба) это китайские финики, имеющие и по виду и по вкусу некоторое сходство с индийскими финиками.], ноги у них совершенно опухли. В следующий день государь прибыл в Бо-чжоу без всякой пышности. Число сопровождавших простиралось от двухсот до трехсот человек с пятидесятью лошадьми. Когда он остановился внутри города, то старики учинили поклонение, пав ниц на землю подле дороги. Нючженьский государь через приближенного сказал им: «Уже более ста лет, как двор пекся о вашем спокойствии. Ныне я, не имеющий добродетелей, принудил вас пресмыкаться во прахе. Я не в состоянии выразить всего. Вы только не забывайте доброты моих предков». Все кричали: «да здравствует государь!» и проливали слезы. Через день выехали и остановились в 60 ли от Бо-чжоу на юг; от дождя укрылись в монастыре Шуан-гао-сы. Сун-ай-мынь сказал, что здесь и следов человеческих не видно. Государь, глубоко вздохнув, сказал: «Живущие совершенно истреблены». Он горько зарыдал и вступил в Цай-чжоу. Старики учинили поклонение подле дороги. Видя столь бедную свиту его, каждый проливал слезы; государь также вздыхал. После он произвел Ваньянь-хушаху министром, Ухури-хао генерал-прокурором и по-прежнему главнокомандующим, Хушаху обладал способностями гражданского и военного чиновника. Все дела важные и маловажные самолично исправлял, набирал солдат, сбирал лошадей, исправлял оружие и военные доспехи и никогда не выпускал из мысли ехать с государем в Гун-чан. Приближенные долго терпели нужды в Суй-ян и не хотели ехать; они здесь женились, завели домоводство и не желали переселения; рано и поздно представляли государю о невыгодах путешествия на запад, и государь верил им. Хушаху в уединении спокойно сидел с зажмуренными глазами и только глубоко вздыхал. В это время монгольские войска находились еще далеко от Цай-чжоу. Купцы съехались сюда в нарочитом множестве. Государь успокоился и приказал набирать девиц для дворца и сделать сад для прогулок и отдохновения, но Хушаху настоятельным увещанием отклонил это. Хушаху положил награду за пожертвование лошадей и через это приобрел около тысячи. Сверх того, послал по разным местам набирать солдат и вести в Цай-чжоу. Таким образом получил около 10 тысяч храбрейших людей, и положение войска несколько поправилось. Из корпуса Чжун-сяоцзюнь низший офицер Ли-дэ, имея при себе около 10 солдат верхом, въехал в присутственное место и закричал, что они не получают месячного пайка, и даже простер дерзость до ругательства. Хушаху велел связать Ли-дэ и наказывать батогами. Государь сказал ему: «Этот корпус теперь в силе и скоро будем иметь нужду в нем. Для чего не оказать снисхождения; довольно было бы сделать выговор». Хушаху в ответ сказал: «В теперешнее время дел много; отличать услуги и скрывать проступки есть добродетель, свойственная государям. Что касается до должностей командующих, то совсем иначе. За малое преступление должно наказывать, за большое казнить смертью. Наглый солдат, упрямый воин и на

один день не могут быть не под законами. Низкие люди вообще такого свойства, что при послаблении делаются своевольными, а при своеволии трудно управлять ими. Несчастье в Суй-ян ужели от одного Фуча-гуаньну произошло? Также и правительство через меру послабляло. Ныне, дабы загладить прежние следы, надобно, чтобы строгость превосходила милость. Награждать должно по справедливости, а равно и наказывать, и чиновники будут исправны в должности». Солдаты, услышав об этом, уже более не смели выходить из повиновения. В это время сопутствующие чиновники все были бедны и получали содержание от Ухури-хао. Этому человеку никто не мог угодить, и он рано и поздно наговаривал государю, даже коснулся его стола и содержания. Государь рассердился и начал отдалять его. Хао, будучи огорчен, печалился, досадовал и, сказываясь больным, мало занимался делами.

Объяснение. Уйти как обыкновенному человеку, мало думающему о себе, есть выражение презрения. Хотя обстоятельства нючженьского государя были в опасном положении, и уже невозможно было действовать, со всем тем надлежало ему дать сражение под стенами столицы и вместе с престолом погибнуть. Тогда он не лишился бы чести, должной государю. Но он, будучи не в состоянии обдумать всего, решился на бегство. Нючжени, разбойнически похитив Чжун-юань, царствовали 10 поколений, и посему Ган-му не может не поставлять их наравне с удельными князьями. Ах! Тысячечолесничный владетель, не имея твердости в духе, но подражая низким поступкам обыкновенного, мало думающего о себе человека, ушел – что это значит? Со времени ухода в Цай-чжоу гибель нючженей решена. Нарочно написав: «ушел», тем крайне порицает.

Монголы дали князю Кхун-юань-цо наследственное достоинство Ян-шен-гун.

По представлению Елюй-чуцая.

Осенью, в седьмой месяц, Мын-гун совершенно разбил царства Гинь генерала Вушань при Ма-дын-шань и, покорив его армию, возвратился.

Любимый генералом Вушань генерал Лю-и явился к полководцу Мын-гун и покорился. Мын-гун спросил его о внутреннем положении генерала Вушань. Лю-и сказал на это: «Вушань занимает девять укрепленных мест. Главное укрепленное место есть Ши-сюе-шань. Передовая сторона прикрыта укрепленными местами Ма-дын-чжай, Ша-во-чжай и Ху-шань-чжай. Не взяв сих трех укреплений, не можно и думать о взятии Ши-сюе-шань, если взять Лицинь-чжай, то Ху-шань и Ша-во останутся без прикрытия». Итак, Мын-гун послал войска на Ли-цинь-чжай, где, напав внезапно, почти всех побили. В тот же вечер еще приказал сильным солдатам ударить на Ван-цзышань-чжай, где убили начальствующего и вышли. После взяли Ма-дын-чжай. Отселе, возвращаясь, пошли на Ша-во-чжай, по западную сторону которого встретились с нючженьскими войсками и одержали победу. Вскорости Дын-шунь еще взял Мо-хэу-ли-чжай. Таким образом, из девяти укрепленных мест генерала Вушань в продолжение 6 дней взято семь. Мын-гун, призвав Лю-и, сказал ему: «После потери этих укреплений Бань-цяо-чжай и Ши-сюешань непременно поражены страхом, не можешь ли склонить их к сдаче?» Мын-гун предполагал, что Вушань, доведенный до крайности, непременно пойдет на самую вершину горы Ху-шань для наблюдения за ним, почему приказал генералу Фань-вынь-бинь стать с корпусом внизу. Войска генерала Вушань действительно пошли на гору, и только что дошли до половины, как по знаку Фань-выньбинь засадные войска поднялись со всех сторон, и войска генерала Вушань расстроились. Пропасти наполнились трупами, и гора сделалась кровавой. Генерал Ву-шижо убит; 730 человек взято в плен. Брошенные латы грудами лежали. При закате солнца Мын-гун двинулся с войском и пришел к реке Сяо-туй-хэ. Лю-и сказал: «Вушань намеревается идти в Шан-чжоу и там занять крепкое местоположение, но ни старые, ни молодые солдаты не хотят идти на север». – «Теперь, – сказал Мын-гун, – не должно медлить походом». В ночи он позвал Фаньвынь-бинь и других генералов для получения приказаний, чтобы в следующий день напасть на Ши-сюе-чжай. Несколько отдохнув и подкрепившись пищею, отправились в поход и на заре пришли к Ши-сюе. В это время небо

было хмуро и еще не прояснилось. Фань-вынь-бинь обеспокоился. Мын-гун, ударив лошадь, прямо поскакал к Ши-сюе и напал на это место с разных сторон. Дрались с третьего часа до девятого пополудни и наконец овладели сим местом. Вушань ушел; за ним гнались до Нань-юй-чжай. Вушань, приметив погоню, переделся и уклонился, но при горе Ин-хулу-шань снова вступил в сражение и еще был разбит. Наконец с пятью или шестью конными бежал и скрылся от погони. 70 тысяч войска его покорились; и Мын-гун возвратился в Сян-ян.

Монгольский Тацир обложил царства Гинь город Цай-чжоу. Зимой, в десятый месяц, Ши-сун-чжи предписал генералу Мын-гун присоединиться с его корпусом к Тациру.

В девятый месяц нючженьский государь принес поклонение небу в палате правителя. Сопровождавшие его чины совершили обряд поклонения. Государь дал им наставление и после удостоил вином. Пир еще не окончился, как объездные конные прискакали с донесением, что неприятели в числе нескольких сот человек внезапно подъехали к самому городу. Генералы и офицеры прыгали от радости. Они просили дать сражение, и государь дозволил. В тот же день отделены отряды для защиты четырех сторон и внутреннего города, и войско тотчас выступило дать сражение; монгольские войска обратились в бегство и рассеялись. Тацир с несколькими стами конницы снова расположился на восточной стороне города. Нючженьский государь приказал дать сражение, и Тацир был разбит. После чего монгольские войска более не приближались к городу, но сделали земляной вал и обложили город. Ши-сун-чжи предписал генералам Мын-гун и Цзянхай, чтобы они по силе договора, заключенного с монголами, присовокупились к Тациру с 20 тысячами войска и доставили ему 300 тысяч мешков сарацинского пшена (риса). Тацир крайне обрадовался и усугубил приготовление осадных орудий. Звук от рубки дров слышан был в самом городе. Опасение в городе увеличилось, и жители только втайне советовались и выбегали с покорностью. Нючженьский министр Хушаху, памятуя милости государя и долг подданного, ежедневно занимался успокоением жителей и распоряжением оборонительных мер. Он в это время ни разу не ходил в свой дом. Войска и народ чувствовали решимость, и с того времени все твердо стояли на одном. В одиннадцатый месяц обе армии, южная и северная (китайская и монгольская), подступили под город с осадными орудиями. В городе потребовали всех жителей к защите. Когда же силы народа оказались недостаточными, собрали сильных женщин, нарядили их в мужское одеяние и использовали их для доставления деревьев и камней. Нючженьский государь сам выходил для ободрения. Войска его выступили из восточных ворот дать сражение. Мын-гун пресек им возвратный путь и получил несколько перебежчиков, которые сказали, что в городе терпят недостаток в хлебе. Мын-гун сказал: «Уже дошли до крайности; надлежит наблюдать, дабы в отчаянии не пробились сквозь осаждающих». Он условился с Тациром, чтобы армии, северная и южная, действовали согласно. В 12-й месяц Тацир послал генерала Чжан-жеу с 5 тысячами лучших войск к стенам города. Жители городские утащили двух солдат крючьями, а Чжан-жеу был покрыт стрелами, как еж. Мын-гун приказал своему передовому корпусу идти для подкрепления; они освободили Чжан-жеу и увезли с собою. На другой день Мын-гун, отчаянно сражаясь, приблизился к озеру Чай-тхань и, сделав на нем укрепление из палисада, приказал офицерам взять башню Чай-тхань-лэу. Нючженьские войска начали оборону. Солдаты южной армии полезли вверх подобно станице рыб и приступом взяли башню. Цайчжоу почитал озеро Чай-тхань укреплением; за ним протекает река Жу-хэ. Озеро по местоположению было на 50 или 60 футов выше поверхности реки. На стене башни золотыми буквами означено, что в ней поставлены потаенные большие самострелы. Сказывали, что там находится дракон, посему никто не смел приблизиться. Самые офицеры и солдаты сомневались и боялись. Мын-гун позвал своих подчиненных на пир и, вторично посылая их на приступ, сказал: «Башня Чай-тхань-лэу ни небом устроена, ни землею расположена. Скрытые самострелы могут только поражать вдали, а не вблизи. Неприятели единственно надеются на это озеро. Если прорвать и выпустить воду, то можно тотчас иссушить». Вследствие чего прокопали плотину, и озеро действительно прорвалось и вытекло в Жу-шуй. Мын-гун приказал наполнить его хворостом и водяным тростником. Монголы также прорвали Лянь-цзян, потому обе армии переправились, осадили внешний город и, взяв его, приблизились к земляным воротам.

Городское правительство, согнав старых и малолетних, топило из них сало, что называли баллистами из человеческого сала. Ужасно было и слышать о том, почему Мын-гун послал Дао-ши внушить о прекращении бесчеловечия. Нючженьский генерал Фу-чжури Чжун-лосо вышел ночью из западных ворот с пятьюстами лучшими солдатами, несущими снопы соломы, верхние концы которой обмакнуты были в сало. Они намерены были зажечь укрепления обеих армий и осадные орудия, но монголы скоро заметили это и засели в потаенном месте с сотнею тугих самострелов; как скоро появился огонь, то немедленно пущены были стрелы. Нючженьские солдаты обращены в бегство, и очень многие ранены; один только Лосо спасся. Две армии соединенными силами осадили Западный город и овладели им. Хушаху приказал построить земляное укрепление и обвести рвом; и когда Западный город был взят, то союзные войска еще не могли войти в город, а только для прикрытия себя построили на стене палисад. Хушаху отозвал лучшие войска с трех прочих сторон и продолжал сражаться денно и ночью. Нючженьский государь, обратившись к своим приближенным, сказал: «Десять лет носил я золото и пурпур (был ребенком); десять лет был наследником; десять лет царствую над народом. Сам знаю, что не имею великих проступков и пороков. Я не сожалею, что умру. Сожалею только, что престол, через целые сто лет предками передаваемый, мною должен разрушиться и я должен поступить в число тех развращенных и неистовых царей древности, которые через худые поступки теряли царство. Единственно о том только беспокоюсь». Еще говорил: «Владетели, потерявшее царство, большею частью были заточаемы и пленниками представляемы или уничижаемы пред троном и заключаемы в пустыни, но я не доведу себя до того. Господа! Вы можете усмотреть, на что я решился в своем намерении». Все свои вещи раздал в награду сражающимся офицерам, а сам, переодевшись в простое платье и взяв солдат, ночью вышел из восточных ворот в намерении бежать, но у палисада встретился с неприятелями, дал сражение и возвратился. Заколов конюшенных лошадей, дал пир офицерам, но состояние дел уже невозможно было поправить.

Царства Гинь город Сюй-чжоу покорился монголам. Правитель и министр Ваньянь-сабу умерли.

В это время начальствующий в округе Сюй-чжоу Гоелюй условился с отложившимся в Юань-чжоу генералом Ма-цзун внезапно овладеть городом Сюй-чжоу. Офицеры и солдаты, по причине осады города и будучи теснимы монгольскими войсками, думали выйти и покориться. Сабу был противоположного мнения и, опасаясь быть взятым под стражу, хотел принять смерть в реке, но солдаты вытащили его из воды, и он, наконец, повесился. Вследствие чего Ма-цзун с городом покорился монголам.

1234

Шестое лето Цзя-ву. Весной, в первый месяц, нючженьский государь, сдав престол принцу Чен-линь, сам повесился и по завещанию сожжен. Город взят приступом; Ченлинь захвачен в плен и убит. Войска царства Сун взяли обгорелый труп нючженьского государя и увезли с собою. Династия Гинь погибла. Этой весной хан собрал князей и угощал при Ургынь-голе. Летом, в пятый месяц, он созвал всех князей и вельмож в урочище Далань-даба и обнародовал следующие законы: 1. Кто, будучи позван на собрание, не поедет, а будет пировать в своем доме, тот повинен отсечению головы. 2. При входе во дворец и при выходе оттуда никто не должен иметь в своей свите более десяти мужчин или женщин; сверх того, никто в таком случае не должен перемешиваться с другими. 3. В армии над десятью солдатами определяется десятник, приказаниям которого они обязаны повиноваться; самовольствующих же подвергать наказанию. 4. Если десятник по какому-либо делу отлучится во дворец, то вместо него на время прикомандировать одного из другой десятки. 5. Один или два человека не должны самовольно отлучаться в другие места; поступающих вопреки тому подвергать наказанию. 6. Кто будет говорить о таких общественных делах, о которых не следует открывать, таковых по двукратном нарушении наказывать розгами, по троекратном батогами, по четырехкратном приговаривать к смерти. 7. Если тысячник опередит темника впереди ехавшего, то след по нем стрелять тупыми стрелами. 8. Если кто из сотников и десятников в армии преступит что-либо, таковых,

как нарушителей сих постановлений, отрешать от должности. 9. Впоследствии, если при сборе войск окажется недостаток в рядовых, то дополнять нехватку требованием солдат из ближайших корпусов. 10. Живущие в доме или в лагере не должны производить крика и шума. 11. Собирающиеся на объезд должны для охранения одного косяка хороших лошадей, полагая в каждом 50 голов, употреблять 5 человек, для откармливания тощих лошадей трех человек, для охранения степного табуна трех же человек, но кто украдет одну или две лошади, таких приговаривать к смертной казни. 12. Чужих лошадей, которых не должно держать в степном табуне, брать и отдавать для прокормления тигров и леопардов. 13. Если женщина употребит цвет одеяния народного вопреки предписанию или будет ревнива, таковую, посадив на неоседланного вола, возить по аймаку, объявляя о преступлении. После чего дозволяется жениться на другой. Осенью, в седьмой месяц, Хутук-ноинь определен уголовным судьей, а Дахай-камбу отправлен воевать Шу. Этой же осенью хан в урочище Барс-даланьдаба положил в совете, чтобы самому идти воевать царство Сун, но король Чжалаху просил отправить его, почему и отправлен. Зимой хан производил облаву в урочище Тоб-хайхань.

ИЗ ГАН-МУ

Цзя-ву. Царства Сун правления Дуань-пъхин первое лето. Весной, в первый месяц, государь царства Гинь Ваньянь-шеу-суй сдал престол принцу своего дома Ваньянь-чен-линь. Мын-гун вступил во Цай-чжоу с монгольскими войсками. Шеу-суй и министр его Ваньянь-хушаху умерли. Чен-линь убит мятущимися солдатами. Царство Гинь погибло.

В новый год монгольские войска пировали. Голоса поющих и звуки флейт во все стороны разносились. В городе томились голодом и только вздыхали. Мын-гун усмотрел, что темный туман пал над городом и солнце было тускло. Перебежчики говорили, что минуло три месяца, как город не имеет съестных запасов. Седла, сапоги, ветхие литавры, все сварено; сверх того дозволено есть старых и слабых. Войска питались тестом, составленным из человеческих и скотских костей с зеленью. Нередко съедали целые отряды разбитых солдат. По этой-то причине многие желали покориться. Итак, Мын-гун отдал войскам приказ, чтобы с кляпцами во рту несли осадные лестницы и приставляли к стенам городским для приступа. Нючженьцы со времени осады лишились очень многих офицеров, убитых в сражении. Ныне же как придворные, так и из присутственных мест чиновники, все употреблены к общественным работам и к защите города. Монгольские войска пробили в западной стене пять проходов и вошли в город в совершенном порядке. Они вступили в кровопролитное сражение; но при захождении солнца отступили и сказали, что в следующий день опять соберутся. В этот вечер нючженьский государь собрал все чины и сдал престол начальствовавшему в восточной части города принцу Ваньянь-чен-линь. Этот Чен-линь был потомок государя Хорибу, младший брат принца Ваньянь-баксая. Он, в слезах учинив поклонение, отказывался от престола. Нючженьский государь сказал: «Ужели без необходимости препоручаю тебе престол? Я телом тучен и тяжел, неспособен к верховой езде и к быстрым наездам; ты, напротив, ровен и быстр, обладаешь качествами полководца. Сверх чаяния если избавится, то царственный наш род не прекратится. Вот моя мысль!» Чен-линь встал и принял государственную печать. В следующий день Чен-линь возведен на престол. В это время войска генерала Мын-гун пошли к южным воротам и, дойдя до башни Цзин-цзы-лэу, расставили осадные лестницы. Отдан приказ корпусам, чтобы по первому литавренному бою шли на стены. Ма-и первый взшел, за ним Чжао-юн. Солдаты мужественно полезли и на стене вступили в жаркое сражение. Ухури-хао и с ним двести офицеров, все покорились. Нючженьские чины по совершении поздравительного обряда все вышли для отражения неприятелей, но на зубцах южной стены уже развевались знамена царства Сун; через короткое время во всех четырех сторонах ударили в литавры и начали осаду с двух сторон. От криков небо и земля поколебались. Охранявшие южные ворота бросили этот пост и ушли. Когда отворили ворота на запад, то Мын-гун позвал генерала Цзян-хай с Тацировым корпусом и вступил в город. Хушаху с тысячью лучших солдат начал сражаться на улице, но не мог устоять. Нючженьский государь Шеу-суй, видя крайность обстоятельств, сказал своим приближенным, чтоб по смерти предали его тело огню. После чего он повесился. Хушаху, услышав об этом, сказал своим офицерам: «Мой государь уже преставился; для чего же я сражаюсь? Я не могу умереть от руки

мятущихся солдат. Бросившись в Жу-шуй, последую за моим государем. Вы, государи мои, также решитесь на что-нибудь». Сказав эти слова, бросился в помянутую реку и утонул. «Министр умел умереть, – сказали генералы, – а мы разве не можем?» После государственных советники: Фу-чжури, Сяо-лосо и Улинга-хутури, генералы: Юань-чжи, Юй-шан, Хэшери-бошелу, Ухури-холдонь и около пятисот офицеров, все умерли вслед за ними. Чен-линь отступил для защиты кремля. Услышав о смерти своего государя, вошел в сопровождении чинов для оплакивания, и притом сказал к сопровождавшим: «Покойный император 10 лет сидел на престоле, был попечителен и бережлив, милостив и человеколюбив. Старался о возвращении потерянных владений, но не имел успеха в своих намерениях. Как жалок он! Надлежит по смерти наименовать его Ай (жалкий)». Еще не успели кончить возлияния, как город уже был взят. Генералы и придворные чины возожгли огонь и сожгли тело, а кости взяли, чтобы похоронить при реке. Цзян-хай вошел во дворец и задержал государственного советника Чжан-тьхянь-ван. Мын-гун спросил его, где нючженьский государь. «При опасности города сам повесился», – отвечал Тьхянь-ван. Мын-гун разделил с Тациром кости нючженьского государя, сокровища и вещи церемониальные. В этой день и Чен-линь убит мятушимися войсками. И так дом Гинь погиб. Со времен государя Сюань-цзун министры и члены совета нередко пред самым действием прибегали к уклончивости и уступчивости; представляли униженно, говорили медленно, чтобы сим соблюсти министерскую важность. Каждый раз, как возгоралась война или случались бедственные естественные перемены, отзывались сердечным сокрушением государя или откладывали до вторичного совета. При таком отсутствии деятельности старались только протянуть время. Когда же вели войну, то приближенных к государю поставляли надзирателями военных распоряжений, отчего часто пред самым действием случались остановки и задержки. По этим причинам армии не имели успехов, а о беспорядках, при дворе происходивших, не было доноσιμο. Оттого-то дом Гинь дошел до гибели. Историки пишут: «При начале, как только Нючженьский дом возник, в Поднебесной не было сильнее его. Тхай-цзу и Тханцзун [125 - Тхай-цзу был первый государь из дома Гинь по имени Агуда, царствовал 1115–1122 гг.; Тхан-цзун был второй государь из этого дома по имени Укимай, царствовал 1123–1134 гг.] одним страхом поработили Срединное государство. По большей части они шли по следам дома Ляо в его начале. Постановив государей в Чу и Ци, оставили их и ушли. Но чиновники царства Сун не употребили усилий, и от их оплошностей оно лишилось древних своих земель. Сицзун [126 - Си-цзун был третий государь из этого дома по имени Хаара (черный), царствовал 1135–1148 гг.] и Хай-лин [127 - Хай-лин был четвертый государь по имени Ду-гурэнэ (полный), царствовал 1149–1160 гг. Этот же государь известен под именем Лян.] начали тирански царствовать. Чжунюань отчаялась в надеждах. Дом Гинь едва не потерял всего. Ши-цзун [128 - Ши-цзун был пятый государь, по имени Улу (свищ), царствовал 1161–1189 гг.] жестокость заменил человеколюбием, дал народу льготу и покой; и по этой причине царствование дома Гинь продолжалось более ста лет. Со времен этого государя нарочито утвердились мысли народные. Чжан-цзун старался показываться снисходительным, но неспособен был к твердому правлению [129 - Чжан-цзун был седьмой государь по имени Мадагэ, царствовал 1196–1208 гг.]. Со времен князя Вэй-шао государственные постановления крайне ослабли. Сюаньцзун [130 - Сюань-цзун был девятый государь по имени Удабу, царствовал 1213–1223 гг.] с переселением на юг удалился от коренного основания; вел в то же время войну и с Китаем и с Тангутом и через то дошел до изнурения и истощения. В век государя Ай-цзун [131 - Ай-цзун был десятый и последний государь из дома Гинь по имени Нингясу, царствовал 1224–1234 гг.] уже невозможно было действовать (поправить дел). Он повсюду собирал ополчения, желая удержать бытие при самой гибели, и погиб, когда силы совершенно истощились. Как жалок! Впрочем этот государь умер за престол и не оставил стыда по себе.

Объяснение. Монголы были сильны, а дом Сун слаб, и мог ли, используя монгольские войска, оставаться самостоятельным? По этой причине нарочно написано «с», Здесь «с» (монгольскими войсками) имеет отрицательный смысл. Оставив Китай, преклониться к иностранцам, брать себе чужие города – это суть большие ошибки в государственном управлении. Впоследствии отсюда произойдут все беспокойствия. Написано, что Шеу-суй и министр его Хушаху оба умерли, и сим приписана им высочайшая похвала, дабы через это поощрять потомков умирать за долг. Написано: «дом Гинь погиб».

Это показывает, что дом нючженей сам от себя погиб; не генерал Мынгун с прочими уничтожил его. Таков есть глубокий смысл исторического писания. Хотя и так, но самая справедливость возлагает на государя обязанность умереть с престолом. Шеу-суй бежал на восток, ушел на запад и посреди погибели искал спасения, но когда увидел невозможность, то умер вместе с престолом: «как жалок!» Озираясь назад, помышлять о спасении жизни и покориться неприятелю, как сделали династии Хань государь Лю-шань, династии Цзинь государь Хуай-ди и Минь-ди династии Сун, государь Вэй-цзун и Цин-цзун? Какой стыд им пред государем Шеу-суй! У иностранцев были государи, превосходившие китайских.

Земли, от городов Чен-чжоу и Цай-чжоу к северозападу лежащие, отделены во владение монголов. Те определили генерала Лю-фу главнуправляющим дороги Хэ-нань. Во второй месяц они вступили в Сюйчжоу. Царства Гинь генерал Ваньянь-юн-ань умер. В пятый месяц генерал Вушань убежал в Цзе-чжоу, где и убит от гарнизонных солдат. Царства Сун генералы Чжао-фань и Чжао-кхуй представили своему государю об обратном завоевании трех столиц. Указано Ли-цзы-цай, правителю округа Лу-чжоу, собрать войска и поспешить в Бянь. Бывший царства Гинь генерал Ли-бо-юань с прочими казнил Цуйли и покорился дому Сун.

Чжао-фань и Чжао-кхуй хотели, пользуясь настоящими обстоятельствами, утвердить Чжун-юань и начертали план, чтобы иметь за собою Желтую реку, занять Гуань и обратно получить три столицы [132 - Чан-ань, Ло-ян, Бянь-лян.]. Большая часть государственных чинов это находила еще невозможным. Только Чжен-цин сильно защищал предложение о войне. И так предписано генералу Чжао-фань перенести канцелярию в Хуан-чжоу и назначено время к походу. Генерала Чжао-фэнь советник Цю-ио сказал ему: «Усилившийся неприятель недавно только заключил клятву и пошел обратно. Будучи исполнен жара и стремительности, ужели захочет пожертвовать приобретенным и отдать его другим? Если наши войска пойдут, то и они не умедлят прийти. Сверх того, если пойдём за 1000 ли оспаривать пустые города, по получении которых должно еще заботиться о доставлении им съестных припасов, то впоследствии, без сомнения, будем раскаиваться». Чжао-фань не послушал его. Ши-сун-чжи также представлял, что в Цзинчжоу и Сян-ян теперь терпят голод; еще невозможно предпринять похода. Ду-цю-ань снова представил о выгодности оборонительного положения и невыгодности похода. Цяо-син-цзянь, бывший тогда в отпуске, в посланном докладе писал: «Еще будет время проникнуть к восьми кладбищам [133 - К царским кладбищам в Ло-ян.], представятся случаи к возвращению Чжун-юань. При великих пособиях к действию надлежит иметь и великие случаи к нему; тогда в делах будет успех, и, без сомнения, кабинет может строить планы. Я не думаю, чтобы поход был безуспешен, но беспокоюсь, что не в состоянии будем продолжать ход дела; тогда печаль сделается горестнейшею. Сверх того, при соображении обратного завоевания, необходимо избрать полководцев, образовать войска, иметь довольно и военных, и съестных припасов. Ныне же полководцев нет, войск мало. По истощении сумм и по издержке съестных припасов надобно опасаться, что мы, еще ничего не сделав северу, южные страны прежде приведем в беспокойство и волнение. Желательно, чтобы ваше величество твердо держались собственного мнения, утвердили суждение о государстве, и тем пресекли бы разные прожектирования». Государь никого не послушал и указал правителю в Лу-чжоу, генералу Цюань-цзыцай, соединив 10 тысяч войск, от Хуай-чжоу на западе идти в Бянь. В это время управляющие в этой столице: Ли-бо-юань, Ли-ци и Ли-цзань-ну, будучи пренебрегаемы от Цуй-ли, умышляли убить его; когда же услышали, что Цюань-цзы-цай приближается с корпусом, то Ли-бо-юань с прочими отписал к нему о своей покорности, а по наружности советовался с Цуй-ли об оборонительных мерах. В шестой месяц Ли-бо-юань зажег городские ворота Фынцю-мынь, чтобы сим растревожить его. Цуй-ли очень обеспокоился, и Ли-бо-юань с прочими явился к нему, чтобы вместе отправиться к пожару. Цуй-ли поехал в сопровождении Юань-сю, Чже-си-янь и нескольких конных. При возвращении с пожара Ли-бо-юань сам поехал провожать Цуй-ли и на середине пути нечаянно обхватил его, сидевшего на лошади. Цуй-ли, оглянувшись, сказал: «Ты хочешь убить меня?» – «Убить тебя что за беда», – отвечал ему Ли-бо-юань. Потом вынул нож и заколол его. Цуйли упал с лошади мертвый. Тотчас выбежали солдаты, скрытые в

засаде, и командующий Сань-хэ убил Юаньсю; Чжэ-си-янь после подъехал и также был убит. Ли-боюань, привязав труп Цуй-ли к лошадиному хвосту и притащив ко дворцу, говорил к народу: «Цуй-ли кровопийца и грабитель, сластолюбец и тиран, мятежник и нечестивый, каковых ни в древности, ни ныне не видно, надлежало ли убить его или нет?» Тысячи голосов закричали: «Изрубить в мелкие части – еще мало». И так вывесив голову его напоказ, принесли его в жертву государю Айцзун. Ли-бо-юань и прочие, войско и народ, все плакали при том действии. Некоторые вырезали у Цуй-ли сердце и сырое съели. Все три трупа повешены пред дворцовыми воротами на дереве Хуай.

Объяснение. Для чего прошение о возвращении трех столиц не имеет предосудительного выражения? Три столицы суть древнее владение дома Сун. Для чего написано: «бывший генерал?» Приписана справедливость. Цуй-ли, изменив своему государю, покорился варварам; его преступление чрезвычайно, почему прямо написано: «казнил», и тем выказано его преступление. Цуй-ли не мог сохранить себя и тогда, как еще не родилась в нем мысль мятежничества, то какая же ему польза думать о жизни и печься о спасении? Правда, что три столицы поглощены были варварами и, без сомнения, являлись пятном на чести сынов отечества. Обратное завоевание древних границ было долгом их, но надлежало прежде узнать свои силы, лучшее ли было наше оружие и доспехи, достаточно ли запасены магазины, довольно ли людей способных, полны ли казначейства? И после, приступив к делу, еще не можно было ручаться за успех; особенно когда монголы, этот возрастающий в силах и необузданный неприятель, еще недавно заключили мирный договор. Надлежало ли вскорости изменять ему? Итак, Срединное государство прежде нарушило слово пред иноземцами, и несправедливость на стороне дома Сун. Как же возможно было не навлечь беспокойствий со стороны презренных варваров? Впоследствии царствующий дом то издает самообвинительный манифест, то раскаивается в прежних ошибках. Увы! Все это поздно. Посему прямо написано и тем открыто, что сам навлек бедствия.

Замечание. Два Чжао после победы в Ян-чжоу начали высоко думать о себе. Даже забыли, что монголы были все возрастающим, сильным неприятелем. Сверх того, в военном искусстве оба Чжао не могли сравняться с Ли-цюань; да и в военных потребностях был недостаток. Как же могли продолжать войну многолетнюю? Ли-цзунь через меру верил их замыслам и тем самым допустил будущие величайшие несчастья, кто же виноват в том? Конфуций сказал: «Если человек не заботится об отдаленном, то вблизи встретит заботы». Не можно ли применить это изречение к государю и чинам дома Сун?

Чжао-кхуй с войском соединился со генералом Цюань-цзы-цай в городе Бянь. Осенью, в седьмой месяц, генерал Ян-и вступил в Ло-ян.

Цюань-цзы-цай остановился в городе Бянь. Чжао-кхуй с 50-тысячной армией из Хуай-си взял город Сы-чжоу и отселе пошел в Бянь, где и соединился с прочими. Чжаокхуй сказал генералу Цюань-цзы-цай: «Вначале план наш был завладеть Гуань и Желтую реку поставить границей. Теперь уже полмесяца как пришли в Бянь. Если не поспешить с осадой города Ло-ян и крепости Тхун-гуань, то чего ожидать?» Цзы-цай отвечал ему, что провиант еще не подвезен. Но Чжао-кхуй тем нетерпеливее поспешал, почему отправил от себя 13-тысячный корпус с надзирателем Сюй-минь-цзы да генералу Ян-и предписал идти вслед за ним с 15-тысячным корпусом тугих самострелов. Всем выдано было провианта на пять дней. В седьмой месяц пришли к городу Ло-ян. Около трехсот семейств взошли на стену городскую и покорились. Вследствие чего генерал вступил в город с войсками. Монголы, услышав об этом, обратили войска на юг.

Монголы, обратившись на юг, пришли к городу Лоян. Корпус генерала Ян-и рассеялся. Вследствие чего Чжао-кхуй и Цюань-цзы-цай, бросив Бянь, возвратились.

На другой день, по вступлении генерала Сюй-минь-цзы в Ло-ян, войска уже не имели пищи, почему собирали траву Хао-цзы (artemisia), месили тесто, пекли лепешки и тем питались. Ян-и отошел за 30 ли

от города Ло-ян на восток, и все расположились есть. Вдруг за несколько ли от него подняли два летние парасоля, желтый и красный. Войска его пришли в изумление, как вдруг монгольская засада поднялась из травы. Янь-и по непредвидению не принял мер предосторожности. Вследствие чего войска его пришли в большое замешательство, и множество солдат монголами столкнуто в реку Ло-шуй. Один Янь-и спасся. Некоторые из бежавших солдат в тот же вечер пришли в Ло-ян и сказали, что весь корпус генерала Янь-и рассеян сильным ударом монгольских войск и теперь они уже заняли северный берег реки Ло-шуй. От этого известия войска, стоявшие в городе, потеряли дух. В первый день восьмого месяца монгольские войска подошли к самому городу Ло-ян и расположились лагерем. Сюй-минь-цзы вступил в сражение с ними. Победа была в равновесии. Но солдаты не имели провианта, почему питались лошадьми. Сюй-минь-цзы не мог оставаться и вступил в обратный путь. Чжао-кхуй и Цюань-цзы-цай, находившиеся в Бянь, также терпели недостаток в провианте, потому что Ши-сун-чжи не присылал хлеба. Обратно завоеванные города почти все были пустые и войска не находили в них содержания. Сверх того, монголы прорвали Желтую реку в озеро Цун-цзинь-дянь, чтобы затопить императорский корпус; и действительно, многие из корпуса потонули, поэтому вся армия обратно пошла на юг. Как войска, вступившие в Ло-ян, были совершенно разбиты, то Чжао-фань донес государю, что Чжао-кхуй и Цюань-цзы-цай, не обдумав, отрядили корпус, а Чжао-гай и Лю-цзы-чен обвиняли их в том, что поступили в противность предначертанному плану, произвели отступление войск не по тактике и через то допустили, что задние войска были опрокинуты. Указано генералов Чжао-кхуй и Цюань-цзы-цай, понизив степень, определить в военное поселение; прочих также понизить. Чжен-цин-чжили отказывался от государственных дел, но не уволен. Цяо-син-цзян представил, что после разорения трех столиц дела находятся в положении, противоположном прежнему, и остается только усугубить меры к наступательной и оборонительной войне. Император с одобрением принял это предложение.

В 12-й месяц монголы прислали посланника Ван-цзе.

Монголы прислали Ван-цзе спросить, для чего нарушили клятву. С того времени между реками Желтой и Хуай более не видали спокойных дней. Замечание. По справке, в четвертое лето правления Шао-дин (1231), в седьмой месяц, Чжан-сюань, правитель в Мян-чжоу, убил монгольского посланника Чобуганя, и монголы тогда же сказали: «Дом Сун сам нарушил слово, преступил клятву и отверг дружбу. Из настоящего дела ясно видно, на чьей стороне справедливость». Судя по сему, можно было видеть, что намерение поглотить царство Сун уже давно зародилось в их груди, подобно как брошенные в землю семена в свое время восходят. Для чего Ли-цзунь и оба Чжао не предусмотрели всего? Еще не успели монголы совершенно взять обратный путь, как тотчас задумали о возвращении трех столиц. В самом деле, что за план? Уничтожение растерзанного дома Гинь совершено силой монголов, дом Сун здесь ничего не мог сделать. Ныне государь и вельможи дома Сун, не обратившись к самим себе, только думали победить других. Истинно достойны этой укоризны от монголов в нарушении клятвы.

Если так, то справедливость на стороне монголов, а несправедливость на стороне дома Сун. Кто же виноват в привлечении неприятелей?

1235

Седьмое лето, И-вэй. Весной хан обвел Хорин [134 - Хорин, иначе Хара-хорин, по-тур. Кара-корум и Каракум, был городок, получивший имя от речки Хара-хорин, протекавшей по западную его сторону. Он существовал задолго до времен Чингисхановых и был резиденцию других сильных поколений. Чингисхан перенес сюда свой двор в 1220 г. Угэдэй, Куюк и Мункэ здесь же имели пребывание. Уже Хубилай в 1260 г. перенес свой двор в Пекин. По описанию Монголии, по северную сторону Хорина текла речка Сиргэ-гол, далее к северу переправа Хухубуха; на западе речки Ми-гол и Хара-хорин, на юго-западе теплые ключи, на юге Онгин-гол. По сему описанию Хорин долженствовал находиться по

восточную сторону Хангайского хребта между реками Орхони и Тамира. Европейские миссионеры несправедливо положили это место подле Хурган-улань-нора.] стеною и построил в нем дворец Вань-ань-гун. Отправил князя Бату, царевича Куюка и племянника Мункэ воевать Западный край; царевича Куйтына воевать Цин-чжоу и Гунчан, царевича Кучуна и Хутука воевать Корею. Осенью, в 9-й месяц, князь Хонь-буха взял в плен одного генерала царства Сун. Зимой, в 10-й месяц, Куйтын обложил и потом приступом взял Цзао-ян; после чего прошел области Сян-ян, Дын-чжоу, вступил в Ин-чжоу; захватил множество людей и скота и возвратился. В 11-й месяц Куйтын осадил Ши-мынь. Нючженьский генерал Ван-ши-сянь покорился. Сенат просил позволения сделать поверку календаря, и хан дозволил.

ИЗ ГАН-МУ

И-гэй. Второе лето. Весной, в первый месяц, двор Сун назначил Чен-фу посланником для заключения дружбы с монголами.

Объяснение. Во второе лето княжения князя Хуань-гун написано: «князь и жуны [135 - Тангуты.] заключили клятву в Тхан». Зимой князь прибыл из Тхан. Великий муж (Конфуций) осуждает, что князь в отдаленности подвергал себя опасности, полагаясь на клятву с жунами. Ибо Срединное государство должно утверждать свое превосходство тем, чтобы внутри и вне быть предусмотрительным, отделять почтенных от низких; различать высших и низших и ясно отличать иноземцев. Дом Сун, как скоро при помощи монголов уничтожил Нючженьское царство, снова двинул три корпуса и подал повод к вражде. Когда же замыслил обнаружить вражду, необходимо должно было придумать средства к отражению пренебрежения. Для чего он не мог ободриться и снова заключает дружбу? Повелитель Срединного государства заключает дружбу с иноземцами, – не слишком ли унижительно это? Прямо написано: «для заключения дружбы». И без повторного осуждения погрешность сама собою видна.

Во второй месяц монголы обвели стеною Хорин.

Хорин был прежний город хойхорского Пиця-хана, жившего при династии Тхан. Монголы прежде назначили его сборным местом, а ныне обвели стеною, имевшею около 5 ли [136 - Около 2 верст.] окружности.

В шестой месяц монгольский государь послал сына своего Куйтына с прочими вступить в Южный Китай для грабительства.

Монгольский государь предписал сыну Куйтыну и генералу Дахаю учинить нападение на провинцию Шу; генералам Тэмодая и Чжан-жеу на Хань-чжун, генералам Хонь-бухе и Чаганю на Цзян и Хуай. Еще предписал племяннику своему Мункэ воевать Западный край, а генералу Тангулу-куциню воевать Корею. У монголов из каждого десятка один человек пошел на западную и один на южную войну, т. е. в Россию и Китай; в северном же Китае с каждых 10 домов один человек на южную войну и один на войну против Кореи.

Объяснение. Монголы считались иноземцами; для чего же написано: «государь»? Они мало-помалу начали перенимать китайские нравы; бросили свои овчины и войлоки и приняли шляпы с поясами; заняли Срединную землю и объявили себя императорами и королями, по этой причине необходимость велит поставить их в ряду царствоприятателей (самозванцев). Слово «вступить» означает внешнюю агрессию, «грабительство» означает злодеев или мятежников. Таким образом Ган-му полагает различие между китайцами и иноземцами и строго предохраняет первых от последних. Ах! Дом Сун не ободрился; возбудил злобу в иноземцах и допустил, чтобы толпы левополых торжествовали над племенами образованными. Цзян и Хуай, Чуань и Шань ежедневно занимались военными спорами, теряли землю, губили армии. Дом Сун сильно ослабел. Но Чжао-кхуй с прочими первый замыслил начать войну и не достоин ли казни? Ган-му записала это, чтобы выставить его первым виновником

несчастья.

Осенью, в седьмой месяц, монгольский Хонь-буха напал на Тхан-чжоу. Цюань-цзы-цай с прочими, бросив войско, ушел. Чжао-фан со своим войском разбил монголов при Шан-чжа и возвратился.

Объяснение. Уйти есть поступок обыкновенного человека, поступок подлый. Цюань-цзы-цай, будучи полководцем, имел под своим начальством храброе войско; силы его достаточны были к отражению, но, подражая обыкновенным людям, бросил войско и ушел, не подло ли это? Посему написано: «бросив войско, ушел», и тем обнаружена его вина в попечении о личном спасении. Чжао-фань выступил с войском против неприятелей и разбил их при Шан-чжа, через это обнаружил в себе дух, достойный полководца. Мужество и робость показывают различие между Чжао и Цюань. Ган-му дает и лишает праведно. Суд ее строг.

Зимою, в 10-й месяц, Ван-ши-сян, главнокомандующий царства Гинь в городе Гун-чан, покорился монголам.

По падении Нючженьского дома все города покорились монголам. Один Ван-ши-сян твердо защищался. В один день, разговаривая со своими, он сказал: «Жертвоприношение предкам уже рушилось, и для чего же, думаете, я не желаю умереть? Жизнь многих тысяч зависит от меня. В прежнее время я удостоен был высоких честей и хорошего жалованья. Умереть оставалось моим долгом, но и иначе поступить непредосудительно. Вместо того чтобы повиситься или кончить дни в реке для доказательства единовременной ревности, не лучше ли унижить себя и через это удалить несчастье от людей?» Случилось, что монгольский Куйтын на пути в Шу расположился под стенами города Гун-чан. Вань-ши-сян, сопровождаемый стариками, явился к нему со скотом, вином и дарами. Куйтын сказал ему: «Я уже давно воюю и куда ни приходил, все сдавались; для чего ты один твердо защищался?» – «Я имел государя над собою, – ответил Ван-ши-сян. – Продать отечество, изменить благодетелю не позволяла честность». Куйтын крайне был ответом его доволен и запретил своим подчиненным, чтобы ни малейшего насилия здесь не производили, а генерала Ван-ши-сян оставил при прежней должности и в тот же день приказал ему следовать со своим корпусом на войну. Ван-ши-сян, отрезав Цзя-лин, прямо пошел в Да-ань. Куйтын доставил ему провиант и оружие.

В 12-й месяц монгольский Куйтын вступил в Мянчжоу и убил Гао-цзя, правителя области; пошедши далее, обложил Цин-е-юань. Генерал Цао-ю-вынь, начальствующий в Ли-чжоу, подоспел с войском и отразил его.

Гао-цзя, находясь в Мянчжоу, исправил разрушенное и привел в порядок расстроенное; призвал разбежавшихся и собрал рассеявшихся. Крестьяне с детьми за спиной возвратились к нему; соединившись со старыми, упорно сражались и отличились многими удивительными подвигами. Ныне Куйтын вошел из Фын-чжоу в Си-чуань, и войска Восточной дороги большею частью были разбиты. Вследствие чего он ударил на Си-чи-гу, в 90 ли от Мянчжоу. Чиновники и жители думали отступить и защищать Да-ань. Гао-цзя сказал генералу Чжао-янь-на: «В настоящих обстоятельствах должно только вперед идти, а не отступать. Если можно податься вперед и, заняв крепкие места, защитить Шу, то неприятели, озираясь назад, не могут далеко зайти во внутренность. Если же по нечаянности позвать войска и отступить для охранения внутренних земель, то неприятель беспрепятственно пойдет вперед и дела провинции Шу будут потеряны». – «Таково же и мое мнение», – сказал Чжао-янь-на. И так он выступил в поход, оставив Гао-цзя для защиты города Мянчжоу. Монголы из крепости Бай-шуй-гуань вступили в Лю-гучжу, в 60 ли от Мянчжоу. Этот город не имел стены, а укреплен был прилегающими к нему горами. Гао-цзя, взошедши на высоту, ударил в литавры и развернул множество знамен, как будто бы войско стояло. Чжао-янь-на по прибытии Шу-кхэ велел генералу Хо-янь-вэй возвратиться с отрядом в Мянчжоу, офицеру Янь-цзюнь-хэ-линь присоединиться к нему, а генерала Ван-сюань послал к ним с 11 000 отборных солдат для подкрепления, но монголы уже пришли в

больших силах. Хэ-линь уклонился, и Мяньючжоу взят. Солдаты, захватив Гао-цзя, вывели его из дома. Он не переставал кричать на них и был убит. Чжао-янь-на, получив известие о смерти Гао-цзя и потере города, вышел и расположился в Цин-е-юань. Вскоре монголы обложили его в этом местечке. Цао-ю-вынь, почитая Цин-е-юань ключом в Шу, не хотел медлить. Он тотчас выступил в поход и в полночь дал сражение, вследствие которого осада снята. Вскоре за сим предводитель монгольского передового войска Ван-ши-сянь ударил на Да-ань. Цао-ю-вынь спас и это место; но только успел кончить действие, как внезапно появилась большая монгольская армия, состоящая из нескольких десятков тысяч. Цао-ю-вынь вступил в сражение и разбил ее. Неприятель ушел, а Цао-ю-вынь со своими войсками занял крепость Сянь-жинь-гуань.

1236

Восьмое лето, Бин-шен. Весной, в первый месяц, князья построили себе дома в Хорине по случаю съезда во дворец Вань-ань-гун к пиршеству. Хан указал ввести ассигнации за казенной печатью. Во второй месяц предписал генералам Гошену, Фу-чжури, Цзючжу и Чжао-цян следовать за передовым корпусом Куйтына на Южный Китай. В третий месяц снова поправили храм философа Конфуция и обсерваторию. Летом, в 6-й месяц, учинили снова опись народонаселению в Чжун-чжоу и нашли около 1 100 000 семейств. По представлению Елюй-чуцая учреждено Историческое общество; в пособие взяты исторические книги из городов Ян-цин и Пхин-ян; ученый Лян-чже определен историографом; Ван-вань-цин и Чжаочжо – его помощниками. В седьмой месяц хан предписал чиновнику Чень-ши-кхэ пересмотреть все дела, до выбора ученых и до казенных сборов относящиеся, и потом для проверки представить во дворец. При разделении китайских земель по указу хана вдовствующая ханьша получила крестьян в Чжен-дин; князья и ханские родственники получили: Ордо-бату Пьхин-ян; Джагатай Тхай-юань-фу; Куюк Да-мин-фу; Боротай Син-чжоу; Хулгэ Хэ-цзянь-фу; Бургут Гуан-нин-фу; Ихэ получил часть из И-ду-фу и Цзинань фу; Ацитай Бинь-чжоу и Дай-чжоу; Учжегын-ноинь Пьхин-Луань-чжоу; царевич Куйтын, ханский зять Чеку, царевна Алиха, царевна Гацинь, король Чжалаху, Джагатай-Даньцин, Мэнгу, Ханьчжа, Анги-ноинь, Цин-ноинь и Хос-ци-су, все получили поместья в Дун-пхин-фу. Елюйчуцай представил о неудобности такового разделения, вследствие чего хан велел везде определить даругацев; а управление поставило чиновников для сбора доходов в помянутых местах и для отсылки их кому следует, но с тем, чтобы без государева повеления никто не смел требовать ни солдат, ни податей с этих земель. Куйтын с Ван-ши-сянь и другими генералами вступил в Шу, взял несколько областей царства Сун вне страны Гуань и казнил тамошнего генерала Цао-ю-вынь. Зимой, в 10-й месяц, Куйтын вступил в Чен-ду. Хан указал сделать предложение в Циньчжоу, Гун-чан и прочим, и более 20 областных городов покорились. Царевич Куйтын скончался. Генерал Чжан-жеу приступом взял Ин-чжоу. Сян-ян добровольно покорился, и Ю-сянь оставлен для управления города.

ИЗ ГАН-МУ

Бин-шен. Третье лето. В первый месяц монгольский генерал Тэмодай напал на Цзян-лин.

При этом китайский генерал Ли-фу-мин умер.

Во второй месяц монголы в первый раз ввели ассигнации, названные Цзяо-чао.

По представлению Елюй-чуцая, выпущено их на 10 тысяч малых слитков (на 50 тысяч унций серебра).

В третий месяц генерал Ван-минь с прочими произвел возмущение в Сян-ян и покорился вместе с городом монголам.

Чжао-фань, находясь в Сян-ян, сблизился с генералами северного корпуса: Ван-минь, Ли-бо-юань, Фаньвынь-бинь и Ху-ан-го-би. Рано и поздно пиршествовал с ними и обращался столь приятельски, что не было никакого различия между высшими и низшими. Поселяне жаловались, что пограничные предосторожности повсюду были оставлены в пренебрежении. Вскоре за тем открылись военные действия между армиями южной и северной. Чжао-фань допустил послабление в управлении. Поэтому Ван-минь и Ли-бо-юань зажгли в городе Сян-ян магазины и казначейства и один за другим покорились монголам. В это время в городе еще находилось до 47 тысяч чиновников и народа. Имущества и хлеба в казначействе было почти на 300 тысяч унций серебра и 24 кладовых с военными припасами; все это досталось в руки монголам, не считая золота, серебра, соли и ассигнаций. Южного корпуса генерал Ли-ху не пекся ни о потушении пожара, ни о прекращении мятежа; напротив, пользуясь сим случаем, устремился к грабежу, и Сян-ян совершенно опустел. С того времени как этот город обратно взят генералом Ио-фей от маньчжуров, он сделался многолюднейшим; имея высокие стены и глубокий ров, он служил оплотом для западной границы, и в один день весь был превращен в пепел. Генерал Чжао-фань понижен тремя степенями и оставлен при прежней должности.

Объяснение. Чиновников дома Сун истинно должно почесть слепыми в минуты решительные. Понимать гражданские обязанности, соблюдать порядок подчиненности, различать усердных от коварных, видеть благоприятствующие и противоборствующие обстоятельства – суть важные качества в человеке, которыми он отличается от бессмысленных животных. Кто оставит обязанности в пренебрежении, порядок подчиненности без внимания, кто не в состоянии различать усердных от коварных и быть решительным при благоприятствующих и противоборствующих обстоятельствах, тот может ли иметь какое-либо преимущество перед бессмысленными животными? Ван-минь и товарищи его были известные генералы, охранявшие Сян-ян, но не смогли умереть за государя; напротив, пользуясь обстоятельствами, польстили иноплеменникам. Среди иноземцев забыли благородство человека и поступили в число зверей; как ненавистно это! Посему написано: «произвели возмущение», дабы через это выказать их измену и бунт.

Монголы впервые сделали перепись народа в Китае и утвердили налоги.

Вначале монголы старались только о приобретениях и покоренных жителей тотчас раздавали генералам и офицерам. Самая малая деревушка принадлежала какому-нибудь владельцу и по управлению не имела связи с другими. Ныне хан указал учинить перепись народонаселения и возложил исполнение на вельможу Хадаху; и народ впервые причислен к областям и уездам. В это время все чины просили, чтобы каждого совершеннолетнего мужчину считать за дом, но Елюй-чуцай воспротивился этому. Тогда единогласно сказали ему: «В нашей державе, равно и в Западных царствах, везде один совершеннолетний считается за дом. Как можно, оставив уложение великой державы, принять систему царства погибшего?» Елюй-чуцай сказал на это: «От древних лет, как существует Китай, никогда одну мужескую душу не считали за дом. Но если действительно принять это, то успеем собрать подати только за первый год, а потом все разбегутся». Монгольский государь принял мнение Елюй-чуцай, и Хадаху представил монгольскому государю перепись, по которой оказалось 1 040 000 семейств или домов. В совете полагали, чтобы провинции разделить князьям и именитым фамилиям в поместья. Елюй-чуцай возразил на это, что «толстым хвостом трудно ворочать; легко могут произойти неудовольствия. Лучше более награждать золотом и шелковыми тканями, что будет не меньшим благотворением». – «Уже дано слово», – сказал монгольский государь. – «По крайней мере, – сказал Елюй-чуцай, – определить чиновников от двора, чтобы, кроме обыкновенных податей, самовольно ничего не требовали. Тогда это уложение может продлиться». Монгольский государь согласился. Елюй-чуцай еще утвердил подати и пошлины. Каждые два семейства обязаны были вносить один гин шелку в казну; пять семейств один гин шелку для раздачи именитым свойственникам и заслуженным чинам. С одной му [137 - Му содержит 1200 квадратных футов земли. С сухих пашен собирали просом, а с водоемных – сарацинским пшеном (рисом).] лучшей земли три гарнца с половиною, с одной му

средней земли три гарнца, с одной му худой земли два гарнца с половиною. С одной му водяных пашен пять гарнцов. С купцов пошлины брать один с тридцати; за 40 гинов соли унцию серебра. Все вышеизложенное положено неременным законом. При дворе говорили, что налоги чрезмерно легки. Елюй-чуцай сказал на это, что после не преминут добиваться выгод, и тогда эти налоги утяжелются.

Объяснение. Увы! Чжун-юань есть древняя земля Китая, прежнее достояние дома Сун. Гао-цзун не оспаривал, и она пришла под власть нючженей; по падении нючженей досталась монголам. Это поистине есть великое пятно на чести Срединного государства. Теперь образованнейший народ заточен в стране левополюх, которые делают перепись населения и утверждают налоги. Звери утеснили людей, просвещенные стали ниже варваров. Не достойно ли происходящее крайней жалости? Ган-му по необходимости записала это.

В восьмом месяце монголы взяли Цзао-ян и Дэ-аньфу. В девятый месяц Цао-ю-вынь сразился с монголами при крепости Ян-пъхин-гуань и, будучи совершенно разбит, умер. После чего монгольский Куйтын вступил в Чен-ду.

Цао-ю-вынь примкнул со своим войском к крепости Сянь-жинь-гуань. Шпионы известили его, что монголы скоро придут 500 тысяч соединенных заграничных и китайских войск. Цао-ю-вынь, обратившись к младшему брату Цао-вань, сказал: «От одного-единственного действия зависит судьба нашего отечества. По малости войск невозможно противостать, но разве не можем отчаянно сражаться? Надлежит только занять высоты и крепкие местоположения, выступить неожиданно и скрывать засады и таким образом ожидать их». Монголы осадили Ву-сю-гуань и разбили корпус генерала Ли-сянь-чжун. После вошли в Син-юань и хотели устремиться на Да-ань-цзюнь. Генерал Чжао-янь-на предписал генералу Цао-ю-вынь запереть Да-ань, дабы защитить Шу-кхэу. Цао-ю-вынь находил это несообразным, но Чжао-янь-на настоял. И так Цао-ю-вынь отрядил своих братьев Цао-вань и Цао-ю-лянь идти с войсками на заставу Цзи-гуань-яй и там более расставить знамен для показания неприятелям крепкого сопротивления. Цао-ю-вынь, взяв 10 тысяч отборнейших войск, в ночи переправился через Цзян и, скрытно прошедши к Лю-си, поставил засаду, условившись, чтобы по прибытии неприятелей внутри для знака ударить в литавры и зажечь огонь, а вне кричать: «руби!». Монгольские войска действительно пришли. Цао-вань выступил дать сражение. Монгольский Батур и Дахай наступили с 10 тысячами пехоты и конницы и начали упорное сражение. Стрелы и камни как град сыпались. Цао-вань, получив несколько ран, приказал зажечь огни. Цао-ю-вынь, разделив свой корпус на три колонны, сам с тремя тысячами отборных солдат поскакал к заставе. Он наперед послал полковника Лю-ху с пятьюстами неустрашимыми солдатами устремиться на неприятельский передовой отряд, но не могли поколебать его. Цао-ю-вынь приказал поставить подле дороги в засаде триста человек конницы, а полковнику Люху молча устремиться на линию неприятеля. В это самое время поднялась сильная гроза. Офицеры, видя, что дождь не перестает и сделалось так грязно, что ноги тонут, советовали пообождать, пока прояснится. Цао-ю-вынь с гневом сказал им, что неприятель уже знает о нашей здесь засаде, и если несколько промедлим, то упустим время. После, сомкнув войска, пошли вперед. Цао-вань, услышав о том, пробил пять раз в литавру, выступил из заставы и соединился с Цао-ю-вынь. Соединенные войска отчаянно дрались. Кровь лилась на пространстве 20 ли. В обоих сих корпусах вместо железных лат употребляли стеганые или кожаные, в которых, когда намокнут от дождя, невыгодно пешим сражаться. На рассвете монгольские войска, будучи усилены железною конницею, окружили со всех сторон. Цао-ю-вынь, вздохнувши, сказал: «Небо предопределило сию грозу. Нам осталось только умереть». Потом начал ужасно ругаться и убил верховую лошадь под собою, в знак, что он решился умереть. Он начал драться с большим остервенением и вместе с Цао-вань умер. Корпус его весь был побит. Вследствие этого монгольские войска беспрепятственно вступили в Шу и в продолжение одного месяца побрали все города и крепости в дорогах Чен-ду, Ли-чжоу и Тхун-чуань. Куйтын расположился в Чен-ду. Из четырех дорог в провинции Шу осталась только одна дорога Кхуйчжоу и принадлежащие к дороге Тхун-чуань-фу города: Лучжоу, Хэ-чжоу и Шунь-цин-фу.

Объяснение. Цао-ю-вынь достоин наименоваться образцом долга и справедливости. Старший и младший брат вместе умерли за престол, ничем не принуждаемые к тому. Подсолнечная наполнилась славой справедливости их. Как желательно, чтобы мир видел подобных этим мужам в большем числе. Прямо написано: «умерли», и тем приписано им соблюдение долга.

Зимой, в 10-й месяц, монголы взяли Вынь-чжоу. Областной правитель Лю-жуй и прочие умерли.

Войска Куйтыновы из Чен-ду вступили в Вынь-чжоу. Областной правитель Лю-жуй и товарищ его Чжао-жусян, взошедши на стену, твердо защищались и более месяца отчаянно дрались. Вспомогательные войска ниоткуда не приходили. Лю-жуй, предвидя, что не можно спастись, собрал свое семейство и всех умертвил ядом, а потом трупы их, казенное и частное имущество и грамоту на достоинство, все предал огню. Когда город был взят, сам с двумя сыновьями зарезался; Чжао-жу-сян захвачен и в куски изрублен. Войск и жителей с ними умерло несколько десятков тысяч.

В 11-й месяц монгольские войска вступили в Хуайси. Двор Сун указал генералам Ши-сун-чжи, Чжаокхуй и Чен-хуа идти против них разными дорогами. Мын-гун разбил монгольского Тэмодая под городом Цзян-лин.

Тэмодай осадил Цзян-лин. Ши-сун-чжи послал генерала Мын-гун для спасения города. Мын-гун отправил Чжан-шунь прежде переправиться через реку, а сам следовал за ним со всей армией. Переменяя знамена и одеяние, он производил различные ложные движения; в ночи зажигал множество огней. Сим образом, напав на монголов, разбил 24 окопа их, отбил 20 тысяч пленных жителей и возвратился.

Монгольский генерал Чагань учинил нападение на Чжен-чжоу. Областной правитель Цю-ю разбил его.

Монголы осадили Чжен-чжоу. Цю-ю учинил строгие и точные распоряжения. Оборонительные орудия имел без недостатка. Как скоро монгольские войска, приближавшиеся к городу, были отбиты, то Цю-ю, пользуясь этой поверхностью, выступил сражаться у моста и тугим самострелом убил одного предводителя. Тогда неприятельские войска несколько отступили. Цю-ю сказал: «Неприятель в десять крат многочисленнее нас. Трудно одержать победу над ним силою». И так он скрыл в трех местах засаду, расставил баллисты с камнями и, таким образом, ожидал их у западной стены. По прибытии неприятеля поднялась засада, и баллисты начали действовать. Убили одного храброго неприятеля, и неприятельское войско пришло в великое замешательство. Цю-ю с отборными солдатами нечаянно напал на неприятельский лагерь и сжег шалаши и палатки их. Через два дня все ушли.

Китайцы обратно взяли город Чен-ду.

Девятое лето, Дин-ю. Хан производил облаву при Цецек-чигань-норе. Мункэ воевал Кипчак и, покорив этот народ, полонил его главу Бацимака. Летом, в четвертый месяц, построили город Саоринь и дворец Гэгэнь-чагань. В шестой месяц в коленях Восточной стороны пронеслась молва, что будут набирать девок из народа. Хан, рассердившись, действительно произвел набор и раздарил их служащим при нем. Осенью предписал чиновникам Мохоне и Лю-чжун учинить по дорогам испытание ученым для выбора их к должностям. Кроме действительно служащих набрано 4030 человек. Зимой, в десятый месяц, хан производил облаву на берегах Е-ма-чуань и поехал в Лун-тэхин; потом приехал в походный дворец. Этой зимою Хонь-буха с прочими обложил Гуан-чжоу, и генералы Чжан-жеу, Гун-янь-хунь, Ши-тянь-кхэ взяли этот город. После осадили Ци-чжоу, покорили Суй-чжоу, прошли до Хуан-чжоу. Устрашенный сим двор Сун испросил мир, и войска возвратились.

В лето Жинь-инь, весной, шестая вдовствующая императрица Наймагинь объявила себя правительницею. Осенью Чжан-жеу переправился через реку Хуай при Вухэ-кхэу; осадил в царстве Сун города: Ян-чжоу, Чу-чжоу и Хо-чжоу.

ИЗ ГАН-МУ

Жинь-инь, второе лето. Монголы снова произвели нападение на Шу. Мын-гун, расставив войска, остановил их.

Монгольские Ихэ-ноинь и Елюй-чжугэ из Цзин-чжао взяли дорогу через Шан-чжоу и Фан-чжоу на Сань-чуань. Потом осадили Лу-чжоу [138 - В провинции Сы-чуань.]. Мын-гун послал одну дивизию в Цзян-лин и Ин-чжоу, дивизию в Ша-ши, дивизию через Цзян-лин в Сян-ян для присоединения к прочим войскам. Еще послал одну дивизию в Фэу-чжоу. Он предписал, чтобы военные начальники, коих охранению вверены места, не смели терять и одного дюйма земли.

Осенью, в 7-й месяц, монгольские войска, переправившись через Хуай, вошли в города: Ян-чжоу, Чу-чжоу и Хо-чжоу. Зимой, в 10-й месяц, монголы взяли город Тхун-чжоу и вырубали жителей.

Объяснение. Увы! Бедствия от иноземцев достигли в это время высочайшей степени. Дом Сун по беспечности допустил, что левополюе сокрушили Китай и подвергли народ всем родам бедствий. Как скоро взяли Тхун-чжоу, то и довольно, но согнать жителей целого города и предать острию меча – это может сделать только наибесчеловечнейший из смертных; почему Ган-му прямо написала: «изрубили», и тем выказала жестокость их.

1243

В лето, Гуй-мао, весной, в первый месяц, Чжан-жеу расставил войска под городом Сян-чен для засева казенных полей. Осенью ханша определила Чжан-жэу инспектором в Сюй-ци.

ИЗ ГАН-МУ

Гуй-мао, третье лето. Весной, в первый месяц, монгольский Чжан-жеу разместил военнопоселян под городом Сян-чен. Монгольский мудрец Елюй-чуцай скончался от печали.

В бытность ханьши Наймагинь правительницей Уньдур-хамар имел силу в государственном управлении, и пред могуществом его все преклонялось как в столице, так и вне. Ханьша послала Елюй-чуцаю указ за царской печатью и приказала ему собственноручно заполнить. Елюй-чуцай сказал на это: «Империя есть империя покойного государя. Управление имеет законы себе в руководство. Вы ныне желаете в противность им. Я не смею исполнить ваше повеление». Ханьша еще положила, что если какой чиновник не подпишет указа, постановленного Уньдур-хамаром, то отрубить ему руки. Елюй-чуцай сказал на это: «Государственные дела, все без исключения, покойный император препоручил мне. Чиновники не имеют участия в них. Если дело какое не противно порядку, то я считаю обязанностью привести его в исполнение. Но если не должно производить, то не буду уклоняться и от смерти, не говорю об отсечении рук». Ханьше неприятен был ответ. Елюй-чуцай с досады и горести впал в болезнь и скончался. Некоторые, оклеветывая его, говорили, что Елюй-чуцай служил 20 лет и половина государственных сборов поступала в его дом. Ханьша приказала приближенным освидетельствовать. Нашли только около десятка гуслей и несколько тысяч древних и новейших книг, картин и древних писем на металле и камнях. Елюйчуцай имел высочайшие дарования и далеко превосходил прочих. С праводушием служил при дворе и не унижался пред силою. Каждый раз, когда говорил о пользе и невыгодах отечества, о благе и страданиях народа, показывал силу в словах и ревность в действиях. Монгольский государь сказал однажды ему: «Ты опять хочешь плакать за народ?» Елюй-чуцай часто говаривал: «Лучше искоренить один вред, нежели доложить об одной

выгоде; лучше пресечь одно дело, нежели начать новое». Слова эти приняты достопамятным изречением. В первое лето правления Шунь-чу, по смерти, пожалован королевским титулом и наименован Вынь-чжен [139 - Могила Елюй-чуцай лежит при подошве горы Вань-шеушань, в 18 верстах от Пекина, на запад. В 1751 г. по повелению правительства сооружен ему при его могиле новый храм и постановлен каменный памятник с надписью. Препредный храм над его могилою давно развалился, но в 1628 г. еще существовал. Каменные статуи его и его супруги представлены были в храме в сидячем положении. Борода его и усы простирались ниже колен тремя клоками.]. Дом Юань принял царство после великих неурядиц. Закон Неба исчез, порядок человеческий рушился [140 - Под этим летопись разумеет раздробление империи Китайской варварами, как-то: маньчжурами, монголами и тангутами.]. Присовокупите к этому кровопролитную и жестокую войну между югом и севером. Вельможи, имеющие силу в правлении, были из иноземцев, покоренных или поддавшихся. Язык и разговор их были непонятны; виды и цели их неодинаковы. Елюй-чуцай, будучи простым ученым, один стоял между ними. Подлинно, трудно было производить ему то, чему он учился. Впрочем, в распоряжениях правительства можно приметить две или три десятых доли его трудов; и если бы не было тогда Елюй-чуцай, то неизвестно, что бы последовало с родом человеческим.

Объяснение. При кончине монгольских чиновников никогда не выставляли их должности. Для чего же при таком случае выказана должность? Замечен мудрый. В это время ханьша Наймагинь, будучи правительницей, все дела самовластно решала. По представлениям Елюй-чуцай не поступала; советов его также не принимала. И так он, исполненный досады, скончался. Ах! Он напрасно пострадал, и посему написано: «скончался от печали». Отсюда можно видеть, что он, терзаемый скорбью, не мог преодолеть ее.

Замечание. Елюй-чуцай был из вельмож, нарушивших долг к престолу. Выше мы дали уже полное суждение о его побуждениях. Здесь Ган-му сказала: «скончался от печали», и тем заметила, что он не мог получить похвального конца. Как он не мог сделать ни доброго начала, ни доброго конца, то хотя бы имел дарования, равные с Чжоу-гун, но нималого удивления не заслуживает.

Монголы определили Ван-ши-сян главнокомандующим в областях Цин-чжоу, Гун-чан и прочих, но он вскоре скончался.

При вступлении монголов в Шу Ван-ши-сян более прочих оказал услуг. Почему Куйтын именем хана произвел его полномочным главнокомандующим в 20 областях на западе (в провинциях Шэньси и Ганьсу), а именно: в Циньчжоу, Гун-чжоу, Дин-си-чжоу, Цзинь-чжоу, Лань-чжоу, Тхаочжоу, Хой-чжоу, Хуань-чжоу, Лун-чжоу, Цин-ян, Пьхин-ян, Дэ-шунь, Чжень-суй, Юань-чжоу, Цзе-чжоу, Чен-чжоу, Минь-чжоу, Тхе-чжоу и Си-хэ-чжоу. Но он вскорости скончался. Сын его Ван-дэ-чен заступил место главнокомандующего и пошел с войсками за армией в Шу.

1244

В лето Цзя-чень, летом, в 5-й месяц, Елюй-чуцай скончался.

1245

В лето И-сы, осенью, по приказанию ханьши, главнокомандующий Чагань с 30 тысячами конницы и генерал Чжан-жеу опустошили Хуай-си и приступом взяли Шеучжоу. Потом осадили Сы-чжоу, Суй-и и Ян-чжоу, Чжаоцай именем двора Сун предложил о мире, и монголы обратно пошли.

ИЗ ГАН-МУ

И-сы, пятое лето. Осенью, в 7-й месяц, монгольский Чагань, соединившись с Чжан-чжоу, опустошил

Хуай-си до Ян-чжоу и ушел обратно.

Часть III. Дин-Цзун Куюк

Дин-цзун Цзян-пыхин Хуан-ди по имени Куюк был старшим сыном государя Тхай-цзун. Мать его, шестая ханьша Наймагинь, родила этого хана в лето Бин-инь (1206). Когда Тхай-цзун (Угэдэй) послал князя Ацитая воевать нючженей, Куюк, будучи еще царевичем, сопутствовал ему и взял в плен одного князя нючженьского. Потом находился при князе Бату в западной войне. Когда Бату, расположившись в пределах аксуских, обложил горное деревянное укрепление и с тридцатью с небольшим человек вступил в сражение, то в нем участвовали и хан этот, и Мункэ. Угэдэй-хан завещал, чтобы по нем преемствовал внук его Шилмынь, но по кончине его ханьша, учинившись правительницей, собрала князей и вельможей в урочище Да-лань-даба, где на общем совете положили возвести на ханство Куюка.

1246

Первое лето, Бин-ву. Весной, в первый месяц, Чженжеу явился ко двору в Хорин. Осенью, в 7-й месяц, Куюк 1 У Абулгази названа Турагана. вступил на императорский престол в урочище Анги-сумэтоли [141 - Хан Угэдэй умер в декабре 1241 г.; Куюк вступил на ханский престол в августе 1246 г. Междуцарствие продолжалось четыре года и восемь месяцев.]. Хан хотя вступил на престол, но государственное правление еще было в руках шестой ханьши. Зимой, после охоты на серн при речке Е-ма-чуань, генерал Ши-цюань, бывший в должности 10-тысячника, произвел смотр войскам в стране Хуай-нань, приступом взял Ху-тхэу-гуань-чжай и обложил Хуан-чжоу.

ИЗ ГАН-МУ

Бин-ву, шестое лето. Осенью, в седьмой месяц, монгольский государь Куюк возведен на ханство.

Куюк был старший сын государя Тхай-цзун. Мать его, шестая ханьша, управляла царством четыре года. Ныне собравшиеся князья и вельможи положили в совете возвести Куюка. И так он вступил на ханство в урочище в Анги-сумэ-голи, но государственное управление еще было в руках ханьши.

Монголы произвели нападение на пределы около Цзин-ху, Цзян и Хуай.

Монгольский 10-тысячник Ши-цюань и прочие, обозрев войска в стране Хуай-нань, приступом взяли Ху-тхэугуань-чжай, потом приблизились к Хуан-чжоу.

1247

Второе лето, Дин-вэй. Весной Чжан-жеу осадил город Сы-чжоу. Летом хан от жары уехал в урочище Хиргуй-харгис. Осенью объезжал запад. В восьмой месяц предписал Илги-цзиде с чосманьскими войсками идти воевать на запад. В том году указал, чтобы из монголов со ста душ взять по одному батуру.

ИЗ ГАН-МУ

Дин-вэй, седьмое лето. Монголы напали на Корею.

Корея перестала доставлять годовую дань, и монголы пошли воевать ее. Впоследствии, до восьмого

года царствования хана Мункэ (1258), переменили четырех полководцев; приступом взяли 14 городов.

1248

ИЗ ГАН-МУ

Восьмое лето [142 - В истории династии Юань статью под сим годом невозможно было разобрать по причине слитной печати, почему и не переведена.], Сюй-шен. В третий месяц монгольский государь Куюк скончался. Ханьша Улухай-эси объявлена правительницей.

Куюк скончался сорока трех лет от рождения в урочище Хансяр; в храме предков назван Дин-цзун. В это время в государстве была великая засуха. Вода в реках совершенно высохла; в степях выгорали травы. Из лошадей и рогатого скота пало более 4/10 частей. Люди не имели средств к пропитанию. Князья и другие владельцы посылали людей в провинции для разных поборов, или в Западный край к хойхорцам требовать жемчуг и дорогие камни, или к Восточному морю за соколами и кречетами. Гонцы один за другим скакали, на станциях ни днем ни ночью не было покою. Силы народа совсем истощились. Ханьша Улахай-эси приняла правление государством вместо Шилмыня, сына Кучунева, но князья и вельможи были противного мнения.

Объяснение. Прежде писано было, что шестая ханьша Наймагинь объявила себя правительницей. Здесь написано, что ханьша Улахай-эси объявила себя правительницей. По счастью, монголы не потеряли царства по этой причине. Ган-му нарочно заметила это на своих листах, в наставление будущим коленам.

Часть IV. Сянь-Цзун Мункэ

Сян-цзун Хуань-су-хуан-ди по имени Мункэ был старший сын государя Жуй-цзун (Тулуя [143 - Тулуй по смерти включен в число государей.]). Мать его была вдовствующая государыня Чжуань-сян, урожденная Хирэй, или Кирэй, по имени Чолка-тана [144 - У Албугази названа Сюрхотны-беги-чезан.]; родила хана в лето Сюй-чень (1208), в третий день двенадцатой луны. В это время Ироваци, из колена Хонходай, разумеющий предсказания неба, возвестил, что хан впоследствии будет великим человеком, по этой причине и назван Мункэ. Угэдэй, еще будучи принцем, воспитывал его вместо сына, и государыня Анха нянчилась с ним. Когда пришел в возраст, женился на девице Хурча из колена Хорлас и в приданое получил часть колена. По кончине Тулуя велено ему возвратиться в свой дворец. Находясь в походах, он совершил многие выдающиеся подвиги. Некогда он напал на колена Кипчак, старейшина коего Бацимак бежал на морской остров. Хан, услышав об этом, немедленно пришел туда с войском. По счастью, сильный ветер согнал морскую воду с мелких мест, так что можно было переправиться. Хан, обрадовавшись, сказал: «Само небо открывает дорогу мне». После пошел далее, изрубил войско Бацимаково и самого его взял в плен. Хан приказал ему стать на колена, но Бацимак сказал: «Я был обладателем государства и могу ли дорожить жизнью? Сверх того, я не верблюд, для чего мне становиться на колена?» Хан приказал содержать его под караулом. Бацимак говорил стерегущим его: «Я, бежав в море, воображал себя рыбой, но наконец взят в плен. Так небу угодно. Теперь приближается время возвращения воды, и войскам надобно заблаговременно предпринять обратный путь». Хан, услышав об этом, немедленно возвратился в армию. В это время вода начала прибывать, и задние войска уже вплавь переправились. После хан с князем Бату пошел войною на Россию [145 - В подлиннике Орос, на китайском же: Ва-ло-сы и Э-ло-сы.]. Прибыв к городу Алици [146 - В подлиннике на китайском Е-ли-цзань, и, кажется, должно быть Рязань.], самолично вступил в сражение и взял этот город. В лето Сюй-шень (1248) Куюк преставился. Совет долго не мог выбрать государя. В столице и вне все были в волнении, все обращали внимание на хана, но общее мнение еще было в нерешимости. Князья Бату, Мугэ, Эрэ-бугэ, Суйхэ, Тотайцир; генералы Улань-хада, Санатай, Ихэ-мунь-дур и Ису-буха собрались в урочище Эрьяту-холай. Бату первый подал голос о возведении

Мункэ на ханский престол. Бала, посланник Куюковой вдовствующей ханьши Улахай-эси, заседа на том собрании, сказал: «Некогда Угэдэй завещал, чтобы по нем внук его Шилмынь наследовал престол, что всем князьям и чинам известно. Ныне Шилмынь находится еще в живых, но выбор обращен на других, кем же останется Шилмынь?» Мугэ сказал на это: «Правда, было завещание Угэдэево и кто посмеет противоречить ему? Но на прошлом съезде выбор Куюка произведен ханьшею Толи-гайхана и вами. И так в то время вы сами нарушили помянутое завещание Угэдэево, теперь кого же хотите обвинять в том?» Бала ничего не мог отвечать на это. Тогда Уланьхада сказал: «Мункэ разумен и проницателен; это всем уже известно, мнение князя Бату очень справедливо». Бату немедленно отдал приказ войскам. Войска были согласны с ним, и сим образом утверждён выбор.

1251

Первое лето, Синь-хай. Летом, в 6-й месяц, князья Западной стороны Бэрхэ и То-хай Темур, князья Восточной стороны Ихэ-Тогань, Ису-хэ, Ацитай, Тацир, Белгэтай; полководцы Западной стороны Барици и прочие; полководцы Восточной стороны Ису-буха и прочие снова собрались в урочище Куйтын-ола и сообща возвели Мункэ на императорский престол, на берегах Онони [147 - Хан Куюк умер в апреле 1248 г.; Мункэ вступил на ханство в июле 1251 г. Междуцарствие продолжалось три года и три месяца.]. Шилмынь и брат его Нога не могли остаться спокойными и начали заговор. Хан отправил князей Шару (Сира) и Мункэ-сала с войсками примечать за ними, но так как князья Ису-мункэ и Буринь-хачжар опоздали, то для предосторожности отрядил Булангиртая с корпусом. Потом учинил перемены в правительстве. Младшему своему брату Хубилаю вверил управление монгольским и китайским народом; Тара-олбо, Чацюра, Саинь-одэци и Чжао-би отправил в Янь-цзин (Пекин) для успокоения войск и народа. Мункэ-сала определил судьёю, Болхо к объявлению ханских приказов, ко свидетельствованию представляемой дани и к докладам, как о придворных, так и о внешних делах; Хонхора поставил главноуправляющим в Хорине, заведывателем дворца и казначейства; Алдара помощником его. Илэга, Кэцибу Бэйэлль [148 - В этом слове столько имен – невозможно отгадать, потому что я не мог отыскать подобных выговоров в историческом словаре.], Олбо и Дутдару определил членами Пекинского военного совета; Саинь-одэци и Найчжамидина помощниками их; Ного, Тарахая и Басуху определил членами Баши-белиского [149 - Баши-бели, по-туркестански Чаганьшай, в это время еще был под верховной зависимостью монгольских ханов.] совета. Уньдур, Усунь-ахмат и Идэси помощниками их. Ургыня определил членам военного совета на реке Аму, Похаридина и Найчжимидина помощниками его. Чагань-иргыня определил главнокомандующим над монгольскими и китайскими войсками в стране Лянхуай; Дандара главнокомандующим над монгольскими и китайскими войсками в провинции Сы-чуань; Хортая главнокомандующим над монгольскими и китайскими войсками в Туботе, и всем предписано продолжать войну. Фоиста Хайюань определил к управлению делами по религии Ши-цзяо, Даоса Ли-чжен к управлению делами по религии Дао-цзяо. Исуту Ань-цитая, Чанги, Чжоно, Хэдэду, Килина, Алчура, Асар-хотала и Гангату, державшихся двух сторон, обвинил в возбуждении князей к произведению беспокорств и всех предал казни. После при дворе введены были новые постановления, которых требовали обстоятельства времени. Хан указал отобрать все печати, которые придворными чинами или князьями без разбора были выдаваемы. Князьям, по почте едущим, велено давать не более трех, а в дальний путь не более четырех лошадей. Запрещено князьям самовольно собирать народ к себе, а чиновникам производить поборы с народа под предлогом поездки ко двору. Крестьянам, далеко отвозившим оброчный хлеб, дозволено сдавать его в ближайшие магазины. Отпущены (обратно в Китай) 1500 человек, бывшие при постройке города Хорина. Зимой Янчжу-цзида за сопротивление указу послан в Хатань и там предан казни; дом его описан в казну.

ИЗ ГАН-МУ

Син-хай, одиннадцатое лето. Летом, в шестой месяц, монгольский государь Мункэ возведен на ханство.

По кончине Куюка долго не поставляли государя. В столице и вне все беспокоились. Ныне князь Мугэ, полководец Улань-хада и прочие собрались для совещания, кого возвести на ханский престол. Посланник от ханьши Куюковой, присутствуя на собрании, сказал: «Прежде, по завещанию хана Угэдэя, внук его Шилмынь назначен был преемником престола, о чем князьям и все чинам известно. Ныне Шилмынь еще жив, но мнение совета склоняется к другому; где же поместим Шилмыня?» Улань-хада и прочие не послушали его. И так Мункэ по общему избранию вступил на престол в урочище Куйтын-ола; покойного отца своего Тулуя включил в число императоров; в храме предков назвал его Жуй-цзунь. Шилмынь и младший его брат не могли остаться спокойными. Почему Мункэ взял противомыслящих князей под строгий присмотр, а советников их предал казни. Потом обнародовал при дворе постановления, которых обстоятельства требовали, и прекратил ненужные работы; ярлыки и печати, которые князьям и вельможам без разбора были выданы, приказал все отобрать. С этого времени правление сосредоточилось в одном лице. Улань-хада был сын Субутов.

Осенью, в седьмой месяц, монгольский государь определил младшего своего брата Хубилая главноуправляющим над землями от Шамо к югу, с пребыванием в местечке Цзинь-лянь-чуань.

Указал, чтобы и войска и народ от песчаной Шамо к югу все повиновались власти Хубилая. Вследствие чего тот открыл правление в Цзинь-лянь-чуань. В это время Яо-шу честно жил в Ци-мынь. Хубилай послал Чжао-би пригласить его, и когда прибыл Яо-шу, Хубилай крайне обрадовался и принял его как гостя. Яо-шу сочинил и поднес ему книгу, заключающую в себе несколько тысяч иероглифов. Вначале он изложил закон (долг) царей и великие правила, как благоустроить царство и умирять Поднебесную. Все это разделил на восемь глав, как-то: об улучшении себя, об усиленном учении, об уважении мудрых, о горячности к родным, о страхе к небу, о жалости к народу, о любви к добру и отдалении льстецов. Ниже присовокупил 30 статей, касающихся до исправления злоупотреблений того времени. Хубилай удивился его дарованиям и при каждом внутреннем движении спрашивал его мнения, посему Яо-шу сказал Хубилаю: «Ныне земли, народ и богатство, все заключается в Китае. Князь! Если ты все это приобретешь, то уже нетрудно учиниться сыном неба. Но впоследствии не преминут поссорить вас. Лучше иметь только власть над войсками, а дела вверить чиновникам. Тогда дела потекут благоспешно и порядок утвердится». Хубилай послушал его.

Монголы послали Чагана и других генералов разными дорогами напасть на Хуай и Шу. Монгольский Хубилай учредил хозяйственную экспедицию в город Бянь и расставил войска для земледелия.

С того времени как Куйтын завоевал провинции, по реке Хань-цзян оставлены были по границе гарнизоны. Впоследствии, когда Сян-ян, Фан-чен, Шеу-чжоу и Сычжоу обратно покорились дому Сун, а жители областей Шеу-чжоу и Сы-чжоу разделены были между генералами, то дороги заперлись проходящими в подданство Южного Китая. Хотя монголы производили ежегодно нападение на Хуай и Шу, но полководцы их только для добычи делали опустошения и убийства. Города не имели жителей. Поля поросли кустарниками и дикими травами. Ныне Хубилай по представлению ученого Яо-шу учредил хозяйственную экспедицию в городе Бянь; Мангэ, Ши-тянькхэ, Ян-вэй-чжун и Чжао-би определены членами ее. Они обязаны были употреблять войска для засева полей в областях Тхан-чжоу и Дын-чжоу, выдавать солдатам волов; когда придет неприятель, драться; когда уйдет, заниматься земледелием. Начиная от Сян-ян и Дын-чжоу, на восток до Цин-кхэу и Тхао-юань, расставлены были караулы.

Монголы дали западному духовному Намо титул Го-ши.

Намо был уроженец царства Чжу-цян в Западном краю. Со старшим его братом Отокци обучался Шагялюниеву закону. Некогда хан Куюк указал Отокци носить на поясу золотую двойную печать и дозволил ему пользоваться болезнью в народе. Сян-цзун еще почтил Намо главою фойстов в Поднебесной.

Отокци также был знаменит и силен.

Объяснение. В основание царству необходимы только обязанности между отцом и сыном, между государем и чинами, между мужем и женою, между старшими и младшими, между друзьями и приятелями. Намо, подлый иноземец Западного края, оставив дом, скитался из прокормления, следовательно, не знал долга пропитывать отца и мать. Обрил голову и распахнул одежду; следовательно, не знал порядка между государем и подданным. Отказавшись от брака, не имел преемника; следовательно, не знал обязанностей супружества. Сидел поджавши ноги под себя или на цыпочках, следовательно, не знал долга между старшими и младшими. Отказался от общежития, бежал от мира; следовательно, не знал связей дружества. Итак, из обязанностей человеческих, служащих основанием государству, он ни единой не имел. Получил титул Го-ши, т. е. учителя государственного; но в чем он мог быть учителем и в чем мог служить примером? Монголы, будучи варварами, конечно, ничего не требовали от него. Впрочем, как они уже оставили валяные свои войлоки и приняли шляпу и пояс (т. е. китайское одеяние), овладели Китаем и назвались императорами, то несовместно было иметь такую невнимательность. Почему нарочно замечено это, чтобы выказать смешение скотов между собою.

1252

Второе лето, Жинь-цзы. Весной, в первый месяц, хан поехал в урочище Си-гуй; генерала Китат-буху [150 - Китат на монгольском языке есть собственное имя Китаю. Оно не означает раба, равно и не произведено от колена Кидань, как некоторые толкуют.] отправил для осады крепости Манлай-Илдуци. Преставилась вдовствующая ханьша. Летом хан, находясь в Хорине, разослал князей к своим постам; Ходаня в Баши-бели, Мэрэ к реке Яр-даши, Хайду в урочище Халяр, Болхо в урочище Курчжа, Тохто в урочище Ами-лэ-манкэ, а Угэдэву ханьшу Хэлкику-тану на запад от стойбища Китатова. Имущество Угэдэвых супруг разделил по ближайшим князьям; ханьше Куюковой и матери Шилмыневой, обеим за волхование приказал умереть, а Шилмыня и Ису-бурыня сослал в урочище Модочи. Хуцина и Хосту взяты под стражу в армии. Осенью, в 7-й месяц, предписал Хубилаю воевать Дали, князю Тологай-сакилу воевать Индию, князю Китат-бухе воевать Маласи, князю Шаре воевать в Западном краю султановы владения. К генералам царства Сун в города Сян-ян, Фань-чен и Цзюнь-чжоу, послал предложение, чтобы они покорились. В восьмой месяц Хубилай, остановившись под Линь-тхао, приказал полководцу Ван-дэ-гу обнести стеной город Ли-чжоу [151 - В провинции Сы-чуань.] и пустить слух, что это делается для завоевания провинции Шу. Зимой, в 10-й месяц, хан приказал князю Егу идти войною на Корею; сам имел пребывание в урочище Отэгу-хулань. В это время хан, упав с лошади во время облавы, повредил руку и более пяти месяцев не занимался государственными делами. В 12-й месяц, в день Суй-ву, подписал великое прощение по всей империи. Тэргэци и Хухучу определил правителями государственного казначейства, Буриньхара-у-суня начальником Отока, Агучу правителем по части богослужебной, врачебной и волхования, Алак-буху помощником его. Князь Хара скончался. Чжурхатая определил директором по части почтовой, Булагу правителем ханского кабинета и главным при определении чиновников. Перевел 500 семейств мастеровых для починки походных дворцов. В том году учинена перепись народа китайских земель. Князь Шара скончался.

ИЗ ГАН-МУ

Жинь-цзы, двенадцатое лето, монголы обвели стеной город Мян-чжоу.

Объяснение. Для чего записано построение стены городской? Чтобы выказать: первое, что это важное место занято неприятелями; второе, что распоряжения генералов китайских расстроены неприятелями. Место это сходствует с тем в истории династии Тхан, когда тибетцы построили через Желтую реку мост Сянь-хэ-цяо.

Монгольский государь Мункэ переселил князей на границу; убил Куюкову ханьшу Улахай-эси, сослал Шилмыня в Модочи.

Как князья некогда хотели постановить Шилмыня ханом, то Мункэ поселил Угэдэеву ханьшу Хэлкику-тану от Китатова стойбища на западе, а князей перевел на разные границы: имущества Угэдэевых жен роздал князьям. Ханьше Куюковой и матери Шилмыневой обеим за волхование приказал умереть, а Шилмыня заточил в Модочи.

Объяснение. Шилмынь был внук Угэдэев. Хан пред своей кончиной объявил его преемником по себе; следовательно, по обрядам надлежало Шилмыня возвести на престол. Все князья были того же мнения: но Улань-хада с прочими не послушал их и возвел Мункэ, следовательно, князья говорили справедливо; Улань-хада, напротив. Мункэ, досадуя, что князья думали вопреки его интересам, и будучи недоволен волхвованием старых ханьш, одних переселил, других убил, а иных сослал. Действительно, можно ли обмануть небо? Посему-то Ган-му написала о них, по положению безвинных, чтобы тем выказать вину хана Мункэ.

Монголы роздали китайские земли князьям ханского дома.

Монгольский государь пожаловал земли северного Китая своим однофамильным князьям. Младшему брату Хубилаю приказал взять по выбору или Бянь-цзин, или Гуань-чжун. Яо-шу сказал ему: «В Южной столице Желтая река нередко переменяет течение; земли тощи, воды мелки, отчего почва покрывается илом. Лучше взять Гуань-чжун». Вследствие чего Хубилай пожелал иметь Гуань-чжун. Монгольский государь сказал: «Гуань-чжун малонаселен. Хэ-нань имеет воинственных людей; земли тесны, а народ многочислен, итак, можешь взять для твоей пользы». Посему Хубилай получил Хэ-нань и Гуаньчжун и послал гарнизоны в Син-юань и другие области. Еще он представил, чтобы в провинции Хэ-дун в области Се-чжоу соляные озера отрезать к нему для продовольствия войск.

Осенью, в 8-й месяц, монголы послали Хубилая с войском на Да-ли. Зимой, в 10-й месяц, монгольские войска вступили в Цзя-дин-фу.

Монгольский генерал Бань-до-чень с войсками, разграбив Чен-ду, приблизился к Цзя-дин. Провинция Сычуань поражена была страхом. Комендант, в ночи отворив крепость, вступил в упорное сражение и успел отразить. В совете говорили, что Сюй-цзе выступил в поход не в ту сторону; нужно вызвать.

1253

Третье лето, Гуй-чеу; весной, в первый месяц, Ван-дэгу укрепил Ли-чжоу и, сверх того, завел там военнопоселения. Жители провинции Шу не смели препятствовать ему. Хан производил облаву в урочище Цецек-Чагань-нор. Князь Егу, по неудовольствию на князя Талара, нечаянно напал на его лагерь. Посему хан собрал князей на северном берегу Онони и весьма щедро одарил их. Отрешил Егу от управления армиею. В Корею назначил Чжалатая восточным главнокомандующим; отправил Бицик-беркэ сделать исчисление народа в России. В 3-й месяц главная армия осадила город Хай-чжоу. Командующий гарнизоном Ван-го-чан упорно сражался под стенами города и, одержав верх, взял в плен одного генерала. Летом, в 6-й месяц, предписал князьям Сириху и Улань-хаде идти с войсками в Западный край на царства Фалха и Бахатай; генералам Дотортаю и Сали-торху идти войной на царства Индустан и Кашмир. Хан предпринял путешествие в урочище Хуриху-ноинь-буха. Князь Башу прислал Тобця просить у хана 10 тысяч слитков серебра (около 110 тысяч рублей серебром) на покупку жемчуга. Хан дал только тысячу слитков и при случае сказал: «Если таким образом расточать сокровища, приобретенные Чингисом и Угэдэем, то чем будем награждать князей? Князь должен основательно обдумать это. Это серебро назначено на выдачу наград за настоящий и будущий год».

Осенью хан путешествовал к Чжунь-нору, поставил Мункэ-сала 10-тысячником, Хатаня даругацем. В 9-й месяц Хубилай остановился в урочище Тала и пошел вперед тремя дорогами. Зимой, в 12-й месяц, он завоевал Да-ли. Хан имел пребывание в Анги; предписал князю Алху вместе с генералом Хун-фу-юань принять начальство над армиею в Корее. Они взяли города: Хэ-шань, Дун-чжоу, Чун-чжоу, Сань-го шань, Ян-гынь и Тьхянь-лунь. В том году судья Мункэ-сала скончался.

ИЗ ГАН-МУ

Гуй-чеу. Царства Сун правления Бао-ю первое лето. В первый месяц монгольские войска переправились через Хань-цзян и напали на Вань-чжоу [152 - В Кхуй-чжоу-фу.]. Генерал Гао-да отразил их. Монголы обвели стеной город Ли-чжоу.

Монгольский Вань-дэ-чень, как скоро обвел стеной Вань-чжоу и Ли-чжоу, то начал заниматься земледелием и охранять границу. После невозможно уже было обратно завоевать провинцию Шу.

Монголы воевали Западный край. Зимой, в 12-й месяц, монгольский Хубилай уничтожил царство Дали; после вступил в Тибет и покорил это царство.

Хубилай, препоручив военные дела генералу Уланьхаде, выступил в поход тремя дорогами. Из Линь-тхао прошел 2000 ли по горным долинам; через Цзинь-шацзян переправился в кожаных байдарах и на плотках. Владелец народа Моша вышел и покорился. Далее подступил к городу Да-ли; совершенно разбил войско его и взял в плен короля Дуань-чжи-синь. Потом, разделив войска, привел в подданство владения Душаньшань и Усин и потом вступили в Тибет, глава коего Сохото пришел в страх и покорился. Вследствие чего Хубилай возвратился с армиею, а Улань-хаде предоставил нападение на прочих иноземцев, еще не поддавшихся.

1254

Четвертое лето, Цзя-инь. Весною хан производил облаву при Цецек-чагань-норе. Летом предпринял путешествие в Ирмык. Отправил Хорци из поколения Чжалар на войну в Корею. Осенью, в 7-й месяц, указом предписал, чтобы чиновники, служащие при дворе и в государственном казначействе, хотя они все от первого до последнего неправы, впредь воздерживались от расточительности. Зимой производил большую облаву в урочище Экэцкик-хурчахай. Хубилай возвратился из Да-ли к хану в облавное место, а генерала Улань-хаду оставил для завоевания еще не покорившихся иностранцев. В том году хан собрал князей по западную сторону Хухунора и принес жертвы небу, солнцу, луне и горам. Пред набором новой армии хан убеждал вельможей иметь осторожность в отношении к границам. Произвел генерала Ши-цюй-чжен 10-тысячником и подчинил ему корпусы в Чжен-дин, Сян-чжоу, Вэй-чжоу, Хуай-мын, а пребывание назначил в Тхан-чжоу и Дын-чжоу. Генерала Чжан-жеу перевел в Бо-чжоу с заведыванием должности 10-тысячника; генералу Ши-цюань назначил стоять в Дын-чжоу. Чжан-синь отряжен генералом Чжанжеу с восемью китайскими полками в Ин-чжоу, а генерал Ван-ань-го с 4 тысячами человек далеко проник в юг за Хань-цзин и возвратился. Как сряду несколько лет продолжалась война в стране Лян-хуай и подвоз съестных запасов стал затруднителен, то Чжан-жеу представил, что выгоднее занять город Бо-чжоу. Хан указал ему с восемью загорными полками обвести это место стеной и оставить гарнизон. Как северный берег реки Кхуашуй по узости и мелководью не способен для судоходства, а это самое затрудняло подвоз хлеба для армии с северного берега Желтой реки из Пху-чжоу [153 - В Цао-чжоу-фу.], Вэй-чжоу и Бо-чжоу, посему Чжан-жеу построил каменную дорогу от Бо-чжоу до плотины при городе Бянь-лян, длиною на 120 ли; на местах же глубоких, где невозможно было вести дорогу, построил до 50 мостов, в ширину около 80 футов, и поставил в двух крепостцах гарнизоны. Сунь-цы, командующий в городе Цзюнь-чжоу, прислал восковое письмо о своей покорности и просил вспоможения. Шицюань с отборными солдатами занял важные пункты на границах царства Сун и таким образом помог генералу Сунь-цы прийти к нему. Впоследствии храбрые

офицеры Чжун-сянь, Ван-мэй, Ду-чжоу-юань и Ши-синь, каждый со своим отрядом, покорились.

ИЗ ГАН-МУ

Цзя-инь, второе лето. Весною, в первый месяц, монгольский Хубилай определил Яо-шу директором земледелия в Цзин-чжао.

Яо-шу ходил с Хубилаем в поход на Да-ли. Однажды, встретившись с ним на ночном пиру, рассказал ему, как Цао-бинь, отправленный государем Тхай-цзу из дома Сун для взятия города Нань-шхан, не убил при этом ни единого человека, и в лавках не прерывали торговых дел. На другой день Хубилай, взявшись за седло, закричал: «Ты вчера рассказывал анекдот, как Цао-бинь не убил ни единого человека. И я сделаю это, и я сделаю это!» Когда войска пришли к Да-ли, то Хубилай велел Яо-шу сделать вместо знамен шелковые флаги с надписью «не убивать» и расставить их по улицам. Сим образом жители все были спасены. Хубилай по возвращении в Цзин-чжао определил Яо-шу надзирающим за земледелием, чтобы наставлял народ землепашеству и шелководству.

Во второй месяц войска, посланные генералом Юйхой, построили город Цзы-цзинь-шань, но монголы по внезапном нападении завоевали это место.

Цзы-цзинь-шань есть важное место в Шу. Юй-хой отправил сюда генерала Гань-жунь с несколькими десятками тысяч войска построить город. Монгольский Ван-дэчень с отборными солдатами ночью подошел с кляпцами во рту и совершенно разбил их, Гань-жунь один только спасся. После монголы заняли город.

Монголы учинили нападение на Хэ-чжоу. Генерал Ван-цзянь разбил их. Освободили монгольского посланника и отпустили в отечество.

Юйлимасы уже умер.

Монгольский Чжан-жеу обвел стеной Бо-чжоу.

Как по причине войны, несколько лет продолжавшейся в стране Лян-хуай, затруднялись в перевозке хлеба для войск, то Чжан-жеу представил о выгодном положении Бо-чжоу. И так монгольский государь указал ему употребить восемь предгорных полков к построению городской стены и поставить гарнизон. Как северная страна реки Хуай мелководна и неудобна для судоходства, то войска много переносили трудностей, а хлеб из областей Цао, Пху, Вэй и Бо не доходил; сверх того, Бо-чжан-кхэу есть место, часто посещаемое южными китайцами, почему в обеих местах сделал каменные дороги, одну из Бо-чжоу до Бянь, другую от Бо-чжоу на юг; построил по ним укрепления и расставил частые караулы. После хлеб свободно привозили со всех сторон.

1255

Пятое лето, И-мао. Весною указано собрать недоимочные оброчные деньги и хлеб. Летом хан путешествовал в урочище Ирмэкту. Осенью, в 9-й месяц, Чжан-жеу собрал всех генералов в Фу-ли. Бо-чжан-кхэу есть пристань, открытая для южных китайцев и могущая вмещать великое множество судов; по этой причине Чжан-жеу построил каменную мостовую от Бо-чжоу на юг на 60 ли, а на середине построил крепостцу Хын-цзян-пху. Как от этой дороги к востоку на 60 ли везде могли водою подъезжать южные китайцы, то Чжан-жеу построил водяные преграды и постановил частые притины во всех пунктах, через которые лежал проход. Потом в местах Лу-и, Нин-лин, Кхао-чжэ, Чу-цю и Нань-тхунь более не было беспокойств от южных китайцев, и с городами Чень-чжоу, Цайчжоу, Инь-чжоу и Си-чжоу открылось сообщение. В том году вновь назначен Чжа-латай с генералом Кхун-фуюань

продолжать войну с Кореею. В следующие три года они приступом взяли города: Гуан-чжоу, Ань-чень, Чжунчжоу, Сюань-фын, Чжень-юань, Цзя-сянь и Юй-го.

ИЗ ГАН-МУ

И-мао, третье лето. В седьмой луне юго-западные иноземцы покорились монголам.

Улань-хада по выступлении из Тибета напал на народы Бай-мань, Ву-мань, Гуй-мань. Куда ни шел, все сокрушал пред собою. Лолос и Або [154 - Лаос и Ава.], оба государства пришли в страх и покорились. После сих побед еще покорились старшины владения А-лу. Юго-западные иноземцы все приведены в подданство. Завоевано пять городов, восемь областей, четыре провинции и 37 колен Маней.

1256

Шестое лето, Бин-чень. Весной был сильный ветер с севера. От песку и дресвы, поднявшихся на воздух, небо среди дня потемнело. Хан собрал князей и вельмож в урочище Орболгэту и угощал их два месяца; потом щедро награждал золотом и материями, каждого по достоинству, и притом учинил постановление о ежегодной награде князьям деньгами и хлебом. Хубилай прислал к хану Моргэция испросить дозволение о дополнении китайских войск внутренних провинций. Хан утвердил это. Летом, в 4-й месяц, он имел пребывание у Тамира. В 5-й месяц поехал в Шара-ордо. В 6-й месяц хан предпринял путешествие в урочище Дайр-хада. Князь Усунь и ханский зять Иосор представляли, чтобы идти войной на Южный Китай. Но как правительство Южного Китая, вопреки ханскому указу, заключило посла его в темницу, то и сам хан держал совет о предприятии этой войны. Осенью, в 7-й месяц, хан указал князьям возвратиться к своим айманям. Войска князя Тацира и ханского зятя Тэргэ, проходя через Дунпхин, отнимали у жителей овец и свиней. Хан, узнав об этом, нарядил чиновников для исследования. После чего войска более не производили насилия. В том году корейский король и князя Мохэлоча и Судань из владений Сичай-фу и Юнь-нань приехали к хану. Улань-хада усмирил народ Цзы-мань; потом, возвращаясь из страны Си-паэр, пришел к городу Чун-цин и разбил китайского генерала Чжан-ду-шхун. Хан подарил ему дорогое одеяние и 50 ланов серебра, а войскам в награду роздал 10 200 кусков шелковых материй. Зимой имел пребывание в Адогу-тацир-аймане и роздал князьям и вельможам покоренных бухарцев [155 - На китайском языке Хой-хой.], живущих по реке Аму (Дария).

ИЗ ГАН-МУ

Бин-чен, четвертое лето. Монголы построили город Кхай-пхин-фу.

Житель местечка Син-тхай по имени Лю-бин-чжун, человек просвещенный и отважный, по причине бедности в доме служил письмоводителем в правлении. В один день, наскучив приказными делами, вздохнул и сказал: «В доме моем несколько колен служили чиновниками, а ныне унизились до писаря». Тотчас оставив должности, скрылся жить в гору Ву-ань-шань и в скором времени сделался фоистом в капище Тьхянь-инь-сы. Он часто ходил в Юнь-чжун. Когда Хубилай позвал к себе фоиста Хайюнь, этот взял с собою Лю-бин-чжун, который, будучи представлен Хубилаю, отвечал на все его вопросы удовлетворительно. Нет книг, которых бы не читал Лю-бинчжун; особенно углублялся в перемены и прохождение веков ученого Шао-шы. Астрономию и естествознание понимал весьма основательно. О делах государственных рассуждал, как будто читал на ладони. Хубилай крайне полюбил его и при каждом походе обо всем советовался с ним. В это время монгольский государь захотел основать город и построить дворец, чтобы это место служило резиденциею. Для этого Хубилай представил Лю-бин-чжун, которому и предписано избрать место по гаданию. Любин-чжун нашел, что место в области Хуан-чжоу на северном берегу реки Луань-шуй (Шанду-гол), именуемое Лун-ган, счастливое. Итак, предписано ему построить город, который назван Кхай-пхин-фу.

Седьмое лето, Дин-сы. Весной хан предпринял путешествие в урочище Хулань-илги. Осенью предписал князьям выступить с войсками против Южного Китая. Китат-буха и прочие покорили взбунтовавшуюся крепость Манлай-илдуци. Летом, в 6-й месяц, хан посетил походный дворец Чингисханов, принес жертву знаменам и литаврам и учинил съезд в урочище Гилур. На возвратном пути предпринял путешествие в Ирмэктү. Осенью имел пребывание при Чжунь-норе и принес жертву небу из кобыльего кумыса. В 9-й месяц выступил в поход на южную войну; Китата, сына ханского зятя Ринциня, назначил в должность даругация в Россию и пожаловал ему триста лошадей и пятьсот овец. Хойхорцы поднесли хану ванну из восточного хрусталя и парасоль, унизанный жемчугом, что стоило 30 тысяч слитков серебра (150 тысяч ланов). Хан сказал им: «Ныне народ изнурен и в деньгах крайняя нужда. К чему мне одному иметь это?» И так не принял приносимого. Саинь-одэци сделал о том представление, и хан запретил, чтобы впредь ничего не подносили ему. Князь Талар повел армию на юг и обложил Фань-чен, но целый месяц шел проливной дождь и Талар принужден был возвратиться с армией. Главнокомандующий Булангиртай выступил из Дын-чжоу для завоевания земель и переправился через реку Хань-цзян. Зимой, в 11-й месяц, Улань-хада пошел войною на Цзяо-чжи и, разбив тамошние войска, вступил в столицу. Чень-чжи-гын, король царства Ань-нань, ушел на морской остров; после Улань-хада выступил с армией в обратный путь. Хан отправил Алдара, Тойня и Нангяту в провинцию Шень-си и прочие места учинить исчисление оброчному хлебу и деньгам. Зимой хан, перешедши за великую степь на юг, дошел до Гатей-юрун. Хубилай, князь Эрэ-бугэ, Барту, Чум-хара, Юнрун-раси, Силици и царица Тэмэгынь приехали для встречи хана. Учинено было великое пиршество, после которого все разъехались по своим местам.

ИЗ ГАН-МУ

Дин-сы, пятое лето. Монголы уничтожили канцелярию Хубилая и постановили Алдара правителем в Цзин-чжао.

Некоторые наговорили, что Хубилай снискал приверженность китайцев, почему монгольский государь послал Алдара правителем в Цзин-чжао, Лю-гхай-пыхин помощником его. Они для проверки государственных сборов открыли в Гуань-чжун комиссию, в которую призвали всех и высших и низших чиновников, даже и купцов, и всех предали казни, исключая Хамара и Ши-тянь-кхэ, о которых донесли государю. Хубилай, услышав об этом, почувствовал беспокойство. Йо-шу сказал: «Император есть государь, а ты князь, подданный; если не сравнивать, то в будущем угрожают несчастья. Лучше тебе со всем домом и семейством возвратиться ко двору, чтобы через это обезопасить будущие дни. Тогда подозрения сами собою рассеются». Когда Хубилай явился к монгольскому государю, оба прослезились. Государь не приказал ему представлять объяснения и все прекратил. Почему поверительная комиссия уничтожена, да и судебные места, учрежденные Хубилаем, все упразднены.

Монголы напали на Сян-ян и вступили в наружный город.

Монгольский Дун-вынь-юй, построив города Гуаньхуа и Цзао-ян, заготовил съестные запасы. Осадив Сян-ян и Фань-чен, на юге заняли Хань-цзян; но на севере остановлены были озером и никак не могли переправиться. Дун-вынь-юй ночью велел солдатам выбрать узкое место на озере, наронять деревья с корнями и поставить в воде, а промежутки наполнить хворостом и травой; таким образом тотчас составили мост; к рассвету уже все войска переправились и обложили город, который пришел в великий ужас. Дун-вынь-юй повел войска вперед и отбил внешний город. Гао-да, комендант города Сян-ян, вступил в упорное сражение при реке Бай-хэ и возвратился.

Монгольский полководец Улань-хада вошел в Цзяочжи и вырубил их город.

Улань-хада вступил с своими войсками в Цзяо-чжи и отправил нарочных для склонения к покорности, но посланные были посажены в темницу. Когда войска пришли к реке Тхао-цзян, тункинцы вступили в сражение и были разбиты. Король их Чень-чжи-гын ушел на морской остров. Монголы нашли отправленных ими людей в темнице. Они связаны были драным бамбуком, который врезался в тело. Тотчас освободили и развязали их. Один посланник умер. По этой причине вырубили город; пробыли в нем 9 дней и по причине нестерпимой жары пошли в обратный путь.

В девятый месяц монгольский государь Мункэ вступил в Южный Китай разными дорогами для грабительства. Младшего своего брата Эрэ-бугэ оставил главноуправляющим в Хорине.

Князь Исунь и ханский зять Иосор представляли, чтобы объявить войну Южному Китаю. Монгольский государь также питал неудовольствие на дом Сун за заточение посланника. Предписав князю Эрэ-бугэ управлять в Хорине, а Алдару быть его помощником, сам с войсками пошел в южный поход и вступил через Сы-чуань в Южный Китай. Прежде предписал генералу Чжан-чжоу, следуя за Хубилаем, осадить Э-чжоу и идти на Хан-чжоу; Тациру напасть на Цзин-шань. Еще указал Улань-хаде из Цзяо-чжи и Гуан-си соединиться под Э-чжоу с генералом Ли-тхань и потом осадить Хай-чжоу и Лянь-шуй. Монгольский государь остановился у горы Лю-пхань с 40-тысячной армией, под названием стотысячной; разделившись на три дороги, вступил в Южный Китай. Он через Лун-чжоу пошел на Сань-гуань; князь Мэгэ пошел через Ян-чжоу [156 - В Хан-чжунь-фу, у города Янь-сянь.] в Ми-цан; 10-тысячник Бурчак пошел через Дун-гуань на Мян-чжоу.

Эрэ-бугэ был младший брат Хубилаев. Замечание. Гуань-чжун упрекал Чу, и в Чунь-цю почтено это важным; ибо он, почитая дом Чжоу, отражал варваров. Ныне, напротив, варвары раздражают Срединное государство, не значит ли это быть повешену вверх ногами? Впрочем, в тексте написано: «вступил для грабительства», чем уважено Срединное государство.

Хойхорцы поднесли дань монголам.

Хойхорцы поднесли ванну из горного хрусталя и жемчужный парасоль, что стоило около 30 тысяч малых слитков серебра. Монгольский государь сказал: «Ныне народ изнурен и в деньгах крайняя нужда. Для чего же мне одному иметь это?» Он так и не принял. Монгольский государь заплатил за вещи по цене и запретил, чтобы впредь ничего не подносили ему.

1258

Восьмое лето, Сюй-ву. Весной, в первый день первого месяца, хан поехал в урочище Арбань-тохай и там принял поздравления на новый год. Во второй месяц Ченчжи-гын сдал престол старшему своему сыну Чень-гуанбин, который послал своего зятя с прочими вельможами к хану с местными произведениями; Улань-хада препроводил их в место пребывания хана. Князь Силиху ходил для усмирения туркестанского [157 - На китайском Хой-хой.] владения Фалха и покорил его, взял в полон тамошнего короля и отправил посла к хану с донесением о победе. Хан производил облаву в урочище Илэ-хая. Армия, шедшая в юг, остановилась при Желтой реке. По счастью, эта река покрылась льдом, и солдаты, посыпав дорогу землей, переправились по льду. Хан сам пошел на царство Сун и вступил в него через Шу. Генералу Чжан-жеу приказал вместе с Хубилаем идти на Э-чжоу, а потом на Хан-чжоу; генералу Тациру напасть на Цзин-шань, дабы сими движениями разделить силы Южного Китая. Когда китайский главноуправляющий в провинции Сы-чуань генерал Пху-цзэ-чжи осадил Чен-ду, то Нэулэ вступил в сражение с ним и, разбив его, осадил Юн-дин-шань. Комендант Яо-мэу и прочие один за другим сдались с своими отрядами. Хан произвел Нэулэ главнокомандующим. Хан, переправившись через реку Дуншен-хэ, отрядил чиновника Лю-тхай-пхин учинить перепись народу в Син-юань. В третий месяц указал генералу Хунчаиору идти с войском за Чжалатаем на Корею. Летом, в 4-й месяц, имел пребывание у Лю-пхань-шань, куда явились к нему все тамошние провинциальные и уездные

правители. Го-суй, тысячник в Фын-чжоу, в представлении просил хана, чтобы для дополнения корпуса его набрать тысячу человек и починить город Цзинь-чжоу [158 - Ныне Син-ань-фу.]. Хан согласился на это. В это время 40 тысячный корпус, под именем 100-тысячной армии, тремя дорогами продолжал поход. Хаи через Лун-чжоу вступил в Сань-гуань; князь Мэгэ через Сянь-чжоу вступил в Ми-цан-гуань; 10-тысячник Бурчак через Юй-гуань вступил в Мян-чжоу. Мингань-даир произведен великим наставником и правителем области Цзин-чжео. Хан указал потребовать войска генерала Ли-тхань, начальствовавшего в И-ду. Ли-тхань сам приехал и представил, что войска его не должно выводить, ибо И-ду составляет важный пункт на проход с юга на север. Хан согласился, и Ли-тхань по возвращении напал на Лянь-шуй и Хай-чжоу. В 5-й месяц ханский сын Ашида производил облаву в Шу, а конница его потоптала хлеб в поле. Хан, увидав это, сделал ему выговор; из служивших при князе людей наказал несколько человек телесно, а солдат, в пример прочим, за одну луковицу, вырванную у жителя, казнил смертью; после чего строго наблюдали порядок. Впрочем, хан награждал гарнизоны во всех проезжаемых им провинциях. Осенью, в 7-й месяц, оставив обоз при Лю-пхань-шань, выступил с войском на Бао-цзи и осадил Чун-гуй-шань; и куда ни проходил, все покорял. В 8-й месяц, в день Синь-чеу, Ли-тхань вступил в сражение с войском Южного Китая и наголову побил его. В 9-й месяц хан имел пребывание в городе Хань-чжун. Главнокомандующий Нэулэ, оставив Мирабхочжо и Хамара охранять Чен-ду, с прочими войсками переправился через реку Ма-ху, взял в плен Чжан-ши, генерала царства Сун, и послал его склонять крепость Кхучжу-яй. Чжан-ши бежал.

Зимой, в 10-й месяц, в день Жинь-ву, хан остановился при горе Бао-фын; в день Гуй-вэй (в следующий день) вступил в город Ли-чжоу. Находя стены не очень крепкими и ров не довольно глубоким, он подарил генералу Ван-дэ-гэ бокал и похвалил его за то, что он мог сохранить Шу и не допустил неприятелей производить нападений. Потом хан переправился через Цзя-лин-цзян и пришел к Байшуй-цзян. Здесь приказал генералу Ван-дэ-гэ навести судовой мост для переправы. Когда же мост был приведен к концу, то Ван-дэ-гэ с прочими награжден шелковыми материями. Хан имел пребывание в городе Цзянь-мынь. В день Сюй-цзы (в шестой от высшего) осадил Кху-чжуй. Один офицер по имени Чжао-чун тайно сдал юго-восточные ворота, которыми войска, вошедшие в крепость, вступили в сражение с комендантом Ян-ли и одержали верх. Ян-ли убит, и войска его разбежались. Хан запретил нападать на дом офицера Чжао-чун и, сверх того, наградив его одеждой, перевел в Лун-цин. В день Ихай (следующий) Чжан-ши пойман и четвертован. Ван-дэ-гэ награжден яшмовым поясом, войска угощены вином и пищею, и пятьсот лучших солдат оставлено для охранения крепости. Хан отправил нарочного для склонения города Лун-чжоу [159 - В провинции Сы-чуань.]. Хан приехал к горе Гао-фын. В день Гын-цзы (в третий от высшего) обложил Чан-нин-шань. Комендант Ван-цзо и генерал Сюй-синь учинили нападение и вступили в сражение, но были разбиты. Одиннадцатого месяца в день Сы-ю (в десятый от высшего) хан под личным предводительством прежде осадил укрепление Э-дин-пху. В день Жинь-цзы (в четвертый от высшего) упорно сражались у ворот Ван-си-мынь. На закате солнца уездный правитель Ван-чжун вышел из Э-дин-пху и сдался. В эту ночь разбит был город, и Ван-цзо умер. В день Гуй-чеу (в следующий) казнил сыновей генерала Ван-цзо, генерала Сюй-синь и прочих, всего около 40 человек офицеров. Определил Пьхин-тхьянь-сян здесь даругацием для управления делами, Ван-чжун — помощником его. В день Бин-чень (на четвертый) осадил Да-хо-шань, и комендант Ян-да-юань сдался. Перевел Янь-да-юань советником (Ши-лан) в Сы-чуань, а войска его присоединены к армии. В день Гын-ву (в пятнадцатый) остановился в Хо-си-кхэу и отрядил конницу для обозрения Цин-цзюй-шань. В том месяце правитель города Лун-чжоу [160 - В провинции Сы-чуань.] покорился. Князь Мэнгэту осадил Ли-и-шань, но не мог взять. Князь Тацир подошел к реке Цзян и возвратился. Они оба присоединились к хану. Хубилаю вверено верховное начальство над всеми как монгольскими, так и китайскими войсками, шедшими на Южный Китай. В 12-й месяц, в день Жиньву (в 13-й), Ян-да-юань со своей дивизией и Ван-дэ-гэ напали на Сян-чжу и другие уезды. Главнокомандующий Нэулэ осадил город Цзян-чжоу и сдавшегося из царства Сун генерала Чжан-вэй послал в передовом корпусе. В день И-ю (в четвертый) хан остановился при Юн-шань. Ян-да-юань сделал предложение коменданту Чжан-даюе, и тот сдался, почему и оставлен командующим генералом. Войска пришли к Цин-цзюй-шань. Офицер Лиюань с прочими убил коменданта, генерала Дуань-юаньцзянь, и сдался. В день Гын-инь (в шестой) отправил нарочного для преклонения

непокоряющихся. В день Дин-ю (в восьмой) покорился комендант города Лун-чжоу [161 - В Бао-нин-фу.]. В день И-хай (в третий) покорился Пху-юань-гуй, комендант горы Да-лян-шань, хан запретил войскам производить грабительства. В день Гуй-мао (в пятый) осадили Я-чжоу и взяли этот город приступом. Чжао-шунь, комендант крепости Ши-цюань, покорился. В день Цзя-чень (в следующий) послал южного китайца Цзинь-го-бао для преклонения генерала Ван-цзянь, командовавшего в городе Хэ-чжоу. Но Ван-цзянь не принял его предложения. После Цзиньго-бао возвратился. В том году царевич Бинь-ду скончался на южном берегу реки Ци-хэ.

ИЗ ГАН-МУ

Сюй-ву, шестое лето. В третий месяц Пху-цзэ-чжи обратно взял Чен-ду, но, будучи совершенно поражен в сражении с монголами, возвратился.

Монгольский Нэулэ с передовым корпусом хотел соединиться с Адаху, главнокомандующим в Чен-ду. Пху-цзэчжи отрядил генерала Лю-чжен занять на реке Нин-цзян переправу при отмели Цзянь-тхань, чтоб через это отрезать дорогу на восток. Войска генерала Нэулэ пришли и не могли переправиться. С утра до вечера продолжалось сильное сражение. Лю-чжен был разбит; после чего Нэулэ беспрепятственно пошел к Чен-ду. Пху-цзэ-чжи приказал генералу Ян-да-юань с прочими охранять Цзяньмынь и Линь-цюань-шань, а сам между тем обратно взял Чен-ду. В это время Адаху умер. Нэулэ с прочими генералами совершенно разбил Янь-да-юань при Лин-цюаньшань, потом обложил городок на Юн-дин-шань и запер возвратную дорогу. Войска генерала Пху-цзэ-чжи совершенно разорвались, в городе издержали весь хлеб, убили коменданта и покорились. Чен-ду, области Пхын-чжоу, Хань-чжоу, Хуай-чжоу, Мян-чжоу [162 - Ихын-сянь в Чен-ду-фу. Хуай-чжоу и Хань-чжоу там же. Янь-чжоу – область в Сы-чуань.] и тангуты в Вэй-мао – все покорились монголам.

Монголы вступили в Западный край и покорили Цишими и другие царства.

Вначале монголы послали князя Силиху воевать Западный край. Ныне Силиху через генералов Чан-ноинь и Го-тхан покорил в Западном краю Цишими и до десяти других владений. Они, сражаясь, прошли около 10 тысяч ли; еще на западе переправились через море, взяли царство Фулан и отправили посланника с донесением о победах. Впоследствии Силиху оставлен управлять Западным краем.

Осенью, в 9-й месяц, монгольский государь Мункэ вступил в Цзянь-мынь; зимою, в 11-й месяц, взял Э-динпху и другие города.

Нэулэ получил известие, что монгольский государь остановился в городе Хань-чжун, вследствие чего, оставив Мираб-хо-чжо и Хамара для охранения Чен-ду, сам с войском переправился через Ма-ху и пленного коменданта Чжан-ши послал склонять Кху-чжу-яй к сдаче, но Чжанши, вошедши в сию заставу, вместе с комендантом Ян-ли начал защищаться. Монгольский государь, переправившись через Цзя-лин-цзян, пришел к реке Бай-шуй и приказал генералу Ван-дэ-чен изготовить мост для переправы. После чего остановился у Цзянь-мынь. По прибытии к Кху-чжу-яй приказал генералу Ши-шу немедленно осадить и взять это место. Ян-ли вступил в сражение на улице и, будучи разбит, умер. Монголы поймали Чжан-ши и убили; потом изрубили оставшийся гарнизон. В 11-й месяц хан обложил Чан-нин-шань. Коменданты Ван-цзо и Сюй-си разбиты в сражении. Монголы осадили Э-дин-пху. Уездный правитель Ван-чжун покорился, после чего город взят, и Ван-цзо умер. Монгольский государь по вступлении в этот город убил сына коменданта Ван-цзо, Сюйси, и еще около 40 человек. После этого Цин-цзюй, Да-лян, Юн-шань, Ши-цюань, Лун-чжоу [163 - В Лун-ань-фу.]; коменданты Лю-юань, Пху-юань-гуй, Чжан-да-юе, Чжао-шунь, все покорились со своими городами. Только Ши-цзэ, провиантский чиновник в Юнь-шань, не хотел унизиться и умер. Монгольские князья Мэгэ и Тацир, оба ходившие для завоеваний, возвратились с своими корпусами и присоединились к армии.

Монгольский генерал Ли-тхань взял Хай-чжоу и Лян-шуй.

Ли-гхань завоевал Лянь-шуй и Хай-чжоу; приступом взял четыре города и побил императорские войска почти до единого.

Монгольский государь Мункэ вступил в Лян-чжоу. Комендант Ян-да-юань покорился с городом.

Монгольский государь, завоевав Лун-чжоу [164 - В Бао-нин-фу.] и Я-чжоу, пришел к Да-хо-шань, откуда послал Ван-чжун для преклонения генерала Ян-да-юань, но Ян-да-юань убил его. Монгольский государь, приступив с войском, сильно осаждал. Ян-да-юань пришел в страх, почему и покорился с городом, но вскоре обратно бежал. Монгольский государь, рассердившись, хотел вырубить город, но генерал Лихулань-цзи сказал: «Еще не можно знать, почему бежал Ян-да-юань; надобно догнать его». И так верхом подъехал к городу, в котором ворота еще не были затворены. Он с великим криком въехал в город и сказал: «Император послал меня успокоить войска и жителей». Он сошел с лошади и, взяв Ян-да-юань за руку, сказал: «Государь только что объявил указ о награждении, для чего же ты не дожидался?» – «Я опасался, – сказал Ян-да-юань, – чтобы в крепости не воспоследовала перемена в мыслях, а посему наскоре возвратился». И так они вместе поехали. Монгольский государь крайне был доволен и сделал Янда-юань командующим генералом.

1259

Девятое лето, Сы-вэй. Весной, в первый месяц, в первый день И-сы, хан имел пребывание на северной стороне горы Чжун-гуй-шань. Он сделал великий пир, на котором, спрашивая совета у князей, зятьев ханских и вельмож, сказал: «Ныне скоро в пределах царства Сун наступит летняя жара; скажите мне, могу ли здесь оставаться или нет?» Тогань из поколения Чжалар сказал на это: «Южный климат заразителен, и тебе, государь, лучше возвратиться на север, а покоренные народы препоручить чиновникам в управление». Барици из колена Арла сказал: «Тогань человек робкий; лучше, государь, здесь остаться». Хан одобрил последнее. В день Суй-шень (4-го числа) возвратился Цзинь-го-бао и остановился в Ся-кхэу. Ван-цзянь, догнав, возвратил его и предал смерти. Князь Мэнгэту снова осадил Ли-и-шань в области Цюй-чжоу. Иргу храбро напал на Пьхин-лян-шань в области Ба-чжоу. В день Динмао (23-го числа) Ян-да-юань осадил Хэ-чжоу и взял в плен около 80 тысяч мужского и женского пола. Во 2-й месяц, в день Бин-цзы (12-го числа), хан со всеми войсками перешел мель Цзи-гуа-тхань и пришел к горе Ши-цзышань. В день Дин-чеу (3-го числа) разные дивизии сражались под стенами городскими. В день Син-сы (7-го числа) осаждал И-цзы-чен; в день Гуй-вэй (10-го числа) осаждал ворота Чжень-си-мынь. В 3-й месяц осаждал Дун-синьмынь, Ци-шен-мынь, Чжен-си-мынь и Сяо-пху. Летом, в 4-й месяц, в день Бин-цзы, была сильная гроза, и дожди продолжались сряду 20 дней. В день И-вэй (в 20-й) осаждали Хо-го-мынь. В день Дин-ю (в 3-й) в ночи взошли на внешнюю городскую стену и побили множество войск китайских. В пятый месяц многократно делали приступ; не могли взять. В 6-й месяц, в день Дин-сы, Ван-дэ-гэ с отборными солдатами опять в ночи взошел на внешнюю стену и в укрепление Ма-цзюнь-чжай; здесь убил начальствующего с караульным. Ван-цзянь пришел с войсками и вступил в сражение; на рассвете пошел дождь; лестницы подламывались, и задние войска не могли входить, почему и прекратили осаду. В том месяце хан сделался нездоров; осенью, в 7-й месяц, в день Синь-хай, оставив 3 тысячи отборных солдат для наблюдения города, все прочие войска подвинул для осады города Чун-цин. В день Гуй-хай (в 13-й) хан преставился у Дяо-юй-шань, на пятьдесят втором году от рождения, на девятом году царствования. По смерти назван Хуань-су Хуань-ди; в храме предков наименован Сянь-цзун. Хан был тверд и разумен, мужествен и постоянен, степенен и решителен; говорил мало, не любил пиршеств; не склонен был к расточительности и даже ханьшам не позволял выходить из должных пределов. В правление Угэдэево вельможи были самовластны, и правление государственное зависело от многих, но этот хан при издании указов о чем-либо всегда сам рано вставал и по зрелом, неоднократно размышлении приводил их в исполнение. В управлении вельможами весьма был строг. Часто говаривал им: «Вы, получив от меня какую-либо похвалу, тотчас

начинаете питать высокомерие; могут ли несчастья не сопутствовать тому? Пользуйтесь этим наставлением». Хан любил звериную охоту и сам говаривал, что он, подражая своим предкам, не следует обыкновениям, принятым в других владениях. Впрочем, он крайне верил волхвованиям шаманов и ворожей; при каждом предприятии призывал их к себе и не скучал почти каждый день иметь их при себе.

ИЗ ГАН-МУ

Сы-вэй. Царства Сун правления Кхай-цин первое лето. В первый месяц монгольский Улань-хада разграбил Цзин-цзян; вследствие чего окружил Тханьчжоу.

Улань-хада с 3 тысячами монгольских войск и 10 тысячами маней разбил Хуан-шань и проник во внутренние земли Китая. Пограничные генералы ожидали его с 60-тысячной армией. Улань-хада, скрытно пробравшись проселочными дорогами, устремился на центр и их совершенно разбил. Пользуясь ситуацией, пошел в Бинь-чжоу, взял Сян-чжей и вступил в Цзин-цзянь-фу; разбив Чень-вань, прямо подошел к Тхань-чжоу, и китайские войска отрезали ему возвратный путь. Уланьхада тревожил императорские войска с тылу, а сыну своему Ачжу приказал ударить с лица во фланг. Императорские войска, будучи разбиты, ушли. Вследствие чего он окопался под городом.

Во второй месяц монгольский государь Мункэ обложил Хэ-чжоу. Ван-цзянь, упорно сражаясь, удержал его.

Монгольский государь послал покорившегося китайца Цзинь-го-бао для склонения города Хэ-чжоу. Ванцзянь взял его под стражу и убил на военном поле. Впоследствии монгольский государь приказал главнокомандующему Хунтаге с 20 тысячами охранять Люпхань; Цирдай-бухе охранять Цин-цзюй-шань; сам с армией через Чжун-чжоу и Фэу-чжоу пошел к Кхуй-чжоу. Еще приказал генералу Нуэлэ построить судовой мост в Фэу-чжоу, в местечке Лань-ши, для переправы запасных войск. Монгольский государь, переправившись из Ци-гуа-тхань, прямо подошел к стенам города Хэ-чжоу и забрал в полон около 10 тысяч человек обоего пола. Ван-цзянь начал упорно обороняться, и монголы обложили город соединенными силами.

В 6-й месяц генерал Люй-вынь-дэ вступил в сражение с монгольским Ши-тянь-кхэ на Цзя-лин-цзян и был совершенно разбит.

Пху-цзэ-чжи во время пребывания своего в Шу не имел успехов. Указано генералу Люй-вынь-дэ сменить его. В это время в монгольской армии свирепствовала сильная зараза, и они помышляли принять обратный путь. Люйвынь-дэ, пользуясь попутным ветром, напал на судовой мост через Фэй-шуй и после упорного сражения проник в Чун-цин, откуда, взяв около тысячи судов, поднялся вверх по реке Цзя-лин-цзян. Ши-тянь-кхэ разделил армию на два крыла и, пустившись вниз по реке, стремительно ударил на водяное ополчение, отбил более ста судов, преследовал до города Чун-цин и возвратился.

Осенью, в 7-й месяц, монгольский государь Мункэ скончался под стенами города Хэ-чжоу. Генералы, прекратив обложение, возвратились на север.

Ван-цзянь храбро защищался. Монгольский государь со всеми силами осадил его, но ни в одном сражении не мог одержать победы. Предводитель передового корпуса генерал Ван-дэ-чен с отборными войсками в ночи взшел на стены внешнего города. Ван-цзянь дрался с ними до самого рассвета. Ван-дэ-чен, один подъехавши, громко кричал: «Ван-цзянь! Я пришел даровать жизнь войскам и жителям целого города, лучше заблаговременно покориться». Едва кончил сии слова, как камень, пущенный из баллисты, поразил его. От этого удара получил болезнь и умер. В это время пошел проливной дождь. Осадные лестницы подламывались. Задние войска не могли вперед подаваться, и все отступили.

Монгольский государь также скончался под стенами города Хэ-чжоу, пятидесяти двух лет от рождения. Князья и вельможи, обвернув тело его в шелковые ткани, положили на двух ослов и отправились на север. Осада города Хэ-чжоу прекращена. Мункэ был степенен, решителен, говорил мало, не любил пиршеств, о себе говаривал, что он следует примеру своих предков. Впрочем, имел страсть к звериной охоте и до безумия верил волхвам и ворожеям. При каждом предприятии призывал их к себе и почти ни единого дня без них не был. Некоторые утверждают, что он умер от раны стрелой [165 - У Абулгази при описании этой осады провинция Сы-чуань названа Чинумачин, вероятно Чен-дучен, главный в провинции город; а город Хэ-чжоу назван Чин, т. е. Чен, что на китайском языке значит «город».]

Объяснение. В это время Мункэ учинил нападение на Южный Китай со всеми силами своего государства. Разделив полководцев по разным пунктам, он решительно предположил уничтожить царство Сун; и если бы небо продлило жизнь его хотя бы на год, то Цзян-нань превратилась бы в левополуно. При долговременной осаде города Хэ-чжоу он скончался под стенами. Из чего видно, что небу еще не угодно было прекратить царствование дома Сун. Если бы Мункэ не умер, то неизвестно, что случилось бы со страной Цзян-нань. Посему написанное: «скончался» и «возвратились на север», означает, что события сложились для Цзян-нань счастливо.

Приложения

Джованни дель Плано Карпини (архиепископ Антиварийский). История монгалов, именуемых нами татарами
(Перевод А. М. Маленна, 1910 г.)

Всем верным Христовому учению, до коих может дойти настоящее писание, Иоанн де Плано Карпини, брат ордена миноритов, легат апостольского Престола, посланец к татарам и иным народам Востока, [желает] милости Божией в настоящем, славы в будущем и торжествующей победы над врагами Бога и Господа нашего Иисуса Христа.

Кончается приветствие, начинается введение

I. Когда направлялись мы, по поручению апостольского Престола, к татарам и к иным народам Востока и знали волю [на то] Господина Папы и досточтимых кардиналов, мы прежде избрали путешествие к татарам. Именно мы опасались, что от них вскоре будет грозить опасность Церкви Божией. И хотя мы опасались, что татары или другие народы могут нас убить или подвергнуть вечному пленению или голоду, жажде, холоду, зною, чрезмерным поношениям и трудам и, так сказать, мучить сверх сил (все это, за исключением смерти или вечного пленения, и случилось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы могли представить себе раньше), однако мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю Божию согласно поручению Господина Папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам, или, по крайней мере, узнав их истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа.

II. Поэтому всему тому, что мы пишем вам для вашей пользы и предосторожности, вы должны верить тем безопаснее, что мы или сами видели все своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними с лишком год и четыре месяца, или пробыв в их среде, или услышав от христиан, находящихся в

плени среди них и, как мы уверены, достойных доверия. Ведь мы имели поручение от верховного первосвященника, чтобы обследовать все в совокупности и тщательно осмотреть каждую подробность. Это и выполнено со тщанием как нами, так и принадлежащим к тому же ордену братом Бенедиктом, который был участником наших бедствий и толмачом.

III. Но если мы, к сведению читателей, пишем нечто такое, что неизвестно в ваших странах, то вы не должны ради этого именовать лживыми нас, излагающих вам то, что мы сами видели или слышали за верное от других, кого признаем достойными доверия. Наоборот, это очень жестоко, если человека за добро, которое он делает, другие подвергают позору.

Распределение книги по главам

Итак, желая написать про деяния татар, мы опишем их, чтобы читатели могли легче разобраться, по главам следующим образом: в первой расскажем об их земле, во второй – о людях, в третьей – об обычаях, в четвертой – о нравах, в пятой – о державе их, в шестой – о войнах, в седьмой – о странах, подчиненных ими своей власти, в восьмой – о том, как надлежит с ними встретиться на войне, в последней – о пути, который мы совершили, о дворе императора и свидетелях, которые нашли нас в стране татар.

Глава первая

О положении земли татар, ее качестве и распределении в ней воздуха

О земле мы предположили рассуждать следующим образом: во-первых, мы скажем об ее положении, во-вторых, о качестве, в-третьих, о распределении в ней воздуха.

§ I. О положении земли

Итак, вышеназванная земля расположена в той части Востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля китайцев, а также солангов [166 - Средневековые авторы под этим названием подразумевали обитателей восточной части Маньчжурии и Кореи.], к югу земля сарацинов [167 - Античные авторы так именовали одно кочующее племя, жившее в Аравии, затем это название было распространено на все арабские племена.], к югозападу расположена земля гуиров [168 - То есть уйгуров, народа тюркского происхождения, первоначально обитавшего между Хангаем и Алтаем. Уйгуры были довольно культурным народом, имели свою письменность, в основу которой был положен согдийский алфавит. Именно от уйгуров монголы заимствовали письменность.], с запада область найманов [169 - Одно из наиболее крупных монгольских племен, кочевавших на обширной территории между Хангаем и горными хребтами Алтаин-Нуру, в долине р. Черный Иртыш и оз. Зайсан-нор.], с севера земля татар окружена морем-океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана с хрящом [170 - Щебень.], редко глиниста, по большей части песчана.

§ II. О качестве земли

В одной части земли находится несколько небольших лесов, другая же часть совершенно безлесная, пищу же себе варят и сидят [для тепла] как император, так вельможи и все другие люди при огне, разведенном из бычачьего и конского навоза. Далее даже и сотая часть вышеназванной земли неплодородна, и она не может даже приносить плода, если не орошается речными водами. Но вод и ручьев там немного, а реки редки, откуда там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракарон [171 - То есть Каракорум, столица Монгольской империи, находившаяся в долине р. Орхон.], но мы его не видели, а были почти за полдня пути до него, когда находились в Сыр-орде [172 - Сыр-Орда, или Сыра-Орда, что значит «желтая ставка» или «желтый лагерь».], каковая является главным двором их императора. И хотя в других отношениях земля неплодородна, она все же достаточно, хотя и не особенно, пригодна

для разведения скота.

§ III. О распределении воздуха

Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в изобилии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом. Отсюда, когда мы были в Орде (так называются у них становища императора и вельмож), то от силы ветра лежали распростерты на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть. В этой земле также зимою никогда не бывает дождя, а летом идет он часто и так мало, что едва может иногда смочить пыль и корни трав. Падает там также часто очень крупный град. Отсюда в то время, когда был избран император и должен был воссесть на царском престоле, в бытность нашу при дворе, выпал столь сильный град, что, когда он внезапно растаял, как мы узнали вполне достоверно, более 160 человек утонуло там же при дворе, а имущества и жилищ было снесено еще больше. Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод. Зимою же в одной части выпадают сильнейшие снега, а в другой – неглубокие. И чтобы сделать краткое заключение об этой земле, она велика, но в других отношениях, как мы видели собственными глазами (так как странствовали по ней, ездя кругом пять месяцев с половиной), гораздо хуже, чем мы могли бы высказать.

Глава вторая

О внешнем виде лиц, о супружестве, одеянии, жилищах и имуществе их

Сказав о земле, надлежит сказать о людях: во-первых, мы опишем внешний вид их лиц, во-вторых, изложим об их супружестве, в-третьих, об одеянии, в-четвертых, о жилищах и, в-пятых, об их имуществе.

§ I. О внешнем виде лиц

Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которых они отнюдь не стригут. На маковке головы они имеют гуменце наподобие клириков, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гуменцем; надо лбом равным образом также все бреют на два пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гуменцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти, как женщины. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом. Ноги у них также небольшие.

§ II. Об их супружестве

Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху.

§ III. Об их одеянии

Одеяние же как у мужчин, так и у женщин сшито одинаковым образом. Они не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб. Кафтаны же носят из букарана, пурпура или балдакина, сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом – тремя пряжками, и на левом также боку разрезаны до рукава. Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен. Замужние же женщины носят один кафтан, очень широкий и разрезанный спереди до земли. На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прут из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном, или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать понятно их вид мы бессильны.

§ IV. Об их жилищах

Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и куда бы они ни шли, на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой.

§ V. Об их имуществе

Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе.

Глава третья

О богопочитании, о том, что они признают грехами, о гаданиях и очищениях и погребальном обряде

Сказав о людях, следует изложить об обрядности; о ней мы будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о богопочитании, во-вторых, о том, что они признают грехами, в-третьих, о гаданиях и очищениях грехов, в-четвертых, о погребальном обряде.

§ I. О богопочитании татар

1. Они веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или похвалами или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческого, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке пред входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления. А когда они хотят делать этих идолов, то собираются вместе все пожилые хозяйки, которые находятся в тех ставках, и с благоговением делают

их, а когда сделают, то убивают овцу, едят ее и сжигают огнем ее кости. И когда также болен какойнибудь отрок, то они делают идола вышесказанным способом и привязывают его над ложем. Вожди, тысячники и сотники всегда имеют козла в середине ставки. Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вьючного. И всякий раз, как они приступают к еде или питью, они прежде всего приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке, и оставляют до утра, а также уносят сердце с его, варят и едят.

2. Прежде всего также они делают идола для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем. В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила, который был одним из великих князей русских, когда он отправился на поклон к Бату, они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингисхану. Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом.

3. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и питья и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше. Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если татары получат единовластие, – да отвратит это Бог, – то они заставят всех поклоняться этому идолу. Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова (Cherneglove), который находится в Руссии, был обвинен пред Бату в том, что уводил лошадей татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с намерением упросить его не отнимать у них земли. Бату сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья согласно обычаю татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

§ II. О том, что они признают грехами

Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками. Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня; точно так же опираться на плеть, которой погоняют коня (они ведь не носят шпор); точно так же касаться стрел бичом; точно так же ловить или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздою; точно так же ломать кость о другую кость; точно так же проливать на землю молоко, или другой какой напиток, или пищу, мочиться в ставку, но если кто это сделает добровольно, его убивают, если же иначе, то им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку и то, что в ней находится, пройти между двух огней, а раньше чем она будет так очищена никто не дерзает войти в нее и унести из нее

что-нибудь. Точно так же если кому положат в рот кусочек и он не может проглотить его и выбросит его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают; точно так же если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом. И у них есть много подобного этому, о чем было бы слишком долго рассказывать. А убивать людей, нападать на земли других, захватывать имущество других всяким несправедливым способом, предаться блуду, обижать других людей, поступать вопреки запрещениям и заповедям Божиим отнюдь не считается у них греховным. Они ничего не знают о вечной жизни и вечном осуждении; веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире.

§ III. О гаданиях и очищениях грехов

1. Они усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебствам. И когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого бога они называют Итога, а команы именуют его Кам, они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам. Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние, откуда именуют ее великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся. Солнце они называют также матерью луны, потому что она получает свет от солнца.

2. И говоря кратко, они веруют, что огнем все очищается; отсюда когда к ним приходят послы или вельможи или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какою-нибудь злом. Точно так же если огонь упадет с неба на стада или на людей, что там часто случается, или если с ними случится что-нибудь подобное, почему они могли бы считать себя нечистыми или несчастливими, то им равным образом надлежит подвергнуться очищению при посредстве колдунов; и, так сказать, всю свою надежду они возложили на подобных лиц.

3. Когда кто-нибудь из них смертельно заболевает, то на ставке его выставляют копьё и его обвиняют вокруг черным войлоком; и с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок; и когда у больного начнется агония, то почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не может входить в орду какого-нибудь князя или императора до новой луны. Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле, где им будет угодно, хоронят же его с его ставкой, именно сидящего посередине ее, и перед ним ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сожигают. И часто также женщины собираются для сожжения костей за упокой душ людей, как это мы видели собственными глазами и узнали там же от других. Мы видели также, что Оккодайхан, отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию, снятию одежды и злым побоям. И хотя мы сильно нуждались подогнать коня, мы не смели срезать ни одного прута. Золото и серебро они хоронят таким же образом вместе с ним. Повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его разрушают, и никто вплоть до третьего поколения не дерзает называть умершего его собственным именем.

§ IV. О погребальном обряде

1. Иной также способ существует для погребения некоторых знатных лиц. Они идут тайком в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и с боку этой ямы делают яму под землею и кладут под покойника того раба, который считается его любимцем. Раб лежит под ним так долго, что начинает как бы впадать в агонию, а затем его вытаскивают, чтобы он мог вздохнуть, и так поступают трижды; и

если он уцелеет, то впоследствии становится свободным, делает все, что ему будет угодно, и считается великим в ставке и в среде родственников усопшего. Мертвого же кладут в яму, которая сделана сбоку, вместе с теми вещами, о которых сказано выше, затем зарывают яму, которая находится перед его ямой, и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место. В остальном они поступают так, как о том сказано выше, но наружную его палатку оставляют на поле. В их земле существуют два кладбища. Одно, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать, а вместе с ними хоронят много золота и серебра. Другое – то, на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие. К этим кладбищам не дерзает подойти никто, кроме сторожей, которые приставлены там для охраны, а если кто подойдет, то его хватают, обнажают, бичуют и подвергают очень злым побоям. Поэтому мы сами по неведению вошли в пределы кладбища тех, кто был убит в Венгрии, и сторожа пошли на нас, желая перестрелять, но так как мы были послами и не знали обычая страны, то они дали нам уйти беспрепятственно.

2. Родственников же [усопшего] и всех тех, кто пребывает в его ставках, надлежит очистить огнем; это очищение делается следующим образом. Устраивают два огня и рядом с огнями ставят два копия с веревкой на верхушке копий, и над этой веревкой привязывают какие-то обрезки из букарана; под этой веревкой и привязками между упомянутых двух огней проходят люди, животные и ставки. И присутствуют две женщины, одна отсюда, другая оттуда, прыскающие воду и произносящие какие-то заклинания, и если там сломаются какие-нибудь повозки или даже там упадут какие-нибудь вещи, это получают колдуны. И если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом чрез огонь. Ставка, постель, повозки, войлоки и все, что у них будет тому подобного, не подлежат чьему-либо прикосновению, но отвергаются всеми как нечистое.

Глава четвертая

О нравах татар, хороших и дурных, их пище и обычаях

Сказав об обряде, надлежит оказать о нравах; о них будем рассуждать следующим образом: сперва скажем о хороших, во-вторых, о дурных, в-третьих, о пище, в-четвертых, об обычаях.

§ I. О хороших нравах татар

Вышеупомянутые люди, то есть татары, более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире, – или духовные, или светские, более всех уважают их и не легко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретается также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно. Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезвычайный зной. И это люди не изнеженные. Взаимной зависти, кажется, у них нет; среди них нет почти никаких тяжбных ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бесстыдстве их ничего среди них не слышно; однако некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов. Раздоры между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки.

§ II. О дурных нравах их

Описав их хорошие нравы, следует изложить теперь о дурных. Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь России, а также сын царя и царицы Грузинской и много великих султанов, а также князь солангов не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним татары, какого бы то низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади за их. По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обретаётся никакой почти правды; вначале, правда, они льстивы, а под конец жалят, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью. Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье, и в других делах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей. Пьянство у них считается почетным, и, когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители. Убийство других людей считается у них ни за что. И, говоря кратко, все дурные нравы их по своей пространности не могут быть изображены в описании.

§ III. Об их пище

1. Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих татар вышли все съестные припасы, то, так как у них не было вовсе что есть, они брали тогда для еды одного из десяти человек. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: «Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?» Мы видели также, как они ели мышей. Скатертей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это.

2. Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги или траву или о что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие *censored*нки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса. Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого почтить. Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки или ложки или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же. У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если из них прежде не высосать мозжечок. Платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор пока не прекратится это время.

3. Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечьё, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу.

§ IV. Об их законах и обычаях

1. Далее, у них есть закон или обычай убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном

прелюбодеянии; также если девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину. Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления. Точно так же, если кто-нибудь открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду сто ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой. Точно так же, когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию. Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги. И если один татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день с другою, всетаки одна из них считается старшей среди других, и он бывает с ней чаще, чем с другими, и, хотя их так много, они не легко ссорятся между собою.

2. Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы.

3. Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно. Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьют верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины.

Глава пятая

О начале державы татар, об их князьях, о власти императора и его князей

Сказав об их обычаях, следует присовокупить об их державе, и сперва скажем об ее начале, во-вторых, об ее князьях, в-третьих, о власти императора и князей.

§ I. О начале державы татар

1. Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имела некогда четыре народа: один назывался йека-монгал, то есть великие монгалы, второй назывался су-монгал, то есть водяные монгалы, сами же себя они именовали татарами от некоей реки, которая течет чрез их страну и называется Татар; третий народ назвался меркит [173 - Меркиты – одно из крупных монгольских племен, обитавших в бассейне р. Селенги. Меркиты отличались воинственностью.], четвертый – мекрит [174 - Народ мергиты, или мекриты, жил в стране Баргу, ныне Забайкалье.]. Все эти народы имели одну форму лиц и один язык, хотя между собою они разделялись по областям и государям.

2. В земле Йека-Монгал был некто, который назывался Чингис; он начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу. Далее, он ходил в другие земли и не оставлял пленять и присоединять к себе кого только мог, людей же своего народа он преклонил к себе, и они следовали за ним, как за вождем, на все злодеяния. Далее, он начал сражаться с су-монгал, или татарами, после того как подчинил себе многих людей и убил их вожда, в продолжительной войне покорил себе всех татар, привел их себе в рабство и подчинил. После этого, вместе со всеми ними, он сразился с меркитами, страна которых была расположена возле земли татар, и их также подчинил себе войною. Подвигаясь оттуда, он сразился против мекритов и покорил их также.

3. Найманы, услышав, что Чингис так возвысился, сильно вознегодовали, ибо у них самих раньше был очень храбрый император и все вышеназванные народы платили ему дань.

Когда он исполнил общий долг всего плотского, его место заступили его сыновья, но они были

молоды и глупы и не умели держать народа, а между собою они жили в раздоре и несогласии; отсюда в то время как вышеназванный Чингис так возвысился, они все же тем не менее устраивали набег на вышеуказанные земли и убивали мужчин и женщин и детей и забирали от них добычу. Чингис, слыша это, соединил всех подвластных себе людей; найманы также, как и кара-китаи [175 - То есть Черный Китай в отличие от Китая в собственном смысле (т. е. от Северного Китая). Каракитаями назывался народ, обитавший в Южной Маньчжурии. В XII в. каракитаи были вытеснены из Маньчжурии чжурчжэнями и переселились на запад. Затем каракитаи подчинили Восточный Туркестан и покорили Хорезм, основав государство, известное в истории под названием Каракитай.], т. е. черные китаи, равным образом собрались напротив в огромном количестве в некую долину, сжатую между двух гор, через которую проезжали мы, отправляясь к их императору, и завязалось сражение, в котором найманы и кара-китаи были побеждены монгалами, и большая часть их была убита, а другие, которые не могли ускользнуть, были обращены в рабство.

В земле же вышеназванных кара-китаев Оккодай-хан, сын Чингисхана, после своего назначения императором построил некий город, который назвал Омыл; вблизи него к югу есть некая великая пустыня, в которой, как говорят наверное, живут лесные люди [176 - Воображение кочевников населяло пустыню фантастическими обитателями, в существование которых Плано Карпини мог легко поверить, так как средневековые географы распространяли немало легенд о существовании людей с глазами в груди, с одной ногой и т. д. Одну из легенд о них, бытовавших в XIII в., и повторяет Плано Карпини.]; они никак не говорят и не имеют суставов в коленях, а если когда упадут, то отнюдь не могут встать сами без помощи других; но у них есть настолько рассудительности, что они делают войлоки из верблюжьей шерсти, в которые одеваются и даже ставят их против ветра, и если какие-нибудь татары идут на них и ранят их стрелами, то они кладут траву в раны и быстро бегут от врагов.

4. Монгалы же, вернувшись в свою страну, подготовились к битве против китаев и, снявшись с лагеря, вступили в их землю; император же китаев, услышав это, пошел против них со своим войском, и завязалось тяжелое сражение, в каковом сражении мангалы были побеждены, и все вельможи монгалов, которые были в вышесказанном войске, были убиты, за исключением семи; отсюда и до сих пор, когда кто-нибудь грозит им, говорят: «Вы будете убиты, если пойдете в ту страну, так как там пребывает множество народа и находятся люди, пригодные к сражению», они отвечают: «Некогда мы также были убиты, и нас осталось только семь, а теперь мы выросли в огромную толпу, поэтому нас не страшит подобное». Чингис же и другие, которые остались, убежали в свою землю.

5. И, несколько отдохнув, вышеназванный Чингис снова подготовился к бою и вышел на войну против земли гуиров; эти люди – христиане несторианской ереси; их он также покорил войною, и татары приняли их грамоту, ибо прежде не имели никаких письмен; теперь же эту грамоту именуют монгальскою. Двинувшись отсюда против земли саригуйюр [177 - То есть желтые уйгуры, подразделение племени уйгуров, жившее в Северном Тибете.], и против земли каранитов [178 - Возможно, имеется в виду монгольское племя каранут.], и против земли войратов [179 - Имеются в виду ойраты, племя монгольского происхождения, обитавшее первоначально в районе верховьев Енисея.], и против земли команов, Чингис покорил войною все эти земли и вернулся затем в свою землю.

6. И когда он несколько отдохнул, то, созвав всех своих людей, двинулся равным образом на войну против китаев [180 - Речь идет о Северном Китае, находившемся под властью династии Цзинь чжурчжэньского происхождения. Чингисхан в течение ряда лет вел войну с Цзинями.], и, после долгой борьбы с ними, они покорили большую часть земли китаев, императора же их заперли в его главном городе. Они осаждали его так долго, что у войска не хватило вовсе съестных припасов, и, когда у них не было вовсе что есть, Чингисхан приказал им, чтобы они отдавали для еды одного человека из десяти. Жители же города мужественно сражались против них при помощи машин и стрел, и когда не стало хватать камней, то они вместо камней бросали серебро, и главным образом серебро расплавленное, ибо этот город был полон многими богатствами. И после долгого сражения, не будучи вовсе в состоянии одолеть город войною, татары сделали большую дорогу под землею от войска до середины города и, открыв внезапно землю, выскочили без ведома тех, в середине города сразились с людьми того же города; и те, которые были вне, таким же образом сражались против горожан; разбив

ворота, вошли в город; убив императора и многих людей, завладели городом и унесли золото, серебро и все его богатства и, поставив во главе вышеназванной земли китаев своих людей, вернулись в собственную землю. И тогда впервые, после победы над императором китаев, вышеназванный Чингисхан сделался императором. Все же некоторую часть земли китаев, как расположенную на море, они никоим образом не одолели вплоть до нынешнего дня. Китай же, о которых мы сказали выше, суть язычники, которые имеют особую грамоту, и, как говорят, у них есть Новый и Ветхий Завет; и они имеют Жития отцов, и пустынников, и дома, сделанные наподобие церквей, где они молятся в свое время; и говорят, что они имеют некоторых святых. Они чтут единого Бога, уважают Господа Иисуса Христа и веруют в вечную жизнь, но крещения у них отнюдь нет; уважают и чтут наше Писание, любят христиан и творят значительные милостыни; они кажутся людьми очень кроткими и человечными. Бороды у них нет, и в очертании лица они очень схожи с монгалами, однако они не так широки в лице, язык у них особый; в целом мире нельзя найти лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди. Земля их очень богата хлебом, вином, золотом, серебром и шелком, а также всеми вещами, которые обычно поддерживают природу человеческую.

7. И, несколько отдохнув, он разделил свои войска. Одного из своих сыновей по имени Тос*censored* [181 - Имеется в виду Джочи, старший сын Чингисхана (1184(?)– 1224).], которого также называли «кан», то есть императором, он послал с войском против команов, которых тот победил в продолжительной борьбе; а после того как он их победил, он вернулся в свою землю. Также другого сына он послал с войском против индов, и он покорил Малую Индию [182 - Поход против султана Джелал-ад-Дина, бежавшего под натиском монголов к берегам Инда, где он и был окончательно разбит.]; это черные сарацины, которые именуются эфиопами. Это же войско вышло на бой против христиан, которые находятся в Большой Индии. Слыша это, царь той страны, который именовался в народе Пресвитером Иоанном [183 - В. Бартольд считал, что в данном контексте речь идет о керейтах. Керейты – одно из монгольских племен, образовавших раннефеодальное государство в Монголии. Монгольское происхождение керейтов некоторыми исследователями подвергается сомнению. Среди керейтов были христиане-несторианцы.], выступил против них с соединенным войском и, сделав медные изображения людей, поместил их на седлах на лошадей, разведя внутри огонь, а сзади медных изображений поместил на лошадей людей с мехами; и со многими изображениями и лошадьми, так подготовленными, они вступили в бой против вышеназванных татар; и когда они пришли на место боя, то послали вперед этих лошадей, одну рядом с другой; мужи же, бывшие сзади, положили что-то на огонь, который был в вышеназванных изображениях, и стали сильно дуть мехами. Отсюда произошло, что греческий огонь опалял людей и лошадей, и воздух омрачился от дыма, и тогда они пустили стрелы в татар; от этих стрел много людей было ранено и убито, и таким образом они выгнали их в замешательстве из своих пределов, и мы никогда не слышали, чтобы татары впредь к ним возвращались.

8. Когда они возвращались через пустыни, то пришли в некую землю, в которой, как нам, при нашем приходе ко двору императора, говорили за верное русские клирики и другие, долго бывшие среди них, татары нашли каких-то чудовищ, имевших женский облик. И когда через многих толмачей они спросили их, где находятся мужчины той страны, чудовища-женщины ответили, что в той земле все женщины, которые только рождались, имеют человеческий облик, мужчины же имеют облик собачий. И пока они затягивали пребывание в вышеназванной земле, на другой стороне реки собрались воедино собаки, и так как была лютейшая зима, то все собаки-мужчины бросились в воду, а после этого на твердой земле стали кататься в пыли, и таким образом пыль, смешанная с водой, стала замерзать на них. И после частого повторения этого на них образовался густой лед, затем они в сильном натиске сошлись для боя с татарами. А те часто метали на них стрелы, но стрелы отскакивали назад, как если бы они метали их в камни; также и другое оружие татар никоим образом не могло повредить им. Собаки же, сделав набег на них, ранили укусами многих и убили и таким образом выгнали их из своих пределов. И отсюда до сих пор еще есть у них пословица: «Твой отец или брат был убит собаками», женщин же их, которых они взяли в плен, татары отвели в свою страну, и они были там до своей смерти.

9. И пока то войско, именно монгалов, возвращалось назад, оно пришло к земле буритабет [184 -

Тибет.], которых они победили войною. Эти люди – язычники; они имеют удивительный, а вернее сказать, достойный сожаления обычай, так как, когда чей-нибудь отец свершает долг человеческой природы, они собирают всю родню и съедают его, как нам говорили за верное. Они не имеют волос на бороде; мало того, они носят в руках какое-то железо, как мы видели, которым постоянно выщипывают бороду, если случайно на ней вырастает какой-нибудь волосок; и они также сильно безобразны. Отсюда это войско вернулось в свою страну.

10. Чингисхан также в то время, когда разделил те войска, пошел походом против Востока через землю кергис [185 - То есть черкесы на Кавказе, покоренные монголами в 1227 г.; киргизы же были побеждены уже в 1207 г.], которых не одолел войною, и, как нам говорили, там же прошел до Каспийских гор; горы же эти в той стороне, к которой они пришли, состоят из адамантова камня, почему и притянули к себе их стрелы и железное оружие. Люди, заключенные среди Каспийских гор [186 - Плано Карпини повторяет одну из средневековых легенд: во время похода в восточные страны Александр Македонский встретил людей из племени иафетов и загнал их в горы, которые сомкнулись, оставив лишь узкий проход, который был тут же закрыт железными или медными воротами.], услышав, как гласит предание, крик войска, начали ломать гору, и, когда татары возвращались туда в другое время, десять лет спустя, они нашли гору сломанною; но, когда татары пытались подойти к людям, они отнюдь не могли этого, так как перед ними было распростерто некое облако, за которое они никоим образом не могли пройти, потому что совершенно теряли зрение, как только доходили до него; те же, полагая, наоборот, что татары страшатся подойти к ним, сделали против них нападение, но как только они добрались до облака, то не могли пойти дальше и по вышеупомянутой причине. Но, прежде чем дойти до вышеназванных гор, они шли более месяца по обширной пустыне. Все подвигаясь оттуда к Востоку с лишком на месяц пути, они прошли по большой степи и добрались до некоей земли, где, как нам передавали за вполне достоверное, они видели наезженные дороги, но не могли найти ни одного человека; но они так усиленно искали по земле, что нашли одного человека с его женой, которых привели пред Чингисхана; и, когда он их спросил, где находятся люди этой страны, те ответили, что они живут в земле, под горами. А вышеназванный Чингисхан, удержав жену, отправил этого мужчину со своими послами, поручая тем людям, чтобы они явились на его приказ. Тот, пойдя к ним, рассказал им все, что им приказал Чингисхан. Те сказали в ответ, что в такой-то день явятся к нему для исполнения его приказа, сами же тем временем соединились потаенными путями под землею, выступили против них в бой и, внезапно бросившись на них, убили очень многих. А эти, именно Чингисхан и его подданные, видя, что они ничего не достигают, а скорее теряют своих людей, – а к тому же они не могли вынести шума солнца; наоборот, в то время когда восходило солнце, им надлежало приложить одно ухо к земле, а верхнее крепко заткнуть, чтобы не слышать этого ужасного шума, но и так все же они не могли остеречься, чтобы из-за этого весьма многих из них не убивало, – побежали и вышли из вышеназванной страны; тех людей, однако, именно мужа с женою, они взяли с собой, и те оставались до смерти в земле татар. На вопрос, почему люди этой земли живут под землею, те сказали, что в одно время года, когда восходит солнце, бывал столь сильный шум [187 - Поверье основано на редком феномене, наблюдающемся в пустыне и носящем название «поющие пески».], что люди никоим образом не могли выдержать, как выше сказано о татарах; мало того, они даже били тогда в бубны, тимпаны и другие инструменты, чтобы не слышать этого шума. И во время возвращения Чингисхана из той земли у них не хватило съестных припасов, и они ощущали сильнейший голод, но им удалось тогда найти свежие внутренности одного животного; взяв их, они сварили, вынув только кал, и отнесли их к Чингисхану; тот поел их вместе со своими, и поэтому Чингисом было установлено, чтобы не бросать ничего от зверя, ни крови, ни внутренностей, ни чего другого, что можно есть, за исключением кала.

11. И отсюда он вернулся в свою землю; там он издал многочисленные законы и постановления [188 - То есть так называемую Ясу, представляющую собой кодекс законов и распоряжений, приписываемых Чингисхану.], которые татары нерушимо соблюдают; из них мы упомянем только про два. Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления. Отсюда, до

избрания настоящего Куйюк-хана, из-за этого был убит один из князей, внук Чингисхана, ибо он хотел царствовать без избрания. Другое постановление – такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения, пока не настанет время их умерщвления: именно, они сражались сорок два года и предварительно должны царствовать восемнадцать лет. После этого, как говорят, они должны быть побеждены другим народом, каким, однако, не знают, как им было предсказано, и те, которые будут в состоянии уйти, как говорят, должны соблюдать тот закон, который соблюдают те, кто победит их войною. Он установил также, что их войско должно быть разделено под начальством тысячников [189 - Чингисхан организовал свое государство на военно-административный лад. Все население Монголии было разделено на два крыла: правое и левое. Каждое крыло было разбито на «тьмы», «тьма» состояла из 10 тысяч человек, во главе ее находился темник, во главе каждой тысячи стоял тысячник, во главе сотни – сотник и т. д. Всего Чингис образовал 95 отрядов по тысяче человек, сотников, десятников и тьмы (то есть десять тысяч). Он установил также и многое другое, рассказывать о чем было бы долго, да к тому же мы и не знаем [всего]. После этого, свершив свои распоряжения и постановления, он был убит ударом грома.

§ II. О князьях татар

1. А у него было четыре сына: одного звали Оккодай, второго звали Тоссук-хан, третьего звали Хыадай, а имени четвертого мы не знаем. От этих четырех лиц произошли все вожди монгалов. Первый, именно Оккодай-хан, имел следующих сыновей: первого – Куйюка, который ныне императором, Коктена и Хиренена; имел ли он больше сыновей, мы не знаем. Сыновья же Тоссук-хана суть: Бату (Batu), он наиболее богат и могуществен после императора; Орду, он старший из всех вождей; Сыбан, Бора, Берка, Фаут, имен других сыновей Тоссук-хана мы не знаем. Сыновья Хыадая суть Бурин и Кадан; имена других сыновей его нам неизвестны. Имена же сыновей другого сына Чингисхана, имени которого мы не знаем, суть следующие: один называется Менгу, мать коего Сероктан; эта госпожа пользовалась среди всех татар предпочтительным уважением, за исключением матери императора, а Менгу был могущественнее всех, за исключением Бату; другой называется Бихак. У него было еще несколько сыновей, но имен их мы не знаем.

2. Имена вождей суть следующие: Орду [190 - Орду-Ичен, старший сын Джочи, принимавший участие в походах на русские княжества, на Польшу и Венгрию. Основатель Белой Орды.], он был в Польше и Венгрии, Бату, Кадан, Сыбан [191 - Пятый сын Джочи, участник походов 1235–1236 гг. на русские княжества, Польшу и Венгрию. В результате анализа всех вариантов имени Шибана высказано предположение, что это имя христианского происхождения и представляет собой монгольскую модификацию имени Степан.], Бурин [192 - Вероятно, Бури, внук Чагатая, участник походов 1235–1236 гг. на русские княжества и в Юго-Западную Европу.] и Буигек, все они были в Венгрии; Хирподан [193 - Чормагун, крупный монгольский военачальник, принимал активное участие в походах Чингисхана на Среднюю Азию, покоритель Грузии, Армении в 1232–1233 гг., где был затем наместником.], он находится до сих пор за морем, [в борьбе] против неких солдат земли сарацинской и других, которые находятся за морем. Другие остались в своей земле, а именно: Менгу, Коктен, Хиренен [194 - Ширемун, сын Гуюк-хана от старшей его жены Огул-Гаймиш. Предполагается, что это имя является тюркской и монгольской модификацией имени Соломон и было распространено у монголов-несториан.], Хубилай (Hubilay), Серемум, Синокур, Фуатемур, Карахай, старец Сибедей [195 - Один из крупнейших монгольских военачальников, прозванных богатырями, так переводит Карпини слово *bahadur*. Субэдей-бахатур возглавлял поход против кипчаков, разбив русские и половецкие отряды на р. Калке (1223 г.), который у них называется воином, Бора, Берка, Мауци, Коренца [196 - Бэркэ, сын Джочи и брат Бату, после смерти которого был его преемником в Золотой Орде под именем Бэркэ-хана (1256—1266). Выстроил вторую столицу Золотой Орды, известную как Сарай-Бэркэ, принял ислам. Мауци – второй сын Хыадая. Коренца – вероятно, третий сын Орду, внук Джочи, по имени Хурумши. Среди чингисханидов имелось несколько Хурумши. Но тот, о котором упоминает Плано Карпини, был, скорее всего, сыном Орду и племянником Бату, который, вполне естественно, мог послать своего племянника командовать на Днепре. В русских летописях есть упоминание о Хурумши в форме Куремша.], но это самый младший среди других. Других же вождей очень много, но имен их

мы не знаем.

§ III. О власти императора и его князей

1. Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. Точно так же, если он просит дочь девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным. Каких бы, сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание [197 - В Монгольской империи для обслуживания всей системы управления была организована в 1235 г. почтовая служба, обязанная перевозить послов, гонцов и всяких чиновных лиц. Содержание ямов (станций) и средств передвижения – «ула» ложилось тяжелой повинностью на население.]; откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание. Но послы, приходящие из других стран, терпят большую нужду как в содержании, так и в одежде, ибо издержки на них скудны и малы, а в особенности когда они прибывают к князьям и должны там иметь пребывание. Тогда на десять человек дается так мало, что на это едва могут прожить двое; также и при дворах князей и в путешествии дается им поесть только раз в день и очень мало; точно так же если им причиняют какие-нибудь обиды, они отнюдь не легко могут жаловаться, поэтому им следует терпеливо сносить эти обиды.

2. Сверх того, как князья, так и другие лица, как знатные, так и незнатные, выпрашивают у них много подарков, а если они не получают, то низко ценят послов, – мало того, считают их как бы ни во что; а если послы отправлены великими людьми, то они не желают брать от них скромный подарок, а говорят: «Вы приходите от великого человека, а даете так мало?» Вследствие этого они не считают достойным брать, и если послы хотят хорошо обделать свои дела, то им следует давать больше. Поэтому и нам пришлось также раздать по нужде на подарки большую часть тех вещей, которые люди благочестивые дали нам для продовольствия. И следует также знать, что все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «это мое или его», но все принадлежит императору, то есть имущество, выучный скот и люди, и по этому поводу недавно даже появился указ императора.

3. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть татары и другие, распределены между вождями. Также и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам. Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно.

4. По смерти императора, как сказано было выше, вожди собрались и выбрали в императоры Оккодая, сына вышеназванного Чингисхана. Он, устроив собрание князей, разделил войска Бату, который приходился ему во втором колене, он послал против земли Высокого Султана и против земли бисерминов [198 - Плано Карпини имеет в виду кипчаков, когда говорит о бисерминах. Бисермины, то есть басурмане, что является искажением названия «мусульмане»]; ибо они были сарацины, но говорили по-комански. И когда он вошел в их землю, он сразился с ними и войною подчинил их себе. А один город по имени Бархин долго противился ему; именно они сделали большие рвы вокруг города и закрыли их, а когда те подходили к городу, то падали во рвы. Отсюда они не могли занять этого города, раньше чем заполнили те рвы.

Люди же из некоего города по имени Ианкинт (Iankint), услышав это, вышли им навстречу и добровольно предались в их руки, отчего город их не был разрушен, но они убили многих из них, а других переселили и, произведя грабеж города, наполнили его другими людьми. Пошли они также

против города, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно хазар (Gazari) [199 - Народ тюркского происхождения, обитавший в низовьях Волги и волжско-донских степях. В VII в. хазары образовали Хазарский каганат.], русских, аланов [200 - Аланы – кочевые племена сарматского происхождения, жившие в южнорусских степях. Часть аланских племен в результате великого переселения народов ушла в Европу, часть же осталась и вошла в состав Хазарского каганата.] и других, а также сарацинов. Сарацинам же принадлежала и власть над городом. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие сарацины имели в нем огромный рынок. И так как они не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми.

5. Совершив это, они вступили затем в землю турков [201 - То есть торков. Торки – кочевой народ тюркского происхождения, появившийся в южнорусских степях в середине XI в. Неоднократно упоминается в русских летописях.], которые суть язычники, победив ее, они пошли против Руси и произвели великое избиение в земле Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев [202 - Киев был захвачен и разгромлен в 1240 г., во время второго похода Бату на Южную Русь. Во главе монгольских войск, осаждавших Киев, находился сам Бату.], который был столицей Руси, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию. Из Руси же и из Комании вышеназванные вожди подвинулись вперед и сразились с венграми и поляками [203 - Монгольские отряды вторгались в Польшу и Венгрию несколько раз в течение 1240 и 1241 гг.]; из этих татар многие были убиты в Польше и Венгрии; и, если бы венгры не убежали, но мужественно воспротивились, татары вышли бы из их пределов, так как татары возымели такой страх, что все пытались сбежать. Но Бату, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: «Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как сбудется то, что предсказал Чингисхан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим». И таким образом, они воодушевились, остались и разорили Венгрию.

6. Возвратившись оттуда, они пришли в землю мордванов [204 - Мордвы.], которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против билеров, то есть Великой Булгарии [205 - Название города Биляр арабскими средневековыми географами применялось к Булгарии вообще.], они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть Великой Венгрии [206 - В данном случае под «баскарт» надо понимать башкир. Следует отметить, что название Башкыр (Баскарт) употреблялось арабскими и персидскими авторами для обозначения Венгрии.], они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к паросситам [207 - Финские племена, жившие в Пермской и Вятской губерниях.], у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, а варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и выпивают дым и этим только себя поддерживают; но если они что-нибудь едят, то очень мало. Подвинувшись оттуда, они пришли к самогедам, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись отсюда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо, как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

7. Хирподана же в то же время послал Оккодай-хан с войском на юг против кергис [208 - Черкесов.], которых он победил на войне. Эти люди – язычники, они не имеют волос на бороде; обычай их таков: когда умирает чей-нибудь отец, то они от скорби вырезают на своем лице в знак печали как бы один ремень от одного уха до другого. Победив их, он пошел к югу против арменов; но когда он переходил

через пустыни, то они, как нам говорили за верное, нашли также некоторых чудовищ, имеющих человеческий облик, но у них была только одна полная рука, то есть как до локтя, так и после локтя, и то на середине груди, и одна нога, и двое стреляли из одного лука; они бегали так сильно, что лошади не могли их догнать, ибо они бегали, скача на одной ноге, а когда утомлялись от такой ходьбы, то ходили на руке и ноге, так сказать, вертясь кругом, Исидор [209 - Исидор Севильский (570–636), испанский епископ, ученый, писатель раннего Средневековья. В его книге были сообщения о различных чудовищных народах, населявших отдаленные и малоизвестные места, что вполне соответствовало уровню географических знаний раннего Средневековья.] называл их циклопедами. А когда они утомлялись таким образом, они бежали по прежнему способу. Все же некоторых из них татары убили, и, как нам говорили русские клирики при дворе, пребывающие вместе с вышеуказанным императором, многие из них приходили в посольстве вестниками ко двору вышеуказанного императора, чтобы иметь возможность заключить мир с ним. Двинувшись отсюда, они пришли в Армению, которую победили войною, а также часть Георгиании; и другая часть явилась по их приказу, и каждый год они платили им в качестве дани по сорок тысяч иперперов [210 - Одно из названий золотой византийской монеты.]; это же они делают и доселе. Отсюда они подвинулись к земле солдана Урумского [211 - То есть султана Рума. Румом в античное время восточные народы называли Рим.], который был довольно велик и могуществен; с ним они также сразились и победили. И, воюя и побеждая, они прошли дальше до земли солдана Халапии [212 - То есть султана Халеба. Область Халеп находилась в северной части Сирии.] (Halapiae) и теперь также занимают эту землю, а сверх того, предполагают завоевать там другие земли, и впоследствии вплоть до ныне текущего дня они не возвращались в свою землю. То же войско пошло против земли калифа Балдахского [213 - Халифа Багдадского.], которую они также подчинили себе, и он им всякий день платит в качестве дани четыреста бизантиев [214 - Золотая византийская монета.] помимо балдакинов и других даров; и всякий год они отправляют послов за калифом, чтобы он явился к ним. Тот посылает вместе с данью великие дары, прося, чтобы они его извинили; сам же император принимает дары и тем не менее посылает за ним, чтобы тот явился.

Глава шестая

О войне и разделении войск, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, и о жестокости против пленных

Сказав о власти, надлежит сказать о войне следующим образом: сперва о разделении войск, во-вторых, об оружии, в-третьих, о хитростях при столкновении, в-четвертых, об осаде крепостей и городов, в-пятых, о вероломстве, которое они проявляют к тем, кто им сдается, и о жестокости, с которой они обращаются с пленниками.

§ I. О разделении войск

О разделении войск скажем таким образом: Чингисхан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

§ II. Об оружии

1. Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука или, по меньшей мере, один хороший и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем – в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают и таким образом удваиваются или утраиваются на теле. Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами. Латы же имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, – из кожи. И все эти куски из кожи составлены указанным выше способом.

2. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они приготавливают много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они шивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блестяще, что человек может видеть в них свое лицо.

3. У некоторых из них есть копья, и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как футы различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изошрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью. Есть у них также и другие стрелы для стрельяния птиц, зверей и безоружных людей, в три пальца ширины. Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для стрельяния птиц и зверей.

§ III. О хитростях при столкновении

1. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков (praecursores), у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в

бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

2. Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадьёю, человека, который бы управлял лошадьёю. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадьёю, которою управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же, более бедные имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок сверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

3. Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

4. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих. Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видали их противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину; и таким образом они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так

что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь; мало того, они берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки. А если они не одолевают таким способом и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те сдались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов.

Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек, или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим.

Глава седьмая

Как они заключают мир с людьми; о названиях земель, которые они покорили; о землях, которые оказали им сопротивление, и о жестокости, которую они проявляют к своим подданным

Описав, каким образом они воюют, надлежит сказать о землях, которые они подчинили своей власти. Об этом напишем мы таким образом: сперва скажем, как они заключают мир с людьми; во-вторых, о названиях земель, которые они себе подчинили: в-третьих, о землях, которые оказали им мужественное сопротивление; в-четвертых, о жестокости, которую они проявляют к своим подданным.

§ I. Как они заключают мир с людьми

1. Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингисхана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы. И вот чего татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю. А когда они получают полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно могут найти против них. Например, в бытность нашу в России, был прислан туда один сарацин, как говорили, из партии Куйюк-хана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом

выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис (iltis), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (dochori), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба.

2. Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары – как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, а даже и у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем аланов и весьма многими другими. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем солангов.

3. Башафов (Baschathos), или наместников своих, они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле татар, с одним городом, который они сами поставили над русскими в земле команов. И не только государь татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно.

4. Сверх того, если у тех государей, которые им сдались, возникают какие-нибудь спорные случаи, то им надлежит отправляться для разбирательства к императору татар, как случилось недавно с двумя сыновьями царя Георгиании. Именно один был законный, а другой, имя которого было Давид, родился от прелюбодеяния; законного же звали Мелик; сыну прелюбодейки отец оставил часть земли; другой же, который был моложе, поехал вместе с матерью к императору татар ради того, чтобы вышеупомянутый Давид предвосхитил путь к нему; мать другого, то есть Мелика, именно царица Георгианская, по которой муж владел царством, так как то царство находилось во владении по женщинам, умерла в дороге. Они же, по прибытии, роздали огромные подарки, в особенности же законный сын, требовавший части земли, которую отец оставил сыну своему Давиду, так как этот последний, будучи сыном прелюбодейки, не должен был владеть ею. Тот же отвечал: «Пусть я сын наложницы, все же я прошу, чтобы мне оказана была справедливость по обычаю татар, не делающих никакого различия между сыновьями законной супруги и рабыни». Отсюда приговор был произнесен против законного сына, чтобы он подчинился Давиду, который был старше, и чтобы он владел спокойно и мирно тою землею, которую дал ему отец, и таким образом младший сын потерял розданные им дары и проиграл дело, которое вел против брата своего Давида.

5. Они берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, участливо, чтобы те не привели на них войска, или также чтобы другие не страшились предаться им, как они поступили с обезами [215 - Абхазами.], или георгианами, от которых, как сказано, они получают в качестве дани пятьдесят или сорок тысяч иперперов, или бизанциев. Другим

народам они дают еще пребывать в спокойствии; однако согласно тому, что мы от них узнали, намереваются завоевать их.

§ II. О названиях земель, которые они себе подчинили

Названия земель, которые они одолели, суть следующие: Китай, Найманы, Соланги, Кара-Китай, или Черные Китай, Комана, Тумат, Войрат, Караниты, Гуйюр (Huyur), Су-Монгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, то есть Великая Венгрия, Кергис, Касмир, Сарацины, Бисермины, Туркоманы, Билеры, то есть великая Булгария, Корола, Комуки, Буритабет, Паросситы, Кассы, Якобиты, Аланы, или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несториане, Армены, Кангиты, Команы, Брутахи, которые суть Иудеи, Мордвы, Турки, Хозары, Самогеды, Персы (Perses), Тарки, Малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы, Руфены, Балдах, Сарты; есть и еще много земель, но имен их мы не знаем. Мы видели даже мужчин и женщин из вышеназванных стран.

§ III. О землях, которые оказали им мужественное сопротивление

Имена земель, оказавших им мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им, суть следующие: Великая Индия, Мангия [216 - Манги, или Манзи, часть Южного Китая, расположенная южнее Хуанхэ.], некая часть аланов, некая часть китаев, саксы [217 - Народ, вероятно финского происхождения, соседствовавший с хазарами и Великой Булгарией.]; именно, как нам говорили там же, они осадили один город вышеназванных саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины татар, так что те из-за машин и баллист не могли приблизиться к городу для сражения; наконец, они сделали дорогу под землею и вскочили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сразилась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами татары, видя, что не могут ничего сделать и что многие из них умирают, удалились от них.

§ IV. О жестокости, которую они проявляют к своим подданным

В земле сарацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия. Все посевы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах. Сверх того, когда угодно господам, они забирают всех юношей с женами и сыновьями и заставляют идти сзади себя со всеми своими слугами. Впрочем, эти юноши принадлежат к числу татар, а вернее сказать, к числу пленных, так как хотя они считаются в их среде, однако не пользуются таким уважением, как татары, но приравниваются к рабам и посылаются на все опасности, как другие пленные. Ибо в войнах они идут первыми, а также если приходится перейти болото или опасную воду, то им надлежит сперва изведать брод. Им также нужно работать все, что надлежит делать. Точно так же если они кого-нибудь оскорбят или не повинуются по мановению, то их бьют, как ослов. И, говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают, и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости: мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод. Мы видели также, что иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках; слышали мы также, что другие умирали или также от сильной стужи все члены тела их становились, так сказать, непригодными.

Глава восьмая

Как надлежит встретить татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными

Сказав о землях, которые им повинуются, следует изложить, как надлежит встретить татар на войне. Об этом, кажется, нам следует сказать таким образом: сперва следует написать о том, что они замышляют, во-вторых, об оружии и устройстве войск, в-третьих, как надлежит встретить их хитрости при столкновении, в-четвертых, об укреплении крепостей и городов, в-пятых, что надлежит делать с их пленными.

§ I. Что замышляют татары

1. Замысел татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингисхана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: «Храбрость Бога, император всех людей»; и в надписании печати его стоит следующее: «Бог на небе и Куйюк-хан над землею храбрость Божия. Печать императора всех людей». И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они не владели, то поэтому они приготавливаются к бою против нас. Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка. Этот вышеназванный Куйюк-хан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе. Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе не слыхано, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой веры и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и искусно. Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему, души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они льстивы, а после жалят, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы.

2. А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое – через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться непрерывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех татар, через область которых мы проезжали, у земли России; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сряду после третьей зимы или подождут еще до времени чтобы иметь возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом, и вследствие этого они доныне успокоились от битв. Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию.

3. И так как он замышляет разорить или обратить в рабство всю землю, а это рабство, так сказать, невыносимо для нашего народа, то надлежит, стало быть, как сказано выше, встретить его на войне. Но если одна область не захочет подать помощь другой, то та земля, против которой они сражаются, будет

разорена, и вместе с теми людьми, которых они заберут в плен, они будут сражаться против другой земли, и эти пленники будут первыми в строю. Если они плохо будут сражаться, то будут ими убиты, а если хорошо, то татары удерживают их посулами и льстивыми речами, а также, чтобы те не убежали от них, сулят им, что сделают их великими господами, а после того, как могут быть уверенными на их счет, что они не уйдут, обращают их в злосчастнейших рабов; точно так же поступают они с женщинами, которых желают держать в качестве рабынь и наложниц. И таким образом вместе с людьми побежденной области они разоряют другую землю. И нет, как нам кажется, ни одной области, которая могла бы сама по себе оказать им сопротивление, если только за ее жителей не пожелает сражаться Бог, потому что, как сказано выше, люди собираются на войну со всякой земли державы татар. Отсюда, если христиане хотят сохранить себя самих свою землю и христианство, то царям, князьям, баронам и правителям земель надлежит собраться воедино и с общего решения послать против них людей на бой, прежде чем они начнут распространяться по земле, так как, раз они начнут рассеиваться по земле, ни один не может соответственно подать помощь другому; ибо татары толпами отыскивают повсюду людей и убивают, а если кто запрется в крепости, то они ставят вокруг крепости или города для осады их три или четыре тысячи людей и больше, а сами тем не менее рассеиваются по земле и убивают людей.

§ II. Об оружии и устройстве войск

1. Все же желающие сражаться с ними должны иметь следующее оружие: хорошие и крепкие луки, баллисты, которых они очень боятся, достаточное количество стрел, палицу (dolabrum) из хорошего железа или секиру с длинной ручкой (острия стрел для лука или баллисты должны, как у татар, когда они горячие, закаляться в воде, смешанной с солью, чтобы они имели силу пронзить их оружие), также мечи и копья с крючком, чтобы иметь возможность стаскивать их с седла, так как они весьма легко падают с него, ножики и двойные латы, так как стрелы их нелегко пронзают их, шлем и другое оружие для защиты тела и коня от оружия и стрел их. А если некоторые не вооружены так хорошо, как мы сказали, то они должны идти сзади других, как делают татары, и стрелять в них из луков или баллист. И не должно щадить денег на приготовление оружия, чтобы иметь возможность спасти душу, тело, свободу и все прочее.

2. Ряды надлежит подчинить, подобно татарам, тысячникам, сотникам, десятникам и вождям войска. Эти вожди никоим образом не должны вступать в сражение, как не вступают и их вожди, но должны смотреть за войском и поддерживать порядок. Они должны также установить закон выступать на войну одновременно или иначе, смотря по тому, как они построены, и всякий, кто покинет другого, или идущего на войну, или сражающегося, как всякий, кто побежит, если не отступают все вместе, должен быть подвергнут тяжкому наказанию, так как тогда часть воюющих (татар) преследует бегущих и убивает их стрелами, а часть сражается с теми, кто остается, и таким образом приводятся в замешательство и подвергаются избиению и остающиеся, и бегущие. И равным образом всякий, кто обратится к собиранию добычи, раньше чем войско противников будет окончательно побеждено, должен быть подвергнут самой тяжелой пене. Ибо у татар такого человека убивают без всякого сострадания.

§ III. Как надлежит встретить их хитрости при столкновении

1. Если возможно, то место для сражения должно выбрать такое, где простирается гладкая равнина и татар можно отовсюду видеть; если можно, то с тыла или сбоку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы татары не могли проникнуть между войском и лесом. И не должно всем зараз собираться воедино, но следует устроить много отрядов, разделенных взаимно, однако не очень отстоящих друг от друга; против тех, кто идет сперва, надлежит послать один отряд, чтобы он вышел им навстречу; если же татары устроят притворное бегство, то не надо идти далеко сзади их, если случайно нельзя осмотреться возможно дальше, чтобы враги не увлекли случайно в уготованную засаду, как они обычно делают, и другой отряд должен быть готов, чтобы помочь на случай нужды тому отряду. Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды татар, сзади,

справа или слева, и всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда; ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение. Отряды же должны остерегаться того, чтобы не бежать за ними далеко по причине засад, которые они обычно устраивают, ибо они более борются коварством, чем храбростью.

2. Вожди войска должны быть всегда готовы, если нужно, посылать помощь тем, кто находится в бою, и вследствие этого должно также избегать очень гнаться за ними, чтобы случайно не утомить лошадей, так как у наших нет изобилия в лошадях, а татары на ту лошадь, на которой ездят один день, не садятся после того три или четыре дня; отсюда вследствие имеющегося у них изобилия в лошадях они не заботятся о том, не утомились ли их лошади. И если татары отступают, то наши все же не должны отходить или разделяться взаимно, так как они делают это притворно, чтобы разделить войска и после того вступить свободно в землю и разорить ее всю. Должно также остерегаться от излишней, как это в обычае, траты съестных припасов, чтобы из-за недостатка в них не быть вынужденными вернуться и открыть татарам дорогу перебить войско и других, разорить всю землю и подвергнуть, от их распространения,*censored*нию имя Божие. Но это должно делать старательно, чтобы, если каким-нибудь ратникам выпадет на долю отступить, другие заняли их место.

3. Наши вожди должны также заставлять охранять войско днем и ночью, чтобы татары не ринулись на них внезапно и неожиданно, потому что они, как демоны, измышляют много злокозненных и способов вредить; мало того, должно быть всегда готовыми как днем, так и ночью, не должно ложиться раздетыми и с прохладой сидеть за столом, чтобы нельзя было застать нас неприготовленными, так как татары всегда бодрствуют, чтобы высмотреть, каким образом они могут причинить вред. Жители же страны, ожидающие татар или боящиеся, что они придут на них, должны иметь сокрытые ямы, куда должны отложить посевы, равно как и другое, по двум причинам, именно: чтобы татары не могли овладеть этим и чтобы, если Бог окажется к ним милостивым, получить возможность обрести это впоследствии, когда татары побегут из их земли. Сено и солому надлежит сжечь или крепко спрятать, чтобы татарские лошади тем менее находили себе пищи для еды.

§ IV. Об укреплении крепостей и городов

При желании же укрепить города и крепости прежде надлежит рассмотреть, каково их местоположение. Именно местоположение крепостей должно быть таково, чтобы их нельзя было завоевать орудиями и стрелами, чтобы у них было достаточно воды и дров, чтобы нельзя было, насколько возможно, пресечь к ним вход и выход и чтобы было достаточное количество лиц, могущих сражаться попеременно. И должно тщательно смотреть за тем, чтобы татары не могли взять крепости какою-нибудь хитростью. Должно иметь запас продовольствия, достаточный на много лет; следует все же тщательно сохранять съестные припасы и изводить их в определенных размерах, так как неизвестно, сколько времени придется быть заключенными в крепости. Именно когда они начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как это происходит и в нынешний день с одной горой в земле аланов. Как мы полагаем, они осаждали ее уже двенадцать лет, причем те оказали им мужественное сопротивление и убили многих татар, и притом вельмож. Другие же крепости и города, не имеющие подобного положения, надлежит сильно укрепить глубокими и обнесенными стенами рвами и хорошо устроенными стенами; и надлежит иметь достаточное количество луков и стрел, камней и пращей. И должно тщательно остерегаться, чтобы не позволять татарам выставлять свои машины, но отражать их своими машинами; и если случайно, при помощи какой-нибудь выдумки или какой-нибудь хитрости, татары воздвигнут свои машины, то надо, если возможно, разрушать их своими машинами; должно также оказывать сопротивление при помощи баллист, пращей и орудий, чтобы они не приближались к городу. Должно также быть готовыми и в других отношениях, как сказано выше. Должно также тщательно смотреть за крепостями и городами, расположенными при реках, чтобы их нельзя было потопить. А еще надо знать, что татары больше любят, чтобы люди запирались в городах и крепостях, чем чтобы сражались с ними на поле. Именно, они говорят, что это их поросята, запертые в хлеву, отчего и приставляют к ним стражей, как сказано выше.

§ V. Что надлежит сделать с пленными

Если же какие-нибудь татары будут на войне сброшены со своих лошадей, то их тотчас следует брать в плен, потому что, будучи на земле, они сильно стреляют, ранят и убивают лошадей и людей. И если их сохранить, они могут оказаться такими, что из-за них можно получить, так сказать, вечный мир и взять за них большие деньги, так как они очень любят друг друга. А как распознать татар, сказано выше, именно там, где было изложено об их внешности; однако когда их берут в плен и если их должно сохранить, то надо приставить бдительный караул, чтобы они не убежали. Вместе с ними бывает также много других народов, которых можно отличить от них благодаря указанной выше внешности. Надо также знать, что вместе с ними в войске есть много таких, которые, если улучат удобное время и получают уверенность, что наши не убьют их, будут сражаться с ними, как сами сказали нам, из всех частей войска, и причинят им больше зла, чем другие, являющиеся их сильными неприятелями.

Все это, написанное выше, мы сочли нужным привести только как лично видевшие и слышавшие это, и не для того, чтобы учить лиц сведущих, которые, служа в боевом войске, знают военные хитрости. Именно, мы уверены, что те, кто опытен и сведущ в этом, придумают и сделают много лучшего и более полезного; однако они получают возможность благодаря вышесказанному иметь случай и содержание для размышления. Ибо сказано в Писании: «Слыша, мудрец будет мудрее, и разумный будет обладать кормилами».

Глава последняя

О тех областях, через которые мы проехали, и об их положении, о дворе императора татар и его князей и о свидетелях, которые нас там нашли

Сказав, как надлежит встретить их на войне, скажем напоследок о пути, который мы свершили, о положении земель, через которые проехали, о порядках двора императора и его князей и о свидетелях, которые нашли нас в земле татар.

§ I. О пути, который мы совершили, и о положении земель, через которые проехали

1. Когда мы уже вознамерились, как сказано выше, отправиться к татарам, мы прибыли к королю Богемскому. Когда мы спросили у него совета, так как этот государь был благосклонен к нам издавна, какая дорога лучше для нашего путешествия, он ответил, что, как ему казалось, лучше было бы поехать через Польшу и Руссию, ибо в Польше у него были родственники, с помощью которых мы могли бы выехать в Руссию. И, дав нам грамоту и хороших провожатых, он приказал также давать продовольствие по его землям и городам, пока мы не приедем к князю Силезии Болеславу, его племяннику, который был нам также знаком и близок.

2. Он также дал нам свою грамоту, надежных провожатых и продовольствие по своим поместьям и городам, пока мы не приехали к князю Ланцискому Конраду. В это время, по спешествующей нам милости Божией, туда прибыл господин Василько [218 - Василько Романович, князь Волынский (умер в 1269 г.), сын Романа Мстиславовича, князя Галицкого.], князь Руссии, от которого мы полнее узнали о настроении татар. Именно он посылал туда своих послов, которые вернулись к нему и брату его, Даниилу [219 - Даниил Романович Галицкий (1201–1264), сражавшийся впервые против монголов в битве при р. Калке (1223 г.). Во время второго похода Бату захватил Киев, после того как тот был покинут киевским князем Михаилом, бежавшим в Венгрию при приближении татар. Даниил посадил в Киеве своего тысяцкого Дмитра, который и во время осады Киева мужественно защищал город. Даниил Галицкий, пытаясь ослабить татарское иго, вел переговоры с Бату, а также с папой Иннокентием IV, у которого просил военной помощи. Не получив ее, он прекратил в 1249 г. переговоры с папой.], с охранной грамотой для проезда к Бату для господина Даниила. Василько сказал нам, что если мы захотим поехать к ним, то нам следует иметь великие дары для раздачи им, так как они требовали их с большою надоедливостью, а если их не давали, то – что вполне правдиво – посол не мог соответственно исполнить своих дел; мало того, он, так сказать, не ценится ни во что. Мы же, не

желая, чтобы дело Господина Папы и Церкви встречало вследствие этого затруднение, приказали купить на то, что нам было дано как милостыня и для поддержания жизни, несколько шкур бобров, а также иных различных животных. Князь Конрад и княгиня Краковская, некие воины и епископ Краковский, узнав это, подарили нам также еще больше этих шкур. Также князь Конрад, сын его и епископ Краковский очень усердно просили вышеупомянутого Василько, чтобы он помог нам, насколько мог, в переезде к татарам; он ответил им, что охотно это сделает.

3. Отсюда он повез нас в свою землю. И так как он задержал нас на несколько дней на своем иждивении, чтобы мы несколько отдохнули, и, по нашей просьбе, приказал явиться к нам своим епископам, то мы прочли им грамоту Господина Папы, в которой тот увещевал их, что они должны вернуться к единству святой матери Церкви; мы также увещевали их и даже склоняли к тому же самому, насколько могли, как князя, так епископов и всех других, которые собрались. Но, так как в то время, когда вышеупомянутый князь поехал в Польшу, его брат, князь Даниил, поехал к Бату и его не было налицо, то они не могли дать решительный ответ, и нам для окончательного ответа надлежало ждать возвращения Даниила.

4. После этого вышеназванный князь послал с нами до Киева одного служителя. Тем не менее все же мы ехали постоянно в смертельной опасности из-за литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю России и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать; и так как большая часть людей России была перебита татарами или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление, а со стороны самих русских мы были в безопасности благодаря вышеназванному служителю. Отсюда, по спешествующей милости Божией и избавившись от врагов креста Христова, мы прибыли в Киев, который служит столицей России; прибыв туда, мы имели совещание о нашем путешествии с тысячником и другими знатными лицами, бывшими там же. Они нам ответили, что если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у татар нет ни соломы, ни сена, ни корму. Поэтому мы после совещания решили оставить их там с двумя слугами, которые должны были охранять их. Вследствие этого нам надлежало дать подарки тысячнику, чтобы заслужить его милость для получения себе подвод и провожатых. Прежде чем попасть в Киев, мы смертельно заболели в Данилове; тем не менее все же мы приказали, несмотря на сильную стужу, везти себя на повозке по снегу, чтобы дело христианства не могло испытать препятствия.

5. Итак, устроив все эти дела в Киеве, на второй день после праздника Очищения Нашей Владычицы [220 - 4 февраля 1246 г.], мы на лошадях тысячника и с провожатыми поспешно направились из Киева к иным варварским народам. Мы прибыли к некоему селению по имени Канов, которое было под непосредственной властью татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства. Именно он сам послал против нас в Киев некоторых своих телохранителей, дабы ложно сообщить нам от имени Коренцы, чтобы мы считались послами и чтобы явились к нему. И хотя это неправда, он делал это для того, чтобы иметь возможность извлечь от нас дары. Когда же мы добрались до него, он выказал себя очень недоступным к нам и никоим образом не хотел нас провожать, если мы не посулим ему подарков; мы же, видя, что иначе не можем подвинуться далее, посулили дать ему несколько подарков, и, хотя мы давали ему то, что нам казалось соответственным, он не хотел брать, если мы не дадим ему большего. В силу этого нам пришлось прибавить согласно с его желанием, а кое-что он утачил у нас коварно, воровски и злобно.

6. После этого мы выехали вместе с ним в понедельник Четырнадцатницы [221 - 19 февраля 1246 г.], и он проводил нас до первой заставы татар. И когда в первую пятницу после дня Пепла [222 - 23 февраля 1246 г.] мы стали останавливаться на ночлег при закате солнца, на нас ужасным образом ринулись вооруженные татары, спрашивая, что мы за люди. А когда мы ответили, что мы послы Господина Папы, то они тотчас удалились, получив от нас кое-что из съестного. С наступлением утра, когда мы встали и подвинулись несколько вперед, нам выехали навстречу их старейшины, бывшие на заставе, спрашивая, зачем мы едем к ним и какое имеем поручение. Мы ответили им, что мы послы Господина Папы, который является господином и отцом христиан. Он посылает нас как к царю, так к князьям и ко

всем татарам потому, что ему угодно, чтобы все христиане были друзьями татар и имели мир с ними; сверх того, он желает, чтобы татары были велики на небе перед Господом. Поэтому Господин Папа увещевает их как через нас, так и своей грамотой, чтобы они стали христианами и приняли веру Господа нашего Иисуса Христа, потому что иначе они не могут спастись. Кроме того, он поручает передать им, что удивляется такому огромному избиению людей, произведенному татарами, и главным образом христиан, а преимущественно венгров, моравов и поляков, которые подвластны ему, хотя те их ничем не обидели и не пытались обидеть. И так как Господь Бог тяжело разгневался на это, то Господин Папа увещевает их остерегаться от этого впредь и покаяться в совершенном. Еще мы сказали, что Господин Папа просил, чтобы они отписали ему, что хотят делать вперед и каково их намерение, и чтобы о своем вышесказанном они ответили ему своей грамотой. Выслушав причины и поняв указанное выше, они сказали, что, касательно этих речей, хотят дать нам подводки и провожатых к Коренце и тотчас попросили даров, что мы и исполнили, ибо нам приходилось принуждение обращаться в желание.

7. Итак, дав подарки и получив для подвод лошадей, с которых слезли они сами, мы поспешили с их провожатыми отправиться к Коренце. Сами они, однако, предварительно послали к вышеназванному вождю вестника на быстром коне, чтобы передать ему те слова, которые мы им сказали. А этот вождь является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох; как мы слышали, этот вождь имеет под своею властью шестьдесят тысяч вооруженных людей. Когда же мы добрались до него, он приказал нам поставить ставки вдали от него и послал к нам своих рабов-управителей спросить у нас, чем мы ему хотим поклониться, то есть какие хотим дать подарки. Мы ответили, что Господин Папа не послал никаких даров, так как не был уверен, что мы можем добраться до татар. Сверх того, мы ехали по очень опасным местам из-за страха пред литовцами, которые часто рыщут по дорогам от Польши до земли татар и через страну которых мы проехали; но все же мы почтим его, как сможем, из того, что у нас есть по милости Божией и Господина нашего Папы. И хотя мы дали ему очень много, но ему этого показалось недостаточно, и через третьих лиц он попросил больше, обещая, что, если мы исполним его просьбу, он прикажет проводить нас с почетом; нам надлежало согласиться на это, раз мы хотели остаться в живых и привести к надлежащему осуществлению приказ Господина Папы.

8. Взяв дары, они повели нас к орде, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено пред входом в ставку и бережно остереглись ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя. Когда мы вошли, нам надлежало, в присутствии вождя и всех других старейшин, которые были нарочно для того приглашены, сказать, преклонив колена, то, что мы сказали выше. Мы поднесли ему также грамоту Господина Папы; но так как наш толмач, которого мы за плату взяли из Киева, не был в состоянии удовлетворительно истолковать смысл грамоты, а другого пригодного толмача не было, то поэтому они не могли уразуметь ее содержание. После этого нам дали лошадей и трех татар, которые были десятниками, а один – человек Бату, чтобы отвезти нас с возможною поспешностью к вышеназванному вождю. А этот Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями татар, за исключением императора, которому он обязан повиноваться.

9. В понедельник же после первого воскресенья Четырнадцатницы [223 - 26 февраля 1246 г.] мы поспешно отправились в путь к нему, и, проезжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь, так как обыкновенно у нас бывали свежие лошади три или четыре раза всякий день, мы ехали с утра до ночи, а, кроме того, весьма часто и ночью, но не могли добраться до него ранее среды Страстной недели [224 - 4 апреля 1246 г. Таким образом, выехав из Киева 4 февраля, Плано Карпини добрался до Волги, где находилась ставка Бату, через два месяца.]. Ехали же мы через всю страну команов, представляющую собой сплошную равнину и имеющую четыре большие реки: первую – Днепр (Непер), возле которой, со стороны Руссии, кочевал Коренца, а с другой стороны по тамошним степям кочевал Мауци, который выше Коренцы; вторую – Дон, у которой кочует некий князь по имени Картан, женатый на сестре Бату; третью – Волгу, эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату; четвертая называется Яик (Яес), у нее переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу

этих самых рек поднимаются на горы. Море же это есть Великое море, из которого выходит рукав Св. Георгия [225 - Босфор.], текущий в Константинополь. На Днепре же мы в течение многих дней ехали по льду. Эти реки велики и преисполнены рыбами, а особенно Волга; эти реки впадают в море Греции, именуемое Великим морем. По берегам этого моря мы в очень многих местах с большой опасностью в течение многих дней проезжали по льду, ибо оно хорошо замерзает на три левки [226 - Левка – древнегалльская мера длины, соответствующая французскому лье = 4445 м.] от берега. Но прежде чем нам попасть к Бату, двое из наших татар поехали вперед, чтобы передать ему все слова, которые мы сказали у Коренцы.

10. Когда же мы стали добираться до Бату, то нас с удобством поместили в пределах земли команов на одну левку расстояния от его ставок. Когда же нас должны были отвести к его двору, то нам было сказано, что мы должны пройти между двух огней, чего нам не хотелось делать в силу некоторых соображений. Но нам сказали: «Идите спокойно, так как мы заставляем вас пройти между двух огней не по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или если случайно приносите яд, огонь унес все зло». Мы ответили им: «Мы пройдем ради того, чтобы не подать на этот счет повода к подозрению». И когда мы добрались до орды, то его управляющий по имени Елдегай спросил нас, чем мы желаем поклониться, то есть какие дары желаем дать ему. Мы ответили ему так, как раньше сказали Коренце, а именно, что Господин Папа не посылал даров, а мы желаем почтить его, как можем, из того, что по милости божьей и Господина Папы имели на продовольствие. По вручении и принятии подарков управляющий Бату по имени Елдегай спросил у нас о причине нашего прибытия. Мы высказали ему те же самые причины, которые раньше сказали Коренце.

11. Выслушав причины, нас ввели в ставку, после предварительного преклонения и выслушания, напоминания о пороге, как о том сказано выше. Войдя же, мы произнесли свою речь, преклонив колена; произнеся речь, мы поднесли грамоту и просили дать нам толмачей, могущих перевести ее. Их дали нам в день Великой пятницы, и мы вместе с ними тщательно переложили грамоту на письмена русские и сарацинские и на письмена татар; этот перевод был представлен Бату, и он читал и внимательно отметил его. Наконец, нас отвели обратно к нашей ставке, но нам не дали никакой пищи, кроме как один раз, в первую ночь по приезде в чашке немного пшена.

12. А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как и император их. Он также сидит на более возвышенном месте, как на троне, с одною из своих жен; другие же, как братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже посредине на скамейке, прочие же люди сзади их на земле, причем мужчины сидят направо, женщины налево. Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они королю Венгерскому. Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства, иначе как по приглашению, как бы он ни был велик и могуществен, если не станет случайно известным, что на то есть воля самого Бату. Мы же, высказав свое дело, сели слева, так именно поступают все послы при езде туда; а при возвращении от императора нас всегда сажали справа. На середине, вблизи входа в ставку, ставят стол, на котором ставится питье в золотых и серебряных сосудах, и ни Бату, ни один татарский князь не пьют никогда, если пред ними не поют или не играют на гитаре. И когда он едет, то над головой его несут всегда щит от солнца или шатерчик на копье, и так поступают все более важные князья татар и даже жены их. Вышеупомянутый Бату очень милостив к своим людям, а все же внушает им сильный страх; в бою он весьма жесток; он очень проницателен и даже весьма хитер на войне, так как сражался уже долгое время.

13. В день же Великой субботы нас позвали к ставке, и к нам вышел раньше упомянутый управляющий Бату, сообщая от его имени, чтобы мы поехали к императору Куйюку, в их собственную землю, оставив некоторых из наших в той надежде, что их отошлют обратно к Господину Папе. Мы дали им для вручения ему грамоту о всех наших деяниях, но, когда они вернулись к Мауци, их там удержали до нашего возвращения. Мы же в день Воскресения Господня, отслужив обедню и совершив кое-какую трапезу, удалились вместе с двумя татарами, которые были приставлены к нам у Коренцы, с горькими слезами, не зная, едем ли мы на смерть или жизнь. Мы были, однако, так слабы, что с трудом

могли ехать: в течение всей той Четыредесятницы – равно как и в другие постные дни – пищей нашей служило только пшено с водою и солью, и у нас не было что пить, кроме снега, растаявшего в котле.

14. С севера же к Комании, непосредственно за Руссией, мордвинами и билерами, то есть великой Булгарией, прилегают баскарты, то есть Великая Венгрия; за баскартами паросситы и самогеды, за самогедами те, кто, как говорят, имеет собачье лицо, на берегах Океана в пустынях. С юга же к Комании прилегают аланы, чиркасы, хазары (Gazaros), Греция и Константинополь, также земля иберов, кахи [227 - Иберы жили в закавказских городах; кахи – кахетинцы.], брутахии, которые слывут иудеями – они бреют голову, – также земля циков, георгианов и арменов и земля турков. А с запада прилегают Венгрия и Руссия. И вышеупомянутая земля очень велика и длинна. Мы проехали через нее наивозможно быстро, так как всякий день, по пяти или семи раз на дню, у нас бывали свежие лошади, за исключением того времени, когда мы ехали по пустыням, как сказано выше, и тогда мы получали лошадей лучших и более крепких, могущих выдержать непрерывный труд, именно с начала Четыредесятницы и кончая неделей после Пасхи. Этих команов перебили татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство; однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним.

15. После этого мы въехали в землю кангитов, в которой в очень многих местах ощущается сильная скудость в воде, даже и население ее немногочисленно из-за недостатка в воде. Поэтому люди князя Русского, Ярослава, ехавшие к нему, в татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне. В этой земле, а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу; через эту землю мы ехали, начиная с восьмого дня после Пасхи и почти до Вознесения [228 - 17 мая 1246 г.] Господа Нашего. Эти люди были язычники, и как команы, так и кангиты не обрабатывали земли, а питались только скотом; они не строили также домов, а помещались в шатрах. Их также истребили татары и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов.

16. Из земли кангитов въехали в землю биссерминов. Эти люди говорили и доселе еще говорят команским языком, а закона держатся сарацинского. В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений. В этой земле есть одна большая река [229 - Сырдарья, в долине которой было расположено много городов: Отрар, Ясы, Сабран, Сыгнак, Баргкенд, Янгикент, Дженд, Ашнас и др.], имя которой нам неизвестно; на ней стоит некий город, именуемый Янкинт (Janckint), другой по имени Бархин и третий, именуемый Орнас, и очень много иных, имена которых нам неизвестны. У этой земли был владыка, которого звали Алтисолданус [230 - Ала-ад-Дин Мухаммед-хорезмшах (1200–1220), погибший в борьбе с монголами.]; он был умерщвлен татарами вместе со всем своим потомством; собственное имя его нам неизвестно. А в земле этой существуют величайшие горы; с юга же прилегают к ней Иерусалим, Балдах [231 - Багдад.] и вся земля сарацин; по близости их границ живут два вождя – родные братья Бурин и Кадан; с севера же прилегает к ней часть земли черных китаев и океан. Там пребывает Сыбан, брат Бату. Через эту землю мы ехали от праздника Вознесения и кончая почти неделей до праздника блаженного Иоанна Крестителя.

17. Затем мы въехали в землю черных китаев, в которой татары построили сызнова только один город, по имени Омыл. Император построил здесь дом, в который мы приглашены были выпить, и тот, кто был там со стороны императора, заставил плясать пред нами старейшин города, а также двух своих сыновей. Выехав оттуда, мы нашли некое море [232 - Предполагается, что «неким морем» является оз. Алакуль.], не очень большое, имя которого, так как мы не спросили о нем, нам неизвестно. На берегу же этого моря существует некая небольшая гора, в которой, как говорят, имеется некоторое отверстие, откуда зимою выходят столь сильные бури с ветрами, что люди едва и с большою опасностью могут проходить мимо. Летом же там слышен всегда шум ветров, но, как передавали нам жители, он выходит из отверстия слегка. По берегам этого моря мы ехали довольно много дней; это море имеет довольно много островков, и мы оставили его с левой стороны. Земля же изобилует многими реками, но небольшими; на берегах рек с той и другой стороны стоят леса, но не обширные. В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских; там имеется также орда, или двор, его отца, в котором живет управляющая им одна из его жен. Ибо у татар существует такой

обычай, что дворов князей и вельмож они не разрушают, а всегда назначают для управления ими каких-нибудь женщин и им отдают часть подарков, как обычно давали их владыкам. После этого мы приехали к первой орде императора, в которой была одна из его жен; и так как мы еще не видали императора, то они не захотели нас пригласить и допустить к его орде, но устроили нам в нашем шатре очень хорошее, по обычаю татар, угощение и удержали нас там на один день, чтобы дать нам возможность отдохнуть.

18. Выехав отсюда в канун дня, посвященного блаженному Петру, мы попали в землю найманов; они язычники. В день же апостолов Петра и Павла там выпал глубокий снег, и мы ощутили сильнейший холод. Эта земля чрезмерно гориста и холодна, а ровных мест там немного. (И эти два народа не занимались земледелием, но, подобно татарам, жили в шатрах; татары также их уничтожили.) Через эту страну мы ехали много дней.

19. Затем мы въехали в страну монгалов, именуемых нами татарами. Как мы полагаем, мы ехали через эту землю три недели быстрого пути, а в день блаженной Марии Магдалины [233 - 22 июля. Плано Карпини, выехав из Киева 4 февраля, прибыл в ставку Гуюк-хана 22 июля, т. е. потратил на путь от Днепра до центра Монголии пять с половиной месяцев.] приехали к Куйюку, нынешнему императору. По всей этой дороге мы продвигались с великой поспешностью, потому что нашим татарам было приказано быстро отвезти нас на торжественное заседание, назначенное уже несколько лет тому назад для избрания императора, чтобы мы имели возможность при сем присутствовать. Поэтому мы вставали рано утром и ехали до ночи без еды; и очень часто приезжали так поздно, что не ели и ночью, а то, что мы должны были есть вечером, нам давалось ранним утром, и мы ехали, как только могли скакать лошади. Ибо лошадей отнюдь не щадили, так как очень часто днем мы видели свежих лошадей, и, как сказано выше, те, которые валились, возвращались обратно. И таким образом мы ехали быстро без всякого перерыва.

§ II. Об устройстве двора императора и его князей

1. Когда же мы приехали к Куйюку, то он велел дать нам шатер и продовольствие, какое обычно дают татары; все же у нас было оно получше, чем они делали это для других послов. К нему самому, однако, нас не позвали, так как он еще не был избран и не допускал к себе по делам правления. Все же вышеназванный Бату вручил ему перевод грамоты Господина Папы и содержание других речей, произнесенных нами. И когда мы простояли там пять или шесть дней, он отослал нас к своей матери, где собиралось торжественное заседание. И когда мы прибыли туда, уже был воздвигнут большой шатер, приготовленный из белого пурпура; по нашему мнению, он был так велик, что в нем могло поместиться более двух тысяч человек, а кругом была сделана деревянная ограда (tabulatum), которая была разрисована разными изображениями.

2. На второй или на третий день мы поехали туда с татарами, назначенными нам для охраны, и там собрались все вожди. Каждый из них разъезжал со своими людьми кругом по холмам и по равнине. В первый день все одеты были в белый пурпур, на второй – в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк; на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвертый – в самых лучших балдакинах. А у упомянутой ограды возле шатра было двое больших ворот: через одни должен был входить один только император, а при них не было никакой охраны, хотя они были открыты, так как через них никто не смел входить или выходить; через другие вступали все, кто мог быть допущен, и при этих воротах стояли сторожа с мечами, луками и стрелами. И если кто-нибудь подходил к шатру за назначенные границы, то его подвергали бичеванию, если хватали; если же он бежал, то в него пускали стрелу без железного наконечника. Лошади, как мы думаем, находились на расстоянии двух полетов стрелы. Вожди шли отовсюду вооруженные с очень многими из своих людей, но никто, кроме вождей, не мог подойти к лошадям; мало того, те, кто пытался гулять между [ними], подвергались тяжким побоям. И было много таких, которые на уздечках, нагрудниках, седлах и подседельниках имели золота приблизительно, по нашему расчету, на двадцать марок [234 - Одна марка весила полфунта. Следовательно, вес золотых украшений конской сбруи доходил до нескольких килограммов.]. И таким образом, вожди говорили внутри шатра и, как мы полагаем, рассуждали об избрании. Весь же другой народ был далеко вне вышеупомянутой ограды. И таким образом они пребывали почти до полудня, а

затем начали пить кобылье молоко и до вечера выпили столько, что было удивительно смотреть.

3. Нас же позвали внутрь и дали нам пива, так как мы вовсе не пили кобыльего молока, и этим они оказали нам великий почет; но все же они принуждали нас пить, чего мы с непривычки никоим образом не могли выдержать. Поэтому мы указали им, что нас это тяготило, и тогда они перестали нас принуждать. Снаружи огады был русский князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей китаев и солангов, также два сына царя Грузии, также посол калифа Балдахского, который был султаном, и более десяти других султанов сарацинов, как мы полагаем и как нам говорили управляющие. Там было более четырех тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами султанов, других вождей, которые являлись покориться им, тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой и им подавали пить вместе; нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место, когда мы были с ними вне огады. Если мы хорошо помним, то думаем, что пребывали там в довольстве четыре недели, и мы полагаем, что там справляли избрание, но там его не обнародовали. И об этом можно было догадываться главным образом потому, что всякий раз, как Куйюк выходил там из шатра, то, пока он пребывал вне огады, пред ним всегда пели, а также наклоняли какие-то красивые прутья, имевшие сверху багряную шерсть [235 - По всей вероятности, «туг» – своеобразные монгольские знамена, украшенные конскими хвостами. Перед великим ханом несли обычно 9 тугов.]. Этого не делали ни перед каким другим вождем. А ставка эта, или двор, именуется ими Сыра-Орда.

4. Отправившись отсюда, мы все вместе поехали на другое место, за три или четыре левки. Там на одной прекрасной равнине, возле некоего ручья между горами, был приготовлен другой шатер, называемый у них Золотой Ордой. Там Куйюк должен был воссесть на престол в день Успения нашей Владычицы, но из-за выпавшего града, о котором было сказано выше, это было отложено. Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листьями и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани. Там пробыли мы до праздника блаженного Варфоломея [236 - 24 августа 1246 г.], в который собралась большая толпа и стояла с лицами, обращенными к югу. Были некоторые, которые находились от других на расстоянии полета камня, и продвигались все дальше и дальше, творя молитвы и преклоняя колена к югу. Мы же не желали делать коленопреклонения, не зная, творят ли они заклинания или преклоняют колена перед Богом или кем другим. Это они делали долго, после чего вернулись к шатру и посадили Куйюка на императорском престоле, и вожди преклонили пред ним колена. После этого то же сделал весь народ, за исключением нас, которые не были им подчинены.

Затем они стали пить, и, как это у них в обычае, пили непрерывно вплоть до вечера. После этого прибыло на повозках вареное мясо, без соли, и они давали один кусок на четверых или на пятерых. В шатре же подавали мясо и похлебку с солью вместо соуса, и так было всякий день, когда они устраивали пиршества.

5. Тут позвали нас пред лицо императора; и когда первый секретарь, Хингай, записал имена наши и тех, от кого мы были посланы, а также вождя солангов и иных, он прокричал громким голосом, читая их перед императором и всеми вождями. После этого каждый из нас четыре раза преклонил левое колено, и они внушили нам не касаться внизу порога. Когда они тщательно обыскали нас касательно ножей и ничего не нашли, мы вошли в дверь с восточной стороны, так как с запада не смеет входить никто, кроме одного только императора. Так же поступает и каждый вождь в своем шатре; менее же важные лица не очень заботятся об этом. И это было в первый раз, что, после того как он стал императором, мы в его присутствии вошли в его ставку; он принимал там послов, но в шатер его входили весьма немногие. Там также послы принесли столь великие дары в шелках, бархатах, пурпурах, балдакинах, шелковых поясах, шитых золотом, благородных мехах и других приношениях, что было удивительно взглянуть. Был ему также поднесен там некий щиток от солнца, или шатерчик, который носят над головою императора; он был весь убран жемчугами. Там также некий начальник одной области привел ему много верблюдов с попонами из балдакина, и на них положены были седла с какими-то снарядами, внутри которых могли сидеть люди, и, как мы думаем, верблюдов было сорок или пятьдесят, а также много коней и мулов, прикрытых бляхами или вооруженных, причем у некоторых бляхи были из кожи, а у некоторых из железа. И нас также спросили, желаем ли мы дать

дары; но мы уже почти все потратили, почему у нас ничего не было, что ему дать. Там же, на горе, вдали от ставок, было расставлено более чем 500 повозок, которые все были полны золотом, серебром и шелковыми платьями. Все они были разделены между императором и вождями; и отдельные вожди распределили свои части между своими людьми, однако так, как им было угодно.

6. Удалившись оттуда, мы прибыли к другому месту, где был раскинут изумительный шатер, весь из пламеннокрасного пурпура, который подарили китаи. Туда нас ввели также внутрь. И всегда, когда мы входили, нам давали пить пиво или вино, предлагали также вареного мяса, если мы желали получить его. Был также воздвигнут высокий помост из досок, где был поставлен трон императора. Трон же был из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни, если мы хорошо помним, и перлы; и на трон, который сзади был круглым, взбирались по ступеням. Кругом этого седалища были также поставлены лавки, где госпожи сидели на скамейках с левой стороны, справа же никто выше не сидел, а вожди сидели на лавках ниже, и притом в середине, прочие же сидели сзади их. И каждый день госпожи собирались в огромном количестве. Эти три палатки, о которых мы сказали выше, были очень велики; другими же палатками из белого войлока, достаточно большими и красивыми, обладали его жены. Там они разделились, и мать императора пошла в одну сторону, а император в другую, для производства суда. Была схвачена тетка нынешнего императора, убившая ядом его отца, в то время когда их войско было в Венгрии, откуда вследствие этого удалилось вспять войско, бывшее в вышеупомянутых странах. Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты.

7. В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части России, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора, которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Россию к его сыну Александру [237 - То есть к новгородскому князю Александру Невскому. Он ездил в Орду несколько позже и благополучно вернулся обратно в 1249 г.], чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену.

8. После смерти Ярослава, если только мы хорошо помним время, наши татары отвели нас к императору. И когда император услышал от наших татар, что мы пришли к нему, то велел нам вернуться к матери ради того, что на следующий день он хотел поднять знамя против всей земли Запада, как нам говорили за верное знавшие про то и как о том сказано выше; именно он хотел, чтобы мы не знали этого. И когда мы вернулись, то пробыли немного дней и снова вернулись к нему; вместе с ним мы пробыли благополучно месяц, среди такого голода и жажды, что едва могли жить, так как продовольствия, выдаваемого на четверых, едва хватало одному, и мы не могли ничего найти купить, так как рынок был очень далеко. И если бы Господь не предуготовал нам некоего русского по имени Косму, бывшего золотых дел мастером у императора и очень им любимого, который оказал нам кой в чем поддержку, мы, как полагаем, умерли бы, если бы Господь не оказал нам помощи через кого-нибудь другого. Косма показал нам и трон императора, который сделан был им раньше, чем тот воссел на престоле, и печать его, изготовленную им, а также разъяснил нам надпись на этой печати. И также много других тайн вышеупомянутого императора мы узнали через тех, кто прибыл с другими вождями, через многих русских и венгров, знающих полатыни и по-французски, через русских клириков и других, бывших с ними, причем некоторые пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые меньше; от них мы могли все разведать, и они сами излагали нам все охотно, иногда даже без вопросов, так как знали наше желание.

9. После этого император послал к нам сказать через Хингая, своего первого секретаря, чтобы мы записали наши слова и поручения и отдали ему; это мы и сделали, написав ему все слова, сказанные раньше у Бату, как сказано выше. И по прошествии нескольких дней он приказал снова позвать нас и

сказал нам через Кадана, управителя всей державы, в присутствии первых секретарей Бала и Хингая и многих других писцов, чтобы мы сказали все слова; мы исполнили это добровольно и охотно.

Толмачом же нашим был как этот раз, так и другой Темер, воин Ярослава, в присутствии клирика, бывшего с ним, а также другого клирика, бывшего с императором. И он спросил нас в то время, есть ли у Господина Папы лица, понимавшие грамоту русских, или сарацинов, или также татар. Мы ответили, что не знаем ни русской, ни татарской, ни сарацинской грамоты, но сарадины все же есть в стране, хотя и живут далеко от Господина Папы. Все же мы высказали то, что нам казалось полезным, а именно, чтобы они написали по-татарски и перевели нам, а мы напишем это тщательно на своем языке и отвезем как грамоту, так и перевод Господину Папе. И тогда они удалились от нас к императору.

10. В день же блаженного Мартина нас позвали вторично, и к нам пришли Кадак, Хингай, Бала и многие вышеупомянутые писцы и истолковали нам грамоту от слова до слова. А когда мы написали ее по-латыни, они заставляли переводить себе отдельными речениями (*orationes*), желая знать, не ошибаемся ли мы в каком-нибудь слове. Когда же обе грамоты были написаны, они заставили нас читать раз и два, чтобы у нас случайно не было чего-нибудь меньше, и сказали нам: «Смотрите, чтобы все хорошенько понять, так как нет пользы от того, что вы не поймете всего, если должны поехать в такие отдаленные области». И когда мы ответили: «Понимаем все хорошо», они переписали грамоту по-сарацински, чтобы можно было найти кого-нибудь в тех странах, кто прочитал бы ее, если пожелает Господин Папа.

11. У татарского императора в обычае, что он никогда не говорит с иностранцем собственными устами, как бы тот ни был велик, но слушает и отвечает чрез посредствующее лицо, как было сказано. Всякий же раз, однако, когда они излагают дело пред Кадаком или выслушивают ответ императора, те, кто ему подчинен, стоят, преклонив колена, до конца речи, как бы они ни были велики. Не может быть, да и нет обычая, чтобы кто-нибудь говорил что-нибудь о каком-нибудь деле после того, как оно решено императором. А вышеупомянутый император как имеет управляющего, первых секретарей и писцов, так имеет в делах как общественных, так и частных всяких чиновников, за исключением стряпчих, потому что все делается без шума судебных разбирательств по воле императора. И другие князья татар поступают так же в том, что к ним относится.

12. А этот император может иметь от роду сорок или сорок пять лет или больше; он небольшого роста, очень благоразумен и чересчур хитер, весьма серьезен и важен характером. Никогда не видит человек, чтобы он попусту смеялся и совершал какой-нибудь легкомысленный поступок, как нам говорили христиане, неотлучно с ним пребывавшие. Говорили нам также христиане, принадлежавшие к его челяди, что они твердо веруют, что он должен стать христианином; и явный признак этого они видят в том, что он держит христианских клириков и дает им содержание, также пред большой своей палаткой имеет всегда христианскую часовню; и они поют всенародно и открыто и звонят к часам, согласно обычаю греков, как и прочие христиане, как бы велика там ни была толпа татар или также других людей; другие вожди этого не делают.

13. Император, как сказали нам наши татары, имел намерение отправить с нами своих послов, которые должны были поехать с нами. Все-таки, как мы полагаем, он хотел, чтобы мы этого у него попросили, потому что один из наших татар, который был постарше, внушал нам, чтобы мы просили этого. Но, так как нам далеко не казалось удобным, чтобы они отправились, мы ответили, что не наше дело просить, но если сам император пошлет их по своей воле, и мы проводим их с помощью Божией в безопасности. Нам же по многим причинам представлялось неудобным прибытие их.

Первая – та, что мы опасались, что при виде существовавших между нами раздоров и войн они еще более воодушевятся к походу против нас.

Вторая причина была та, что мы питали страх, не оказались бы они лазутчиками в нашей земле.

Третья причина была та, что мы боялись, что их убьют, так как наши народы в значительной степени надменны и горды: когда служители, которые были с нами, по просьбе кардинала, легата Алемании, пошли к нему в татарском платье, то по дороге они чуть не были убиты тевтонами и были вынуждены снять это платье, ибо у татар есть обычай никогда не заключать мира с теми людьми, которые убили их послов, чтобы отомстить им.

Четвертая причина состоит в том, что мы страшились, что их отнимут у нас силою, как это однажды

сталось с одним князем сарацинов, который все еще находится в плену, если не умер.

Пятая причина та, что от их приезда не было никакой пользы, так как у них не было никакого другого поручения или власти, как только передать грамоту императора Господину Папе и другим князьям, а грамота эта была у нас; и мы считали злом то, что может отсюда выйти. Поэтому нам не нравилось, чтобы они ехали. На третий день после этого, именно в праздник блаженного Бриция [238 - 13 ноября 1246 г.], нам дали отпуск и грамоту, запечатанную печатью императора, и послали нас к матери императора; она дала каждому из нас лисью шубу, шерстью наружу и изнутри подбитую ватой, а также пурпур; из него наши татары украли пядень от каждого куска, а от того, что дали служителю, украли добрую половину. Это от нас не укрылось, но мы не пожелали вступать в пререкания по такому поводу.

§ III. О пути, который мы совершили при возвращении

1. Тогда мы направились в обратный путь и проехали всю зиму, причем нам приходилось часто спать на снегу в пустынях, где не было деревьев, а ровное поле; иногда только могли мы прорыть себе место ногою. И часто, когда ветер гнал снег, мы оказывались совершенно покрытыми им. И таким образом к Вознесению Господню [239 - 9 мая 1247 г.] приехали мы к Бату, у которого спросили, что ответить Господину Папе. Он ответил, что не желает ничего поручать, кроме того, что написал император; все же он прибавил, чтобы мы тщательно передали Господину Папе и другим владыкам о том, что написал император. И, получив проезжую грамоту, мы удалились от него и добрались до Мауци в субботу после Троицыной недели; там были наши товарищи и служители, которые были задержаны; мы заставили привести их к себе обратно. И оттуда мы поехали к Коренце, который также снова попросил у нас даров, а мы не дали, потому что у нас не было; он дал нам двух команов, бывших из числа татар, до русского города Киева. Однако наш татарин не покинул нас, пока мы не выехали с последней заставы татар. Те же, другие, приставленные к нам Коренцей, в шесть дней довели нас от последней заставы до Киева.

2. Приехали же мы туда за пятнадцать дней до праздника блаженного Иоанна Крестителя. Киевляне же, узнав о нашем прибытии, все радостно вышли нам навстречу, именно они поздравляли нас, как будто мы восстали от мертвых; так принимали нас по всей Руссии, Польше и Богемии. Даниил и Василько, брат его, устроили нам большой пир и продержали нас против нашей воли дней с восемь. Тем временем они совещались между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми о том, о чем мы говорили с ними, когда ехали к татарам, и единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь Господина Папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую Церковь владычицей и учительницей, причем подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу чрез своего аббата, и послали также с нами касательно этого к Господину Папе свою грамоту и послов.

§ IV. О свидетелях, которые нашли нас в земле татар

1. И чтобы не возникло у кого-нибудь сомнения, что мы были в земле татар, мы записываем имена тех, кто нас там нашел. Король Даниил Русский со всеми воинами и людьми, именно с теми, которые прибыли с ним, нашел нас вблизи ставок Картана, женатого на сестре Бату; у Коренцы мы нашли киевского сотника Монгрота и его товарищей, которые провожали нас на некоторую часть дороги; а к Бату они прибыли раньше нас. У Бату мы нашли сына князя Ярослава, который имел при себе одного воина из Руссии по имени Сангора; он родом коман, но теперь христианин, как и другой русский, бывший нашим толмачом у Бату, из земли Суздальской. У императора татар мы нашли князя Ярослава, там умершего, и его воина по имени Темер, бывшего нашим толмачом у Куйюкхана, то есть императора татар, как по переводу грамоты императора к Господину Папе, так и при произнесении речей и ответе на них; там был также Дубарлай, клирик вышеупомянутого князя, и служители его Яков, Михаил и другой Яков. При возвращении в землю бесерминов, в городе Лемфинк [240 - Под этим названием подразумевается один из хорезмийских городов в долине Сырдарьи, возможно, Чимкент.], мы нашли Угнея, который по приказу жены Ярослава и Бату ехал к вышеупомянутому Ярославу, а также Коктелеба и всех его товарищей. Все они вернулись в землю Суздальскую в Руссии;

у них можно будет, если потребуется, отыскать истину. У Мауци нашли наших товарищей, которые оставались там, князь Ярослав и его товарищи, а также некто из Руси по имени Святополк (Santopolicus) и его товарищи. И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу (Aloha) и его товарищей. С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по Руси. И все это русские князья.

2. Свидетелями служат все граждане Киева, давшие нам провожатых и коней до первой татарской заставы и встретившие нас при возвращении с провожатыми из татар и их конями, которые к нам возвращались, и все русские люди, через землю которых мы проезжали и которые приняли запечатанную грамоту Бату и приказ давать нам лошадей и продовольствие; если же они этого не сделали бы, то были бы казнены им. Сверх того, свидетелями служат бреславльские купцы, ехавшие с нами вплоть до Киева и знавшие, что наш отряд въехал в землю татар, а равно и многие другие купцы как из Польши, так и из Австрии, прибывшие в Киев после нашего отъезда к татарам.

Служат свидетелями и купцы из Константинополя, приехавшие в Руссию через землю татар и бывшие в Киеве, когда мы вернулись из земли татар. Имена же купцов этих следующие: Михаил Генуэзский, а также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский; это более главные. Другие, менее важные, суть: Марк, Генрих, Иоанн Вазий, другой Генрих Бонадиес, Петр Пасхами; было еще и много других, но имена их нам неизвестны.

[Заключение для всей книги]

Просим всех, кто читает вышесказанное, чтобы они ничего не изменяли и не прибавляли, так как мы, в предшествии истины, написали все, что видели или слышали от других, кого считали достойными доверия, ничего не прибавляя с умыслом, чему Бог свидетель. Но так как те, через землю которых мы проезжали, живущие в Польше, Богемии, Тевтонии, Леодии и Кампании, имели желание прочесть написанную историю, то они списали ее раньше, чем она была закончена и вполне выправлена, потому что у нас еще не было времени, чтобы иметь возможность вполне закончить ее на досуге. Отсюда да не удивляется никто, что она гораздо подробнее и лучше исправлена, чем та, потому что эту, получив малейшую возможность досуга, мы вполне исправили и завершили то, что еще не было выполнено.

Закончена история монгалов, именуемых нами татарами.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны (фрагменты) (Перевод А. М. Маленна, 1911 г.)

Глава вторая

О татарах и их жилищах

Они не имеют нигде постоянного местожительства (civitatem) и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собою Скифию (Scythiam), которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ [241 - У монголов в период Монгольской империи вся земля номинально являлась собственностью великого хана, но каждый феодальный сеньор в пределах пожалованных ему земельных угодий распоряжался кочевками зависящих от него людей, распределяя лучшие пастбища по своему усмотрению. Эту черту монгольской жизни заметил Рубрук, который был вообще очень внимательным и наблюдательным путешественником.], а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но

лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды. Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков. Кроме того, они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев величиной с большой сундук, а после того с одного краю до другого устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестроткаными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок. Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между двумя стенами. Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать иначе как живописью; мало того, я все нарисовал бы вам, если бы умел рисовать. Один богатый моал [242 - Т.е. монгол.], или татарин, имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Бату 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других, маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкают по 200 повозок. И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор богатого моала будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин. Самая слабая из женщин (*muliercula*) может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык.

Глава третья

Об их постелях, идолах и обрядах перед питьем

Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщин всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше среди них находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома. Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а

возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам. Возле входа, со стороны женщин, есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров; ибо доить коров принадлежит к обязанности женщин. С другой стороны входа, по направлению к мужчинам, есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, они сперва обрызгивают напитоком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку. После этого слуга выходит из дома с чашей и питьем и кропит трижды на юг, преклоняя каждый раз колена, и это делается для выражения почтения к огню; после того он повторяет то же, обратясь на восток, в знак выражения почтения к воздуху; после того он обращается на запад для выражения почтения к воде; на север они кропят (prohiciunt) в память умерших.

Когда господин держит чашу в руке и должен пить, то, прежде чем пить, он выливает на землю соответствующую часть. Если он пьет, сидя на лошади, то до питья делает изливание ей на шею или на гриву. Итак, когда слуга покропит таким образом на четыре стороны мира, он возвращается в дом; и два служителя с двумя чашами и столькими же блюдами стоят наготове, чтобы отнести питье господину и жене, сидящей на постели возле него, но повыше. И если у господина очень много жен, то та, с которой он спит ночью, сидит рядом с ним днем, а всем другим в тот день надлежит приходиться к тому дому, и там в тот день происходит собрание, приносимые же подарки складываются в сокровищницы этой госпожи. При входе стоит скамья с бурдюком молока или другого какого питья и с чашами.

Глава четвертая

Об их напитках и о том, как они поощряют других к питью

Зимою они делают превосходный напиток [243 - Так называемая террацина, монгольское «тарасун» – молочная водка.] из риса, проса, ячменя и меда, чистый, как вино, а вино им привозится из отдаленных стран. Летом они заботятся только о кумысе (cosmos). Кумыс стоит всегда внизу у дома, пред входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой. Наших гитар и рылей (viellas) я там не видал, но видел много других инструментов, которых у нас не имеется. И когда господин начинает пить, то один из слуг возглашает громким голосом: «Га!» И гитарист ударяет о гитару, а когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши и также пляшут под звуки гитары, мужчины пред лицом господина, а женщины пред лицом госпожи. Когда же господин выпьет, то слуга восклицает, как прежде, и гитарист молчит. Тогда все кругом, и мужчины, и женщины, пьют, при этом иногда они пьют взапуски очень гадко и с жадностью. И когда они хотят побудить кого-нибудь к питью, то хватают его за уши и сильно тянут, чтобы расширить ему горло, и рукоплещут, и танцуют пред его лицом. Точно так же, когда они хотят сделать кому-нибудь большой праздник и радость, один берет полную чашу, а двое других становятся направо и налево от него, и таким образом они трое идут с пением и пляской к тому лицу, которому они должны подать чашу, и поют и пляшут пред его лицом; а когда он протянет руку для принятия чаши, они внезапно отскакивают и снова возвращаются, как прежде, и издеваются над ним таким образом, отнимая у него чашу три или четыре раза, пока он не развеселится хорошенько и не почувствует хорошего аппетита. Тогда они подают ему чашу, поют, хлопают в ладоши и ударяют ногами, пока он не выпьет.

Глава пятая

Об их пище

Об их пище и съестных припасах знайте, что они едят без разбора всякую свою падаль, а среди столь большого количества скота и стад, вполне понятно, умирает много животных.

Однако летом, пока у них тянется кумыс, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище. Поэтому, если тогда доведется умереть у них быку и лошади, они сушат мясо, разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и на ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли и не распространяя никакой вони. Из кишок лошадей они делают колбасы, лучшие, чем из свинины, и едят их свежими. Остальное

мясо сохраняют на зиму. Из шкур быков они делают большие бурдюки, которые удивительно высушивают на дыму. Из задней части конской шкуры они делают очень красивые башмаки. От мяса одного барана они дают есть 50 или 100 человекам, именно они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой – другой приправы они не делают, – а затем острием ножа или вилочки [244 - Вилка в Европе стала распространенной принадлежностью столовой посуды только в середине XIV в.], сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка сообразно с количеством вкушающих.

Прежде чем поставить мясо барана [гостям], господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести это с собою или отдать своему служителю, если налицо находится тот, кто охраняет его, или иначе он прячет это в свой каптаргак, то есть в квадратный мешок, который они носят для сохранения всего подобного; сюда они прячут также и кости, когда у них нет времени хорошенько обглодать их, чтобы обглодать впоследствии, дабы не пропадало ничего из пищи.

Глава шестая

Как они готовят кумыс

Самый кумыс, то есть кобылье молоко, готовится следующим образом. На двух кольях, вбитых в землю, они натягивают длинную веревку; к этой веревке они привязывают около третьего часа дня детенышей кобылиц, которых хотят доить. Тогда матки стоят возле своих детенышей и дают доить себя спокойно. А если какая-нибудь из них очень несдержанна, то человек берет детеныша и подносит к ней, давая немного сосать; затем он оттаскивает его и на смену является доильщик молока. Итак, накопив большое количество молока, которое, пока свежее, так же сладко, как коровье, они наливают его в большой бурдюк, или бутыл (butellum), и начинают бить по нему приспособленной для этого деревяшкой; величина ее внизу с человеческую голову, а внутри она просверлена. Как только они начинают сбивать, молоко начинает кипеть, как новое вино, и окисать, или бродить, и они его сбивают до тех пор, пока не извлекут масла. Тогда они пробуют молоко и, если оно надлежаще остро, пьют. Ибо оно при питье щиплет язык так же, как вино с прибавкой свежего винограда, а когда человек перестает пить, оно оставляет на языке вкус миндального молока и доставляет много приятности внутренностям человека, слабые же головы даже опьяняет; также вызывает оно много мочи. Они делают также для нужд важных господ кара-космос, то есть черный кумыс. В этом случае кобылье молоко не свертывается. Правилom служит то, что ни у одного животного, если оно не стельно, молоко не подвергается свертыванию. Если в брюхе кобылицы нет зародыша жеребенка, то молоко кобылицы не свертывается.

Итак, они настолько сбивают молоко, что все, что в нем есть густого, идет прямо на дно, как винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминает собою сыворотку или белый виноградный сок. Гуща бывает очень бела, дается рабам и наводит глубокий сон. Светлую часть пьют господа, и это, несомненно, напиток очень приятный и хорошего действия. Около своего становища, на расстоянии дня пути, Бату имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день служит ему таким молоком от ста кобылиц, то есть во всякий день [он получает] молоко от трех тысяч кобылиц, за исключением другого белого молока, которое приносят другие. Ибо как в Сирии поселяне дают третью часть плодов, так татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье молоко каждого третьего дня. Из коровьего молока они сперва извлекают масло и кипятят его до полного сварения, а потом прячут его в кожах баранов, которые для этого сберегают. Хотя они не кладут соли в масло, оно все-таки не подвергается гниению вследствие сильной варки. И они сохраняют его на зиму. Остальному молоку, которое остается после масла, они дают киснуть, насколько только можно сильнее, и кипятят его; от кипения оно свертывается. Это свернувшееся молоко они сушат на солнце, и оно становится твердым, как выгарки железа; его они прячут в мешки на зиму. В зимнее время, когда у них не хватает молока,

они кладут в бурдюк это кислое и свернувшееся молоко, которое называют гриут [245 - Монголы приготавливают из творога своеобразный сыр, который называется «хурут». Рубрук довольно точно описал его приготовление.], наливают сверху теплой воды и сильно трясут его, пока оно не распустится в воде, которая делается от этого вся кислая; эту воду они пьют вместо молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды.

Глава седьмая

О животных, которыми они питаются, об их одежде и об их охоте

Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им поставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи. Рабы наполняют свой желудок даже грязной водой и этим довольствуются. Ловят они также и мышей, многие породы которых находятся там в изобилии. Мышей с длинными хвостами не едят, а отдают своим птицам. Они истребляют соней (*glires*) и всякую породу мышей с коротким хвостом. Там водится также много сурков, именуемых там согур; они собираются зимою в яму зараз в числе 20 или 30 и спят шесть месяцев; их ловят татары в большом количестве. Водятся там также кролики с длинным хвостом, как у кошки, и с черными и белыми волосами на конце хвоста. У них есть также много других маленьких зверьков, пригодных для еды, которых они сами очень хорошо различают. Оленей я там не видал; зайцев видел мало, газелей много. Диких (*silvestres*) ослов [246 - Имеются в виду куланы.] я видел в большом количестве; они похожи на мулов. Видел я также другую породу животных, именуемых аркали; они имеют тело, точно у барана, и рога, загнутые, как у барана, но такой огромной величины, что одной рукой я едва мог поднять два рога; из этих рогов они делают большие чаши. У них есть в большом количестве соколы, кречеты и аисты (?); всех их они носят на правой руке и надевают всегда соколу на шею небольшой ремень, который висит у него до середины груди. При помощи этого ремня они наклоняют левой рукой голову и грудь сокола, когда выпускают его на добычу, чтобы он не получал встречных ударов от ветра или не уносился ввысь. Итак, охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания.

Об одеяниях и платье их знайте, что из Катайи и других восточных стран, а также из Персии и других южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом. Из России, из Мокселя (*Maxel*), из Великой Булгарии и Паскатира, то есть Великой Венгрии, из Керкиса [247 - В данном случае Рубрук под названием «керкис» подразумевает киргизов. Это же самое слово он употребляет иногда для обозначения черкесов.] (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в ваших странах и в которые они одеваются зимою. И зимою они всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, а другую, волос которой находится наружу к ветру и снегам. Эти шубы по большей части сшиты из шкур волчьих и лисьих или из шкур павианов (*parionibus*) [248 - Скорее всего подразумевается мех или корсака, или колонка.]; пока татары сидят в доме, они носят другую шубу, более нежную. Бедные готовят верхние шубы из шкур собачьих или козьих. Когда они хотят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы. Они устраивают также шаровары из кож. Богатые также подшивают себе платье шелковыми охлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бедные подшивают платье полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой. Из более грубой шерсти они делают войлок для покрывания своих домов, сундуков, а также постелей. Из шерсти также с примесью третьей части конского волоса они делают себе веревки. Из войлока они делают также плащи, чепраки и шапки против дождя; таким образом они издерживают много шерсти. Платье мужчин вы видели.

Глава шестнадцатая

О стране Сартаха и о ее народах

Эта страна за Танаидом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно моксель [249 - Народ мокша-эрзя финско-мордовского происхождения, населявший бассейн р. Мокши (левый приток Оки).], не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно татары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому моксель очень одобряют германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства татар. Если к ним прибудет купец, то тому, у кого он впервые пристанет, надлежит заботиться о нем все время, пока тот пожелает пробить в их среде. Если кто спит с женой другого, тот не печалится об этом, если не увидит собственными глазами; отсюда они не ревнивы. В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут другие, именуемые мердас [250 - Мордва.], которых латины называют мердинис, и они – сарацины. За ними находится Этилия. Эта река превосходит своею величиною все, какие я видел; она течет с севера, направляясь из Великой Булгарии к югу, и впадает в некое озеро [251 - Каспийское море.], имеющее в окружности пространство [пути] в четыре месяца; о нем я скажу вам после. Итак, эти две реки, Танаид и Этилия, отстоят друг от друга в направлении к северным странам, через которые мы проезжали, только на десять дневных переходов, а к югу они очень удалены друг от друга. Именно Танаид впадает в море Понта, а Этилия образует вышеназванное море или озеро вместе со многими другими реками, которые впадают в него из Персии. К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, черкисы (Cherkis) и аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар. За ними, вблизи моря или озера Этилии, находятся некие сарацины, именуемые лесгами [252 - Лезгины.], которые равным образом не подчинены [татарам]. За ними находятся Железные ворота, которые соорудил Александр для преграждения варварским племенам входа в Персию; о положении этих ворот я скажу вам впоследствии, так как я проезжал через них при возвращении, и среди этих двух рек, в тех землях, через которые мы проехали, до занятия их татарами жили команы капчат.

Глава семнадцатая

О дворе Сартаха и о его славе

Итак, мы нашли Сартаха близ Этилии, в трех днях пути от нее; двор его показался нам очень большим, так как у него самого шесть жен, да его первородный сын имеет возле него их две или три, и у всякой есть большой дом и около двухсот повозок. Наш проводник обратился к некоему несторианцу по имени Койяку, который считается одним из старших при дворе. Тот заставил нас идти очень далеко к господину, который именуется ямьям. Так называют того, на котором лежит обязанность принимать послов. Вечером упомянутый Койяк приказал нам прийти к нему. Тогда наш проводник начал спрашивать, что мы ему поднесем, и пришел в великое негодование, когда увидел, что мы не готовим ничего поднести ему. Мы стали пред Койяком, и он сидел во славе своей и заставлял играть на гитаре и плясать в его присутствии. Тогда я ему сказал вышесказанные слова, как мы прибыли к его господину, и просил его помочь, чтобы господин его увидел нашу грамоту. Я также извинился, что, будучи монахом, не имею, не получаю и не держу ни золота, ни серебра, ни чего-либо драгоценного, за исключением только книг и церковной утвари, с которой мы служим Богу; поэтому мы не подносим ни ему, ни его господину никакого дара, ибо тот, кто оставил собственное имущество, не может быть носителем чужого. Тогда он ответил довольно милостиво, что я хорошо делаю, если с тех пор, как стал монахом, соблюдаю свой обет, и что он не нуждается в нашем имуществе, а скорее даст нам из своего имущества, если мы станем нуждаться. И он приказал нам сесть и выпить его молока, а спустя немного попросил произнести для него благословение, что мы и сделали. Он спросил также, кто наибольший государь среди франков. Я сказал: «Император, если бы он держал свою землю в мире». «Нет, – отвечал он, – а король». Ибо он слышал про вас от господина Балдуина Гэнно [253 - Французский рыцарь, находившийся на службе в Константинополе у императора Балдуина II. Женился на

кипчакской царевне в 1240 г., для того чтобы содействовать заключению мирного договора между кипчаками и Балдуином II. Из книги Рубрука известно, что Балдуин Гэно совершил путешествие по Азии, доехав до Каракорума, но нигде в других источниках нет упоминаний об этом путешествии.]. Я нашел там также одного из товарищей Давида [254 - По-видимому, это тот самый Давид, который в 1248 г. явился к Людовику IX на Кипр с поручением от монголов. С Давидом при этом был товарищ по имени Марк. Возможно, что именно его и встретил Рубрук у Сартака.] который был на Кипре; он рассказал все, что видел. Затем мы вернулись в свое помещение. На следующий день я послал Койяку бутылку мускатного вина, которое очень хорошо сохранилось, несмотря на столь продолжительный путь, и корзину, полную сухарей, что ему было весьма приятно; и в тот вечер он удержал при себе наших служителей. На другой день он поручил мне, чтобы я явился ко двору и принес с собою грамоту короля, церковную утварь и книги, так как его господин хотел видеть это; мы это и сделали, нагрузив одну повозку книгами и утварью, а другую хлебом, вином и плодами. Тогда он приказал развернуть все книги и одеяния, и нас окружали на конях много татар, христиан и сарацин. Рассмотрев это, он спросил, желаю ли я отдать все это господину. Услышав это, я оробел, и его слово мне не понравилось. Однако, скрывая [свое неудовольствие], я ответил: «Господин, мы просим, чтобы ваш господин соблаговолил принять этот хлеб, вино и плоды не в качестве подарка, так как это нечто незначительное, а в качестве благословения, дабы мы не являлись пред его лицо с пустыми руками. А он сам увидит грамоту господина короля и из нее узнает, по какой причине мы прибыли к нему, и тогда мы будем состоять в его распоряжении, как сами, так и все наше имущество. А одежды эти священные, и к ним можно прикасаться только священникам». Тогда он указал нам облачиться пред отправлением пред лицо его господина, что мы и сделали. Я же, облачившись в более драгоценные одежды, взял на грудь подушку, которая была очень красива, и Библию, которую вы дали мне, а также очень красивый Псалтырь, который дала мне госпожа королева и в котором были очень красивые картинки. Мой товарищ взял Служебник и крест. Причетник, одетый в стихарь, взял курильницу. В таком виде мы явились пред домом Сартаха, и они подняли войлок, висевший пред входом, чтобы господин мог видеть нас. Затем они заставили причетника и толмача преклонить колена, а от нас этого не потребовали. Затем они очень усердно посоветовали нам остеречься при входе и выходе, чтобы не коснуться порога дома, и пропеть какое-нибудь благословение для Сартаха. Затем мы вошли с пением «Salve, regina» («Радуйся, Царица»). При входе же в дверь стояла скамья с кумысом и чашами; тут были все жены его, и сами моалы, войдя с нами, теснили нас. Упомянутый Койяк подал Сартаху курильницу с благовонием, которую тот рассмотрел, бережно держа в руке. После Койяк поднес ему Псалтырь, который тот усердно рассматривал, равно как и жена его, сидевшая рядом с ним. Затем Койяк принес Библию, и тот сам спросил, есть ли там Евангелие. Я сказал, что там есть [не только Евангелие, а] даже все Священное Писание. Он взял также себе в руку крест и спросил про изображение, Христа ли оно изображает. Я ответил утвердительно. Сами несториане и армяне никогда не делают на своих крестах изображения Христа; поэтому, кажется, они плохо понимают о Страстях или стыдятся их. После того Сартах приказал удалиться окружавшим нас, чтобы иметь возможность полнее рассмотреть наши облачения. Тогда я подал ему вашу грамоту с переводом по-арабски и сирийски. Ибо я приказал переложить ее в Аконе [255 - То есть в Акре, откуда Рубрук, вероятно, отправился на корабле в Константинополь.] на оба языка и письмена; и при дворе Сартаха были армянские (hermeni) священники, которые знали по-турецки и по-арабски, и упомянутый товарищ Давида, который знал по-сирийски, по-турецки и по-арабски. Затем мы вышли и сняли наши облачения и пришли писцы и упомянутый Койяк и заставили перевести грамоту. Выслушав ее, он приказал принять хлеб, вино и плоды, а облачения и книги приказал нам отнести в наше помещение. Это случилось в день поклонения веригам (vincula) святого Петра.

Глава девятнадцатая

Сартах, Мангу-хан и Кен-хан оказывают почет христианам. Происхождение Чингиса и татар
Именно в то время когда франки взяли Антиохию [256 - Во время первого Крестового похода в 1098

г.], единовластие в упомянутых северных странах принадлежало одному лицу по имени Кон-хам [257 - То есть Гур-хан, что значит «великий хан», или «всеобщий хан». Этот титул был принят в 1125 г. Елюй-таши, основателем государства каракитаев.]. Кон – имя собственное, а хам – обозначение достоинства, значит же оно то же, что «прорицатель». Всех прорицателей они называют «хам». Отсюда их государи называются хам, так как в их власти находится управление народом путем прорицания. Поэтому в истории Антиохии читаем, что турки послали за помощью против франков к королю Конхаму. Ибо из этих стран явились все турки. Этот Кон был каракатай. Кара значит то же, что «черный», а катый – название народа, откуда каракатай значит то же, что «черный катый». И это они говорят для различения их от катаев, живущих на востоке над океаном, о которых я скажу вам впоследствии. Эти катаи жили на неких горах, через которые я переправлялся, а на одной равнине между этих гор жил некий несторианин-пастух (pastor), человек могущественный и владычествующий над народом, именуемым найман (naiman) и принадлежавшим к христианам-несторианам. По смерти Кон-хама этот несторианец превознес себя в короли, и несториане называли его королем Иоанном, говоря о нем вдесятеро больше, чем согласно было с истиной. Именно так поступают несториане, прибывающие из тех стран: именно из ничего они создают большие разговоры, поэтому они распространили и про Сартаха, будто он христианин; то же говорили они про Мангу-хана и про Кен-хана потому только, что те оказывают христианам большее уважение, чем другим народам; и, однако, на самом деле они не христиане. Таким-то образом распространилась громкая слава и об упомянутом короле Иоанне; и я проехал по его пастбищам; никто не знал ничего о нем, кроме немногих несториан. На его пастбищах живет Кен-хан, при дворе которого был брат Андрей [258 - Андре Лонжюмо был послан Людовиком IX к монголам в 1249 г.], и я также проезжал той дорогой при возвращении. У этого Иоанна был брат, также могущественный пастух, по имени Унк [259 - Онг-хан керейтский, собственное имя которого было Тоорил.]; он жил за горами каракитаев, на три недели пути от своего брата, и был властелином некоего городка по имени Каракорум; под его властью находился народ, именованный крит и меркит [260 - Керейты и меркиты.] и принадлежавший к христианам-несторианам. А сам властелин их, оставив почитание Христа, следовал идолам, имея при себе идольских жрецов, которые все принадлежат к вызывателям демонов и к колдунам. За его пастбищами, в расстоянии на 10 или 15 дневных переходов, были пастбища моалов; это были очень бедные люди, без главы и без закона, за исключением веры в колдовство и прорицания, чему преданы все в тех странах. И рядом с моалами были другие бедняки по имени татары. Король Иоанн умер без наследника, и брат его Унк обогатился и приказывал именовать себя ханом; крупные и мелкие стада его ходили до пределов моалов. В то время в народе моалов был некий ремесленник Чингис; он воровал что мог из животных Унк-хана, так что пастухи Унка пожаловались своему господину. Тогда тот собрал войско и поехал в землю моалов, ища самого Чингиса, а тот убежал к татарам и там спрятался. Тогда Унк, взяв добычу от моалов и от татар, вернулся. Тогда Чингис обратился к татарам и моалам со следующими словами: «Так как у нас нет вождя, наши соседи теснят нас». И татары, и моалы сделали его вождем и главою. Тогда, собрав тайком войско, он ринулся на самого Унка и победил его; тот убежал в Катайю. Там попала в плен его дочь, которую Чингис отдал в жены одному из своих сыновей [261 - Соргахтани-беки, мать Мункэ-хана, была дочерью не Онгхана, а его младшего брата.]; от него зачала она ныне царствующего Мангу. Затем Чингис повсюду посылал вперед татар, и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: «Вот идут татары». Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты. Отсюда упомянутые моалы ныне хотят уничтожить это название и возвысить свое. Та земля, в которой они были сперва и где находится еще двор Чингисхана, называется Онанкеруле [262 - В районе рек Онона и Керулена находились родовые земли Борджигитов, к роду которых принадлежал Чингисхан. Онон – правый приток р. Шилки, р. Керулен берет начало в горах Кентея, течет по равнинной Монголии и впадает в оз. Далай-нор.]. Но так как Каракорум есть местность, вокруг которой было их первое приобретение, то они считают этот город за царственный и поблизости его выбирают своего хана.

Глава тридцать девятая

Описание земель, лежащих в окрестностях ханского дворца. О нравах, монетах и письменах татар

С тех пор как мы попали ко двору Мангу, он двигался на повозках только к югу, а с этого времени начал возвращаться в северном направлении, что было и направлением к Каракоруму. Во всю дорогу я отметил только одно, о чем мне сказал в Константинополе господин Балдуин Гэно, который был там, именно: он видел удивительно только то, что он всю дорогу в путешествии поднимался и никогда не спускался. Ибо все реки текли с востока на запад или прямо, или не прямо, то есть с наклоном к югу или к северу. И я спросил священников, прибывших из Катайи, и они свидетельствовали, что от того места, где я нашел Мангу-хана, до Катайи было 20 дней пути в направлении к юго-востоку, а до Онанкеруле, настоящей земли моалов, где находится двор Чингиса, было 10 дней пути прямо на восток и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы по имени сумоал [263 - То же, что и су-монголы.], то есть моалы вод, ибо «су» значит «вода». Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких. К северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени керкисы [264 - Киргизы.]. Живут там также оренгаи, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости [265 - Урянхи, или урянкат. Лесные урянхи занимались охотой, жили в лесах. Степные кочевали в степях и разводили скот. Рубрук упоминает лесных урянхов, живших, по-видимому, по течению р. Баргузин и использовавших зимой своеобразные лыжи.] и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильной быстротою, что ловят птиц и зверей. И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им это позволяет холод; на западе соприкасаются они с землею паскатири, а это – Великая Венгрия, о которой я сказал вам выше.

Предел северного угла неизвестен в силу больших холодов. Ибо там находятся вечные льды и снега. Я осведомлялся о чудовищах, или о чудовищных людях, о которых рассказывают Исидор и Солин [266 - Гай Юлий Солин, римский писатель, живший в III в. и написавший книгу «Собрание достойных упоминания вещей», которая весьма ценилась в Средние века.]. Татары говорили мне, что никогда не видали подобного, поэтому мы сильно недоумеваем, правда ли это. Всем вышеупомянутым народам, как бы бедны они ни были, надо нести какую-нибудь службу. Ибо Чингис издал такое постановление, что ни один человек не свободен от службы, пока он не настолько стар, что больше не может никоим образом работать. Один раз сидел со мной один священник из Катайи, одетый в красное сукно самого лучшего цвета, и я спросил у него, откуда они берут такую краску. Он рассказал мне: в восточных странах Катайи находятся высокие скалы, на которых живут какие-то создания, имеющие во всем человеческий образ, кроме того, что они не сгибают колен, а ходят, не знаю, как-то подпрыгивая; ростом они всего с один локоть, тело их все одето волосами, живут они в недоступных пещерах. И охотники Катайи ходят на них, имея при себе пиво, возможно более пьяное. Они делают отверстия в скалах наподобие чаш и наполняют их этим пивом. Ибо в Катайе нет вина, но теперь они начинают сажать лозы, а [обычное] питье приготавливают из риса. Итак, охотники прячутся, а вышеупомянутые живые существа выходят из самых пещер, отведывают вышеупомянутого напитка и кричат: «Хин, хин», откуда от этого крика они получили свое имя, ибо их называют «хинхин». Затем они собираются в большом количестве, пьют вышеупомянутое пиво, опьяняются и там засыпают. Тогда подходят охотники и связывают спящих по рукам и по ногам. Затем открывают им на шее жилу, извлекают три или четыре капли крови и дают им уйти свободными. И эта кровь, как он сказал мне, весьма ценна для окраски пурпура. Рассказывали также за истину, чему я не верю, что за Катайей есть некая область, имеющая такое свойство: в каком бы возрасте человек ни вошел в нее, он и остается в таком возрасте, в котором вошел. Катайя находится над океаном. И мастер Вильгельм рассказывал мне, что видел послов некоторых народов по имени кауле [267 - Гаоли – название династии, правившей в Корее до середины XV в. Часто применялось ко всему государству. Рубрук считает, что Гаоли (т. е. Корея) и Манзе (Южный Китай) находятся на островах, сведения о чем получил от Гильома Буше, который мог видеть корейцев, живших на острове Кан-Хуа, около берегов Кореи.] и манзе, живущих на островах, но море там зимою замерзает, так что татары могут тогда направиться к ним. Эти народы предлагали ежегодно тридцать две тысячи туменов яскотов, лишь бы только их оставили в мире. Тумен – монета, содержащая десять тысяч. Ходячей монетой в Катайе служит бумажка из хлопка (*carta de Wambasio*) шириною и длиною в ладонь, на которой изображают линии, как на печати Мангу. Пишут они

кисточкой, которой рисуют живописцы, и одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово [268 - Первый монгольский император Китая Хубилай заимствовал у китайцев систему бумажных денег, и его потомки широко пользовались ею для увеличения доходов императорской казны. Как упоминание Рубрука о китайских иероглифах, так и рассказ о бумажных деньгах являлись наиболее ранним известием о них в западноевропейской литературе.]. Тибетцы пишут как мы, и их начертания очень похожи на наши. Тангуты пишут справа налево, как арабы, но умножают строки, восходя вверх, а югуры, как сказано выше, пишут сверху вниз. Ходячей монетой русских служат шкурки разных пушных зверей, горностаев и белок. Когда мы прибыли [жить] с монахом, он с любовью внушил нам воздерживаться от мяса, говоря, что наш служитель будет есть мясо с его служителями, а для нас он сам позаботится о муке и масле растительном и коровьем. Мы исполнили это, хотя такое требование сильно тяготило моего товарища по причине его слабости. Отсюда пищей нашей служило пшено с коровьим маслом или тесто, варенное в воде с тем же маслом или кислым молоком, и пресный хлеб, испеченный на бычачьем или конском навозе.

Глава сорок четвертая

Описание города Каракорума. О том, как Мангухан послал своих братьев против разных народов
О городе Каракоруме да будет вашему величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже (*non ita bona*) пригороду святого Дионисия, а монастырь Святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один – сарацин, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и изза обилия послов; другой квартал катаяев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеною и имеет 4 ворот. У восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз; у южных продают быков и повозки; у северных продают коней.

Следуя за двором, мы прибыли туда в воскресенье пред Вознесением [269 - 7 мая 1254 г.]. На следующий день нас, а именно: монаха, всех его домашних, нас и всех послов и иностранцев, которые посещали дом монаха, позвал Булгай, главный секретарь и судья; пред лицо Булгай нас позвали поодиночке, сперва монаха, а после него нас; они начали тщательно расспрашивать, откуда мы, зачем прибыли и в чем состоит наше служение. Этот допрос делался потому, что Мангу-хану было доложено, будто четыреста человекоубийц прибыли в различных платьях, чтобы убить его. Около этого времени вышеупомянутая госпожа снова захворала и послала за монахом, а тот, не желая идти, ответил: «Она снова созвала вокруг себя идолопоклонников; пусть лечат ее, если смогут. Я больше не пойду».

Накануне Вознесения Господня мы были во всех домах Мангу-хана и я видел, как, когда он должен был пить, они выливали кумыс на его войлочных идолов. Тогда я сказал монаху: «Какое общение у Христа с Ваалом? Какое отношение у нашего креста с этим идолом?»

Сверх того, у Мангу-хана имеется восемь братьев: три единоутробных и пять по отцу. Одного из единоутробных он послал в землю человекоубийц, именуемых ими мулидет [270 - Искажение арабского слова «мульхид» – еретик, часто применялось по отношению к секте исмаилитов, которых европейские авторы именовали асасинами. В 1253 г. Хулагу разгромил исмаилитов, глава которых, Ала-ад-Мин Мухаммед, был убит в 1255 г., а сын его Руки-ад-Дин сдался в плен монголам в 1256 г. У исмаилитов было до 50 крепостей. Главная крепость – Аламут (Гнездо Орла) была отлично укреплена, и потребовалось много времени и сил, прежде чем она была взята монголами.], и приказал всех их умертвить. Другой отправился в направлении к Персии и уже вступил в нее, собираясь, как полагают, вступить в турецкую землю и готовясь отправить оттуда войско против Балдаха и Вастация. Одного из остальных он послал в Катайю против неких народов, которые им еще не повинуются. Меньшего единоутробного брата по имени Арабукху [271 - Арик-Бука, младший брат Мункэ-хана, претендовавший после смерти Мункэ на престол великого хана и оспаривавший его у Хубилая.] Мангу

удержал у себя; этот брат занимает двор их матери, которая была христианкой и рабом которой был мастер Вильгельм. Один из братьев хана со стороны отца взял Вильгельма в плен в Венгрии, в одном городе по имени Белеграв [272 - Белград на Дунае. Во время второго похода в Восточную Европу монголы вторглись в эти места. Гильом Буше был взят в плен, вероятно, около 1242 г.], в котором был нормандский епископ из Бельвиля, вблизи Руана; вместе с Вильгельмом был взят в плен епископский племянник, которого я видел там в Каракоруме. Брат хана отдал мастера Вильгельма матери Мангу, так как она очень настаивала на обладании им; по смерти ее мастер Вильгельм достался Арабукхе вместе со всеми другими, принадлежавшими ко двору матери, а через него стал известным Мангу-хану, который дал мастеру для выполнения вышеупомянутой работы 100 яскотов, то есть тысячу марок.

Итак, накануне Вознесения Мангу-хан сказал, что хочет отправиться ко двору своей матери и посетить ее, так как это было уже близко. Монах же заявил, что хочет отправиться с ним и дать свое благословение душе его матери. Это понравилось хану. Вечером, в день Вознесения, состояние здоровья вышеупомянутой госпожи сильно ухудшилось и глава прорицателей послал к монаху распоряжение не бить в доску. Хотя на следующий день весь двор удалился, двор вышеупомянутой госпожи остался.

Когда же мы прибыли на место остановки двора, то монаху приказано было расположиться от двора дальше, чем обыкновенно, что он и исполнил. Тогда Арабукха сам выехал навстречу брату своему хану. Монах же и мы, заметив, что он едет мимо нас, встретили его с крестом. Он же, признав нас, так как раз был в нашей часовне, протянул руку и сделал нам ею крест, как епископ. Тогда монах сел на коня и последовал за ним, взяв с собою плоды. Арабукха же слез перед двором своего брата, ожидая его, пока тот не вернется с охоты. Тогда монах слез там же и поднес Арабукхе свои плоды, которые тот принял; рядом с ним сидели два вельможи из двора самого хана, сарацины. Арабукха, зная про вражду, существующую между христианами и сарацинами, спросил у монаха, знает ли он упомянутых сарацин. Тот ответил: «Знаю, потому что они собаки; зачем держишь ты их возле себя?» Те возразили: «Зачем ты говоришь нам обидные речи, тогда как мы не говорим тебе никаких?» Монах сказал им: «Я говорю правду, и вы, и Магомет ваш – презренные псы». Тогда они начали отвечать богохульствами на Христа, но Арабукха удержал их, говоря: «Не говорите, так как мы знаем, что Мессия – Бог». В этот час поднялся внезапно такой сильный ветер по всей стране, что казалось, будто по ней бегают демоны; немного спустя дошли слухи, что упомянутая госпожа умерла. На следующий день [273 - 22 мая 1254 г.] хан вернулся к своему двору по иной дороге, а не по той, по которой выехал, ибо у них существует суеверие, что они никогда не возвращаются по той дороге, по которой выезжают. Кроме того, когда где побывает двор, то после его удаления никто, ни конный, ни пеший, не смеет пройти по тому месту, на котором пребывал двор, пока заметны следы огня, который там был разведен. В этот день какие-то сарацины встретились с монахом на дороге, вызывая его и споря с ним. Так как он не умел защититься при помощи доводов и они стали над ним насмехаться, то он хотел наказать их плетью, которую держал в руке, и достиг того, что вышеупомянутые слова его и поступки были доведены до двора и нам было приказано, чтобы мы остановились с другими послами, а не перед двором, где мы останавливались обычно.

Я же все надеялся, что приедет царь армянский [274 - Гетум I (1227–1269), царь Малой Армении, совершил путешествие в Каракорум, куда прибыл 13 сентября 1254 г.]. Также около Пасхи прибыл некто из Болата, где живут те немцы, ради которых главным образом я отправился туда; он сказал мне, что этот немецкий священник должен прибыть ко двору. И поэтому я не поднимал никакого вопроса пред Мангу о том, оставаться ли мне или уехать; и сначала он дал нам позволение пробыть там только два месяца; а уже прошло четыре месяца, даже пять. Именно это происходило около конца мая, а мы оставались там весь январь, февраль, март, апрель и май. Я же, не слыша никаких известий про царя или упомянутого священника и боясь, что нам придется возвращаться зимою, суровость которой мы испытали, поручил спросить у Мангухана, что он хочет делать с нами, так как мы охотно остались бы там навсегда, если ему это было бы угодно; если же нам надлежит вернуться, то нам легче вернуться летом, чем зимою. Хан тотчас послал ко мне, приказывая мне не отлучаться, так как на следующий день он хочет поговорить со мною. Я же ответил, что если он хочет говорить со мною, то пусть пошлет

за сыном мастера Вильгельма, так как мой толмач был неудовлетворителен. Тот же, кто говорил со мною, был сарацин и ездил послом к Вастацию. Подкупленный его подарками, он посоветовал Вастацию отправить послов к Мангу-хану, чтобы оттянуть время, так как Вастаций полагал, что они немедленно должны вступить в его землю. И тот послал, а когда узнал их, то мало заботился о них и не заключал с ними мира, и они еще не вступали в его страну, да и не смогут этого, лишь бы он осмелился защищаться. И они никогда никакой земли не брали силою, а только коварством; и так как люди заключают с ним мир, то они во время этого мира разоряют их. Затем он стал усиленно расспрашивать про папу и короля франков и о дорогах, ведущих к ним. Монах же, слыша это, тихонько внушил мне не отвечать, так как сам хотел похлопотать о том, чтобы его отправили послом; поэтому я замолчал, не желая отвечать сарацину. И он сказал мне какое-то обидное слово, за которое священники-несториане хотели жаловаться на него и его убили бы или крепко поколотили бы, но я не пожелал этого.

Глава сорок седьмая

О прорицателях и колдунах у татар; об их обычаях и дурной жизни

Итак, прорицатели, как признал сам хан, являются их жрецами и все, что они предписывают делать, совершается без замедления. Я опишу вам их обязанности, насколько я мог узнать про это от мастера Вильгельма и от других лиц, сообщавших мне правдоподобное. Прорицателей много, и у них всегда имеется глава, как бы папа (pontifex), всегда располагающий свое жилище вблизи главного дома Мангу-хана, перед ним, на расстоянии полета камня. Под охраной этого жреца, как я упомянул выше, находятся повозки, везущие их идолов. Другие прорицатели живут сзади двора, в местах, им назначенных; к ним стекаются из различных стран мира люди, верующие в их искусство. Некоторые из них, и в особенности первенствующий, знают нечто из астрономии и предсказывают им затмение солнца и луны. И когда это должно случиться, весь народ приготавливает им пищу, так что им не должно выходить за двери своего дома. И когда происходит затмение, они бьют в барабаны и другие инструменты, производя великий шум и крик. По окончании же затмения они предаются попойкам и пиршествам, обнаруживая великую радость. Они указывают наперед дни счастливые и несчастные для производства всех дел; отсюда татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова; они [татары] давно вернулись бы в Венгрию, но прорицатели не позволяют этого. Они переправляют между огнями все посылаемое ко двору и имеют от этого надлежащую долю. Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все принадлежавшее ему отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено огнем. Так, видел я, поступили с двором той госпожи, которая скончалась, пока мы были там. Отсюда брату Андрею и его товарищам надлежало пройти огнями по двум причинам: во-первых, они несли подарки, во-вторых, эти подарки были назначены лицу уже умершему, а именно Кен-хану. От меня ничего подобного не требовали, так как я ничего не принес. Если какое-нибудь животное или что-нибудь другое упадет на землю, пока они проводят это таким образом между огней, то это принадлежит им. Также в девятый день мая месяца они собирают всех белых кобылиц стада и освящают их. Туда надлежит собраться также и христианским священникам с их кадилом. Затем они выливают новый кумыс на землю и устраивают в тот день большой праздник, так как считают, что они пьют тогда впервые новый кумыс, как у нас поступают в некоторых местностях с вином в праздник св. Варфоломея или св. Сикста и с плодами в праздник св. Иакова или св. Христофора. Прорицателей зовут также, когда родится какой-нибудь мальчик, чтобы они предсказали судьбу его; зовут их и когда кто-нибудь захворает, и они произносят свои заклинания и решают, естественная ли это немощь, или она произошла от колдовства. По этому случаю женщина из Меца, о которой я упомянул выше, рассказала мне нечто удивительное.

Однажды сделали подарок из очень драгоценных мехов, которые были назначены ко двору той госпожи, которая была христианкой, как я сказал выше, и прорицатели пронесли меха между огней, взяв из них более чем им следовало бы. Одна женщина, под надзором которой была сокровищница госпожи, обвинила их перед ней за это; поэтому госпожа выразила им порицание. После этого вышло

так, что госпожа начала хворать и испытывать какие-то внезапные страдания в различных членах тела. Позвали прорицателей, и они, сидя издалека, приказывали одной из девушек положить руку на место боли и сорвать то, что она найдет. Тогда та вставала, делала так и находила у себя в руке кусок войлока или какую-нибудь другую вещь. Затем они приказывали положить это на землю; когда девушка полагала вещь, то та начинала ползать, словно какое-нибудь живое существо. Затем вещь клали в воду, и она будто бы превращалась в пиявку, а прорицатели говорили: «Госпожа, какая-нибудь колдунья так испортила вас своим колдовством», – и они обвинили ту, которая раньше обвинила их за меха. Ее вывели из стана на поля, семь дней били палками и подвергали другим наказаниям, чтобы она созналась. А меж тем сама госпожа умерла. Услышав это, служанка сказала им: «Знаю, что госпожа моя умерла; убейте меня, чтобы я отправилась вслед за ней, так как я никогда не делала ей зла». И так как она ни в чем не сознавалась, то Мангу приказал позволить ей остаться в живых; и тогда прорицатели обвинили кормилицу дочери госпожи, про которую я сказал выше, что она была христианкой, и муж этой кормилицы пользовался наибольшим почетом среди всех священников-несториан. Ее отвели на пытку с одной ее служанкой, чтобы она созналась, и служанка созналась, что госпожа ее посылала ее поговорить с каким-то конем и спросить у него ответов. И сама женщина созналась кое в чем, что она делала, чтобы заслужить любовь у господина и чтобы тот оказал ей милость, но она не сделала ничего, что могло бы ему повредить. Ее спросили также, был ли ее муж соучастником. Она оправдала его, так как сожгла знаки и буквы, которые сделала. Затем ее убили; и Мангу сам послал ее мужа-священника на суд к епископу, бывшему в Китае, хотя этот священник и не оказался ни в чем виновным.

Меж тем случилось, что первая жена Мангу-хана родила сына и прорицателей позвали предсказать судьбу младенца; все они пророчествовали счастливое, говоря, что он будет долго жить и станет великим государем. Спустя немного дней случилось, что этот мальчик умер. Тогда мать в ярости позвала прорицателей и сказала им: «Вы сказали, что сын мой будет жить, а вот он умер». Тогда те ответили ей: «Госпожа, вот мы видим ту колдунью, кормилицу Хирины, которая была убита некогда. Она убила вашего сына, и вот мы видим, как она его уносит». А у этой женщины остались в становище взрослые сын и дочь; госпожа в ярости послала за ними и приказала мужчине убить юношу, а женщине – девушку в отомщение за ее сына, про которого прорицатели сказали, что мать их убила его. После этого упомянутые дети привиделись во сне хану, и он спросил утром, что случилось с ними. Прислужники его побоялись сказать; тогда он, еще более обеспокоенный, спросил, где они, так как они предстали пред ним ночью в видении. Тогда ему сказали и он тотчас послал к своей жене спросить у нее, с чего она взяла, что женщина может произносить смертный приговор без ведома своего мужа; и он приказал запереть ее на семь дней, приказывая не давать ей пищи. Мужчину же, который умертвил юношу, хан приказал обезглавить, а голову его повесить на шею женщины, убившей молодую девушку, и приказал бить ее раскаленными головнями, гоня через стан, а затем убить. Он убил бы также и жену, но пощадил ее только ради детей, которых имеет от нее; она вышла из своего двора и вернулась туда только по прошествии месяца.

Прорицатели также возмущают воздух своими заклинаниями, и, когда от естественных причин наступает столь сильный холод, что они не могут применить никакого средства, они выискивают тогда каких-нибудь лиц в становище, обвиняя их, что через них наступает холод, и тех убивают без всякого замедления. Незадолго пред моим удалением оттуда одна из наложниц хана занемогла и долго хворала. Прорицатели произнесли заклинания над одной рабыней ее, немкой, и та заснула на три дня. Когда она пришла в себя, то у нее спросили, что она видела; и она видела многих лиц; про них всех прорицатели объявили, что те скоро должны умереть, а так как девушка не видела там своей госпожи, то прорицатели признали, что та не умрет от этой немощи. Я видел эту девушку, у нее еще сильно болела голова после этого усыпления. Некоторые из прорицателей также призывают демонов и созывают тех, кто хочет иметь ответы от демонов, ночью к своему дому, полагая посередине дома вареное мясо; и тот хам [275 - То есть кам, что по-тюркски значит «шаман»], который призывает, начинает произносить свои заклинания и, держа барабан, ударяет им с силой о землю. Наконец, он начинает бесноваться и его начинают вязать. Тогда демон является во мраке и хам дает ему есть мяса, а тот дает ответы. Однажды, как сообщил мне мастер Вильгельм, один венгерец спрятался с ними, и демон, появившись над домом,

кричал, что ему нельзя войти, так как с ними находится какой-то христианин. Слыша это, тот убежал с поспешностью, так как они стали разыскивать его. Прорицатели устроят это и многое другое, рассказывать что было бы слишком долго.

Книга Марко Поло (фрагменты) **(Перевод И. П. Минаева.)**

Глава LXIV

Здесь описывается город Каракорон

Город Каракорон [276 - Каракорон – Каракорум.] в округе три мили, им первым овладели татары, когда вышли из своей страны. Расскажу вам об их делах, о том, как они стали властвовать и распространились по свету. Татары, нужно знать, жили на севере, в Чиорчие [277 - Чорча, Сиорча и др. – царство чжурчжэней (по-китайски Цзинь), уничтоженное монголами в 1234 г.] ; в той стране большие равнины и нет там жилья, ни городов, ни замков, но славные там пастбища, большие реки и воды там вдоволь. Не было у них князей, платили они великому царю и звали его по-своему Унекан [278 - Унекан (Унхан или Ван-хан) – хан христианских кереитов, который до возвышения Чингисхана был самым могущественным лицом в Восточной Монголии. Китайский титул вана, то есть царя, этот хан получил от чжурчжэньского правительства за помощь, оказанную этому правительству против татар.] , а по-французски это значит «поп Иван»; это тот самый поп Иван, о чьем великом могуществе говорит весь свет. Татары платили ему дань, из десяти скотов одну скотину.

Случилось, что татары сильно размножились; увидел поп Иван, что много их, и стал он думать, не наделали бы они ему зла; решил он расселить их по разным странам и послал воевод своих исполнить то дело. Как услышали татары, что поп Иван замышляет, опечалились они, да все вместе пустились на север в степь, чтобы поп Иван не мог им вредить. Возмутились против него и перестали ему дань платить. Так они прожили некоторое время.

Глава LXV

Как Чингис стал первым ханом татар

Случилось, что в 1187 г. татары выбрали себе царя, и звался он по-ихнему Чингисхан, был человек храбрый, умный и удалой; когда, скажу вам, выбрали его в цари, татары со всего света, что были рассеяны по чужим странам, пришли к нему и признали его своим государем. Страною этот Чингисхан правил хорошо. Что же вам еще сказать? Удивительно даже, какое тут множество татар набралось.

Увидел Чингисхан, что много у него народу, вооружил его луками и иным ихним оружием и пошел воевать чужие страны. Покорили они восемь областей; народу зла не делали, ничего у него не отнимали, а только уводили его с собою покорять других людей. И так-то, как вы слышали, завоевали они множество народу. А народ видит, что правление хорошее, царь милостив, и шел за ним охотно. Набрал Чингисхан такое множество народу, что по всему свету бродят, да решил завоевать побольше земли. Вот послал он своих послов к попу Ивану, и было то в 1200 г. по Р. Х. [279 - Война между Чингисханом и Ван-ханом произошла в 1203 г.], наказывал он ему, что хочет взять себе в жены его дочь. Услышал поп Иван, что Чингисхан сватает его дочь, и разгневался.

«Каково бесстыдство Чингисхана! – стал он говорить. – Дочь мою сватает! Иль не знает, что он мой челядинец и раб?! Идите к нему назад и скажите: сожгу дочь, да не выдам за него; скажите ему от меня, что следовало бы его как предателя и изменника своему государю смертью казнить!»

Говорил он потом послам, чтобы они уходили и никогда не возвращались. Выслушали это послы и

тотчас же ушли. Пришли к своему государю и рассказывают ему по порядку все, что наказывал поп Иван.

Глава LXVI

Как Чингисхан снаряжает свой народ к походу на попа Ивана

Услышал Чингисхан срамную брань, что поп Иван ему наказывал, надулось у него сердце и чуть не лопнуло в животе; был он, скажу вам, человек властный. Напоследок заговорил, да так громко, что все кругом услышали; говорил он, что и царствовать не захочет, коли поп Иван за свою брань, что ему наказывал, не заплатит дорого, дороже, нежели когда-либо кто платил за брань, говорил, что нужно вскорости показать, раб ли он попа Ивана. Созвал он свой народ и зачал делать приготовления, каких и не было видано, и не слышано было. Дал он знать попу Ивану, чтобы тот защищался как мог, идет-де Чингисхан на него со всею своею силою; а поп Иван услышал, что идет на него Чингисхан, посмеивается и внимания не обращает. Не военные они люди, говорил он, а про себя решил все сделать, чтобы, когда Чингисхан придет, захватить его и казнить. Созвал он своих отовсюду и из чужих стран и вооружил их; да так он постарался, что о такой большой рати никогда не рассказывали.

Вот так-то, как вы слышали, снаряжались тот и другой. И не говоря лишних слов, знайте по правде, Чингисхан со всем своим народом пришел на большую, славную равнину попа Ивана, Тандук, тут он стал станом; и было их там много, никто, скажу вам, и счету им не знал. Пришла весть, что идет сюда поп Иван; обрадовался Чингисхан; равнина была большая, было где сразиться, поджидал он его сюда, хотелось ему сразиться с ним.

Но довольно о Чингисхане и о его народе, вернемся к попу Ивану и его людям.

Глава LXVII

Как поп Иван со своим народом пошел навстречу Чингисхану

Говорится в сказаниях, как узнал поп Иван, что Чингисхан со всем своим народом идет на него, выступил и он со своими против него; и все шел, пока не дошел до той самой равнины Тандук, и тут, в двадцати милях от Чингисхана, стал станом; отдыхали здесь обе стороны, чтобы ко дню схватки быть посвежее да пободрее. Так-то, как вы слышали, сошлись на той равнине Тандук две величайшие рати.

Вот раз призвал Чингисхан своих звездочетов, христиан и сарацин, и приказывает им угадать, кто победит в сражении – он или поп Иван. Колдовством своим знали то звездочеты. Сарацины не сумели рассказать ему правды, а христиане объяснили все толком; взяли они палку и разломали ее пополам; одну половинку положили в одну сторону, а другую – в другую, и никто их не трогал; навязали они потом на одну половинку палки Чингисханово имя, а на другую – попа Ивана.

«Царь, – сказали они потом Чингисхану, – посмотри на эти палки; на одной твое имя, а на другой попа Ивана; вот кончили мы волхвование, и, чья палка пойдет на другую, тот и победит».

Захотелось Чингисхану посмотреть на то, и приказывал он звездочетам показать ему это поскорее. Взяли звездочеты-христиане Псалтырь, прочли какие-то псалмы и стали колдовать, и вот та самая палка, что с именем была Чингисхана, никем не тронутая, пошла к палке попа Ивана и влезла на нее; и случилось это на виду у всех, кто там был.

Увидел то Чингисхан и очень обрадовался; а так как христиане ему правду сказали, то и уважал он их навсегда, и почитал за людей нелживых, правдивых.

Глава LXVIII

Здесь описывается большая битва между попом Иваном и Чингисханом

Вооружились через два дня обе стороны и жестоко бились; злее той схватки и не видано было; много было бед для той и другой стороны, а напоследок победил-таки Чингисхан. И был тут поп Иван убит.

С того дня пошел Чингисхан покорять свет. Процарствовал он, скажу вам, еще шесть лет от той битвы и много крепостей и стран покорил; а по исходе шести лет пошел на крепость Канги, и попала ему тут стрела в коленку; от той раны он и умер. Жалко это, был он человек удалой и умный.

Описал вам, как у татар был первым государем Чингисхан, рассказал вам еще, как вначале они победили попа Ивана, теперь расскажу об их нравах и обычаях.

Глава LXIX

Здесь говорится о ханах, что царствовали после Чингисхана

После Чингисхана государем был Куи-хан, третьим ханом – Бакуи-хан, четвертым – Алтон-хан, пятым – Монгу-хан, шестым – Кублай-хан, самый большой и самый сильный из всех; у всех пяти вместе не было столько сил, сколько у этого Кублая; да скажу вам еще, что у всех императоров вместе и у всех христианских и сарацинских царей нет той силы и не могут они сделать того, что этот Кублай, великий хан, может сделать [280 - Марко Поло, пропуская Угэдэя, ошибочно причисляет к великим ханам Бату, золотоордынского хана, и Хулагу, завоевателя Персии, брата Мункэ и Хубилая; великими ханами после Чингисхана были: Угэдэй (1229–1241), Гуюк (1246–1248) и Мункэ (1251–1259)]. Все это доподлинно расскажу в нашей книге.

Всех великих государей, потомков Чингисхана, знайте, хоронят в большой горе Алтай; и, где бы ни помер великий государь татар, хотя бы за сто дней пути от той горы, его привозят туда хоронить. И вот еще какая диковина: когда тела великих ханов несут к той горе, всякого, кого повстречают, дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провожатые при теле да приговаривают: «Иди на тот свет служить нашему государю!» Они воистину верят, что убитый пойдет на тот свет служить их государю. С конями они делают то же самое. Когда государь умирает, всех его лучших лошадей они убивают на тот конец, чтобы были они у него на том свете. Когда умер Монгу-хан, так знайте, более двадцати тысяч человек, встреченных по дороге, где несли его тело хоронить, было побито. Начал о татарах, так порасскажу вам и еще кое-что.

Зимою татары живут в равнинах, в теплых местах, где есть трава, пастбища для скота, а летом – в местах прохладных, в горах да равнинах, где вода, рощи и есть пастбища. Дома у них деревянные, и покрывают они их веревками; они круглы; всюду с собою их переносят; переносить их легко, перевязаны они прутьями хорошо и крепко, а когда дома расставляют и устанавливают, вход всегда приходится на юг.

Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что, хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге; впрягают в них волов и верблюдов и перевозят жен и детей. Жены, скажу вам, и продают, и покупают все, что мужу нужно, и по домашнему хозяйству исполняют. Мужья ни о чем не заботятся; воюют да с соколами охотятся на зверя и птицу.

Едят они мясо, молоко и дичь; едят они фараоновых крыс [281 - «Фараоновыми крысами» Марко Поло называл разных грызунов: сурков, песчаных или желтых сусликов, мясо которых съедобно.]: много их по равнине и повсюду. Едят они лошадиное мясо и собачье и пьют кобылье молоко. Всякое мясо они едят.

С чужою женою ни за что не лягут и считают это за дело нехорошее и подлое. Жены у них славные, мужьям верны, домашним хозяйством занимаются хорошо. А женятся они вот как: всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать. Приданое отдается матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену они, знайте, почитают за старшую и самую милую; а жен у них, как я говорил, много. Женятся они на двоюродных сестрах; умрет отец, старший сын женится на отцовой жене, коли она ему не мать; по смерти брата – на его жене. На свадьбах пир

бывает большой.

Глава LXX

Здесь описываются татарский бог и татарская вера

А вера у них вот какая: есть у них бог, зовут они его Начигай и говорят, что то бог земной; бережет он их сынов и их скот да хлеб.

Почитают его и молятся ему много; у каждого он в доме. Выделывают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сынов. Жену ставят по его левую сторону, а сынов – перед ним; и им также молятся. Во время еды возьмут да помажут жирным куском рот богу, жене и сынам, а сок выливают потом за домовую дверь и говорят, проделав это, что бог со своими поел, и начинают сами есть и пить. Пьют они, знайте, кобылье молоко; пьют его, скажу вам, таким, словно как бы белое вино, и очень оно вкусно, зовется «шемиус».

Одежда у них вот такая: богатые одеваются в золотые да в шелковые ткани, обшивают их перьями, мехами – собольими, горностаем, чернубурой лисицей, лисьими. Упряжь у них красивая, дорогая.

Вооружение у них – лук, меч и палица; всего больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки; а на спине у них панцирь из буйволового или другой какой кожи, вареной и очень крепкой. Бьются отлично и очень храбро.

Странствуют более других, и вот почему: коль случится надобность, татарин зачастую уйдет на целый месяц безо всякой еды; питается кобыльим молоком да тою дичью, что сам наловит, а конь пасется на траве, какая найдется, и не нужно ему брать с собою ни ячменя, ни соломы. Государю своему очень послушны, случится надобность, всю ночь простоит на коне вооруженным; а конь пасется завсегда на траве. В труде и лишениях они выносливы более нежели кто-либо, трат у них мало, покорять землю и царства самый способный народ.

Вот какие у них порядки: когда татарский царь идет на войну, берет он с собою сто тысяч верховых и устраивает такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого – над сотнею, иного – над тысячью, а иного – над десятью тысячами; сносится он только с десятью человеками, а старшина над десятью тысячами сносится также с десятью человеками, кто над тысячью поставлен, также с десятью, кто над сотнею, также с десятью. Так-то, как вы слышали, всякий отвечает своему старшине.

Когда государь ста тысяч пожелает послать куда-нибудь кого-либо, приказывает он старшине над десятью тысячами, чтобы тот дал ему тысячу, а тот наказывает тысячнику поставить свою часть, тысячник – сотнику, сотник приказывает десятнику, чтобы всякий поставил свою часть тому, кто над десятью тысячами; всякий, сколько ему следует дать, столько и дает. Приказу повинуются лучше, нежели где-либо в свете. Сто тысяч, знайте, называются тут, десять тысяч – томан, тысяча... сотня... десяток...

Когда рать идет за каким-либо делом по равнинам или по горам, за два дня перед тем отряжаются вперед двести человек разведчиков, столько же назад и по столько же на обе стороны, то есть на все четыре стороны, и делается это с тем, чтобы невзначай кто не напал. Когда отправляются в долгий путь, на войну, сбруи с собой не берут, а возьмут два кожаных меха с молоком для питья да глиняный горшок варить мясо. Везут также маленькую палатку укрываться на случай дождя. Случится надобность, так скажут, скажу вам, дней десять без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткнет жилу коня, да и пьет кровь. Есть у них еще сухое молоко, густое, как тесто; возят его с собою; положат в воду и мешают до тех пор, пока не распустится, тогда и пьют.

В битвах с врагом берут верх вот как: убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют. Коней своих приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражьи коней, и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает, оттого что кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражьи коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют

и побеждают врага. Вот так-то побеждали они во многих битвах и покоряли многие народы.

Такая вот жизнь и такие обычаи, как вам рассказывал, у настоящих татар; ныне, скажу вам, сильно они испортились; в Катае живут как идолопоклонники, по их обычаям, а свой закон оставили, а левантские татары придерживаются сарацинских обычаев.

Суд творят вот как: кто украдет, хоть бы и немного, тому за это семь палочных ударов, или семнадцать, или двадцать семь, или тридцать семь, или сорок семь, и так доходят до трехсот семи, увеличивая по десяти, смотря по тому, что украдено. От этих ударов многие помирают. Кто украдет коня или что-либо другое, тому за это смерть; мечом разрубают его; а кто может дать выкуп, заплатить против украденного в десять раз, того не убивают.

Всякий старшина или у кого много скота метит своим знаком жеребцов и кобыл, верблюдов, быков и коров и всякий крупный скот; с меткой пускает их пастись без всякой стражи в равнины и в горы; если скотина смешается, отдают ее тому, чья метка; овец, баранов, козлов пасут люди. Скот у них крупный, жирный, славный.

Есть у них чудной обычай, забыл о нем записать. Если у двух людей помрут, у одного сын лет четырех или около того, а у другого дочь, они их женят; мертвую девку дают в жены мертвому парню, потом пишут уговор и сжигают его, а когда дым поднимется на воздух, говорят, что уговор понесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбрасают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет. Делают вот еще что: рисуют на бумаге на себя похожих людей, коней, ткани, бизанты, сбрую, а потом все это сжигают и говорят: все, что рисовали и сожгли, будет у их детей на том свете. А как кончат все это, почитают себя за родных и родство блюдут так же, как бы их дети были живы.

Рассказал вам, описал ясно татарские обычаи и права, а о великих делах великого хана, великого государя всех татар, и о его великом императорском дворе ничего не говорил. Об этом будет говорено в этой книге в свое время и в своем месте. Много диковинного позаписать.

Глава LXXIV

Здесь описывается большая область Сендук

Сендук – область на восток; много там городов и замков; принадлежит она великому хану, потому что потомки попа Ивана – его подданные. Главный город называется Тендук. Царь здесь из рода попа Ивана, и сам он поп Иван, а зовется Георгием [282 - О царе Георгии, потомке попа Ивана, кроме Марко Поло говорит миссионер Монте-Корвино (в начале XIV в.). У восточных писателей известий об этой династии нет.]; страну правит от имени великого хана, но не всею, что была у попа Ивана, а только одною частью. Великие ханы, скажу вам, всегда выдавали своих дочерей и родственниц за царей из рода попа Ивана. Водятся тут камни, из которых лазурь добывается; много их тут, и они отличные. Есть тут прекрасное сукно из верблюжьей шерсти. Народ занимается скотоводством и земледелием; кое-кто торгует и ремеслами занимается. Тут, как я уже говорил, властвуют христиане, но и идолопоклонников довольно, есть и мусульмане.

Есть здесь народ, называется «аргон», что по-французски значит Guasmul; происходит он от двух родов, от рода аргон тендук и от тех тендуков, что Мухаммеду молятся, из себя красивее других жителей и поумнее, торговлею занимается побольше. Здесь главным образом пребывал поп Иван, когда властвовал над татарами и владел этими областями и соседними царствами; потомки его жили тут же и тот Жор, кого я уже называл; и он из рода попа Ивана, шестой государь после попа Ивана. Место это то самое, что у нас зовется страню Гог и Магог, а здесь Ун и Могул [283 - Онгуты, жившие около Великой Китайской стены, и монголы.]; в каждой области свой народ, в стране Ун живет Гог, а в Могуле – татары.

На восток отсюда, к Катаю, семь дней едешь по городам и замкам; живут тут мусульмане, идолопоклонники, а также христиане-несториане. Народ торговый, занимается ремеслами, ткнут тут золотые сукна нашизи и нак и разные шелковые ткани; как у нас есть разные шерстяные ткани, так и у

них разные золоченые сукна и шелковые ткани. Народ подвластен великому хану.

Есть тут город Синдакуи [284 - Ныне город Сюаньхуа к северо-востоку от Пекина.], занимаются там всякими ремеслами, изготавливается сбруя для войска.

В горах той области есть место Идифу, где отличные серебряные копи, и много там добывается серебра. Всякой охоты, и на зверя, и на птиц, тут вдоволь.

Оставим и эту область, и эти города и пойдем вперед, через три дня найдем там город Чиаганнор [285 - Глаганнор (Чаганнор, Сиазамор, Чагатимор и др.) – Чаганор (белое озеро), существует и теперь под тем же названием в автономной области Внутренней Монголии.]. Тут большой дворец великого хана. В том городе и в том дворце великий хан любит жить; много здесь озер и рек и много судов по ним плавают; есть здесь прекрасная равнина, где много журавлей, фазанов, куропаток и всяких других птиц. И вот оттого, что много тут птиц, великий хан любит здесь жить; живет он там в свое удовольствие; охотится с соколами да кречетами, ловит много птиц, пирует и веселится.

Журавли тут пяти родов: есть черные, как вороны, очень большие; иные белые с прекрасными крыльями; под перьями – круглые глаза, как у павлинов, золотые и очень блестят; головка у них красная, а кругом белая и черная; эти журавли самые большие. Третий вид – как наш, четвертый – маленький; у ушей длинные красивые перья, красные и черные. Пятый вид совсем черный; голова красная и черная, очень красивая; эти очень велики.

Подле этого города есть долина, где великий хан настроил много домиков; многое множество каторгов, понашему больших куропаток, содержит он там.

Смотреть за ними он приставил много людей. Диву даешься, глядя на птиц, столько их тут. Когда великий хан приезжает сюда, сколько ни понадобилось бы ему птиц, столько их есть.

Пойдем отсюда на северо-восток и север, за три дня.

Глава LXXV

Здесь описывается город Чианду и чудный дворец великого хана

От того города, что я вам называл выше, через три дня приходишь к городу Чианду [286 - Чианду (Чанду, Ксанду) – Шанду. Обширные развалины этого города, известные под названием Чжун-найман-сюме («108 кумирен»), находятся к северу от Великой Китайской стены.]. Его выстроил великий хан Кублай, что теперь царствует. В том городе приказал он выстроить из камня и мрамора большой дворец. Залы и покои золочены; чудесные и прекрасно вызолочены; а вокруг дворца на шестнадцать миль стена, и много тут фонтанов, рек и лугов; великий хан держит тут всяких зверей: оленей, ланей и антилоп; ими он кормит своих соколов в клетках. Раз в неделю сам ходит их смотреть. В эту равнину, что обнесена стеной, великий хан ездит часто на коне, с собою везет леопарда и выпускает его на оленя, лань или на антилопу, а что поймает, то соколам в клетках. Развлекается он так в свое удовольствие.

В той равнине, за стеной, великий хан, знаете, выстроил большой дворец из бамбука; внутри он вызолочен и расписан зверями и птицами тонкой работы. Крыша тоже из бамбука, да такая крепкая и плотная, никакой дождь ее не попортит. Строился дворец из бамбука вот как: бамбуки эти, знаете по правде, толщиной в три пяди, а в длину от десяти до пятнадцати шагов. Разрезают их по узлам, а как разрежут, куски такие толстые и большие – и крышу крыть, и на все поделки они годятся. Дворец тот, как я выше говорил, весь бамбуковый; великий хан построил его так, чтобы можно его по желанию переносить; более двухсот шелковых веревок поддерживали его. Великий хан живет здесь три месяца: июнь, июль и август; живет он тут в это время потому, что здесь не жарко, а очень приятно; в эти месяцы бамбуковый дворец великого хана собран, а в остальные он разобран. Построен он так, что можно по желанию и разобрать, и собрать.

Двадцать осьмого августа, всегда в этот день, великий хан уезжает из того города и из того дворца, и вот почему: есть у него порода белых коней и белых кобыл, белых как снег, без всяких пятен, и многое их множество, более десяти тысяч кобыл. Молоко этих кобыл никто не смеет пить, только те, кто

императорского роду, то есть из роду великого хана; то молоко могут пить еще гориаты [287 - Ойраты.]; был им такой почет от Чингисхана за то, что раз помогли ему победить. А когда белые кони проходят, кланяются как бы большому господину, дороги им не пересекают, а ждут, чтобы они прошли, или забегают вперед. Сказали великому хану звездочеты и идолопоклонники, что должен он каждый год 28 августа разливать то молоко по земле и по воздуху – духам пить, и духи станут охранять все его добро, мужчин и женщин, зверей и птиц, хлеб и все другое. Поэтому-то выезжает великий хан из этого города и едет туда.

Чуть не забыл рассказать вам о чуде: когда великий хан живет в своем дворце и пойдет дождь, или туман падет, или погода испортится, мудрые его звездочеты и знахари колдовством да заговорами разгоняют тучи и дурную погоду около дворца; повсюду дурная погода, а у дворца ее нет. Знахари эти зовутся тибетцами и кашмирцами; то два народа идолопоклонников; заговоров и дьявольского колдовства знают они больше, нежели кто-либо; все их дела – дьявольское колдовство, а народ уверяют, что творят то с Божьей помощью и по своей святости. Есть у них вот какой обычай: когда кого присудят к смерти и по воле государя казнят, берут они то тело, варят его и едят, а кто умрет своею смертью, того никогда не едят. Бакши эти, о которых вам рассказывал, по правде, знают множество заговоров и творят вот какие великие чудеса: сидит великий хан в своем главном покое, за столом; стол тот повыше осьми локтей, а чаши расставлены в покое, по полу, шагах в десяти от стола; разливают по ним вино, молоко и другие хорошие питья. По наговорам да по колдовству этих ловких знахарей-бакши полные чаши сами собою поднимаются с полу, где они стояли, и несутся к великому хану, и никто к тем чашам не притрагивался. Десять тысяч людей видели это; истинная то правда, без всякой лжи. В некромантии сведущие скажут вам, что дело то возможное.

Когда настанут идольские празднества, бакши те, скажу вам, идут к великому хану и говорят: «Государь, наступает праздник такого-то нашего идола», – и, какого захотят, того идола и назовут, а потом говорят: «Известно тебе, доброму государю, что такой-то идол, коль ему даров не давать и жертв не приносить, может и дурную погоду ниспослать, и добру вашему, скоту и хлебу вред учинить; а потому и просим мы у тебя, добрый государь, прикажи нам дать столько-то овец с черными головами, столько-то ладану, столько-то елею, столько-то того и другого, станем мы чествовать нашего идола, принесем ему большую жертву, а он побережет и нас, и наш скот, и наш хлеб». И говорят то же бакши князьям, у кого сила и кто около великого хана, а те великому хану; так-то они и получают все, что просят на праздник своего идола. А как получают бакши все, что просили, устраивают великий пир с великим пением в честь своего идола; жгут курения из всех самых лучших пряностей, нажарят мяса и ставят его перед идолами, повсюду разливают сок: пусть, говорят, идолы съедат сколько захотят. Такой-то почет оказывают они в праздничные дни своим идолам; у всякого идола, знайте по правде, словно как у нас, свои именины.

Монастыри и аббатства у них большие; есть здесь, скажу вам, большой монастырь с маленьким городом, там более двух тысяч ихних монахов; одеваются монахи благороднее прочего народа. Голову и бороду бреют. Идолам своим устраивают большие празднества с великим пением и с великим, никогда не виданным освещением. Между бакши есть такие, которым разрешено жен брать, они это и делают, женятся, и детей у них много.

Есть и другие еще духовные, зовут их сенси, люди посвоему очень воздержанные; живут они вот как: всю жизнь едят одни отруби: возьмут отрубей, положат их в воду, подержат там, да так и едят. Постятся они много раз в году, а кроме отрубей, как я сказал, ничего не едят. Много у них больших идолов, а иной раз огню поклоняются. А другие бакши о тех, кто так воздержан, говорят, что они еретики, потому-де что идолам молятся не так, как они. Есть между теми и другими большая разница: одни ни за что в мире не женятся. Голову и бороду бреют; одеваются в бумажные материи, белые и черные, или в шелковые тех же цветов, как сказано. Спят на циновках – переносных кроватях. Их жизнь самая суровая в свете. Их идолы женского пола, то есть у всех имена женские. Оставим это и расскажем о великих делах и диковинах величайшего государя всех татарских князей, доблестного великого хана Кублая.

Глава LXXVI

Здесь описываются дела ныне царствующего великого хана Кублая, его двор, справедливое правление и говорится о других его делах

Начну повесть о всех великих делах и великих диковинах ныне царствующего великого хана Кублая, по-нашему «великого государя» [288 - Марко Поло даже в 1298 г. не знал о смерти Хубилая (1294 г.)]. И воистину он зовется так; да знает всякий, от времен Адама, нашего предка, и донныне не было более могущественного человека и ни у кого в свете не было стольких подвластных народов, столько земель и таких богатств. Ясно расскажу вам в этой книге, что все это правда, и всякий признает, что не было в свете прежде и нет теперь более могущественного государя, и вот почему.

Глава LXXVII

Здесь описывается большая битва между великим ханом и его дядей Наяном

Происходит он, знайте, по прямой царской линии от Чингисхана, и только тот, кто происходит по прямой линии от Чингисхана, может быть государем всех татар.

Кублай-хан – шестой великий хан, это значит шестой великий государь всех татар. Получил он государство в 1256 г. по Р. Х.; в этом году начал царствовать [289 - По достоверным источникам, Хубилай умер в возрасте 82 лет, следовательно, родился около 1212 г. Начало правления Хубилая – 1259 г. (год смерти его предшественника Мункэ), и на самом деле Хубилай был великим ханом 35 лет.]; за храбрость, да за удаль, да за ум большой получил он государство; родня и братья спорили с ним из-за этого. За удаль он получил государство, и по справедливости оно ему досталось. С его воцарения до настоящего года, 1298-го, прошло сорок два года. Лет ему теперь восемьдесят пять. До своего воцарения воевал он много раз, был храбр и начальствовал отлично; а как воцарился, воевал всего раз, в 1286 г., и вот почему.

Был у Кублай-хана дядя Наян; был он молод и многими землями да областями владел; до четырехсот тысяч всадников мог выставить. Предки его, да и он сам исстари подчинялись великому хану; но был он, как я сказал, молод, лет тридцати, и вздумал о себе, что [он] великий царь, четыреста тысяч всадников может выставить в поле, и решил не подчиняться великому хану, а буде возможно, так и государство у него отнять. Отрядил Наян [290 - Наян (Наян, Найян, Найям, Найм) – потомок Учжигина, младшего брата Чингисхана] посланцев к Кайду; то был также великий, сильный царь, великому хану приходился племянником, да бунтовал против него и замышлял недоброе; наказывал ему Наян, чтобы шел он на великого хана с одной стороны, а Наян пойдет с другой отнимать земли и государство; отвечал Кайду, что согласен, к назначенному сроку приготовится и пойдет со своим народом на великого хана. Сделать это, знайте, он мог, мог сто тысяч конных выставить в поле.

Что же вам еще сказать? Стали два князя, Наян и Кайду, готовиться к походу на великого хана, набирали многое множество пеших и конных.

Глава LXXVIII

Как великий хан пошел на Наяна

А великий хан узнал об этом и не изумился нисколько, а стал как умный и храбрый человек готовить свою рать и говорил, что если не казнит этих двух предателей и изменников, так не захочет венца носить и страну править. Приготовился великий хан дней в десять-двенадцать, да так тайно, никто, кроме его совета, и не знал об этом. Набрал он триста шестьдесят тысяч конных да сто тысяч пеших. Собрались тут только близкие войска, оттого и было их так мало; было у него многое множество и

других, да воевали они далеко, покоряли страны в разных частях света, и не мог он созвать их вовремя в нужное место. Собери он все свои силы, было бы всадников такое множество, о каком и не слыхано, да и поверить трудно; а те триста шестьдесят тысяч человек, что он собрал, были его сокольничие и ближние люди.

Собрал великий хан эту малость людей и спросил потом звездочетов, победит ли своих врагов и все ли для него кончится по добру; а те отвечали, что расправится он с врагами по своему желанию.

Пошел великий хан со своей ратью в поход и дней через двадцать пришел на равнину, где был Наян со своим войском; четыреста тысяч конных было у него. Ранним утром подошел великий хан, а враг ничего не знал; захватил великий хан все дороги, ловили там всех прохожих, оттого-то враг и не ждал его прихода. Пришли они, а Наян, скажу вам, лежит с женою в шатре да наслаждается, очень он ее любил.

Глава LXXIX

Здесь начинается о битве великого хана с Наяном, его дядею

Что же вам сказать? Занялась заря, и великий хан показался на холме, у той равнины, а Наян в своем шатре спокоен и уверен, что некому напасть на него; потому что был спокоен, не велел он и стана сторожить, и не было стражи ни впереди, ни назади. Великий хан, как я сказал, стал на возвышении, в теремце на четырех слонах; высоко поднялось его знамя, отовсюду было видно, а войска были расставлены отрядами по тридцати тысяч и в один миг окружили стан; за каждым конным был пеший с копьем. Вот так-то, как вы слышали, окружил великий хан своими войсками стан Наяна и напал на него.

Увидел Наян со своими воинами, что вокруг стана рать великого хана, и перепугались все; бегут к оружию; скоро-наскоро вооружаются и толком, по порядку расставляют отряды. Снарядились обе стороны, и оставалось только схватиться; слышались тут многие инструменты, многие трубы и громкое пение. У татар вот такой обычай: когда их приведут и расставят биться, пока не прозвучит накар [291 - Кимвалы, барабан.] начальника, они не начинают брани и все то время играют на инструментах и поют; вот поэтому обе стороны так много играли и пели.

Изготовились обе стороны, и забил большой накар великого хана; как забил он, тут уже не мешкают, друг на друга бегут с луками, мечами, палицами, копьями, а пешие – с самострелами и другими вооружениями. Что же вам сказать? Начался жесточайший и свирепый бой. Стрелами, как дождем, воздух переполнился. Мертвые всадники и кони падали на землю. За криком великим и бранью и грома было не расслышать.

Наян, знайте, был крещеный христианин, и в ту же битву Христов крест был на его знамени. Без лишних слов, по правде сказать, такой жестокой и страшной битвы и не бывало; в наши дни столько народу, особенно конных, и не видано в стане и в битве. Сколько народу погибло с той и другой стороны, так это просто диво! С утра до полдня длилась схватка, а под конец великий хан одолел.

Увидел Наян со своими, что им не выдержать, и побежал, да проку-то им не было в том; Наяна взяли в полон, а князя его и люди с оружием в руках сдались великому хану.

Глава LXXX

Как великий хан велел убить Наяна

Узнал великий хан, что Наян взят в плен, и приказал его умертвить. Убили его вот как: завернули в ковер, да так плотно свили, что он и умер. Умертвили его так, потому что не хотели проливать на землю крови царского роду, на виду у солнца и неба.

После этой победы весь народ Наяна и все его князя покорились великому хану; были они из четырех стран, и вот из каких: из страны Чиорчия [292 - Чорча – страна чжурчжэней, Маньчжурия.], во-

первых, из Занли, во-вторых, из Барскола, в-третьих, из Сишинтинги, в-четвертых [293 - Гаоли – китайское название Кореи; Барскол (Барскуль) – ныне Баркуль в Синьцзяне; Сишинтинг – название одной из столиц династии Ляо, в южной части Маньчжурии.]. А после того как великий хан отличился и победил, тамошние люди – сарацины, идолопоклонники, жида и многие другие, что в Бога не веруют, – насмеялись над крестом, что был у Наяна на знамени, и тамошним христианам говорили: «Вот посмотрите, как крест вашего Бога помог Наяну-христианину!» Дошло до великого хана, что они радуются и насмеются, и бранил их великий хан, а христиан тамошних позвал к себе, стал утешать и говорил:

«По справедливости крест вашего Бога не помог Наяну; крест благ и творит только доброе и справедливое; Наян был изменник и предатель, пошел против своего государя, и то, что случилось, справедливо, и крест вашего Бога сотворил благое, не помог неправому делу. Крест благ и творит только благое».

Отвечали христиане великому хану:

«Великий государь, истину ты говоришь; ни зла, ни беззакония крест не похочет делать; а Наян был предатель и изменник своего государя, и было ему по делам его».

Такие были речи между великим ханом и христианами о кресте на знамени Наяна.

Глава LXXXI

Как великий хан вернулся в город Канбалу [294 - Канбалу (Кабалут, Гамбалу, Канбалук, Камбалут, Ханбалык, Гарибалу, Камбаклук, Камбалук, Шамблэй) – «город хана», ныне Пекин.]

После этой победы великий хан вернулся в свой главный город Канбалук. Было там большое веселье и великие пиры. А другой царь – Кайду, как услышал, что Наян разбит и казнен, не пошел воевать, побоялся, чтобы и с ним не случилось того же.

В этот раз великий хан, как вы слышали, ходил сам на войну, в других случаях посылает он на войну своих сыновей и князей, а в этот раз сам захотел идти на войну: нехорошим и важным делом показалась ему эта наглость Наяна.

Оставим это и вернемся к великим делам великого хана.

Рассказывали о его роде и о его летах, а теперь скажем, как он наградил тех, кто на войне отличился, и наказал подлых трусов. Сотников, кто отличился, он сделал тысячниками, одарил их серебряной посудой, роздал им господские дщицы. У сотника дщица серебряная, а у тысячника золотая или серебряная вызолоченная, а у того, кто над десятью тысячами поставлен, она золотая с львиною головою, а вес у них вот какой: у сотников и тысячников они весят сто двадцать saies [295 - Венецианская мера веса, равная 1/6 унции.], а та, что с львиною головою, весит двести двадцать; на всех них написан приказ: «По воле великого Бога и по великой его милости к нашему государю, да будет благословенно имя хана и да помрут и исчезнут все ослушники». На дщице, скажу вам, еще написаны права того, кому она дана, что он может делать в своих владениях.

Добавлю еще к этому: у того, кто поставлен над ста тысячами или начальствует главным, большим войском, дщица золотая и весит четыреста saies; написано на ней то же, что я сказал; внизу нарисован лев, а наверху изображены солнце и луна; даны им права на великую власть и на важные дела; а когда тот, у кого эта важная дщица, едет, то над головою у него всегда теремец, и значит это, что важный он господин, а сидит он всегда на серебряном стуле. А некоторым великий хан дает дщицу с кречетом, дает ее только большим князьям, чтоб была у них та же власть, как и у него; они приказы отдают, а когда гонцов посылают, то, коль пожелают, лошадей забирают у царей; говорю – у царей, потому что у всех других людей могут также забирать лошадей.

Оставим это и расскажем, каков великий хан с виду и какого он росту.

Глава LXXXII

Здесь описывается, каков великий хан с виду

Великий государь царей Кублай-хан с виду вот каков: роста хорошего, не мал и не велик, среднего роста; толст в меру и сложен хорошо; лицом бел и как роза румян; глаза черные, славные, и нос хорош, как следует. Законных жен у него четыре, и старший сын от них станет по смерти великого хана царствовать в империи; называются они императрицами и каждая по-своему; у каждой свой двор, и у каждой по триста красивых, славных девок. Слуг у них много, евнухов и всяких других, и служанок; у каждой жены при дворе до десяти тысяч человек.

Всякий раз, как великий хан пожелает спать с какою женою, призывает ее в свой покой, а иной раз сам идет к ней.

Есть у него и другие подруги, и скажу вам что: нужно знать, что есть татарский род миграк, народ красивый; выбирают там самых красивых в роде сто девок и приводят их к великому хану; великий хан приказывает дворцовым женщинам смотреть за ними, а девкам спать с теми вместе на одних постелях, для того чтобы разведать, хорошо ли у девок дыхание, девственны ли они и совсем ли здоровы. После этого начинают они прислуживать великому хану вот каким образом: три дня и три ночи по шести девок прислуживают великому хану и в покое, и в постели; всякую службу исправляют, а великий хан все, что пожелает, то делает с ними. Через трое суток приходят другие шесть девок, и так во весь год, через каждые три дня и три ночи меняются шесть девок.

Глава LXXXIII

Здесь описываются сыновья великого хана

У великого хана от четырех жен, знайте, двадцать два сына. Старшего в память доброго Чингисхана назвали Чиншином; ему владеть бы всею империею и быть великим ханом, но он умер; от него остался сын Темур; этот Темур и будет великим ханом и государем, потому что сын старшего сына великого хана. Темур, скажу вам, и умен, и честен, а в битвах много раз отличался. У великого хана, знайте, еще двадцать пять сынов от подруг; и они храбрые воины, и каждый – великий князь. Семеро из сынов от четырех жен царят в больших областях и царствах и хорошо правят, потому что и умны, и честны, да и понятно: отец их, великий хан, умнейший человек, проницательный, лучшего царя и нет, храбрее его не бывало у татар. Описал вам великого хана и его сыновей, расскажу теперь о его дворе и обычаях.

Глава LXXXIV

Здесь описывается дворец великого хана

Три месяца в году, декабрь, январь и февраль, великий хан живет в главном городе Катая – Кабалуте; там его большой дворец, и вот он каков: прежде всего квадратная стена; каждая сторона миля в длину, а в округе, значит, четыре мили; стена толстая, в вышину добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому, богатому дворцу; в них хранится сбруя великого хана, луки, колчаны, седла, конские узды, тетивы, все, что нужно на войне; есть еще по дворцу у каждой стены, такие же, как угольные; всего по стенам восемь дворцов, и во всех сбруя великого хана; в каждом, знайте, одно что-нибудь: в одном луки и ничего иного, в другом только одни седла, и так в каждом одно что-нибудь. В стене на юг пять ворот; посередине большие, открываются, только когда великий хан выезжает или въезжает; после них с двух сторон по воротам; ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам, ими входит всякий.

За стеной этой есть другая, в поперечнике поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, таких же, как и первые, и в них также хранится сбруя великого хана. На юг в этой стене, как и в первой, пять ворот; и по углам ворота, так же как и там; посередине дворец великого хана, выстроен он вот как: такого большого нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землей десять пядей; крыша

превысокая. Стены в больших и в малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери, и так-то стены покрыты, что, кроме золота и живописи, ничего не видно. Зала такая просторная, более шести тысяч человек может там быть.

Диву даешься, сколько там покоев, просторных и прекрасно устроенных, и никому в свете не выстроить и не устроить покоев лучше этих. А крыша красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов, тонко да искусно выложена, блестит как кристалльная и светится издали кругом дворца. Крыша эта, знайте, крепкая, выстроена прочно, простоит многие годы.

Между первой и второй стеной – луга и прекрасные деревья и всякого рода звери; есть тут и белые олени, и зверьки с мускусом, антилопы и лани и всякие другие красивые звери, и за стенами только по дорогам, где люди ходят, их нет, а в других местах и там много красивых зверей.

В северо-западном углу большое озеро и много там разных рыб. Великий хан велел напустить туда рыб, и всякий раз, когда захочется ему рыбы, сколько нужно, там и есть. Берет там начало и вытекает из озера, скажу вам, большая река, рыбе выход железными и стальными сетями загорожен.

От дворца на север, скажу вам, на один выстрел из лука великий хан приказал устроить холм. Холм в высоту сто шагов, а в округе тысячу; весь он покрыт деревьями; они всегда в зелени, никогда не бывают без листьев. Когда кто великому хану расскажет о каком-нибудь красивом дереве, он приказывает вырыть то дерево с корнями и с землей и на слонах привезти к тому холму; как бы велико ни было дерево, его привозят, и самые красивые в свете дерева тут.

Холм этот великий хан приказал покрыть лазуриком зеленым; и деревья тут зеленые, и гора зеленая, и все зеленое, и зовется возвышенность Зеленым холмом. На вершине, посредине – дворец, большой, красивый и весь зеленый. Так это все: и гора, и деревья, и дворец – с виду прекрасно, смотришь – и сердце веселится. Оттого-то и устроил все это великий хан, чтобы было на что порадоваться.

Глава LXXXV

Здесь описывается дворец сына и наследника великого хана

Возле своего дворца великий хан приказал выстроить другой, совсем похожий на его, для сына, когда он будет царствовать и властвовать; поэтому-то второй дворец выстроен совершенно таким же, как и первый; такой же он большой, и столько же кругом стен, как и кругом дворца великого хана. А сын Чиншин, кого я называл прежде, должен быть царем, живет он по тем же обычаям и делает те же дела, что и великий хан, потому что, как только великий хан помрет, его выберут в цари; у него и печать императорская, но не совсем такая же, как у великого хана, пока тот жив.

Рассказал вам о дворцах и описал их, теперь расскажу о великом граде Китая, где эти дворцы; расскажу, зачем он был выстроен и как тут стоял большой и знатный старый город; назывался он Ганбалу, а по-нашему – царский город.

Узнал великий хан через звездочетов, что поднимется этот город и станет бунтовать против него, и велел он выстроить поблизости к нему другой город; между двумя городами была только река; из старого города великий хан выселил жителей в новый и назвал его Тайду [296 - Тайду, по-китайски Дадуду (великий двор), соответствует татарской части Пекина; между нею и китайской частью протекает р. Датунхэ, рукав р. Байхэ (Пейхо)].

А величиною этот город вот какой: он квадратный, в округе двадцать четыре мили; все четыре стороны равны; обнесен он земляным валом, в высоту шагов двадцать, а в толщину внизу шагов десять; наверху стена не так толста, как внизу; чем выше, тем тоньше, на самом вершине шага три в ширину. Стена зубчатая, белая; в ней двенадцать ворот, и у каждых ворот по большому и красивому дворцу; на каждой стороне по трое ворот и по пяти дворцов, потому что тут в каждом углу еще по дворцу. В дворцах большие покои, куда складывается оружие городской стражи.

Улицы в городе, скажу вам, широкие, прямые, из конца в конец все видно, из одних ворот в другие. Много там прекрасных дворцов, отличных гостиниц и много славных домов. Посреди города – большой дворец с великим колоколом; звонит тот колокол ночью, чтобы никто не смел ходить по

городу после третьего бою; пробьет колокол по-указанному три раза, никто и не смеет ходить по городу, разве только те, кто к роженицам да к больным идут, да и те идут с фонарями. Каждые ворота, скажу вам, указано сторожить тысяче людей, не потому чтобы народа боялись, а ради почета великому хану, когда он там живет, да чтобы воры не бесчинствовали в городе.

Рассказал вам о городе, теперь расскажу, какой у великого хана двор и о всех других делах.

О предательском замысле возмутить город Камбалу и о том, как зачинщики были пойманы и казнены [297 - Речь идет об убиении мусульманского министра Хубилая, Ахмеда (1282 г.); подробности этого события приблизительно так же рассказаны в китайских летописях, где сказано, что расследование дела об убийстве было поручено члену тайного совета По-ло, т. е. речь идет о Марко Поло.]

Ниже будет говорено, что назначаются там двенадцать человек и могут они по своему усмотрению распоряжаться землями, управлением и другим всем. Между ними был некий сарацин по имени Ахмах [Ахмед], муж мудрый и способный. Был он у великого хана в силе; любил его великий хан и позволял ему все. Открылось после его смерти, что околдовал Ахмах великого хана, так что тот верил всякому его слову, слушался его и делал по его желанию. Он распоряжался всем управлением и назначениями, наказывал преступников; всякий раз, когда он желал погубить, по делам или несправедливо, ненавистного ему, шел он к великому хану и говорил ему:

«Такой-то заслуживает казни, оскорбил он ваше величество так-то».

Великий хан говорил ему: «Делай как знаешь», – а он тотчас же казнил его.

Народ, видя его полномочия, а также доверие великого хана к его словам, не осмеливался противоречить ему ни в чем. Не было такого сильного и могущественного человека, кто не боялся бы его. Обвиненный им в государственном преступлении при всем желании оправдаться не мог этого сделать, не находя ни в ком поддержки, так как никто не осмеливался противоречить Ахмаху; и таким-то образом многих погубил он несправедливо.

Кроме того, не было красивой женщины, которой, если только она ему понравилась, он не овладел бы; незамужнюю он брал в жены, а то иначе принуждал отдаваться его желаниям. Как прослышит он, что у такого-то красивая дочка, были у него его сводники, шли они к отцу девушки и говорили ему:

«Что скажешь? Вот у тебя дочь, отдай ее замуж за баило, т. е. за Ахмаха, [называли его „баило“, по-нашему „наместник“], а мы устроим, что даст он тебе такое-то управление или такое-то назначение на три года».

Таким-то образом тот человек отдавал ему свою дочь. Шел тогда Ахмах к великому хану и говорил ему: «Такаято должность свободна или будет свободна тогда-то, такого-то можно бы назначить», – а великий хан отвечал: «Делай как знаешь», —и тотчас же назначался на ту должность тот человек. Из-за честолюбия или же из-за страха все красивые женщины или делались его женами, или же подчинялись его желаниям.

Было у него около двадцати сынов; занимали они высокие должности; некоторые из них под прикрытием отцовского имени были прелюбодеями, подобно отцу, и другие злодеяния совершали.

Этот Ахмах скопил большое богатство: всякий, кто добивался какой-либо должности, приносил ему большой подарок.

Властвовал он так-то двадцать два года. Наконец, туземцы, то есть катаяцы, видя безмерную несправедливость и гнусные злодеяния, содеянные женам их и им самим, не могли больше стерпеть, порешили убить его и восстать против правительства.

Между ними был некий катаец по имени Ченху; он командовал тысячью человек. Сказанный Ахмах изнасиловал его мать, дочь и жену. Разгневанный против него Ченху сговорился об его истреблении с другим катаяцем по имени Ванху; последний командовал десятью тысячами человек. Сговорились привести свое намерение в исполнение в то время, когда великий хан, проведя три месяца в Камбалу, отправлялся оттуда в город Ксанду, где пребывал также три месяца. Сын великого хана Чингис уезжал также в свое обычное место пребывания. В городе для охраны оставался Ахмах; когда случалась надобность, он посылал доклад хану в Ксанду, а тот отдавал оттуда приказания.

Ванху и Ченху сговорились, сообщили свое решение знатым катаяцам, с общего согласия передали

то решение в другие города своим друзьям, и положено было в назначенный день по данному огнем знаку перебить всех бородатых, подать такой же знак другим городам и там то же сделать. А перебить бородатых хотели потому, что катайцы по природе без бород, татары же, сарацины и христиане носят бороды.

Нужно знать, что все катайцы не любят управления великого хана, потому что поставил он над ними татар и всего чаще сарацин; а этого катайцы не выносили, так как обходились с ними как с рабами. Великий хан овладел Катаем не по праву, а силой и не доверял катайцам, а отдал страну в управление татарам, сарацинам и христианам, людям из его рода, верным и не туземцам.

Сказанные Ванху и Ченху в условленное время вошли ночью во дворец. Ванху сел и приказал осветить. Послал он потом к Ахмаху-баило, жившему в старом городе, гонца, как бы от Чингиса, сына великого хана, будто бы приехавшего в эту ночь и звавшего Ахмаха к себе. Изумленный Ахмах поспешил во дворец, потому что сильно боялся Чингиса. В воротах города он повстречал татарина по имени Когатай, начальника над двенадцатью тысячами солдат, постоянно стороживших город. Когатай спросил Ахмаха, куда он идет так поздно.

«К Чингису, только что приехавшему», – ответил тот.

«Как мог он приехать незамеченно и без моего ведома!» – сказал Когатай и пошел за Ахмахом с несколькими солдатами. Катайцы думали: лишь бы справиться с Ахмахом, а остального нечего бояться. Как только Ахмах вошел во дворец, видя великое освещение, он преклонил колена перед Ванху, принимая его за Чингиса, а Ченху, бывший тут же с мечом наготове, отрубил ему голову.

«Предательство!» – закричал при виде этого Когатай, стоявший у входа во дворец, тотчас пустил стрелу в Ванху и убил его на месте, затем позвал своих и пленил Ченху; по городу он объявил, что всякий, кого найдут вне дома, будет убит.

Катайцы, видя, что татары открыли заговор, а у них нет заправителей, один убит, а другой взят в плен, остались по домам и не могли дать знак другим городам, чтобы они возмутились, как было условлено. Когатай тотчас же послал гонцов к великому хану с извещением обо всем случившемся. Великий хан приказал ему тщательно расследовать и наказать сообразно с виною. Наутро Когатай допросил всех катайцев и казнил главных зачинщиков заговора. То же было сделано в других городах, когда их участие в заговоре было узнано.

Великий хан, вернувшись в Камбалу, пожелал знать причину этого происшествия и нашел, что сей проклятый Ахмах с сыновьями, как это было выше рассказано, натворил много зла и безобразий; было дознано, что он и семь его сынов (не все его сыновья были злые) захватили множество жен, не считая тех, кого изнасиловали. Потом великий хан приказал снести в новый город все богатство, собранное Ахмахом в старом, и присоединить к своей казне, и было того богатства много. Тело Ахмаха он приказал вырыть из могилы и выбросить на улицу собакам на растерзание; с сынов же его, которые злодействовали подобно отцу, он приказал заживо содрать кожу.

Стал великий хан размышлять об этой проклятой секте сарацин, считавшей позволительным всякий грех и даже убийство человека не их закона, – оттого-то и Ахмах с сынами не почитал содеянного им за грех, – и возненавидел сарацин великий хан. Позвал их к себе и запретил им многое, их законом повелеваемое. Приказал им жениться по татарскому закону, животных убивать в пищу, не перерезывая горла, а распарывая брюхо. В то время когда все это происходило, Марко Поло находился там.

Глава LXXXVI

Как великий хан приказывает двенадцати тысячам всадников сторожить себя

Великий хан, знайте, ради важности держит около себя охрану из двенадцати тысяч всадников; зовут этих всадников *quesitam*, что по-французски значит «всадник, верный государю». А держит их великий хан не потому, чтобы боялся кого-нибудь; над ними четыре начальника, а над каждым начальником по три тысячи человек. Три дня и три ночи каждые три тысячи всадников живут во дворце великого хана; там они едят и пьют; а через трое суток они уходят; приходят другие и сторожат три дня и три ночи; и

так меняются, пока все не отслужат, а тогда начинают сначала, и так во весь год. На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского рода; а головы их приходится у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже. Жены рассаживаются точно так же. Жены сыновей великого хана, его племянников и родичей – с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже, садятся жены баронов и рыцарей. Всякий знает свое место, где он должен сидеть по порядку, установленному великим ханом. Столы расставлены так, что великий хан может видеть всех, а столов много множество. А вне этого покоя угощаются более сорока тысяч человек; приходят сюда с большими припасами, приходят из иноземных стран с диковинными вещами; тут и такие, у кого есть владения, да хотят побольше; приходят они в те дни, когда у великого хана большой выход и пир.

В том покое, где великий хан сидит, посредине стоит чаша из чистого золота; входит в нее бочка вина; кругом нее, по углам, чаши поменьше. Из большой чаши вино или другой напиток разливается по золотым сосудам; а в каждом из них вина хватит человек на восемь или десять; один такой сосуд ставится на стол между двух человек; а у каждого есть своя чарка с ручкой, ею он и черпает вино из золотого сосуда. Все равно так же между двух жен ставится по большому сосуду и по две чарки. Сосуды те и чарки, знайте, дорогие. Золотой и серебряной посуды у великого хана, знайте, много; кто не видел, тот и не поверит сколько.

Еду и питье великому хану подают многие князья, а рты и носы у них, скажу вам, прикрыты прекрасными шелковыми да золотыми тканями, чтобы дух и запах не касались пищи и питья великого хана. Когда великому хану пить, инструменты играют, а их тут много множество; а возьмет великий хан чарку в руки, все князья и все, кто там, становятся на колени и низко кланяются. После того великий хан пьет, и всякий раз, когда великий хан пьет, повторяется то же самое. О еде ничего не скажу: что много ее тут, всякий поверит. Скажу вам, нет тут князя или рыцаря без жены, а жены их едят вместе.

Поедят все, столы убирают; приходит тут в тот покой перед великого государя и к его гостям много множество скоморохов и плясунов, представляют и потешают великого хана, и все веселятся и смеются. А как кончится все это, расходятся и возвращаются по домам.

Глава LXXXVII

Здесь описывается большой пир, что великий хан задает в день своего рождения

Все татары празднуют день своего рождения. Великий хан родился в 28-й день сентябрьской луны. День рождения празднуют они все равно так же, как и новый год, о чем расскажу потом. В день рождения великий хан облачается в сукно, вытканное золотом; в тот же цвет и точно так же, как великий государь, одеваются двенадцать тысяч князей и рыцарей; сукно у них не такое дорогое, а того же цвета, шелковое, с золотом; у каждого большой золотой пояс. Одежду эту дарит им великий хан; а иная одежда по своим драгоценным камням и жемчугу стоит более десяти тысяч бизантов; и много таких. Этим двенадцати тысячам князей и рыцарей великий хан дарит дорогие одеяния тринадцать раз в году; одеяния такие же, как его собственные, и очень дорогие. Что все это дорого, нетрудно понять; нет в свете другого государя, кто мог бы то же самое делать.

Глава LXXXVIII

Еще о том же

В день рождения великого хана все татары в свете, из всех областей и стран, у кого от великого хана земли и страны, приносят ему великие дары, всякий что ему следует, по-установленному. С большими приносами приходят сюда и те, кому желательно, чтобы великий хан дал им земли в управление. А

великий хан выбрал двенадцать князей; они раздают земли по заслугам.

В тот день идолопоклонники, христиане, сарацины и все народы служат молебны и молятся всяк своим идолам и своим богам, чтоб берегли те великого хана и ниспослали ему долгую жизнь, радость и здоровье.

Во весь день так-то веселье и пиршество. Довольно об этом; рассказал все хорошо, теперь опишу другой большой праздник, в начале их года, зовется он белым праздником.

Глава LXXXIX

Здесь описывается большой праздник, что великий хан задает в начале года

Год у них начинается в феврале; великий хан и все его подданные празднуют вот как: по обычаю все одеваются в белое, и мужчины и женщины, всякий как может. Белая одежда почитается у них счастливой, поэтому они и делают это, одеваются в белое, чтобы во весь год было счастье и благополучие. В этот день весь народ, все страны, области и царства и все, у кого от великого хана земли в управлении, приносят ему большие дары, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, множество дорогих белых тканей; и все это делают, чтобы во весь год у великого хана богатства было много и было бы ему радостно и весело. Скажу вам еще, князья и рыцари, да и весь народ друг другу дарят белые вещи, обнимаются, веселятся, пируют, и делается это для того, чтобы счастливо и подобру прожить весь год.

В этот день, знайте еще, дарят великому хану более ста тысяч славных и дорогих белых коней. В этот же день выводят пять тысяч слонов под белыми, зверями и птицами вышитыми попонами; у каждого слона на спине по два красивых и дорогих ларца, а в них посуда великого хана и богатая сбруя для этого белого сборища.

Выводят еще многое множество верблюдов; они также под попонами и навьючены всем нужным для дара. И слоны, и верблюды проходят перед великим ханом, и такой красоты нигде не видано.

Утром, в праздник, к государю в большой покой, пока столы не расставлены, приходят цари, герцоги, маркизы, графы, бароны, рыцари, звездочеты, врачи, сокольничие и все другие чины, управляющие народами, землями, военачальники, а те, кому нельзя взойти, становятся вне дворца, в таком месте, где великий государь мог бы их видеть. Строятся вот в каком порядке: сперва сыны, племянники и те, кто императорского роду, потом цари, а там герцоги, затем все другие, в том порядке, как им следует.

Когда все рассядутся по своим местам, встает старейший духовный и громко говорит: «Преклонитесь и почтите», – и, как только он это скажет, все преклоняются челом до земли, славословят и молятся великому хану как богу. Четыре раза поклоняются ему так точно. Потом идут к разукрашенному алтарю; стоит на нем красная дщица с именем великого хана да прекрасная курильница; благоговейно воскуряют той дщице, а после того возвращаются на свои места. Сделав все это, приносят свои богатые и дорогие дары. А когда великий государь пересмотрит все дары, расставляются столы и все садятся за них в том порядке, как я говорил прежде: великий хан садится за свой большой стол, а по левую его руку старшая жена, и никто более тут не сидит; все прочие садятся в том порядке, как я вам говорил; все жены, как я вам говорил, на стороне императрицы. Обедают точно так, как я говорил вам в ином месте. А после обеда приходят фокусники и потешают двор, что вы уже прежде слышали; когда все это кончится, идут все к себе домой.

Рассказал вам о белом празднике, опишу теперь щедрость великого хана, как он дарит некоторым баронам одежду для учрежденных им же праздников.

Глава XC

Здесь описываются двенадцать тысяч баронов, что приходят на пиры

Набрал великий хан двенадцать тысяч баронов; зовутся они *quesitain*, а значит это: близкие и верные слуги государя; подарил он каждому из них тринадцать одеяний разных цветов, дорогих, расшитых жемчугом, камнями и всякими драгоценностями, дал по дорожному красивому золотому поясу, да еще сапоги из верблюжьей кожи, шитые серебром, дорогие и красивые; точно цари, как облекутся в эти красивые и знатные наряды. Установлено, в какой праздник в какую одежду наряжаться. У великого хана тоже тринадцать одежд, как и у баронов, того же цвета, да только подороже и величественнее. Как бароны, так и он наряжается.

Описал вам тринадцать одежд, что двенадцать тысяч баронов получили от своего государя, всего сто пятьдесят шесть тысяч дорогих одеяний; без записи и не сосчитаете, что они стоят; больших денег стоит обувь. Устроил все это великий хан для того, чтобы пиры его были почетнее и величественнее.

Расскажу вам еще о превеликом чуде: приводят перед великим государем большого льва, завидит лев великого хана и смиренно ложится перед ним, словно как бы признает его за своего государя, и лежит без цепей. Есть чему подивиться!

Довольно об этом, расскажем о большой охоте великого хана.

Глава ХСІ

Как великий хан установил, чтобы приносили ему дичь

Во все время, пока великий хан живет в катаяской столице, то есть в декабре, январе, феврале, приказывает он, чтобы в окружности на шестьдесят дней пути охотились на зверя и на птиц. Установлено и приказано, чтобы те, кто владеет людьми и землями, приносили великому хану больших зверей, кабанов, оленей, антилоп, ланей, медведей и других, знатную часть из того, что наловят. Такто охотятся все. А у зверей, что посылают к великому хану, выпускают из живота все внутренности, кладут потом на телеги, так и отсылают к великому хану. Это делают те, кто за тридцать дней [пути], и таких многое множество. А те, кто за шестьдесят дней, мяса не посылают, оттого что далеко; отсылают ему выделанные кожи, а великий хан употребляет их на вооружение и для войска. Рассказал вам об охоте, опишу вам диких зверей, что великий хан держит.

Глава ХСІІ

Здесь описываются львы, леопарды, волки, выученные зверей ловить, да еще кречеты, соколы и другие птицы

Много у великого хана леопардов, приученных к охоте и зверей ловить; и волков у него многое множество, и они славно приучены ловить зверей. Много у него львов больших, покрупнее тех, что в Вавилоне. Прекрасная на них шерсть, отличной масти, черными, рыжими и белыми полосами. Приучены они ловить диких кабанов, диких быков, диких ослов, оленей, ланей и других зверей. Залюбуешься, когда везут они дикого зверя в клетке, на телеге, а подле маленькая собачка. Орлов, приученных ловить волков, лисиц, антилоп, ланей, у него также много, ловят они всех зверей вдоволь; а те орлы, что приучены волков ловить, – большие и сильные; нет такого большого волка, которого не поймал бы этот орел. Рассказал все, что вы слышали, опишу вам теперь, какое множество отличных собак великий хан держит.

Глава ХСІІІ

Здесь говорится о двух братьях, что за охотничьими собаками смотрят

Есть у великого хана два князя, родные братья, один зовется Баян, а другой – Минган. Называют их *sunici*, что значит «смотрители собак-меделянок»; у каждого под началом десять тысяч человек; одни

десять тысяч человек одеты одинаково в красный цвет, а другие – в голубой и всегда одеваются так, когда идут на охоту с великим ханом. У каждого из двух тысяч из этих десяти тысяч под присмотром по одной, по две или по более собак-мордашек; всех их, значит, много. Когда великий хан едет на охоту, по одну его сторону едет один брат со своими десятью тысячами ловчих и со своими пятью тысячами собак, а по другую – другой со своими десятью тысячами и со своими собаками. Идут вплотную, один за другим, растянутся на целый день пути и всякого зверя излавливают. Любо посмотреть и на охоту, и на собак, и на охотников, заглядишься, скажу вам, на великого хана, когда он и князя кругом его скачут с кречетами по равнине, а собаки, смотришь, гонят с той и с другой стороны медведей, оленей и всяких зверей!

Рассказал вам о том, как собак держат, опишу, как великий хан проводит остальные три месяца.

Глава XCIV

Здесь описывается, как великий хан отправляется на охоту ловить зверей и птиц

Пожив в том городе три месяца, декабрь, январь и февраль, великий хан уезжает оттуда в марте и едет на юг, за два дня пути, к морю-океану.

Берет он с собою десять тысяч сокольников, да пятьсот кречетов, да соколов-пилигримов, да сероголовых соколов во множестве; берет еще с собою ястребов ловить водяную птицу. Всех их он не держит в одном месте; расставит их там и сям, так они и охотятся, а птиц, что наловят, по большей части несут великому хану.

Когда великий хан отправляется на охоту со своими соколами и другими птицами, добрых десять тысяч человек с ним; расставляет их он парами; называются они *toscaor*, а по-нашему «сторож»; они сторожат; а как станут парами там и сям, так места займут много; у всякого есть свисток и колпачок, могут и призвать птицу, и держать ее; а когда великий хан прикажет запустить птиц, тому, кто выпускает, нет нужды идти за ними следом, потому что, как я вам сейчас говорил, всюду расставлены люди и сторожат птиц, и, куда бы они ни полетели, они за ними и, коль нужно им помочь, помогают. У птиц великого хана, а также у птиц других князей к ноге привязана серебряная бляха, а на ней написано имя того, чья птица и кто ее держит; как поймают птицу, тотчас же знают, чья она, тому и отдают. А когда не знают, чья птица, несут ее к князю *bularguei* [298 - Турецкое слово «бударгучи» – смотритель лагеря, отыскивающий и охраняющий потерянное имущество.]; зовут так того, кто стережет добро без хозяина.

Найдут ли коня, или меч, или птицу, или что другое и, коли не знают, чья вещь, несут ее к тому князю, а он сторожит и бережет найденное; а кто нашел, коли тотчас не принесет, почитается за вора; а кто потерял, идет к тому князю, и тот приказывает отдать потерянное. Всегда тот князь пребывает со своим знаменем в самом высоком месте стана, чтобы те, кто что-либо утерял, тотчас же видели его. Так-то ничего не теряется, а все находится и по принадлежности возвращается.

А по той дороге, по которой, как я говорил, идет великий хан к морю-океану, много прекрасных мест, охоты на зверей и птиц много: нигде в свете нет такого удовольствия.

Ездит великий хан всегда в прекрасном деревянном покое на четырех слонах; внутри покой обит сукном, вытканном золотом, а снаружи обтянут львиной кожей. Берет он с собой дюжину лучших из своих кречетов, да сидят с ним для компании и развлечения несколько князей. Так-то едет он в том покое, на слонах, а другие князья скачут кругом. «Царь, – скажут они ему, – журавли летят», – и тотчас же приказывает он раскрыть сверху покой и видит журавлей. Выберет какого захочет кречета и пустит его, и зачастую тот излавливает журавля; а великий хан видит все это со своего ложа, и великая ему потеха и удовольствие. А все другие князья и рыцари скачут кругом великого хана. Никто не поверит, чтобы у кого на свете было столько потех и удовольствий, как у великого хана.

А придет великий хан в Каччар модун [299 - Каччар модим (Каксиар мудэн, Какция медим и др.). Упомянутое место может быть предположительно отождествлено с селением Модун-хотон (лесной город) к северо-востоку от Пекина, на р. Далиньхэ, недалеко от границы с Маньчжурией.], там уже

расставлены палатки, и все сыновья, и князья, и жены, больше десяти тысяч тут красивого да богатого народу. А палатка у него вот какая: в той, где бывают собрания, поместится тысяча всадников; а двери у нее на юг. Сюда сходятся князья и другие люди; рядом, на запад, другая; там пребывает великий хан. Сюда он призывает того, с кем желает поговорить; а за большой залой просторный и красивый покой; здесь великий хан опочивает. Есть еще и другой покой и другие палатки, но не рядом с большой палаткой.

А две залы и тот покой, о котором я говорил, выстроены вот как: в каждой зале три прекрасно сработанных столба из благовонного древа; снаружи покрыты очень красивыми львиными кожами, полосатыми, черными, белыми и красными. Построены они так прочно, что ни дождь, ни ветер не повредят и не попортят их. Внутри они обиты горностаем и соболем; то самые лучшие меха, самые дорогие и богатые из мехов. Хороший соболий мех, по правде, на мужскую шубу стоит две тысячи безантов, а попроще – тысячу. Татары зовут его царским мехом, а зверь – с куницу. Диву даешься, глядя, как этими двумя мехами хорошо обиты и тонко убраны обе залы великого хана. Опочивальня великого хана, что тут же рядом, снаружи обита также львиными кожами, а внутри – горностаевыми и собольими мехами; убрано все прекрасно, на славу. Веревки в покоях и в залах шелковые, дорогие. Маленькому царю и не уплатить того, что стоят три палатки.

Вокруг этих палаток – другие, также хорошо выстроенные и прекрасно убранные. У жен великого хана также палатки богатые. Для кречетов, соколов, для птиц и зверей есть многое множество палаток. В этой ставке просто диво, сколько народу. Она кажется самым многолюдным на свете городом. Отовсюду сошелся сюда народ, да еще с домочадцами. За великим ханом сошлось сюда множество его врачей, звездочетов, сокольничих и других чинов. А устроено тут все так же хорошо, как в столице.

Живет великий хан в том месте до весны, которая начинается там около нашей Пасхи; и во все это время он охотится по соседству, много ловит журавлей, лебедей и других птиц; а люди его, что расставлены по разным местам, приносят ему всякой дичи. Живет он все время там весело, в свое удовольствие, кто сам не видел его великолепия, его дел и потех, тот и не поверит тому, что я говорил.

Скажу вам еще: кругом тех мест, где живет великий хан, на двадцать дней пути никто, ни один купец, ни один ремесленник, ни один крестьянин не смеет держать соколов, или ловчих птиц, или охотничьих собак. А в других областях и землях могут держать собак и ловчих птиц, а коль пожелают, так и охотиться. Во всех местах, где великий хан властвует, знайте еще, по истинной правде, никакой царь, никакой князь и ни один человек не смеет охотиться на зайцев, оленей, ланей и антилоп, на всех зверей, что плодятся с марта по октябрь; а кто противное учинит, жестоко раскается. Великий хан установил так, и приказу его, скажу вам, повинуются; зачастую зайцы, лани и другие звери, что я называл, идут прямо к человеку, и никто их не трогает и зла им никакого не делает.

Живет великий хан в том месте так-то, как вы слышали, до Пасхи, а потом уезжает со всеми своими той же дорогой, что приехал, прямо в Канбалу и во весь путь в свое удовольствие тешится охотой.

Глава XCV

Как великий хан устраивает большие выходы и задает великие пиры

Придет великий хан в свою столицу Канбалу и поселится в главном дворце на три дня, не более; устраивает большой выход и задает великий пир. Веселится и пирует со своими женами. И во все три дня не удивишься пышности великого хана.

Домов и народу в этом городе, и внутри, и вне, превеликое множество. Что ни ворота, то предместье; двенадцать, значит, больших предместий, а народу в них не сосчитать; в предместьях жителей более, нежели в городе, там пристают и живут и купцы, и все, кто приходит по делам; а приходит многое множество ради великого хана; и купцы, и другие люди приходят сюда по своим делам, потому что город торговый.

Дома и дворцы тут [в предместьях], скажу вам, так же хороши, как и в городе, хоть и не такие, как у великого хана.

Мертвых в городе не хоронят, а умрет идолопоклонник, несут его в такое место, где тела сжигают, а это за предместьями; и других хоронят за предместьями.

Грешницы, мирские, значит, жены, что за деньги людям служат, в городе жить не смеют; живут они по предместьям, и не поверите, сколько их тут. Добрых двадцать тысяч их тут! И все за деньги служат, и все заняты, потому что каждый день многое множество купцов и иностранцев приходит и уходит. Если столько мирских жен, легко понять, сколько народу в Канбалу.

Ни в какой другой город в свете не свозится столько дорогих и богатых вещей. Скажу вам прежде всего, что привозится из Индии: везут сюда драгоценные камни, жемчуг и всякие другие дорогие вещи. Все хорошие и дорогие вещи из Китая и других областей привозят сюда; и все это для государей, что живут здесь, для их жен, для князей, для великого множества военных людей и для тех, что приходят сюда, ко двору великого хана. Потому-то свозят сюда, как я вам рассказывал, самые богатые вещи самой дорогой цены, да в таком обилии, как ни в какой другой город в свете; много здесь товаров продается и покупается. Каждый день, знайте, приезжает сюда более тысячи телег с шелком; ткутся тут сукна с золотом и шелковые материи. Кругом этого города, и близко, и далеко, двести городов, и оттуда сходятся сюда за покупками; все нужное находят тут; не удивительно, что в Канбалу достается все, что вам рассказывал. Теперь это вам понятно.

Опишу вам монетный двор в этом самом городе Канбалу и покажу ясно, как великий хан может тратить более, нежели рассказано или расскажется в этой книге.

Глава ХСVI

Как великий хан вместо монет тратит бумажки

В Канбалу – монетный двор великого хана, да такой, что про великого хана сказать можно – алхимию он знает вполне, и вот почему. Приказывает он изготовлять вот какие деньги: заставит он набрать коры от тутовых деревьев, листья которых едят шелковичные черви, да нежное дерево, что между корой и сердцевинкой, и из этого нежного дерева приказывает изготовить папку, словно как бумагу; а когда папка готова, приказывает он из нее нарезать вот как: сначала маленькие [кусочки], стоящие половину малого ливра или малый ливр, иные ценной в полсеребряный грош, а другие – в серебряный грош; есть и в два гроша, и в пять, и в десять, и в безант, и в три, и так далее до десяти безантов; и ко всем папкам приложена печать великого хана. Изготавливается по его приказу такое множество этих денег, что все богатство в свете можно ими купить. Приготовят бумажки так, как я вам описал, и по приказу великого хана распространяют их по всем областям, царствам, землям, всюду, где он властвует, и никто не смеет, под страхом смерти, их не принимать. Все его подданные повсюду, скажу вам, охотно берут в уплату эти бумажки, потому что, куда они ни пойдут, за все они платят бумажками – за товары, за жемчуг, за драгоценные камни, за золото и за серебро: на бумажки все могут купить и за все ими уплачивать; бумажка стоит десять безантов, а не весит ни одного.

Приходят много раз в году купцы с жемчугом, с драгоценными камнями, с золотом, с серебром и с другими вещами, с золотыми и шелковыми тканями; и все это купцы приносят в дар великому хану. Сзывает великий хан двадцать мудрых, для того дела выбранных и сведущих, и приказывает им досмотреть приносы купцов и заплатить за них, что они стоят. Досмотрят мудрецы все вещи и уплачивают за них бумажками, а купцы берут бумажки охотно и ими же потом расплачиваются за все покупки в землях великого хана. Много раз в году, сказать по правде, приносят купцы вещей тысяч на четыреста безантов, и великий хан за все расплачивается бумажками.

Скажу вам еще, много раз в году отдается приказ по городу, чтобы все, у кого есть драгоценные камни, жемчуг, золото, серебро, сносили все это на монетный двор великого хана; так и делают, сносят многое множество всего этого; и уплачивается всем бумажками. Так-то великий хан владеет всем золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями всех своих земель.

Скажу вам еще о другом, о чем следует упомянуть: когда бумажка от употребления изорвется или попортится, несут ее на монетный двор и обменивают, правда с потерей трех на сто, на новую и

свежую. И другое еще следует рассказать в нашей книге: если кто пожелает купить золота или серебра для поделки какой-нибудь посуды, или пояса, или чего другого, то идет на монетный двор великого хана, несет с собой бумажки и ими уплачивает за золото и серебро, что покупает от управляющего двором.

Рассказал вам, как и почему великий хан должен иметь и имеет богатства более, нежели кто-либо в свете. А вот что еще изумительнее: у всех царей в свете нет столько богатства, сколько у великого хана.

Рассказал вам и описал, как великий хан изготавливает бумажки, а теперь порасскажу о великих господах, что по приказу великого хана из этого города Канбалу распоряжаются.

Глава ХСVII

Здесь описываются двенадцать баронов, что все дела великого хана исполняют

Выбрал великий хан двенадцать знатных князей и им поручил все дела в тридцати четырех областях. Обычай у них и порядки вот какие.

Прежде всего скажу вам, двенадцать князей живут в городе Канбалу в одном дворце. Дворец большой, прекрасный; много в нем покоев и отдельных домов.

Во всякой области есть свой судья и свои писцы; живут они во дворце, каждый в своем доме, и ведают все дела той области, куда приставлены; исполняют их по воле и приказу двенадцати князей, а о них я уже говорил.

А власть у двенадцати князей вот такая: правителей областей они выбирают; выберут достойного и доложат об этом великому хану; великий хан избранного утверждает и дарует ему какую следует золотую дщицу. Куда войскам следует идти, об этом также заботятся те же князья; куда покажется, что нужно, туда князья и шлют войска, и, сколько пожелают, столько и шлют, но всякий раз с ведома великого хана. Также они распоряжаются и в других областных делах. Зовут их scieng, что значит «великий суд» [300 - Слово «сян» – министр. Очевидно, что Марко Поло, как и его мусульманские современники, смешивает слово «сян», обозначающее членов совета 12, со словом «син», которым обозначались 12 главных областей, на которые разделялся Китай при монголах.], выше их только великий хан. Кому захотят, много добра тому могут сделать.

Не стану перечислять поименно областей; ясно расскажу об этом в нашей книге. Оставим это и расскажем вам, как великий хан посылает своих гонцов и как им заготавливают лошадей.

Глава ХСVIII

Как от Канбалу в разные области идут многие дороги

От Канбалу, знайте по истине, много дорог в разные области, то есть одна в одну область, другая в другую; и на всякой дороге написано, куда она идет, и всем это известно. По какой бы дороге ни выехал из Канбалу гонец великого хана, через двадцать пять миль он приезжает на станцию, по-ихнему янб [301 - В русском языке «ям» (отсюда ямщик).], а по-нашему «конная почта»; на каждой станции большой прекрасный дом, где гонцы пристают. Богатые постели с роскошными шелковыми одеялами в этих постоялых дворах; все, что нужно гонцу, там есть; и царю пристать тут хорошо.

На каждой станции по четыреста лошадей; так великий хан приказал; лошади всегда тут наготове для гонцов, когда великий хан куда-либо посылает их. По всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать есть станции; на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей всегда наготове для гонцов; тут же дворцы, где гонцы пристают. Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого хана.

В местах пустынных, где нет ни жилья, ни постоялых дворов, и там великий хан для гонцов приказал устроить станции, дворцы и все нужное, как на других станциях, и коней, и сбрую; гоньба только подальше; есть станции в тридцать пять миль, а в ином месте более сорока. Вот такто, как вы слышали,

ездят гонцы великого хана, и на всякой гоньбе есть им где пристать и лошади готовы.

Такого величия, такой роскоши не было ни у какого императора, ни у одного короля, да и ни у кого. На этих всех станциях, знайте по правде, более двухсот тысяч лошадей готовы для гонцов, а дворцов, скажу вам, более десяти тысяч, и во всех них, как я уже говорил, богатая сбруя. И такая тут изумительная роскошь, что еле под силу рассказывать или описывать это.

Забыл я рассказать об одном, что сюда же относится: между каждыми двумя станциями, через каждые три мили есть поселки домов в сорок; живут тут пешие гонцы великого хана, и исполняют они службу вот как: у них большие пояса с колокольчиками, для того чтобы издали слышно было, как они бегут; бегут они вскачь и не более трех миль; а через три мили стоит смена; издали слышно, что гонец идет, и к нему уже готовятся; придет он, от него отбирается, что он принес, а от писца – лоскуток бумаги, и новый гонец пускается вскачь, бежит три мили, а потом сменяется так же, как и первый гонец. Великий хан таким-то образом, через этих пеших гонцов, в одни сутки получает вести из-за десяти дней пути; проходят эти пешие гонцы в одну ночь и в один день десять дней пути; в двое суток приносят вести из-за двадцати дней расстояния. Часто в один день великому хану они доставляют плоды из-за десяти дней расстояния. Податей с них великий хан не берет, а еще им дарит из своей казны да лошадей, что на станциях для гонцов.

Устроены эти станции вот как: приказывает великий хан спросить у города, что близ какой-нибудь станции, сколько лошадей он может поставить; отвечает город, что сто; великий хан и приказывает выставить на эту станцию сто; потом спрашивает другие города и замки, сколько лошадей они могут выставить, столько и приказывает выставить на станцию. Так устроены все станции, и они ничего не стоят великому хану; только на станциях в местах нежилых он приказывает выставлять своих собственных лошадей.

Когда нужно поскорее доложить великому хану о какой возмущившейся стране, или о каком князе, или о чем важном для великого хана, гонцы скачут по двести миль в день, а иной и по двести пятьдесят миль, и скажу вам, как это делается: когда гонцу нужно ехать скоро столько-то миль, как я рассказывал, для этого дается ему дщица с кречетом. Если гонцов двое, оба пускаются с места на добрых, сильных скакунах; перевязывают себе животы, обвязывают головы и пускаются сколько мочи вскачь, мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны. Садятся они на них не мешкая, тотчас же, и, как сядут, пускаются вскачь, сколько у лошади есть мочи; скачут до следующей станции; тут им готовы новые лошади, на них они садятся и едут дальше, и так до вечера.

Вот так-то, как я рассказывал, гонцы проезжают двести пятьдесят миль и доставляют великому хану вести, а коли нужно и весть важная, так и по триста миль проезжают.

Довольно о гонцах; рассказал о них все ясно, а теперь расскажу о великой милости великого хана, что дважды в год он оказывает своим подданным.

Глава XCIX

Как великий хан помогает тем, у кого нет хлеба или скотины

Рассылает великий хан гонцов по всем своим землям, царствам и областям узнавать, не погиб ли где хлеб от непогоды, града или другого какого бедствия. Узнает, кто пострадал, без хлеба; с таких не приказывает брать податей за год, а еще приказывает дать им своего хлеба для прокормления и на обсеменение. И великая та милость великого хана! Это делается летом, а зимою раздает скотину: как узнает, что у такого-то пал скот, приказывает дать ему скотину, помогает ему и тот год податей с него не берет.

Так-то, как вы слышали, помогает и поддерживает своих подданных великий хан.

Описал вам это, а теперь поговорим о другом.

Глава С Как великий хан сажает деревья по дорогам

По большим дорогам, где гонцы скачут, купцы и другой народ ездит, великий хан приказал через

каждые два шага насадить деревья. Деревья эти, скажу вам, теперь велики так, что видны издали. А сделал это великий хан для того, чтобы всякому дорога видна была и заблудиться нельзя было. И по пустынным дорогам есть деревья; для купцов и для гонцов великое от того удобство; и во всех царствах и областях есть деревья по дорогам.

Рассказал вам о деревьях по дорогам, опишу теперь иное.

Глава CI

Здесь описывается вино, что пьют подданные великого хана

Весь почти народ в области Катай пьет вот какое вино: готовят его из риса с другими хорошими пряностями, и питье выходит лучше всякого другого вина: и чисто, и вкусно; вино горячее, и пьянеешь от него скорее, нежели от другого.

Оставим это и опишем, как камни, словно дрова, горят.

Глава CII

Здесь описывается, как камни, словно дрова, горят

По всей области Катай есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова. Огонь от них сильнее, нежели от дров, он продержится во всю ночь, до утра. Жгут эти камни, потому что и дешево, да и деревья сберегаются. Рассказал вам об этом, опишу другое, как великий хан дешево собирает хлеб.

Глава CIII

Как великий хан приказывает собирать многое множество хлеба и раздает его в помощь своему народу

Когда великий хан знает, что хлеба много и он дешев, то приказывает закупить его многое множество и сыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года тричетыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и черное просо, и всякий другой хлеб; все это собирает во множестве. Случится нехватка хлеба и поднимется он в цене, тогда великий хан выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продается за безант, за ту же цену он дает четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он дается и у всякого его вдоволь. Так-то великий хан заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует. Рассказал вам об этом, опишу теперь, как великий хан раздает милостыню.

Глава CIV

Как великий хан раздает бедным милостыню

Рассказал вам, как великий хан раздает хлеб своему народу, теперь опишу, как он бедным в Канбалу дает милостыню. Приказывает он набрать в городе бедные семьи, которым есть нечего; в одной семье человек шесть, в другой – восемь, или десять, или больше, или меньше; для прокормления их великий хан приказывает раздать пшеницы и другого хлеба; и дается им вдоволь. Всякому, скажу вам, кто придет ко двору за хлебом, отказа в этом нет; у кого хлеба нет, всякому он дается. Более тридцати тысяч человек ежедневно, знаете, приходят за хлебом, и это каждый год.

По великой своей доброте великий хан жалеет о своем бедном народе; а тот за это почитает его как бы за Бога.

Расскажу вам теперь о другом. Оставим Канбалу, пойдем в Катай описывать великое и богатое, что там есть.

Об астрологах в городе Камбалу

Есть в городе Камбалу между христианами, сарацинами и катаяцами около 5000 астрологов и гадателей, которых великий хан ежегодно снабжает пищей и одеждой, как упомянутых бедняков, и которые постоянно занимаются своим искусством в городе. У них есть астрольбия, на которой написаны знаки, часы и критические пункты целого года.

Ежегодно упомянутые христиане, сарацины и катаяские астрологи, каждые отдельно, рассматривают по этой астрольбии ход и характер каждого года сообразно положению каждой луны, чтобы рассмотреть и определить, какая должна быть погода по естественному ходу вещей и по расположению планет и знаков и какие особенности произведет каждая луна того года, например, что в такой-то луне будут грозы и бури, в такой-то – землетрясения, в такой-то – дожди, в такой-то – болезни, [большая] смертность, война, раздоры и заговоры. Они объявляют обстоятельства каждой луны сообразно тому, что нашли, прибавляя, что Бог может сделать больше или меньше по своей воле. Они пишут на особых небольших квадратных табличках все, что должно совершиться в том году; эти таблички они называют такуини [302 - Арабское слово «таквим» – календарь.] и продают их по грошу за штуку всем, кто желает узнать будущее. Те, чьи предсказания более всего оправдываются, считаются наиболее совершенными знатоками своего искусства и достигают самого большого почета.

Также если кто-нибудь задумает совершить какой-нибудь большой труд или отправиться в какую-нибудь далекую страну для торговли или с какой-нибудь другой целью и захочет узнать, каков будет исход его предприятия, он идет к одному из тех астрологов и говорит ему: «Посмотрите в своих книгах, в каком положении теперь небо, так как я хочу отправиться за таким-то делом или для торговли». Тогда астролог говорит вопрошающему, что он должен сказать ему год, месяц и час своего рождения, что тогда он рассмотрит, как согласуются созвездия, под которыми он родился, с теми, что были в небе в тот час, когда был поставлен вопрос, и предскажет ему, хорошо ли или дурно кончится для него будущее сообразно с расположением небесных созвездий.

Нужно знать, что татары ведут счет своим годам по кругам из двенадцати лет; первый год они обозначают названием льва, второй – быка, третий – дракона, четвертый – собаки [303 - В действительности годы 12-летнего цикла расположены в следующем порядке: год мыши, быка, барса, зайца, дракона, змеи, лошади, барана, обезьяны, курицы, собаки и свиньи.] и т. д. до тех пор, пока число не достигнет двенадцати.

Таким образом, если кого-нибудь спросят, когда он родился, он отвечает, например, так: в год льва, в такой-то день или ночь, в такой-то час, в такую-то минуту; потому отцы смотрят за тем, чтобы все это тщательно записывалось в книгу. Когда окончен счет двенадцати знакам, обозначающим двенадцать лет, тогда они возвращаются к первому знаку и снова начинают считать в том же порядке.

О религии татар и их мнениях относительно души и их нравах

Как мы сказали выше, эти народы идолопоклонники, а что до их богов, то у каждого высоко на стене его комнаты прибита табличка, на которой написано имя, обозначающее Всевышнего, Небесного Бога; ей они каждый день поклоняются с кадиллом фимиама следующим образом: поднимают руки вверх и трижды скрежещут зубами, чтобы Бог дал им хороший ум и здоровье, а другого они у него не просят. Ниже, на полу, стоит изображение, которое зовется Натигаем, это бог земных вещей, рождающихся по всей земле. Ему они придают жену и детей и поклоняются ему таким же образом с кадиллом, скрежеща зубами, и поднимают руки; у него просят благоприятной погоды, земных плодов, сыновей и подобных благ.

Душу они считают бессмертной в том смысле, что тотчас после смерти человека она переходит в другое тело; смотря по тому, жил ли человек хорошо или дурно, душа переходит от хорошего к лучшему или от дурного к худшему. Если это был бедный человек и вел себя при жизни хорошо и скромно, то он после смерти возродится от дворянки и сам будет дворянином; потом он родится от государыни и будет государем; поднимаясь все выше и выше, он, наконец, доходит до Бога. Если же он

вел себя дурно, то он, если был сыном дворянина, возрождается как сын крестьянина, потом возрождается собакой и спускается ко все более презренной жизни.

Они говорят цветистым языком; приветствуют друг друга вежливо, с веселым и радостным видом; держат себя с достоинством и едят очень чисто. Отцу и матери оказывают большой почет; если же случится, что какойнибудь сын оскорбит родителей или не поможет им в случае нужды, то есть особенное присутственное место, у которого нет другого дела, как наказывать неблагодарных сыновей, оказавшихся виновными в каком-нибудь неблагодарном поступке по отношению к родителям.

Разного рода преступники, задержанные и посаженные в тюрьму, подвергаются удушению; когда же наступает срок, назначенный великим ханом для освобождения задержанных, что бывает каждые три года, то их отпускают, но при этом кладут им клеймо на одну щеку, чтобы после узнавать их.

Нынешний великий хан запретил все игры и фокусничества, которым там предаются более, чем где-либо в мире. Для этого он говорил им: «Я покорил вас с оружием в руках, и все, что принадлежит вам, – мое, потому если вы играете, то играете моею собственностью».

Не хочу обойти молчанием того порядка и обычая, как должны вести себя люди из народа и вельможи великого хана, когда приходят к нему. При первом приближении к тому месту, где находится великий хан, люди из народа еще на расстоянии полмили, из уважения к его высокому сану, останавливаются со скромным, тихим и спокойным видом; не слышны никакой шум, никакой звук и никакой громкий говор.

Каждый барон или дворянин постоянно носит с собой небольшой и красивый сосуд, в который плюет, пока находится в зале, так как никто в зале не смеет плевать на пол; плюнув, он прикрывает сосуд и ставит его в сторону. У них есть также красивые сапожки из белой кожи, которые берут с собой; придя во двор, откуда войдут в залу, когда их позовет государь, они надевают эти белые башмаки, а другие передают слугам, чтобы не запачкать великолепных, искусно сделанных шелковых разноцветных ковров, шитых золотом.

Глава СХХI

Как великий хан покорил царства Минин и Бангала

Забыл я упомянуть о большой битве в царстве Вочиан, а рассказать о ней в этой книге следует, потому и опишем ее ясно, как она произошла.

В 1272 г. по Р. Х. [304 - По китайским известиям, в 1277 г.] послал великий хан большое войско в Вочиан и Караиан сторожить и охранять их, чтобы никто им зла не делал. Сынов своих великий хан туда еще не посылал; сделал он это потом: назначил туда царем Сентемура, сына одного из своих померших сынов.

Царь Мьяна и Бангалы [305 - Мьянь – китайское название Бирмы (Мьянмы). БангалуПегу – одно из средневековых царств на территории современной Мьянмы.] был сильный: много у него было и земель, и богатства, и народа; великому хану он не подчинился, а великий хан его покорил потом и отнял у него оба царства. Узнал царь Мьяна и Бангалы, что войско великого хана в Вочиане, и решил, что сможет идти на это множество людей, побьет их всех и великий хан вперед не захочет посылать сюда войска.

Стал этот царь делать вот какие великие приготовления: было у него, скажу вам по правде, две тысячи больших слонов; и на каждого слона приказал он приладить деревянный теремец, крепкий, красивый и приспособленный к бою; в каждом теремце было по двенадцати воинов, в ином шестнадцать, а в ином и побольше, было у него шестьдесят тысяч конных, были и пешие воины. Изготовился, как следует такому сильному и могущественному царю; для великих дел было то войско.

Ну что же вам сказать? Кончил эти приготовления царь и немедля, тотчас же, пошел на войско великого хана в Вочиане. Как он шел, об этом нечего рассказывать. Подошел к татарскому войску и за три дня пути стал станом, чтобы люди отдохнули.

Глава СХХII

Здесь описывается битва между войском великого хана и царем Мяна

Когда военачальник татар узнал наверное, что царь Мяна идет на него с великою силою, стал он побаиваться; было у него всего двенадцать тысяч конных, но сам-то он был храбр и хороший полководец. Звали его Несрадином. Собрал он свои войска в порядке, прибодрил их, позаботился сколько мог об охране страны и своих людей. Словом, все татары, двенадцать тысяч всадников, собрались на равнину Вочиан, тут они ждали врага сразиться с ним; и было то ловким делом умного военачальника. У той равнины, знайте, был густой лес. И вот так-то, как мы слышали, поджидали врага в равнине татары.

Оставим татар, вернемся к ним скоро, а пока поговорим о враге. Отдохнул со своим войском царь Мяна и пошел, а как пришел в равнину Вочиан, татары стояли уже там готовыми; пришел царь в ту равнину и за милю от врага приготовил своих слонов, теремцы и славно вооруженных воинов. Конных и пеших расставил он хорошо и умно, как и следовало умному царю. Устроил все, привел в порядок, да и пошел с войском на врага: увидели татары, что он идет на них, и виду не дают, что испугались, стоят себе смело и храбро. Выступили они против врага стройно, в порядке. Сошлись, и, как нужно уже было начинать схватку, увидели кони татар слонов, да испугались до того, что не смогли татары вести их на врага и повернули назад. А царь со своими воинами да слонами идет себе вперед.

Глава СХХIII

Здесь говорится о той же битве

Увидели это татары, взбесились и не знают, что им делать; было им ясно, что коли не смогут повести своих коней вперед, так все погибнут. Умно, однако же, распорядились, сделали вот что: видят они, что лошади испугались, спешили, попрятали коней в лесу, привязали их к деревьям, потом взяли за луки, насадили стрелы, да и стали стрелять в слонов. Стрелять они умеют ловко и слонов изранили жестоко. Царские ратники не переставали также стрелять и сильно на них нападали, да татары лучше врага умели биться и храбро защищались.

Что же вам сказать? Израненные слоны повернули назад, да и побежали на своих; бегут грузно, словно свет разваливается; и перед лесом не остановились, ворвались туда, теремцы разваливаются, ломают и разрушают все. Со страху бегут по лесу в разные стороны.

А татары увидели, что слоны бегут, тотчас на коней, да и помчались на царскую рать; началась тут жестокая перестрелка; царская рать защищалась храбро; вышли все стрелы, схватились за мечи и копья и побежали друг на друга с остервенением, крепко бились и мечами, и копьями, убивали и коней, и всадников, отсекали руки и головы, резали тела, валялись на земле и мертвые, и раненые. Поднялся такой шум и крик, грома Божьего не слышать. Злая была драка; татары, по правде сказать, победили; не посчастливилось царю и его ратникам; много их было побито в тот день. После полудня пришлось царю и его ратникам плохо; побито их было много, и стало им невтерпеж; видят, что все погибнут, коль останутся здесь, не могли они тут оставаться и побежали что есть мочи; а татары за ними следом, гонят, бьют, убивают без пощады; жалость была смотреть. Прогнали их татары и вернулись назад в лес, за слонами; навалили больших деревьев, чтобы слоны не ушли; не переловить бы им слонов, если бы пленные ратники не перехватили их. Слон умнее всякого животного.

Более двухсот слонов они переловили; начиная с тех пор завелось у великого хана много слонов.

Вот так-то, как вы слышали, произошла та битва. Глава ССХХ Здесь описываются цари западных татар

Первым царем западных татар был Саин; был он сильный и могущественный царь. Этот царь Саин покорил Россию, Команию, Аланию, Лак, Менгиар, Зич, Гучию и Хазарию [306 - Под Менгиаром, вероятно, следует понимать страну мадьяр, или венгров, под Зичем – страну черкесов, под Гучией – страну крымских готв. Комания – страна команов, т. е. кипчаков (иначе – половцев); Алания – страна

аланов (предков осетин). Крымские готы – потомки племени готов, смешавшиеся с местным коренным населением.], все эти области покорил царь Саин. А прежде нежели он их покорил, все они принадлежали команам, но не были они дружны между собою и не составляли одного царства, а потому команы потеряли свои земли и были разогнаны по свету; а те, что остались на месте, были в рабстве у этого царя Саина. После царя Саина царствовал Пату, после Пату царствовал Берка, после Берки царствовал царь Монглетемур, после него – царь Тотамонгур, а потом Токтай, что теперь царствует [307 - Марко Поло ошибочно отличает Саина от Бату, который получил от монголов прозвание Саин-хан (добрый хан).].

Рассказали вам о царях западных татар, а расскажем потом о битве, что была между Алаем, царем левантским, и Баркою, царем Запада; скажем, из-за чего они дрались и каким образом произошла битва.

Глава ССXXXI

Здесь описываются война между Алаем и Беркою и битвы, что были между ними

В 1261 г. по Р. Х. произошла великая распря между Алаем, царем восточных татар, и Беркою, царем западным, из-за области, что была смежна тому и другому; каждому хотелось ею завладеть, и ни один не хотел уступить ее другому: почитали себя оба сильными и могущественными [308 - Спор шел за области Арран (в Закавказье) и Азербайджан.]. Вызывали друг друга и говорили: «Пойду возьму ее и посмотрю, кто у меня ее отнимет». И после того как вызвали они друг друга на войну, собрал каждый всех своих; стали изготавляться так, как и не видано было; каждый что есть мочи старался превзойти другого.

Через шесть месяцев после вызова собрал каждый до трехсот тысяч всадников, прекрасно вооруженных всем, что, по их обычаю, нужно для войны. И когда все было готово, Алау, восточный царь, пошел в поход со всеми своими. Скакал он много дней без всяких приключений, и приехал в большую равнину между Железными воротами и Сарайским морем [309 - То есть между Дербентским проходом (Каспийскими воротами) и северной частью Каспийского моря. Битвы происходили в 1262 г. в местности к северу от Дербента и на Тереке.], и расставил в порядке свой стан на этой равнине; скажу вам по истинной правде, много было тут богатых ставок и много богатых палаток; видно было, что стан богатых людей. Решил Алау здесь поджидать Берку с его войсками. Тут он и жил, поджидая врага. А место, где он станом стоял, было на границах двух царств.

Оставим Алау и его людей, вернемся к Берке и его войскам.

Глава ССXXXII

Как Берка с войском шел навстречу Алау

Изготовился Берка, собрал своих людей, и узнал он тут, что Алау со всем своим войском пошел в поход; решил он, что и ему нельзя отставать, и немедля пустился в путь. Скакал он до тех пор, пока не прибыл на большую равнину, где уже враг был; стал и он в порядке станом подле Алау, в десяти милях. Стан его был так же хорош, как и стан Алау, и так же богат, были тут шатры из золотых тканей, богатые палатки; по правде, красивее и богаче стана не видано было прежде; и было тут войска более, нежели у Алау: у Берки было более трехсот пятидесяти тысяч конных. Стали они станом и отдыхали тут два дня. Собрал тогда Берка своих людей и говорил им так:

«Славные государи, – сказал он, – вы, конечно, знаете, что с тех пор, как я царствую, любил я вас как братьев и сыновей, мудры вы, и многие из вас были со мною во многих больших битвах, и много из тех земель, чем мы владеем, вы помогали мне покорять; знайте еще: все, что мое, то и ваше, и, так как все это правда, каждый сколько есть мочи должен стараться поддержать честь; до сих пор действовали мы хорошо. Знайте, что великий и сильный Алау хочет драться с нами; и не прав он, потому что воистину

вот что: правда на нашей стороне, а на его неправда, а поэтому всякий да будет уверен, что мы победим; вот еще что должно вас поддерживать – людей у нас больше, нежели у него. Мы знаем очень хорошо, что у него не более трехсот тысяч всадников, а у нас триста пятьдесят тысяч таких же хороших, да еще и лучших. По всему этому, славные государи, видите вы ясно, что мы должны победить в битве. И так как мы пришли сюда драться издалека, то через три дня хочу я дать сражение, станем действовать умно и в порядке, чтобы дело наше шло от хорошего к лучшему. Умоляю, как умею, всем быть храбрыми и действовать, так чтобы весь свет о нас заговорил. Больше этого не хочу говорить; прошу всех в назначенный день быть готовыми, действовать умно и быть храбрыми».

Замолк тут Берка и не сказал больше ничего.

Оставим его; о его деле кое-что мы рассказали. Расскажем об Алау и его войске, да и о том, что он делал, когда Берка с войском подошел близко.

Глава ССXXXIII

Как Алау говорит своему войску

Рассказывают, когда Алау узнал наверное, что Берка пришел со множеством войска, собрал он на совет много умных людей, и, когда они собрались, сказал он им так:

«Милые братья, сыны и друзья, – говорил он, – вы знаете, что всю жизнь вы мне помогали и поддерживали меня. До нынешнего помогали вы мне в моих победах, и не были мы в такой битве, где бы не побеждали, и вот мы пришли сюда драться с великим Беркою.

Знаю я хорошо, и это правда, что войска у него столько же, как и у нас, даже больше, да хуже оно нашего. Скажу вам, по истинной правде, хоть их и много там, но с нашими добрыми молодцами мы их разобьем и прогоним. Знаем мы через наших соглядатаев, что через три дня выйдут они драться, и этому я очень рад. Прошу я всякого приготовиться к этому дню и чтобы решился он действовать так, как вы привыкли. Хочу вам сказать еще одно: лучше, уже если другое невозможно, умереть честно на поле, а не быть разбитыми; да старается всякий действовать так, чтобы честь была спасена, а враг разбит и погиб».

Тут замолк Алау.

Так-то, как вы слышали, говорили оба великие царя; ждали назначенного дня для битвы; а витязи сколько есть мочи готовили все, что нужно для битвы.

Глава ССXXXIV

О великой битве между Алау и Беркою

Когда настал день, назначенный для битвы, Алау встал ранним утром и вооружил всех своих людей; умно и хорошо расставил он их и распределил, как и подобает умному человеку. Разделил он войско на тридцать отрядов, и в каждом было по десяти тысяч всадников; было у него около трехсот тысяч всадников. К каждому отряду он приставил хорошего начальника и предводителя; и, когда он устроил хорошо и умно свои дела, приказал он своим отрядам ехать на врага. Поехали по его велению воины рысцою и приехали на полпути между двумя станами; здесь они остановились и стали поджидать врага на битву. И вот так-то, как вы слышали, они поджидали врага.

Берка со своей стороны поднялся также рано со всеми своими воинами, вооружился, приготовился хорошо и умно; расставил и распределил свои отряды хорошо и умно; разделил он войско на тридцать пять отрядов, и в каждом отряде, так же как и у Алау, было десять тысяч всадников, хорошие начальники и предводители. Кончил все это Берка и приказал своим отрядам ехать вперед; славно поскакали они, да с толком, и стали в полумиле от врага; они остановились тут, постояли немного и пустились опять на врага.

И что вам сказать? За два выстрела обе стороны остановились и поджидали отряды, что отстали;

было то самое лучшее и раздельное место в равнине; множество всадников могли там драться. И нужна была такая славная и большая равнина: столько воинов, как тут, нигде не билось. Было тут шестьсот пятьдесят тысяч всадников двух самых могущественных в свете людей, Алау и Берки; оба они, скажу вам, были близкие родственники, оба были императорского рода Чингисханова.

Глава ССХХV

Еще о битве между Алау и Беркою

Стояли оба царя невдалеке друг от друга, поджидая начала битвы и с нетерпением прислушиваясь к накару. Через немного времени с двух сторон забил накар; и, как только услышали они его бой, немедля бросилась одна сторона на другую; схватились за луки, пускают стрелы и метят ими во врага. Летают стрелы с той и другой стороны, и через немного времени воздух ими так наполнился, что и неба не было видно. Видно было, как много людей падали на землю и много также коней; и должны вы этому верить, не могло быть иначе, столько стрел зараз было выпущено. Не переставали они пускать стрелы до тех пор, пока стрелы были в колчане, и вся земля покрылась мертвыми и насмерть ранеными. А когда израсходовали все стрелы, схватились за мечи и палицы, бегут друг на друга и раздают удары сильные. Началась битва злая и жестокая. Жалко было смотреть. Видно было, как отсекались руки и головы; валялись на земле кони и люди мертвые; много погибло; в дурной час началась эта битва; просто жалость! Ни в одной битве не погибло столько, как тут. Крик и шум был такой, что грома Божьего не услышать. Скажу вам, по истинной правде, по мертвым телам приходилось ходить; вся земля ими была покрыта и от крови стала багровая. По истинной правде, скажу вам, давно уже не было битвы, где столько людей погибло бы, как тут. Такой тут был плач и так кричали те, что на землю пали смертельно раненные и не могли подняться. Просто жалость было смотреть! В дурной час началась битва для той и другой стороны. Много жен стали вдовами, и много детей – сиротами. Показали они, что добра друг другу не желают и враги смертельные.

Царь Алау и в драке сильный, отличился в этой битве, показал себя способным землею владеть и венец носить. Совершал он великие воинские подвиги, своих воинов поддерживал; видят они, что царь их действует так хорошо и смело, мужаются они. Поистине был то удивительный воинский подвиг; изумлялся всяк, кто видел это, и друг, и враг; казался Алау не человеком, а молнией и бурей. Так-то, как вы слышали, действовал Алау в битве.

Глава ССХХVI

Как Берка действует храбро

Скажу вам, как Берка также отличился. Действовал он хорошо и был храбр; действовал поистине так, что весь свет его хвалил; но в этот день ничего из его храбрости не вышло; люди его все померли, да были поранены и на землю повергнуты, и стало ему невтерпеж. А потому, когда битва продлилась до вечерни, Берка и его воины не могли больше терпеть, приходилось им оставить поле битвы.

И что вам сказать? Когда не могли они более терпеть, пустились они бежать, сколько есть мочи погоняли коней; а Алау и его воины увидели, что враг побежал, и пустились им вслед; гонят их, бьют и убивают, злодействуют так, что жалость было глядеть. Погнались немного, да и перестали, повернули к своим ставкам. Снимают вооружение, раненых омывают и перевязывают. Устали они и утомились так, что никто не хотел более биться и все хотели отдохнуть. Утомленные и усталые отдыхают они в эту ночь; а когда утро настало, приказывает Алау, чтобы все тела, свои и вражеские, были сожжены; и тотчас же его веление исполняется.

И после того как все это было сделано, Алау возвращается в свою сторону с теми, кто уцелел в битве. Знайте, хоть он и победил, а много у него народа погибло; но воистину у врага побито было еще

больше. Погибло в этой битве столько, что кто услышит, так и не поверит.

Так-то, как вы слышали, произошла эта битва и Алау победил.

Оставим Алау и эти дела и расскажем ясно, как вы услышите, о битве татар западных.

Глава ССXXVII

Как Тотамангу сделался царем западных татар

Монгутемур был царем татар на западе, и царство его должно было перейти к Толобуге, человеку молодому; Тотамангу был могуществен и с помощью Ногая, другого татарского царя, взял да и убил Толобугу. Не процарствовал он долго и помер; на царство был выбран Токтай, муж мудрый и храбрый; царствовал он и властвовал в стране Тотамангу. Случилось тем временем, два сына Толобуги, что был убит, подросли и стали храбрыми воинами. Были они и мудры, и храбры; эти два брата, что были сынами Тотамангу, снарядились с добрыми спутниками и пустились в путь ко двору Токтая. Пришли они туда и повели себя там хорошо и умно; стали оба на колени; а Токтай им сказал: «Добро пожаловать» и велел подняться. И как встали оба юноши, старший сказал так-то:

«Славный царь Токтай, скажу тебе как умею, зачем мы пришли сюда; знаешь ты очень хорошо, что сыны мы того Тотамангу, кого убили Толобуга да Ногай; Толобуга помер и ничего не может сказать, а от Ногая мы требуем отчета и просим тебя, нашего справедливого господина, чтобы ты заставил его дать отчет, зачем он убил нашего отца; просим, чтобы призвал его перед себя и заставил его дать отчет в смерти нашего отца. Вот зачем пришли к твоему дворцу и молим, чтобы ты нам это сделал».

Замолк юноша и не сказал более ничего.

Глава ССXXVIII

Как Токтай требует у Ногая отчета в смерти Тотамангу

Выслушал Токтай, что юноша ему говорил; знал он, что это правда, и отвечал так:

«Милый друг, – говорил он, – просишь ты, чтобы я потребовал отчета у Ногая; сделаю я это охотно; призовем его ко двору перед себя и поступим с ним как подобает».

Посылал тогда Токтай двух гонцов к Ногаю и приказывал ему явиться ко двору ответ держать двум сынам Тотамангу. Принесли гонцы эти вести Ногаю, а он посмеялся, да и сказал, что не пойдет туда. Услышали гонцы такой ответ Ногая и пустились в обратный путь, приехали ко двору своего господина и рассказали ему, как наказывал Ногай, что ни за что не придет. Выслушал Токтай то, что ему наказывал Ногай, и разгневался на него; сказал он так громко, что все кругом слышали:

«С Божьей помощью, – говорил он, – или Ногай придет сюда передо мной отдать отчет сынам Тотамангу, или я со всем моим народом пойду уничтожить его».

И немедля послал он двух других гонцов с такими словами, как вы услышите.

Глава ССXXIX

Как Токтай посылает гонцов к Ногаю

Пустились два гонца в путь и приехали ко двору Ногая. Пошли они к нему и поклонились честью, а Ногай им сказал: «Добро пожаловать». Заговорил тогда один гонец и сказал так:

«Славный государь, – говорил он, – наказывает тебе Токтай, – что, если ты не придешь ко двору отдавать отчет сынам Тотамангу, пойдет он на тебя со всем своим народом и учинит тебе такое зло, какое только сможет, и добру твоему, и тебе самому, а поэтому подумай, как тебе действовать, и с нами отвечай».

Услышал Ногай, что Токтай ему наказывал, разгневался и сказал гонцам так.

«Господа гонцы, – говорил он, – вернитесь к своему господину и скажите ему от меня, не боюсь я войны с ним; скажите ему еще, что, если он пойдет на меня, не стану я ждать, чтобы он взошел в мою страну, пойду ему навстречу за полпути. Вот что я наказываю и отвечаю вашему царю».

Замолк и более ничего не сказал.

Выслушали гонцы слова Ногай и немедля тотчас же пустились в путь и поскакали к своему царю. Рассказали ему все, что наказывал Ногай, что не боится он войны и пойдет к нему навстречу за полдороги. Выслушал Токтай и видит, что войны не миновать; тотчас же немедля рассылает гонцов по разным странам, ко всем, кто ему подвластен, извещает их, чтобы готовились они идти на царя Ногай. И что вам сказать? Стал он делать большие приготовления. А с другой стороны, как узнал Ногай за верное, что Токтай собирается на него с большим войском, стал и он сильно готовиться, но не так, как Токтай; не было у него ни столько народу, ни столько силы, но был и он велик и могуществен.

Глава ССXXX

Как Токтай пошел на Ногай

Снарядился царь Токтай и поехал; пошел в поход со всеми своими воинами; вел он с собою двести тысяч конных. Скакали они без всяких приключений до тех пор, пока не приехали в славную и великую равнину Нерги [310 - Битва между Тохтой и Ногаем, кончившаяся победой Ногай, произошла около Дона. Название Нерги не выяснено.]. Тут он стал станом и подждал Ногай: знал он, что и тот спешит на битву. Оба сына Тотамангу были здесь с добрым отрядом всадников; пришли они отомстить за смерть отца.

Но оставим Токтая и его воинов и вернемся к Ногаю и его людям. Как узнал Ногай, что Токтай пошел в поход и идет на него, не стал он медлить и со всеми своими пошел в дорогу; было у него полтораста тысяч конных, народ все храбрый и славный, много лучше воинов, что были у Токтая.

И что вам сказать? Не прошло и двух дней с тех пор, как Токтай пришел в эту равнину, а уже Ногай со всеми своими был тут и в отличном порядке расставил свой стан в десяти милях от врага. И когда стан устроился, видно было много красивых ставок из золотого сукна, много славных шатров; видно было, что стан богатого царя; а Токтаев стан был не хуже и не беднее, а даже лучше и богаче; были тут удивительно богатые ставки и богатые шатры. Сошлись два царя на равнине Нерги и стали отдыхать, чтобы быть свежими и не утомленными в день битвы.

Глава ССXXXI

Что Токтай говорит войску

Собрал Токтай своих людей, созвал большой совет и говорил им так:

«Государи, – сказал он, – пришли мы сюда драться с Ногаем и его людьми, и дело то справедливое; знаете всю нашу ненависть и злобу оттого, что Ногай не хотел прийти отдавать отчет сынам Тотамангу. На нашей стороне правда, и мы должны победить, а он помрет и сгинет; и всякий из вас должен этим утешиться и крепко надеяться на победу; но все-таки, прошу вас, будьте храбры и старайтесь сколько мочи есть разбить и уничтожить врага».

Замолк и более ничего не сказал.

Ногай, с другой стороны, собрал свой совет и говорил так:

«Дорогие братья и друзья, – сказал он, – знаете вы, во многих больших битвах, во многих больших схватках мы уже побеждали, со многими сильными людьми имели мы дело, кончалось оно хорошо для нас, и, так как это правда и вы это знаете, потому должны быть уверены, что победите и в этой битве. На нашей стороне правда, а на той зло. Хорошо вы знаете, что не государь мой приказывал мне явиться к себе ко двору отдавать отчет другим. Ничего более не хочу вам говорить; прошу каждого приготовиться хорошо действовать; отличимся в этой битве так, чтобы весь свет об этом заговорил и

все всегда боялись и нас, и наших потомков».

Замолк Ногай и не сказал больше ничего.

После того как оба царя сказали свои речи, немедленно стали они на другой день приготовляться и вооружаться. Царь Токтай разбил свое войско на двадцать отрядов и в каждый отряд назначил хорошего начальника и предводителя. А царь Ногай разделил войско на пятнадцать отрядов, в каждом было по десяти тысяч конных, и в каждый отряд назначил доброго начальника и хорошего предводителя.

И что вам сказать? Когда оба царя хорошо вооружили и приготовили свои войска, оба пустились в путь, поскакали друг на друга и, как были друг к другу на полет стрелы, остановились тут и стали поджидать. Немного прошло времени, как забил накар, и, как раздался его бой, бросились они друг на друга, пуская стрелы. И видно было, как стрелы летали с той и с другой стороны; и диво, сколько их было. Кони и люди валялись на землю, мертвые и насмерть раненные. Много было крику, и плача много. А как растратили стрелы и не было ничего пускать, схватились за мечи и палицы, бросились друг на друга, раздавая удары сильные. Началась схватка сильная и жестокая; отсекались длани и руки, резались тела, рубились головы; и видно было, как на землю валялись мертвые всадники или насмерть раненные. И крик, и шум, и звон мечей были таковы, что и грома Божьего не услышать. И было тут столько мертвых, как никогда ни в какой битве; но воистину у Токтая погибло людей больше, нежели у Ногая. У Ногая воины были лучше, нежели у Токтая. Скажу вам, по истинной правде, оба сына Тотамангу хорошо вели себя в этой битве и храбро дрались; что есть мочи старались они отомстить за смерть отца, да не вышло из этого ничего, нелегко было убить Ногая.

И что вам сказать? Жестокая и злая то была битва; не в добрый час она началась; много было на заре здоровых и сильных, и побиты были они в этой битве; много жен стали вдовами; да и не удивительно: злая то была битва. Из всех сил старался царь Токтай поддержать своих людей и спасти свою честь, и много он отличался: вел он себя так, что весь свет его прославлял. Бросался он, не боясь смерти, среди врагов; направо и налево раздавал он удары; идет и разносит людей и хватает их. И сделал он то, от чего в этот день много вреда было и другу, и врагу: врагу был вред, потому что многих он своею рукой побил; был вред и своим: видят они, что действует он храбро, мужаются и они, бегут смело на врага и гибнут и мрут оттого.

Глава ССXXXII

Как царь Ногай отличался

О царе Ногае скажу вам вот что: знайте, отличался он так, как никто ни на той, ни на другой стороне. Честь и слава битвы были его. Бросался он на врага так же смело, как лев на диких зверей. Шел, повергая их в прах и убивая. Много вреда он учинил. Бросался он туда, где видел самые сильные схватки, и разносил он людей, как мелкую скотину. Видят его люди, что действует так их господин, и стараются что есть мочи, бегут на врага с остервенением и много зла чинят.

Без лишних слов, знайте воистину, старались сколько есть мочи спасти свою честь люди Токтая, но не вышло ничего из этого, пришлось ведаться с воинами славными и сильными. Терпели они много и увидели, что если останутся тут, так помрут все; и как увидели, что не выдержать им больше, так и пустились бежать что есть мочи. А Ногай со своими погнался за ними, убивал их и злодействовал.

Так-то, как вы слышали, победил Ногай [311 - Впоследствии Ногай около Днепра был разбит Тохтой и убит в 1300 г.]. Скажу вам, погибло до шестидесяти тысяч, но царь Токтай спасся, и два сына Тотамангу спаслись тоже.

**Стэнли Лэн-Пуль. Монголы XIII–XVIII вв.
(Перевод В. В. Бартольда.)**

Монголы становятся историческим народом со времени их великого завоевателя Чингиз-хана. В биографиях последнего мы находим много преданий о его предках, но, как это часто бывает с неожиданно возвысившимися людьми, его генеалогия была выработана впоследствии скорее на основании догадок, чем по фактическим данным. О ранней истории монголов можно с достоверностью сказать только то, что они составляли одно из племен в ряду других и входили в состав обширного союза кочевников, переходивших с места на место, в зависимости от воды и пастбищ, в стране к северу от пустыни Гоби. Они занимались охотой и скотоводством, питались мясом и кислым молоком (кумысом) и извлекали выгоду из меновой торговли шкурами и животными с родственными им китаями, с тюрками и китайцами, которым они номинально были подчинены. Вне родины монголов их имя не было известно до X в. и, вероятно, прилагалось ко всей группе племен только тогда, когда начальник отдельного племени, носившего это имя, достигал преобладающего положения среди членов союза. Есугай, если не положил начало преобладанию своего племени, все-таки правил им со славой, и вероятно при нем монголы впервые сделались независимыми от китайского правительства [312 - По всем известиям, еще Темучин, подобно другим начальникам кочевых племен в Монголии, до своего нашествия на Китай считался вассалом китайского правительства. (Здесь и далее по тексту примечания В. В. Бартольда.)]. Несмотря, однако, на все завоевания Есугая, численность его подданных доходила только до 40 000 шатров. Это и был тот фундамент [313 - Тотчас после смерти Есугая его сыновья были оставлены всеми подданными их отца. Ядром военной силы Темучина послужила образованная им самим дружина.], на котором сын Есугая, Чингиз-хан, в 20 лет построил обширнейшую империю, какую когда-либо видел мир. Отец умер в 1175 г. по Р. Х.; его сын Темучин, 13-летний мальчик, не носивший тогда высокого титула Чингиз-хана, стал править вместо него племенами, кочевавшими по берегам Онона.

Мы несколько не имеем в виду дать подробный обзор хода завоеваний, совершенных этим азиатским Александром. Достаточно сказать, что после тридцатилетней борьбы с домашними врагами, в которой ему, несмотря на опасные и изменнические заговоры, удалось упрочить свою власть над своим и соседними племенами, Темучин получил возможность посвятить остальные двадцать лет жизни более обширным и честолюбивым планам. Покорив все племена к северу от пустыни Гоби, от Иртыша до хребта Хинган, включив в число своих подданных племя кераитов, лишившихся самостоятельности в наказание за измену их царя Ван-хана (священник Иоанн европейских сказаний, старый, но вероломный союзник Есугая и его сына), Темучин в 1206 г. созвал на курултай начальников всех племен. Один шаман (жрец) объявил собравшимся знатым лицам, что небо Темучину даровало более высокий титул, чем остальным, и что с этих пор его следует называть Чингиз-Кааном, т. е. «очень могущественным царем» [314 - Значение слова Чингиз сомнительно.]. Таким образом, Чингиз, будучи 44 лет от роду, начал царствовать без соперников. Через три года после этого [315 - Уйгуры выразили покорность Чингиз-хану в 1209 г.; война с Китаем была начата в 1211 г.] он, приняв покорность уйгуров, начал производить нападения на Китай; хотя только его внуку было суждено докончить покорение Небесной империи, все-таки значительная часть северных провинций, древнее царство Ляодун и тангутское владение Ся были присоединены к монгольским владениям в качестве провинций или вассальных государств еще при жизни великого завоевателя. Следующим препятствием на пути к образованию мировой империи было старое тюркское царство кара-китаев, границы которого приблизительно совпадали с пределами нынешнего Восточного Туркестана; там правила династия так называемых гурханов, взимавших дань с соседних государств Персии и Трансоксианы. Чингиз и его всадники не только не заплатили дани [316 - Этой дани никто от них не требовал; династия гурханов еще прежде была низложена Кучлук-ханом, предводителем вытесненных Чингиз-ханом из Монголии найманов. Возобновив после завоевания Северного Китая преследование своих бежавших на запад врагов, монгольские отряды почти без сопротивления заняли Семиречье и Восточный Туркестан.], но, быстро преодолевая всякое сопротивление, скоро очутились владыками Кашгара, Хотана и Яркенда вместе с остальными владениями гурханов. Теперь владения монголов граничили с обширным царством, образовавшимся незадолго перед тем благодаря завоеваниям хорезмшаха; это царство и сделалось следующим предметом нападения и следующим доказательством тщетности сопротивления. Монгольские армии, разделенные на несколько бесчисленных [317 - Как известно, Чингиз-хан никогда

не располагал бесчисленными армиями; по численности его войско несомненно уступало военным силам хорезмшаха (до 400 000 человек.)] отрядов, наводнили, с одной стороны, Хорезм, Хорасан и Афганистан, с другой – Азербиджан, Грузию и Южную Россию, тогда как третья дивизия продолжала дело покорения Китая. Среди этих обширных завоеваний Чингиз-хан умер в 1227 (624) г., 64 лет от роду. Завоевания его и его сыновей простирались от Желтого моря до Черного; в состав их входили области или племена, прежде подчинявшиеся китайцам, тангутам, афганцам, персам и тюркам.

У монгольских начальников был обычай распределять племена, которыми они правили, между своими сыновьями; то же самое деление скорее по племенам, чем по областям, было произведено между сыновьями Чингиза. Основатель империи назначил каждому из своих сыновей особый удел, состоявший из нескольких племен, пределы кочевания которых были только приблизительно определены; в то же время он назначил себе преемника, в качестве каана (великого хана). Итак, если начать с каанов как верховных властителей всех монгольских начальников, естественным представляется следующий порядок перечисления монгольских династий.

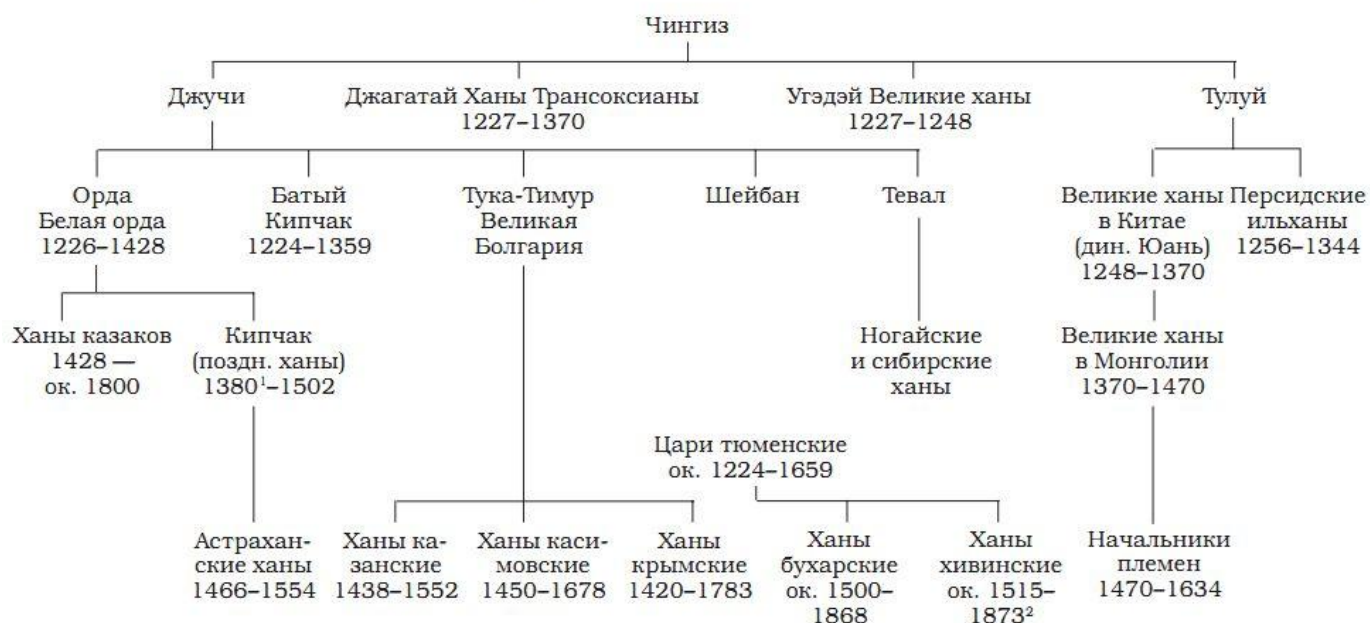
1. Потомство Угэдэя, правившее племенами Джунгари; каанами потомки Угэдэя были до низвержения их потомками Тулуя.
2. Потомство Тулуя, правившее коренными племенами Монголии; из этой ветви происходили кааны, правившие после потомков Угэдэя вплоть до возвышения маньчжуров.
3. Персидская ветвь потомков Тулуя, именно Хулагу и его преемники, персидские ильханы.
4. Потомство Джучи, правившее тюркскими племенами Кипчакского ханства; т. е. ханы Золотой и Белой орд; продолжением Кипчакского ханства было Астраханское; отделившиеся от Кипчака области образовали ханства Казанское, Касимовское и Крымское; наконец, к потомкам Джучи принадлежали также ханы Хивинские и Бухарские.
5. Потомство Джагатая, правившее в Мавераннагре (Трансоксиане).

//-- Великие ханы --//

//-- (годы хиджры – 603–1043; годы по Р. Х. – 1206–1634) --//

1. Дом Угэдэя: удел – Джунгария [318 - Термин, как известно, довольно неопределенный. Главные кочевья Угэдэя находились в нынешнем Тарбагатайском округе, по берегам рек Эмиль и Кобук.]; кааны с 1227 по 1248 г.

Династии Чингизидов

¹ В подлиннике 1378 г.

² В подлиннике 1872 г.

По воле Чингиза Угэдэй, получив удел в Джунгарии, кроме того должен был наследовать верховную власть; из того, что он, не будучи ни старшим, ни самым способным из сыновей Чингиза, мог спокойно взять в свои руки власть над всеми представителями династии и их данниками, лучше всего видно, с каким уважением относились к желаниям великого основателя монгольского могущества. Все присягнули ему на сейме 1229 г.; его царствование было ознаменовано значительным расширением монгольских владений. Империя Цзинь, т. е. северная половина Китая, только отчасти завоеванная при жизни Чингиза, теперь, в 1234 г., была окончательно подчинена (южная часть Китая, или империя Сун, продолжала оказывать сопротивление завоевателям до времени Хубилая). Корея также была присоединена (1241 г.). За храбрым и несчастным Джелаль-ад-дином, сыном последнего хорезмшаха Мухаммеда, гнались на всем обширном пространстве прежних владений его отца. Под предводительством Батыя, сына Джучи, был предпринят поход на Европу; монголы вступили в Москву и Новгород [319 - До Новгорода монголы, как известно, не дошли.], проникли до Венгрии, сожгли Краков и осадили Пест. Вовремя последовавшая смерть Угэдэя, бывшая причиной созыва собрания членов рода, и поражение, нанесенное монголам при Лигнице [320 - В битве при Лигнице монголы разбили герцога Генриха Силезского; предание о том, что татары были разбиты чешскими войсками при Ольмюце, отвергается исследователями; войско, находившееся под начальством австрийского герцога Фридриха, не успело сразиться с монголами. Отступление последних было вызвано только известием о смерти Угэдэя.] австрийским герцогом, спасли Европу. Что касается внутренних дел, то империя нашла организатора и способного правителя в лице мудрого и справедливого министра Елюй-чуцай, по происхождению китая, который много сделал для восстановления порядка и безопасности в провинциях [321 - Только в Китае; на остальные области Елюй-чуцай не имел никакого влияния, и в мусульманских источниках он совсем не упоминается.], несмотря на неспособность своего государя, всецело предавшегося главному пороку монголов – пьянству.

После смерти Угэдэя в 1241 (639) г. наступило междуцарствие, одолавшееся несколько лет; в это время империей управляла вдова Угэдэя, Туракина, за своего старшего сына Гуюка, до его возвращения из Европы, где он отличился во время нашего нашествия на Венгрию под начальством своего двоюродного брата Батыя. Теперь он был отозван из Венгрии и после своего возвращения в Каракорум в 1246 г. был избран кааном на великом курултае, на котором присутствовали главные представители

семейства, кроме сыновей Джучи; последние были недовольны избранием и извинились, что не могут приехать. Гуюк восстановил спокойствие, значительно пострадавшее в правление его матери; были отправлены войска для продолжения дела завоевания в Китае и в Персии.

Гуюк был единственным членом дома Угэдэя, наследовавшим верховную власть; после его смерти, в 1248 г., престол перешел к потомству Тулуя; ни сыновья, ни братья Гуюка не наследовали ему. При первом каане из младшей линии семья Угэдэя не оказала сопротивления [322 - Как известно, при вступлении на престол Мункэ против него был составлен заговор, вызвавший разгром улусов Угэдэя и Джагатая.]; но после смерти Мункэ и избрания Хубилая на неправильном [323 - На самом деле сейм созывался только для торжественного вступления на престол нового каана, не для выборов; лица, не желавшие присягнуть новому государю, не являлись на сейм.] сейме, созданном в Китае, недовольство потомков Угэдэя тотчас приняло характер общего восстания [324 - Как известно, спор за престол первоначально происходил только между двумя сыновьями Тулуя – Хубилаем и Арик-букой; к числу сторонников последнего принадлежал Хайду, выступивший самостоятельно только после окончания спора между братьями и победы Хубилая.], и начался ряд опустошительных войн. Хайду, внук Угэдэя, дал не менее 41 битвы приверженцам рода Тулуя на востоке и до 15 битв их кипчакским союзникам на западе; но борьба была неравна, и скоро после смерти Хайду (в 1301 = 701 г.) семья Угэдэя выразила покорность дому Тулуя; подчиненные им племена были поселены в разных местностях Трансоксианы и Кипчака; начальники этих племен жили в неизвестности под властью джагатайских ханов [325 - Хайду наследовал его сын Чапар; в 1304 г., по мысли джагатайского хана Дувы и с согласия Чапара, было восстановлено единство Монгольской империи под номинальным главенством казна Тимура (Улчжэйтү). Вскоре после этого произошли междоусобия среди потомков Угэдэя и Джагатая; в 1306 г. члены дома Угэдэя подчинились Дуве.]. Раза два, в период смут, представителям дома Угэдэя удавалось занять престол в Трансоксиане; кроме того, прихоть великого Тимура снова вывела на свет наследников наследника Чингиза, и на престол вместо низложенного джагатайского дома были посажены Суюргатмыш и его сын Махмуд; но это возрождение было только фиктивным, и двое упомянутых «ленивых королей» не могут быть признаны преемниками первых ханов.

2. Дом Тулуя: удел – Монголия; кааны с 1248 по 1634 г.; три периода: 1) династия Юань в Китае (1248–1370); 2) монгольские ханы в Каракоруме (1370–1543); 3) распадение племен и постепенное подчинение их маньчжурам (1543–1634).

Мункэ, сын Тулуя, был обязан своим возвышением частью своей личной репутации воина и полководца, частью своим приверженцам из многочисленных племен собственно – Монголии; эти племена, составлявшие цвет монгольских армий при Чингизе, вошли в состав удела Тулуя. Мункэ вступил на престол в 1251 г., а в 1257 г. умер. Но в это короткое царствование было положено начало двум существенным изменениям. Двор Мункэ оставался в прежней столице, Каракоруме, к северу от пустыни Гоби, но его брат Хубилай был назначен правителем южных провинций; это было началом перенесения местопребывания правительства из Каракорума в Пекин. Другой переменной было отправление третьего брата, Хулагу, в Персию, где он основал собственную династию, тогда как прежде там вили часто сменявшиеся наместники. Таким образом, Персия, но другим главным областям Монгольской империи, получила династию правителей из царского рода.

Смерть Мункэ, последовавшая в 1257 г., послужила знаком для общего восстания. Дом Угэдэя, как было сказано выше, объявил притязание на верховную власть; Арик-бука, брат Мункэ и Хубилая, был выставлен кандидатом на родине монголов. Хубилай был провозглашен кааном в Китае начальниками войска; Арик-бука был избран на другом сейме, в Каракоруме; Хайду получил тот же титул и такую же присягу на западе, в уделах Угэдэя и Джагатая [326 - Выше было указано, что Хайду выступил самостоятельно только после поражения Арик-буки; главой всех монгольских царевичей в Средней Азии он сделался только в 1269 г., когда мог созвать сейм на берегах Таласа.]. Потомки Джучи в Кипчаке не делали попыток овладеть верховной властью, но оказывали поддержку дому Тулуя. Военные таланты, обширные средства и широкая личная популярность Хубилая («великого хана» Марко Поло и «Кубла-хана» Кольриджа) помогли ему преодолеть все эти затруднения. Арик-бука

скоро был разбит, а Хайду удалось держать в отдалении, хотя он оставался причиной беспокойства во все время царствования Хубилая и после его смерти [327 - Хайду отказался признать Хубилая, но не делал попыток низложить его и ограничивался обороной своих владений.]

Кааны из потомства Чингиза теперь сделались китайской династией. Около 1280 г. Хубилай покорил южную часть Китая, т. е. империю Сун; объединив, таким образом, под своей властью всю страну, он избрал своей столицей Ханбалык (Канбалук Марко Поло), т. е. «ханский город», нынешний Пекин. Старая столица в продолжение первого из трех периодов, на которые можно разделить историю потомков Хубилая, была только провинциальным центром. Этот первый период обнимает собой те 100 лет, которые прошли между основанием монгольской династии в Китае и изгнанием завоевателей при десятом императоре, Тогон-Тэмуре (1370 г.). Монгольские кааны этого периода известны в китайских летописях под названием династии Юань. С какой громкой славой началась эта династия, мы знаем из описания Марко Поло; о причинах ее упадка – расточительности двора, влиянии временщиков-лам, несчастном положении народа, эпидемиях, голодовках, землетрясениях и других «знамениях» – можно прочесть в истории Ховорса. Попытки разных претендентов закончились успешным восстанием Чжуньчжана, князя У, основателя династии Мин, который в 1368 г. принял императорский титул и взял Пекин. В два года Китай избавился от монголов, чем закончился наиболее цветущий период истории каанов. Затем начинается второй период, от изгнания монголов из Китая до временного возрождения при Даян-хане (1370–1543 гг.). Империя монголов сильно уменьшилась; они должны были довольствоваться степями своей первоначальной родины, именно пастбищами, расположенными по берегам Керулэна и Онона, к северу от пустыни Гоби. Даже здесь они не пользовались полной независимостью. Войска династии Мин неожиданно напали на монголов при озере Буюр и разбили их наголову, взяли в плен 80 000 человек, захватили 150 000 голов скота и унесли с собой огромную добычу. Это поражение нанесло большой удар гордости каанов, обладавших теперь верховной властью только по имени; фактически они сделались вассалами Минских императоров, которые назначали начальников отдельных племен и посылали им дипломы, изготовленные в Пекине. В XV в. монголов постигла еще худшая беда; многие племена на время сделались подданными ойратов. Но к концу того же века Даян-хан, 14-й каан со времени Тогон-Тэмуре, на время объединил разделенные племена и установил между ними определенные группы.

История третьего периода сводится к описанию гибельных результатов произведенной Даяном децентрализации; начались междоусобные войны между распавшимися племенами, вследствие которых племена, одно за другим, должны были подчиниться власти маньчжуров, незадолго перед тем основавших империю в Китае на развалинах государства династии Мин. Междоусобные войны, возникновение самостоятельных династий и общая дезорганизация скоро положили конец даже номинальному главенству каанов; после 1634 г. потомки Хубилая были только вассалами Китая.

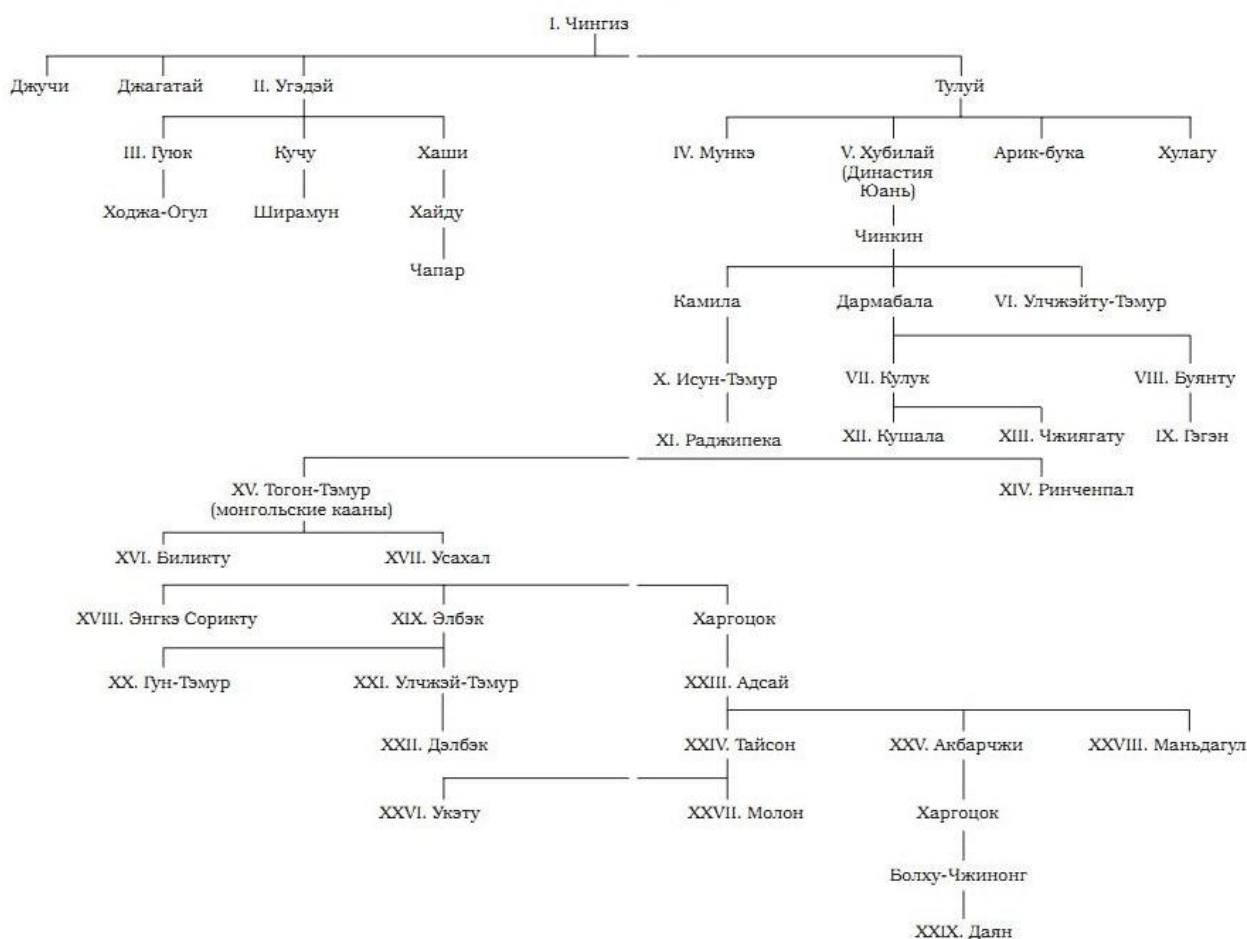
Великие ханы

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
603	Чингиз-хан	1206
624	Угэдэй	1227 ¹
639	Междоусобие; Туракина	1241
644	Гуюк	1246
646	Мункэ	1248 ²

¹ Собств. с 1229 г.

² Собств. с 1251 г.

Генеалогия каанов

Династия Юань

Годы хиджры		Годы по Р. X.
658	Хубилай	1259 ¹
693	Улчжэйту	1294
706	Күлук	1307
710 ²	Буянту	1311
720	Гэгэн	1320
723	Исун-Тэмур	1323
728	Раджипека	1328
729	Кушала	1329
729	Чжиягату	1329
732	Ринченцал	1332
733 ³	Тогон-Тэмур	1332

Каракорумские ханы

771	Биликту	1370
780	Усахал	1378
790	Энгкэ Сорикту	1388
794	Элбэк ⁴	1392
802	Гун-Тэмур ⁵	1400
805	Улчжэй-Тэмур	1403 ⁶
815	Дэлбэк	1412 ⁷
837	Адсай	1434
843	Тайсон	1439

¹ В подлиннике 1257 (655) г.

² В подлиннике 711 г.

³ В подлиннике 732 г.

⁴ Убит в 1399 г.

⁵ Низложен в 1402 г.

⁶ Собств. с 1408 г.

⁷ В подлиннике 1411 (814) г.; убит, по всей вероятности, в 1414 г.

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
856	Акбарчжи	1452
857	Ужэту	1453
857	Молон	1453
867	Маньдагул	1463
875	Даян	1470 ¹

Распавшиеся племена

951	Боди	1544
955	Кудэн	1548
964	Цзасакту	1557
1001	Сэцэн	1593
1013–1043	Линдан	1604–1634

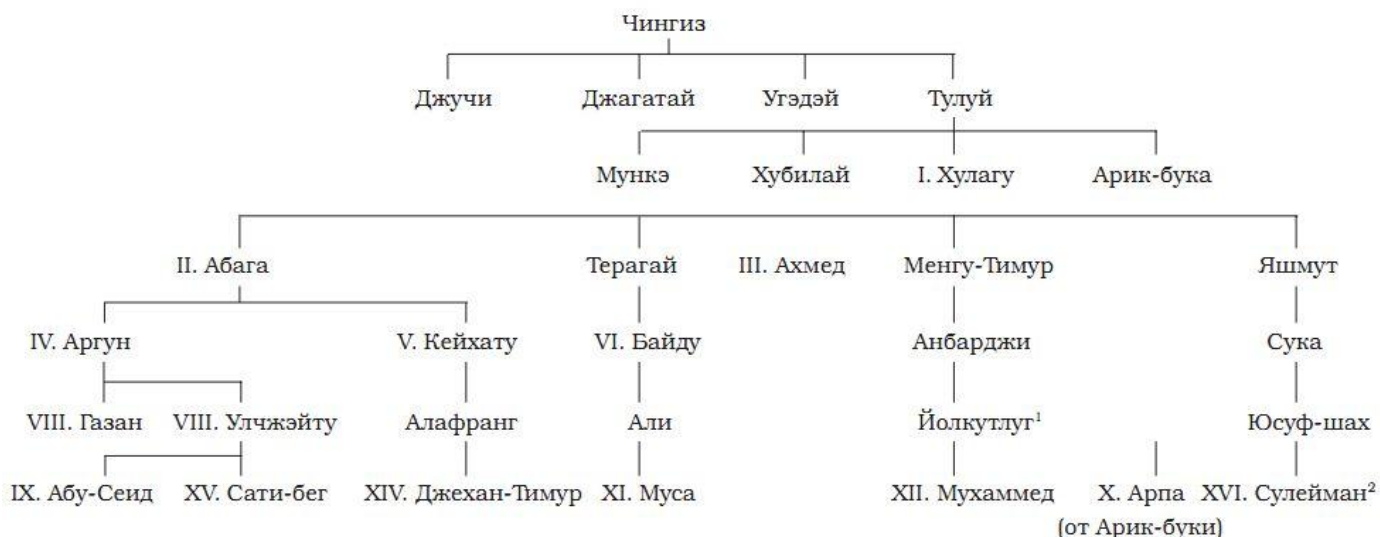
¹ Эти даты монгольских источников не подтверждаются китайскими. После смерти Акбарчжи в 1454 г. провозгласил себя ханом ойратский предводитель Эсэн, но был убит в 1455 г. После него были ханами Ужэту (Мергус-хан), убитый в 1462 г., Махагурки (до 1466 г.), Молон (умер в 1466 г.), Маньдагул (1473–1479). Объединение Монголии под властью Даян-хана произошло в 1483 г.

² Последний хан из потомков Хулагу, Сулейман, был низложен в 744 (1344) г.

//-- Персидские монголы --//

//-- (годы хиджры – 654–750; годы по Р. Х. – 1256–13492) --//

Генеалогия персидских ханов

¹ Йолкутлуг был не сыном, а внуком Анбарджи.

² Имена отца и деда Сулеймана пропущены в подлиннике.

В царствование Мункэ Персия получила династию царского происхождения в лице дома Хулагу (сына Тулуя); владельцы носили титул ильханов, т. е. подчиненных ханов, чем выражалась та зависимость от каанов, которую они всегда признавали (без всякого ущерба для себя).

Хулагу нетрудно было утвердить свою власть в доставшейся ему стране. Честолюбивый хорезмшах, разбитый Чингизом, уже очистил путь, завоевав лучшую часть Персии, и новый завоеватель уже не встретил опасных противников. Перед ним скоро пали мелкие владельцы, старавшиеся утвердить свои династии на развалинах великой хорезмской империи; он дошел до Багдада и подверг жестокой казни Мустасима, слабого представителя аббасидской династии; он не встретил никаких серьезных преград на своем пути, пока не был остановлен в Сирии доблестными египетскими мамлюками, успешно

отразившими его. Хулагу владел теперь всеми областями Персии и Малой Азии, от Индии до Средиземного моря. Его государство граничило на севере с владениями Джагатая и Джучи, на юге – с областью египетских султанов; в этих пределах его династия около столетия пользовалась фактической самостоятельностью, хотя и признавала какую-то ленную зависимость от далеких китайских каанов. Кроме случайных споров за престолонаследие страна управлялась спокойно и мирно, и ильханы с похвальным рвением старались подражать древним властителям Персии, покровителям наук и литературы.

Однако в царствование Абу-Сеида могущество династии было ослаблено теми же причинами, которые раньше разрушили государства халифов и сельджуков и впоследствии должны были также привести к падению египетских мамлюков: соперничавшие между собой эмиры, полководцы, министры, фанатики начали принимать выдающееся участие в управлении государством; их взаимная зависть и злоба впервые ослабили власть ильханов. После смерти Абу-Сеида ханы были только подставными властителями; только что они, по воле соперничавших между собой эмиров, садились на престол Персии, как этот престол разваливался под ними. Распадению государства способствовало соперничество двух могущественных родов: рода эмира Чопана, любимого полководца Газана и его преемников, и рода Хусейна Джелаира, представители которого были известны также под названием ильханов. У обоих родоначальников был сын Хасан; их различали по прозваниям: сын Чопана назывался Хасан-Кучук, т. е. Малый [328 - Хасан Малый был не сыном, а внуком Чопана (сыном Тимуркгаша). Автор смешивает его с другим Хасаном, старшим сыном Чопана, который после падения своего отца должен был бежать в Кипчак.], а сын Хусейна – Хасан-Бузург, т. е. Большой. Последствия их господства не замедлили обнаружиться. После смерти Абу-Сеида на престол был посажен Арпа-хан, происходивший не от Хулагу, а от его брата Арик-буки; но в том же 1336 г. его низложил Муса, считавшийся потомком шестого ильхана, Байду. Мусу скоро сменили подставные лица Большого Хасана, а соперник последнего из рода Чопана выставил своего кандидата в лице сестры Абу-Сеида, Сати-бег; она была замужем за Чопаном, потом за Арпой, наконец, за Сулейманом, который был ее номинальным преемником. После смутного царствования Нуширвана господство в Персии приобрели Джелаиры, и династия Хулагу пресеклась. Джелаиры, Музаффариды, Сербедариды и др. разоряли страну до прибытия великого Тимура, который уничтожил их всех.

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
654	Хулагу	1256
663	Абага	1265
680	Ахмед	1282 ¹
683	Аргун	1284
690	Кейхагу	1291
694	Байду	1295
694	Газан-Махмуд	1295
703	Улчжэйту	1304
716	Абу-Сеид	1316
736	Арпа	1335
736	Муса	1336

¹ В подлиннике 1281 г.

Соперничавшие между собой ханы¹

736–738	Мухаммед	1336–1338
739–752 ²	Туга-Тимур	1338–1351
739–741	Джехан-Тимур	1339–1340
739–740	Сати-бег	1338 ³ –1339
740–744	Сулейман	1339–1344 ⁴
744 ⁵	Нуширван	1344

¹ Трое первых были посажены на престол в качестве подставных лиц Хасаном Большим; Сати-бег и ее муж Сулейман были такими же кандидатами его соперника Хасана Малого, Нуширван — кандидатом Ашрафа Чопани. Все были потомками Хулагу, кроме Туга-Тимура, происходившего от брата Чингиза, и Нуширвана, происхождение которого сомнительно.

² Был провозглашен ханом в Хорасане уже в 1337(737) г.; был убит 1135 (754) г.

³ В подлиннике 1339 г.

⁴ В подлиннике 1343 г.

⁵ В подлиннике 745 г. Монеты с именем этого хана доходят до 754 г.

//-- Ханы Золотой Орды --//

//-- (годы хиджры – 621–907; годы по Р. Х. – 1224–1502) --//

Джучи, старший сын Чингиза, получил в удел племена, некогда составлявшие государство каракитаев, к северу от Сихуна [329 - Определение не совсем точное; большая часть бывшей Каракитайской империи входила в состав удела Джагатая. Владения Джучи простирались от Иртыша до западных границ Монгольской империи; из культурных земель в состав их входили Хорезм и прикаспийские области.] (Сыр-дарья); он умер раньше своего отца, и ему наследовал его старший сын Орда. Второй сын Джучи, Батый, своим знаменитым нашествием на Европу значительно расширил пределы государства в сторону, а себе обеспечил обладание тюркским ханством Кипчак. К северу от владений Батыея третий брат, ТукаТимур, по-видимому, получил в удел Великую Болгарию на верхнем течении Волги; четвертый сын Джучи, Шейбан, управлял степями, теперь известными под названием киргизских; пятый, Тевал, стоял во главе печенегов, впоследствии сделавшихся известными под названием ногайцев, между Уралом и Эмбой. Все эти племена и их начальники были более или менее подчинены дому Батыея, который, хотя, собственно, был одной из младших ветвей, достиг наибольшего могущества и сделал свою столицу, Сарай на Волге, главным городом всего государства Джучидов. Все племена известны под общим названием Золотой Орды, по имени ханской ставки Сыр-Орда, т. е. «золотая ставка». Следует прибавить, что только владетельный род и цвет армии были монгольского происхождения; громадное большинство племен, доставшихся в удел сыновьям Джучи, составляли покоренные тюрки или туркмены.

Итак, род Джучи разделялся на следующие ветви:

А. Дом Батыея – главные ханы Золотой Орды, правившие Синею Ордой [330 - Синею Ордой в некоторых источниках названы владения Орды.] в западной части Кипчака (1224–1359).

В. Дом Орды – номинальные главы рода [331 - Ошибка; потомки Орды всегда признавали главенство потомков Батыея и, по свидетельству Рашид-ад-дина, помещали их имена во главе своих ярлыков.]; правили Белой Ордой в Восточном Кипчаке (1226–1428), были ханами Золотой Орды в Западном Кипчаке после дома Батыея (1380–1502) и, наконец, влачили жалкое существование в качестве астраханских ханов (1466–1554).

С. Дом Тука-Тимура – ханы Великой Болгарии, к северу от Кипчака; временно были ханами Золотой Орды в Западном Кипчаке; наконец, от них происходили ханы казанские (1438–1552), касимовские (1456–1678) и крымские (1420–1783).

Д. Дом Шейбана в узбекских или киргизских степях (1224–1659); впоследствии выселились и сделались ханами хивинскими и бухарскими (1500–1873 [332 - В подлиннике 1872 г. Номинально бухарские и хивинские ханы, как известно, правят и теперь.]).

А. Дом Батгя: главные ханы Золотой Орды; их удел – Синяя Орда в Западном Кипчаке [333 - То есть в стране, орошенной Доном и Волгой, простиравшейся с востока на запад от Яика (Урала) до Днепра, а с юга на север от Черного и Каспийского морей до Укека.] (1224–1359).

Дом Батгя управлял тем государством, которое с некоторым преувеличением было названо «великим западным ханством». Его история имеет значение в связи с историей возвышения России, сначала великие кипчакские ханы были повелителями русских князей, взымали с них дань и брали себе в жены их дочерей; но им было суждено впоследствии сделаться вассалами тех, которых они некогда держали в подчинении. Еще до наступления такого упадка Золотой Орды дом Батгя пресекся, и власть перешла к ханам из потомков его братьев. До тех пор пока бразды правления оставались в руках потомков Батгя, степень могущества великих кипчакских ханов несколько не уменьшилась. История первых десяти ханов этого дома, до Джанибека, последнего великого представителя этой ветви Джучидов, сравнительно ясна; но после его смерти, в 1357 г., началась анархия. Его сын Бердибек правил два года; два называвшие себя сыновьями Джанибека, наследовали друг другу в течение одного года; после этого начинается запутанный период соперничества различных претендентов, продолжавшийся 20 лет.

Было пять ветвей рода Джучи, из которых после пресечения дома Батгя могли явиться претенденты на золотоордынский престол, а на севере и на юге, в Великой Болгарии и в Крыму, господствовали многочисленные потомки Тука-Тимура. Кроме того, на юге, на Кавказе кочевали вдоль берегов Терека и Кумы потомки Беркая, младшего брата и второго преемника Батгя, которому Золотая Орда была обязана значительной частью своего страшного обаяния. К востоку от главного ханства была Белая Орда, во главе которой стоял дом Орды; также к востоку, но несколько севернее, жили племена узбеков, подчинившиеся Шейбану; на северном берегу Каспийского моря пасли свои стада племена Ногай. Пятнадцать ханов этого смутного периода отнесены к различным ветвям Джучидов (см. ниже, с 164–165), частью на основании догадок, но даты могут быть установлены благодаря монетам. В 1380 г. [334 - В подлиннике 1378 г.] золотоордынский престол перешел к дому Орды в лице Тохтамыша.

В. Дом Орды: удел – Белая Орда в Восточном Кипчаке [335 - Область, в состав которой входили низовья Сыр-Дарьи и горы Улугсаг и Кучук-таг, границу ее составляли на западе Синяя Орда Батгя, на севере – узбеки Шейбана, на востоке – Джагатайское ханство, на юге – степь Кызыл-Кум и Александровский хребет.] (1226–1428); ханы Золотой Орды, в западном Кипчаке (1380–1502); ханы астраханские (1466–1554).

Хотя Батгй был самым могущественным из сыновей Джучи, Орда, как старший сын, наследовал удел отца на Сыр-Дарье [336 - Ставка Джучи, по свидетельству Рашид-ад-дина, находилась на Иртыше, ставка Орды, по свидетельству Плано Карпини, – к востоку от озера Ала-Куль. Перенесение резиденции потомков Орды на берега Сыр-Дарьи, по-видимому, произошло позднее, под влиянием войн с джагатайцами.] и пользовался особенным почетом как наследственный глава рода. Он правил левым крылом Золотой Орды, известным под названием Белой Орды (АкОрда), в отличие от правого крыла, т.е. племен Батгя, обозначавшихся названием Синей Орды (Кук-Орда) в знак номинальной зависимости; белый цвет считался выше синего. Живя в отдаленных закаспийских степях, ханы Белой Орды скоро уступили пальму первенства своим братьям на Дону и Волге, но благодаря суровому образу жизни они сохранили первобытную силу и крепость, и эти качества часто доставляли им престол в стране более цивилизованных, но также более выродившихся потомков Батгя.

О первых правителях Белой Орды мы мало знаем. Власть правильно переходила от отца к сыну; единственное замечательное событие – завоевание царевичем Кучи Газны, Бамина и окрестностей, под верховной властью или джагатайских ханов, или персидских ильханов [337 - В походе Хулагу на Персию принимали участие некоторые джучидские царевичи, между прочим Кули (не Кучи), сын Орды. Царевичи умерли в Персии; их войска, когда произошла война между Беркаем и Хулагу (1262 г.), удалились в Газну и Бамина и овладели этой областью. Впоследствии они подчинились джагатайским царевичам. Кучи и его сын Баян названы владетелями Газны только у Абулфиды, вероятно по ошибке.]

Первый из владетелей Белой Орды, замечательный своими личными качествами, был Урус-хан. Он отличился тем, что неоднократно разбил войска Тимура. Тимур по своему обычаю самовластно

назначил владетелем удела Джучи одного из потомков Орды [338 - По другим известиям, Тохтамыш был потомком Тука-Тимура.], Тохтамыша; отец Тохтамыша был убит, а сам он изгнан Урус-ханом. Несмотря на поддержку войск, данных ему Тимуром для фактического овладения престолом, Тохтамыш несколько раз был бит Урусом, и только после смерти этого хана и кратковременно правления его сына Токтакы Тохтамышу удалось отнять власть над Белой Ордой у другого сына Уруса, Тимур-Мелика.

Тохтамыш – «последняя истинно великая личность в истории Золотой Орды». Овладев Белой Ордой, он двинулся на Западный Кипчак, разбил Мамаю, распорядившегося престолом Сарая; этой победой он в 1380 [339 - В подлиннике 1378 г. – победа Тохтамыша над Мамаем произошла в конце 1380 или в начале 1381 г.] (782) г. положил конец разделению удела на Белую и Синюю Орды и объединил под своей властью Восточный и Западный Кипчак. С того времени потомки Орды правили Синей Ордой; вместе с ними, несомненно, переселились на запад лучшие элементы из их подданных; их родные пастбища постепенно были заняты потомками Шейбана. При Тохтамыше к Золотой Орде вернулась значительная часть ее прежнего блеска. Был совершен большой поход на Россию; Москва была разграблена и сожжена (1382 г.), и все великое княжество было опустошено монголами с прежним неистовством. Это возрождение славы Кипчака было, однако, только светом догоравшего, в последний раз вспыхнувшего светильника. Тохтамыш имел несчастье или неблагодарность посориться с государем, которому он был обязан своими успехами, и никто не оскорблял Тимура безнаказанно. Великий завоеватель совершил два похода, из которых первый был ознаменован битвой при Ур-тепе, 18 июня 1391 г, а второй – страшным поражением около Терека в 1395 г., после возвращения Тохтамыша из изгнания; эти поражения навсегда сокрушили могущество кипчакских ханов. Правда, Тохтамыш в 1398 г., после удаления Тимура, снова вступил в Сарай, но скоро был опять вытеснен оттуда Тимур-Кутлугом, сыном [340 - Тимур-Кутлуг, как видно из генеалогической таблицы самого автора, был не сыном, а внуком Уруса.] его старого врага Уруса, и принужден искать убежища у литовского князя Витовта, которого он вовлек в войну с татарами. Он умер в 1406 г.

После поражения Тохтамыша наступает один из самых темных периодов в истории Золотой Орды, вообще богатой такими периодами; все время продолжались непрерывные междоусобия за престол. Можно различить по крайней мере три группы кандидатов на престол обессиленного ханства: 1) семейство Урус-хана, пользовавшиеся поддержкой ногайского военачальника Едигея, второго полновластного темника в Кипчаке; 2) сыновья Тохтамыша; 3) некоторые младшие члены дома Шейбана. Соперничавшие между собой ханы не только одновременно правили в Кипчаке, но владели одними и теми же городами в одни и те же годы; история Сарая и других больших городов в эту эпоху была бы только перечислением ряда осад и захватов.

Таков был конец Золотой Орды. Она была поглощена Россией [341 - Как известно, Кипчакское ханство было уничтожено крымцами, союзниками русских, но этот факт не имел последствием территориальное увеличение России.] в 1502 (907) г., и история ее обращается в ничтожную летопись ее рассеянных обломков. Из последних дому Орды принадлежал только один, именно ничтожное Астраханское ханство, основанное около 1466 г. Касимом, внуком Кучук-Мухаммеда, потомки которого господствовали там до уничтожения ханства в 1554 г. московским великим князем.

//-- Ханы Золотой Орды --//

I. Синяя Орда, или Западный Кипчак

Ханы Золотой Орды

I. Синяя Орда, или Западный Кипчак

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
	А. Дом Батгя	
621	Батгй	1224
654	Сартак	1256 ²
654	Беркай	1256
664	Менгу-Тимур	1266
679	Туда-Менгу	1280 ³
686	[Тула-Буга]	1287
689	Тохта	1290
712	Узбек	1312

² Батгй умер в 653 (1255) г.; тогда же вступил на престол Сартак, вероятно умерший в том же году. Непосредственным преемником Сартака был Улакчи (по Джувейни — сын Сартака, по Рашид-ад-дину — сын Батгя), который упоминается в русских летописях еще под 1257 г.; этот год, вероятно, надо признать годом вступления на престол Беркай.

³ По другим известиям, с 681 (1282) г.

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
741	Тинибек	1340
741	Джанибек-Махмуд	1340
758	Бердибек-Мухаммед	1357
760	Кульна	1359
760	Нуруз-бек	1359

В. Соперничавшие династии

Дом Шейбана	Дом Орды	Дом Тука-Тимура
760 Хызр		
762 Мердуд	762 Тимур-ходжа	762 Кельдибек
	762 ¹ Мурид-ходжа	
764–768 Пулад-ходжа	764 Кутлуг-ходжа	764 ² Азиз-шейх
	764 Абдаллах	
		768–772 Хасан
772 Тулун-бек	771–782 ³ Мухаммед-Булак	
775 Ильбан		
777 Хаган		
779–780 Арабшах		

(782 Соединение с Белой Ордой 1380)

¹ Вероятно, 763–764 гг.

² Вероятно, с 766 г.

³ В подлиннике 780 г.

II. Белая Орда, или Восточный Кипчак

Дом Орды		
Годы хиджры		Годы по Р. Х.
623	Орда	1226
679 ¹	Кучи	1280
701 ²	Баян	1301
709	Сасибука	1309
ок. 715	Ибисан	1315
720	Мубарек-ходжа	1320
745	Чимтай	1344
762	Урус	1361
777	Токтакья	1375
777	Тимур-Мелик	1375
778-793	Тохтамыш Гияс-ад-дин	1376-1391

(Объединение Белой и Синей Орды в 1380 г.)

¹ Год смерти Орды неизвестен; в 1246 г. он еще был жив; в 1251 г. уже правил его сын Хункиран (или Хункуран). Преемник Хункирана Кончи (или Коюнчи; чтение Кучи маловероятно) впервые упоминается в 1280 г.

² Дата приведена у Абулфиды; по Рашид-ад-дину, Кончи умер несколькими годами раньше. Соперником Баяна был другой правнук Орды, Куйлюк.

//-- Крымские ханы --//

//-- (годы хиджры – ок. 823–1197; годы по Р. Х. – ок. 1420–1783) --//

С. Дом Тука-Тимура: удел – Великая Болгария, впоследствии Крым и Каффа; иногда ханы Золотой Орды; наконец, ханы казанские, касимовские и крымские.

III. Соперничавшие династии

¹ До 796 г.

² Вероятно, только до 814 г.

³ Монеты с именем Чакра чеканились и в 817 г.

⁴ Фактическим владельцем Поволжья с 821 по 841 г. был Улуг-Мухаммед.

⁵ И в 831 г.

Тука-Тимур был младшим [342 - По Рашид-ад-дину, предпоследним (из четырнадцати).] сыном Джучи и принадлежал к левому крылу Золотой Орды, во главе которого стоял Орда; собственные кочевья Тука-Тимура, вероятно, находились по верхнему течению Волги и заключали в себе по крайней мере часть Великой Болгарии. Мы не знаем почти ничего о судьбах этой ветви на ее первоначальной родине. Менгу-Тимур из дома Батыя отдал Уренг-Тимуру, сыну Тука-Тимура, Крым и Каффу; таким образом, владения этого дома на севере и на юге граничили с ханством Батыя, и скоро

потомки Тука-Тимура начали принимать участие в спорах за престолонаследие. Как мы видели, из ханов первого смутного периода к потомству Тука-Тимура, вероятно, принадлежали трое, из ханов второго периода – один. Но главное значение эта ветвь получает в период упадка Золотой Орды после нашествий Тимура. Один из представителей этой ветви, Улуг-Мухаммед, сделав попытку овладеть престолом после смерти Борака, в 1438 г. удалился в свое родовое владение, в Великую Болгарию, и там восстановил ханство своих предков, которое с тех пор стало называться Казанским. Не затмеваемое более великим южным ханством, оно сделалось самостоятельной политической силой, с которой приходилось считаться возраставшему могуществу России. Но со смертью Мухаммед-Эмина в 1519 г. пресеклось мусульманское потомство основателя Казани, и правоверных ханов приходилось приглашать из Касимова, Крыма и других мест, под верховным контролем России, которая 1552 г. положила конец существованию ханства и отправила в Казань русского наместника.

Когда Улуг-Мухаммед в 1446 г. был убит своим сыном Махмудеком, два других сына его бежали в Россию; один из них, Касим, прослужив некоторое время в московском войске, получил в награду Городец на Оке с его округом, составлявшим часть Рязанского княжества. Он дал городу свое имя. Династией касимовских ханов русское правительство пользовалось в качестве орудия против их более могущественных казанских соседей; ей позволили дать Казани нескольких ханов после пресечения прямого мусульманского потомства Улуг-Мухаммеда. Фактической самостоятельностью это ханство никогда не пользовалось; оно было поглощено Россией в 1678 г.

Самым значительным из трех ханств, находившихся под властью дома Тука-Тимура, было Крымское. У Улуг-Мухаммеда был брат Таш-Тимур, некогда бывший полководцем Тохтамыша; он был фактическим основателем могущественной династии крымских ханов, хотя первым ханом обыкновенно считают его сына Хаджи-Гирея. Вопрос о Крыме составлял существенную часть восточного вопроса; в качестве передового поста Турции или в качестве союзника России крымская династия представляла силу, с которой приходилось считаться обеим сторонам. Наконец, Россия и Турция пришли к соглашению относительно неудобства таких беспокойных соседей, и договором 1783 г. крымское ханство было уничтожено. Прямой потомок этих могущественных ханов, некто СултанКрым-Гирей Катты-Гирей, поселился в Эдинбурге и женился на шотландской даме.

Годы хиджры

Годы по Р. Х.

Крымские ханы

ок. 823	Хаджи-Гирей	ок. 1420
871	Нур-Девлет	1466
873	Менгли-Гирей I	1469
878	Нур-Девлет (вторично)	1474
882	Джанибек-Гирей I	1477

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
883	Менгли-Гирей (вторично)	1478
921	Мухаммед-Гирей I	1515
929	Гази-Гирей I	1523
929	Сеадет-Гирей I	1523
938	Ислам-Гирей I	1532
938	Сахиб-Гирей I	1532
958	Девлет-Гирей I	1551
985	Мухаммед-Гирей II	1577
992	Ислам-Гирей II	1584
996	Гази-Гирей II	1588
1002	Фатх-Гирей I	1594
1002	Гази-Гирей II (вторично)	1594
1017	Селамет-Гирей I	1608
1019	Джанибек-Гирей II	1610
1031	Мухаммед-Гирей III	1622
1036	Джанибек II (вторично)	1627
1045	Инает-Гирей	1635
1048	Бахадур-Гирей	1638
1052	Мухаммед-Гирей IV	1642
1054	Ислам-Гирей III	1644
1064	Мухаммед IV (вторично)	1654
1075	Адиль-Гирей	1665
1081	Селим-Гирей I	1670
1088	Мурад-Гирей	1677
1094	Хаджи-Гирей II	1683
1095	Селим I (вторично)	1684
1102	Сеадет-Гирей II	1691
1102	Сафа-Гирей	1691
1103	Селим I (в третий раз)	1692
1109	Девлет-Гирей II	1698
1114	Селим I (в четвертый раз)	1702

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
1116 ¹	Гази-Гирей III	1704
1119	Каплан-Гирей I	1707
1119	Девлет-Гирей II (вторично)	1707
1125	Каплан I (вторично)	1713
1128	Кара-Девлет-Гирей	1716 ²
1129	Сеадет-Гирей III	1717 ³
1136	Менгли-Гирей II	1724
1143 ⁴	Каплан I (в третий раз)	1730
1149	Фатх-Гирей II	1736
1150	Менгли II (вторично)	1737
1152	Селамет-Гирей II	1739
1156	Селим-Гирей II	1743
1161	Арслан-Гирей	1748
1169	Хаким-Гирей	1756 ⁵
1172 ⁶	Крым-Гирей	1758
1178 ⁷	Селим-Гирей III	1764
1180	Арслан-Гирей (вторично)	1767
1181	Максуд-Гирей I	1767
1182	Крым-Гирей (вторично)	1768
1182	Девлет-Гирей III	1769 ⁸
1183	Каплан-Гирей II	1770 ⁹
1184	Селим III (вторично)	1770 ¹⁰

¹ В подлиннике 1117 (1705) г.

² В подлиннике 1127 (1715) г.

³ В подлиннике 1127 (1715) г.

⁴ В подлиннике 1142 г.

⁵ В подлиннике 1168 (1755) г.

⁶ В подлиннике 1171 г.

⁷ В подлиннике 1177 г.

⁸ В подлиннике 1184 (1770) г.

⁹ В подлиннике 1184 (1771) г.

¹⁰ В подлиннике 1771 г.

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
1185	Максуд-Гирей II	1771
1185	Сахиб-Гирей II	1772
1189	Девлет III (вторично)	1775
1191–1197	Шаин-Гирей	1777–1783

Д. Дом Шейбана: удел – страна узбеков (между реками Урал и Чу); иногда ханы Золотой Орды; ханы или цари тюменские (ок. 1226–1659); ханы бухарские (1500–1868); ханы хивинские (1515–1873) [343 - В подлиннике 1872 г.].

Батяя при нашествии на Венгрию в 1240 г. сопровождал его брат Шейбан и при этом настолько отличился, что Батый не только сделал его венгерским королем (титул, бывший только номинальным), но также дал ему в удел некоторые племена, жившие на север от ханства Орды. Шейбан должен был кочевать летом на пространстве между Уральскими горами и реками Илек и Иргаз, зимой – в области, орошенной реками Сыр-Дарья, Чу и Сары-су. Его потомок в шестом [344 - В четвертом, как видно из генеалогической таблицы.] поколении, Менгу-Тимур, был современником великого золотоордынского хана Узбека; по имени этого хана племена удела Шейбана стали называться узбеками и под этим названием впоследствии получили громкую известность. После пресечения дома Батяя из дома Шейбана вышло несколько золотоордынских ханов; из ханов второго смутного периода, после поражения Тохтамыша, к дому Шейбана, по всей вероятности, принадлежат Дервишхан и Сеид-Ахмед.

В своих первоначальных кочевьях потомки Шейбана приняли титул царей тюменских; эти цари подчинили себе значительную часть Сибири. Династия просуществовала до 1659 г., когда ее страна была занята калмыками; но еще прежде власть царей стала чисто номинальной.

Гораздо больше значения имели ветви, происходившие от Пулада, сына Менгу-Тимура; Пулад некоторое время правил в Золотой Орде. Два сына Пулада, Ибрагим и Арабшах, были предками ханов бухарских и хорезмских, или хивинских. Первое ханство было основано в 1500 г. [345 - Столица Трансоксианы, Самарканд, окончательно перешла во власть Шейбани в 1501 г.] Мухаммедом Шейбани, внуком Абулхайра, который был внуком Ибрагима; ханство существует до настоящего времени, хотя генерал Кауфман в 1868 г. обратил его в вассальное владение России. Арабшах, основатель Хивинского ханства, известен также тем, что он, если не был золотоордынским ханом, то, по крайней мере, чеканил монеты в Кипчаке непосредственно перед нашествием Тохтамыша. Его потомок в пятом поколении, Ильбарс-хан, после смерти Шейбана, вероятно около 1515 г., насильно овладел Трансоксианой и соседними областями [346 - Ильбарс и его преемники владели только Хорезмом, областью туркменов и северными округами Хорасана.]; его потомки еще носят титул хивинских ханов, но с 1873 г. сделались вассалами России.

Можно прибавить еще, что другой сын Джучи, Тевал, был начальником печенегов, кочевавших в Южной России, на берегах Буга, и дедом Ногая, принимавшего выдающееся участие в делах Золотой Орды, но впоследствии поссорившегося с ханом Тохтой и изгнанного со своими племенами за Волгу. Эти племена приняли название ногайцев [347 - Восточные писатели называют их также мангытами.] и поселились между Уралом и Эмбой. Сведения об истории этой орды крайне отрывочны, и государство ногайцев имело чисто кочевой характер.

//-- Джагатайские ханы (в Трансоксиане) --//

//-- (годы хиджры – 624–760; годы по Р. Х. – 1227–1358) --//

Ханства, основанные тремя сыновьями Чингиза – Угэдэем, Тулуем и Джучи, были упомянуты в своем месте. Остается Джагатай, который получил в удел Мавераннагр или Трансоксиану (Бухарию) вместе с частью Кашгарии, Бадахшаном, Балхом и Газной [348 - Границы Джагатайского ханства, как и других монгольских уделов, не могут быть установлены с точностью, но, вероятно, его южной границей была Аму-Дарья, так что Бадахшан, Балх и Газна первоначально не входили в его состав. Главная ставка Джагатая находилась около нынешней Кульджи.], и основал ханство в этой стране. Исторические известия о его потомках крайне скудны и не включают в себе ничего замечательного,

кроме случайных набегов на пограничные персидские области и внутренних междоусобий. В списке ханов мы встречаем двух представителей потомства Угэдэя (Али и Данишменджу), чем доказывается, что в джагатайских владениях жили знатные и влиятельные военачальники из потомков этого каана. Генеалогия и хронология этой ветви одинаково сомнительны, и прилагаемый список представляет только опыт.

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
623	Джагатай	1227
639	Кара-Хулагу	1242
645	Есу-Менгу	1247
649	Кара-Хулагу (вторично)	1251 ²
649	Эргэнэ-хатун	1251 ³

² В подлиннике 650 (1252) г.

³ В подлиннике 650 (1252) г.

Годы хиджры		Годы по Р. Х.
659	Алгу	1261
664	Мубарек-шах	1266
664	Борак-хан	1266
670	Никпей	1271 ¹
671 ²	Тука-Тимур	1272
ок. 672	Дува-хан	ок. 1274 ³
706	Кунджек-хан	1306
708	Талику	1308
709	Кебек-хан	1309
709	Есунбуга	1309
ок. 718	Кебек-хан (вторично)	1318
721	Ильчигидай	1321
721 ⁴	Дува-Тимур	1321
722	Тармаширин	1322
730–734	Синджар ⁵	1330–1334?
734	Дженкши	1334
ок. 735	Бузун ⁶	ок. 1335
739	Есун-Тимур	1338 ⁷
ок. 741	Али (потомок Угэдэя)	ок. 1340

¹ В подлиннике 668 (1270) г.

² В подлиннике 670 г.

³ По наиболее достоверному известию, Дува вступили на престол в 681 (1282) г.

⁴ Судя по монетным данным, Кебек правил до 726 (1326) г.; его преемниками были его братья Ильчигидай и Дува-Тимур (или Дурра-Тимур), умершие в том же году, после чего вступил на престол Тармаширин.

⁵ Тармаширин правил до 1334 г.; Синджар мог царствовать только одновременно с ним.

⁶ По историческим данным, Бузун (или Бузан) в 1334 г. свергнул Тармаширина, и Дженкши вступил на престол уже после него (по монетным данным — в том же 1334 г.).

⁷ В подлиннике ок. 739 (1339) г.

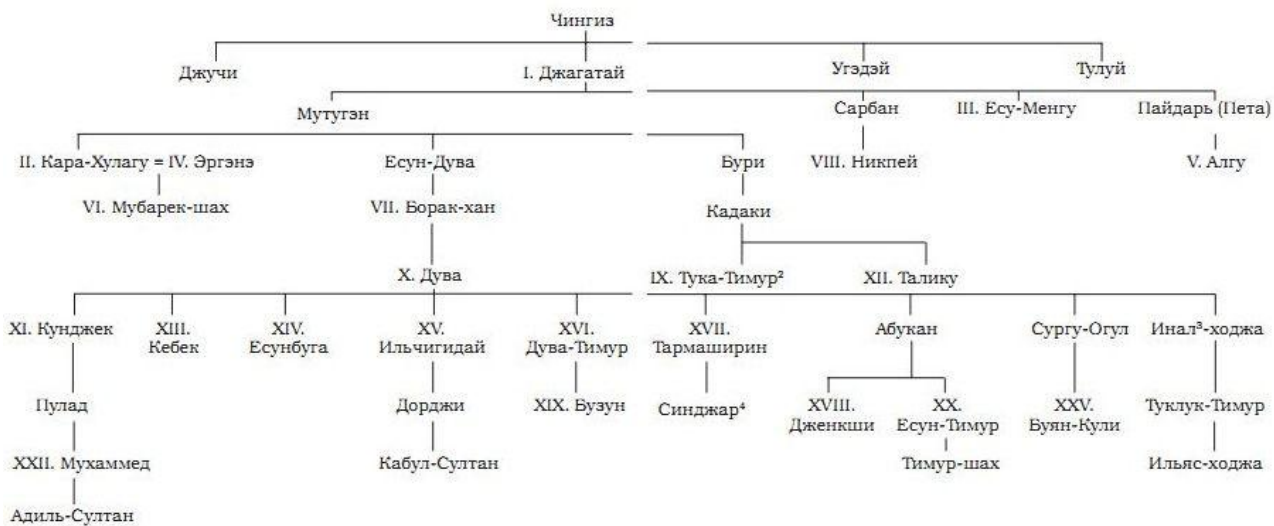
Годы хиджры

Годы по Р. Х.

ок. 743	Мухаммед	ок. 1342
744	Казан	1343
747	Данишменджа (потомок Угэдэя)	1346
749–760	Буян-Кули	1348–1358

(771 Начало владычества Тимура 1370)

Генеалогия Джагатаидов¹

¹ Составлена сэрэм Генри Ховорсом.

² Правнуком Тука-Тимура (сыном Ясавура, сына Урек-Тимура) был

³ Вернее, Эмилъ.

⁴ Неизвестно, на основании какого источника сэр Г. Ховорс считает

неупомянутый в этой генеалогии хан Казан.

Синджара сыном Тармаширина.